БАЛЬЗАК

22

БАЛЬЗАК

ОНОРЕ БАЛЬЗАК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 24 ТОМАХ

ПЬЕСЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА • 1960

ВОТРЕН

Драма в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Жак Коллен, именуемый Вотреном.
Герцог де Монсорель.
Герцогиня Луиза, урожденная де Водре, его жена.
Маркиз Альбер де Монсорель, сын герцога.
Мадемуазель де Водре, тетка герцогини.
Рауль де Фрескас.
Герцогиня де-Кристоваль.
Инесса де Кристоваль, принцесса Архосская, ее дочь.
Шарль Блонде, именуемый кавалером де Сен-Шарлем.
Франсуа Каде по прозвищу Философ, кучер.
Шелковинка, повар.
Бютэ, привратник.
Филипп Буляр, именуемый Ляфураем.
Жозеф Бонне, камердинер герцогини де Монсорель.
Фелисите, ее камеристка.
Полицейский комиссар.
Слуги, жандармы.

Действие происходит в Париже в 1816 году, после вторичного возвращения Бурбонов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в особняке Монсорелей.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Герцогиня де Монсорель и мадемуазель де Водре.

Герцогиня де Монсорель. Вы дождались меня? Как вы добры!

Де Водре. Что с вами, Луиза? Целых двадцать лет мы с вами проливаем вместе слезы, и вот впервые я вижу вас радостной. Всякий, кто вас знает, был бы потрясен не меньше меня.

Герцогиня де Монсорель. Трудно сдержать такую радость! Вы делили все мои муки, вы поймете и мой восторг: у меня блеснула искра надежды.

Де Водре. Вы напали на след вашего сына?

Герцогиня де Монсорель. Он найден!

Де Водре. Не может быть! Но подумайте только, на какую страшную пытку вы обрекаете себя, если вдруг окажется, что его уже нет в живых?

Герцогиня де Монсорель. Тетя, умерший ребенок навеки похоронен в сердце матери; но ребенок, которого у нее похитили, вечно живет в ее сердце!

Де Водре. Тише, нас могут услышать!

Герцогиня де Монсорель. Ах, мне все равно! Я начинаю новую жизнь и чувствую себя достаточно сильной, чтобы противиться тирании герцога.

Де Водре. Но почему, проплакав целых двадцать лет, вы вдруг обрели надежду?

Герцогиня де Монсорель. Это больше чем надежда. Когда кончился прием у короля, я поехала к испанскому послу; он хотел познакомить меня с госпожой де Кристоваль. Там я встретила юношу, который похож на меня как две капли воды; у него мой голос, моя осанка! Я потому так поздно и вернулась, что просто не могла подняться с места, не могла уехать, пока он не уехал.

Де Водре. И вы загорелись надеждой на основании таких слабых примет?

Герцогиня де Монсорель. Для матери первое бессознательное чувство — самое верное доказательство. Когда я увидела его, перед моими глазами прошло словно пламя, его взгляд воскресил во мне жизнь, и я почувствовала себя счастливой. Словом, если он не мой сын, значит, это безрассудная страсть.

Де Водре. А в таком случае вы погубите себя.

Герцогиня де Монсорель. Что ж поделаешь! За нами, вероятно, наблюдали; но меня влекла непреодолимая сила; я видела только его, мне хотелось, чтобы

он заговорил со мною. И он со мною говорил, и я узнала, сколько ему лет: ему двадцать три года, столько же, сколько Фернану.

Де Водре. А герцог тоже там был?

Герцогиня де Монсорель. Ну, могла ли я думать о муже? Я слушала, как этот юноша разговаривал с Инессой. Мне кажется, они влюблены друг в друга.

Де Водре. Инесса, невеста маркиза, вашего младшего сына? И неужели вы думаете, что герцог не был поражен тем, как вы отнеслись к сопернику его сына?

Герцогиня де Монсорель. Вы правы, только теперь я поняла, какая опасность грозит Фернану. Но довольно, а то я проговорю о нем хоть до рассвета. Вы сами его увидите. Я пригласила его к себе и назначила время, когда герцог бывает у короля. Мы расспросим юношу о его детстве.

Де Водре. Вы так не уснете; успокойтесь, молю вас. И прежде всего отпустите Фелисите, она не привыкла ложиться так поздно. *(Звонит.)*

Фелисите. Его светлость и маркиз изволили прибыть.

Герцогиня де Монсорель. Сколько раз я говорила вам, Фелисите, никогда не докладывайте мне о том, что происходит на половине герцога. Можете идти.

Фелисите уходит

Де Водре. Мне больно лишать вас надежды, ведь лишить вас ее значило бы отнять у вас радость, но вы сейчас вознеслись на такую высоту, что падение будет ужасно. Низвергаясь с вершин, душа разбивается, как и тело, и — позвольте мне быть откровенной — я просто трепещу за вас.

Герцогиня де Монсорель. Вас страшит мое отчаяние, а меня — моя радость.

Де Водре *(смотрит вслед уходящей герцогине)*. Если окажется, что она ошиблась, она может лишиться рассудка.

Герцогиня де Монсорель *(возвращаясь)*. Тетя, Фернана зовут Рауль де Фрескас.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Де Водре одна.

Де Водре. Она не сознает, что только чудо может вернуть ей сына. Все матери верят в чудо. Надо следить за каждым ее шагом. Один взгляд, одно неосторожное слово может ее погубить... Если она права, если бог возвратил ей сына, она идет навстречу катастрофе, еще более ужасной, нежели разочарование, а разочарование, увы, неизбежно! Хотя бы она сдерживалась при горничных!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Де Водре и Фелисите.

Де Водре. Уже?

Фелисите. Да, ее светлость уже отослали меня.

Де Водре. Герцогиня не дала вам никаких распоряжений на утро?

Фелисите. Нет, сударыня.

Де Водре. Ко мне сюда, около двенадцати, придет молодой человек, господин Рауль де Фрескас. Он, быть может, спросит герцогиню. Предупредите Жозефа: пусть он проводит господина де Фрескаса прямо ко мне. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Фелисите одна.

Фелисите. Молодой человек — и к ней? Нет, уж простите. Так я и знала, что барыня уединяется не зря. Богатая, красивая, герцог ее не любит; первый раз выехала в свет, а вот уже на другой день к ней является молодой человек, и его, видите ли, желает принять мадемуазель де Водре. Ну и люди — ничего у них не вытянешь: ни признаний, ни барышей. Если таково будет положение горничных при нынешнем правительстве, уж и не знаю, право, что у нас из этого выйдет.

На мгновение отворяется боковая дверь; видны двое мужчин.

Впрочем, посмотрим, что это за молодой человек. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Жозеф и Вотрен.

Входит Вотрен; на нем пальто светло-коричневого цвета, с меховым воротником, на черной подкладке. У него вид посланника, приехавшего на званый вечер.

Жозеф. Проклятая девка! Чуть не попались...

Вотрен. То есть *ты* чуть не попался? Вот как! Значит, ты очень боишься, как бы опять не свихнуться? Видно, наслаждаешься здесь душевным покоем?

Жозеф. Право же, при нынешних обстоятельствах выгоднее быть честным.

Вотрен. А ты понимаешь, что такое честность?

Жозеф. Ну как же! С честностью и здешним жалованьем прожить можно — вот я и доволен.

Вотрен. Я тебя, голубчик, насквозь вижу. Берешь помалу, да часто, копишь потихоньку, а она, честность-то, ведь не мешает ссужать денежки под грабительский процент. Ты не поверишь, до чего мне приятно видеть старого знакомца, который достиг столь почетного положения. Что ж, тебе это под силу, у тебя ведь только мелкие недостатки,— а это уже половина добродетели. А вот у меня были пороки... и я вспоминаю о них с грустью... Все на свете проходит! Теперь не осталось ничего. Одни только опасности и борьба. Так вот и живешь, словно индеец, затравленный врагами, и защищаешь свой скальп.

Жозеф. А мой?

Вотрен. Твой? Да, правда! Что бы здесь ни случилось — вот тебе слово Жака Коллена: ты не будешь замешан. Зато беспрекословно подчиняйся мне — во всем.

Жозеф. Во всем? Но как же...

Вотрен. Устава нашего не знаешь? Если выпадает какая неприятная работенка — у меня найдутся друзья, верные, старинные. Давно ты здесь?

Жозеф. Герцогиня наняла меня в камердинеры, когда отправлялась в Гент, я пользуюсь доверием ее светлости.

Вотрен. Это мне на руку. Я хочу получить кое-какие сведения о Монсорелях. Что тебе о них известно?

Жозеф. Ничего.

Вотрен. У аристократов доверие никогда дальше этого не идет. А что ты сам обнаружил?

Жозеф. Ничего.

Вотрен *(в сторону)*. Он становится уж чересчур честным. Но, быть может, ему только кажется, что он ничего не знает? Стоит поговорить с человеком минут пять — и всегда что-нибудь да выведаешь. *(Вслух.)* Где мы находимся?

Жозеф. У герцогини. Покои герцога — внизу. Единственный их сын, маркиз, помещается наверху; его комнаты выходят во двор.

Вотрен. Я велел тебе сделать слепки со всех замков в кабинете герцога. Где они?

Жозеф *(нерешительно)*. Вот.

Вотрен. Всякий раз, когда мне понадобится прийти сюда, я буду ставить мелом крестик на садовой калитке, а ты каждый вечер ходи смотреть — нет ли креста. Люди здесь живут добродетельные, петли на калитке порядком заржавели. Людовик Восемнадцатый — это вам не Людовик Пятнадцатый. Прощай, голубчик; будущей ночью я приду. *(В сторону.)* Схожу проведать наших во дворце Кристовалей.

Жозеф *(в сторону)*. С тех пор как этот черт меня разыскал, я сам не свой. Ни минуты покоя!

Вотрен *(возвращается)*. Так ты говоришь, герцог не живет с женою?

Жозеф. Уже двадцать лет как в ссоре.

Вотрен. А из-за чего?

Жозеф. Даже сын их, и тот не знает.

Вотрен. А твоего предшественника за что уволили?

Жозеф. Не знаю, я его и в глаза не видал. Они водворились здесь недавно, после вторичного возвращения короля.

Вотрен. Вот они, преимущества теперешнего общества: нет больше связи между господами и слугами, нет больше привязанности, а следовательно, невозможно и предательство. *(Жозефу.)* А за столом говорят друг другу колкости?

Жозеф. При людях — никогда.

Вотрен. А как вы в лакейской о них судите?

Жозеф. Герцогиня — та святая.

Вотрен. Бедняжка! Ну, а герцог?

Жозеф. Эгоист.

Вотрен. Ничего не поделаешь — государственный деятель. *(В сторону.)* У герцога должны быть тайны, заглянем-ка в его карты! У всякого вельможи имеются какие-нибудь страстишки, нужно только уметь ими пользоваться; и будь герцог у меня в руках, его сыну волей-неволей придется... *(Жозефу.)* А что говорят насчет свадьбы де Монсореля с Инессой де Кристоваль?

Жозеф. Ничего не говорят. Видно, герцогиню это мало интересует.

Вотрен. А ведь у нее один-единственный сын. Странно.

Жозеф. Между нами говоря, мне кажется, она его не любит.

Вотрен. Эти сведения пришлось вытягивать из тебя, как пробку из бутылки бордоского. Есть, значит, какая-то тайна в этом доме? Мать, герцогиня де Монсорель, и не любит своего сына, единственного своего сына! А кто ее духовник?

Жозеф. Это нам неведомо.

Вотрен. Хорошо. Разузнаю сам. Тайны — как девушки: чем строже их оберегают, тем легче их похитить. Я выставлю двух своих молодцов дозорными в церкви святого Фомы Аквинского: они займутся там не спасением души, а... кое-чем другим. Прощай.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Жозеф один.

Жозеф. Старый приятель, а что на свете хуже старого приятеля? Из-за него я лишусь места! Ах, если бы я не боялся, что Жак Коллен отравит меня как собаку — а от него можно чего хочешь ожидать,— я все открыл бы герцогу. Но в нашем подлом мире всяк за себя. Я не намерен ни за кого платиться головой. Пусть герцог сам разбирается с Жаком, я и пальцем не пошевелю. Что за шум? Герцогиня встала. Что с ней приключилось? А ну-ка подслушаем.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Герцогиня де Монсорель одна.

Герцогиня де Монсорель. Куда бы спрятать метрику о рождении моего сына? *(Читает.)* «Валенсия... июля... дня тысяча семьсот девяносто третий год». Злополучный город, по крайней мере для меня! Да, Фернан родился через семь месяцев после свадьбы, и эта роковая случайность оправдывает гнусные обвинения. Попрошу тетю, чтобы она носила этот документ при себе, пока я его не спрячу в надежное место. У себя хранить бумаги я боюсь: герцог может приказать, чтобы в мое отсутствие перерыли все мои вещи; он распоряжается полицией по своему усмотрению. Человеку, который в милости у короля, ни в чем не отказывают. Если Жозеф заметит, что я в такой поздний час направилась к тете, завтра же весь дом об этом заговорит... Ах, одна в целом мире, одна против всех, вечная узница в собственном доме!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Герцогиня де Монсорель и мадемуазель де Водре.

Герцогиня де Монсорель. Вам тоже не спится?

Де Водре. Луиза! Дитя мое! Я вернулась, потому что мне все-таки хочется рассеять вашу мечту, ведь пробуждение будет для вас гибельным. Мой долг вырвать вас из-под власти безрассудных мыслей. Чем больше я думаю над вашими словами, тем больше жалею вас. И я должна вам сказать жестокую истину: герцог, несомненно, поместил Фернана в столь низкую среду, что искать его в тех кругах, где вращаетесь вы, бессмысленно. Юноша, которого вы встретили, не может быть вашим сыном.

Герцогиня де Монсорель. Ах, вы не знаете Фернана! А я его знаю: где бы он ни находился — он живет во мне. Я видела его тысячи раз...

Де Водре. Во сне.

Герцогиня де Монсорель. В жилах Фернана течет кровь Монсорелей и де Водре. Он сумеет собственными силами завоевать себе то место, которое подобает ему по рождению. Где бы он ни появился, ему

уступают дорогу. Если он был простым солдатом — ныне он уже полковник. Мой сын горд, красив, его любят. Я уверена, что все его любят. Не разубеждайте меня, тетя! Фернан жив. В противном случае герцог нарушил слово дворянина, а он слишком высоко ценит честь своего рода, чтобы изменить ей.

Де Водре. Но ведь однажды поруганная честь мужа и жажда мести восторжествовали у него над великодушием дворянина!

Герцогиня де Монсорель. Ах, не говорите так, слушать вас страшно!

Де Водре. Луиза, вы же знаете, до какой степени Монсорели гордятся своим родом; это у них в крови, как у Мортмаров — остроумие.

Герцогиня де Монсорель. Увы! Мне это слишком хорошо известно. Усомнившись в законности сына, он потерял рассудок.

Де Водре. Нет! У герцога — пылкое сердце и холодный ум. Люди подобного склада действуют не задумываясь, лишь только дело коснется чувств, которыми они живут.

Герцогиня де Монсорель. Но вы ведь знаете, тетя, какой ценой я купила у него жизнь Фернана. Я достаточно дорого заплатила, чтобы не опасаться за его жизнь. Настаивать на своей невинности — значило обречь его на верную смерть, и ради спасения сына я пожертвовала честью. Каждая мать поступила бы так же. Вы оставались хранительницей моего имущества, а я жила одна в чужих краях — беспомощная, во власти страшных тревог... Мне не с кем было посоветоваться, я потеряла голову. Только потом я поняла, что он не привел бы своих угроз в исполнение. Принося такую жертву, я знала, что Фернан будет обречен на одинокое, нищенское существование, в неведомой стране, под чужим именем; но зато я знала, что он останется в живых и в один прекрасный день я его разыщу, хотя бы мне пришлось перевернуть для этого весь мир. Я приехала сейчас такая радостная, даже забыла передать вам метрику Фернана, которую испанский посол наконец затребовал для меня. Носите ее при себе до тех пор, пока я не передам ее нашему духовнику.

Де Водре. Герцог, вероятно, уже знает о ваших

хлопотах,— и тогда горе вашему сыну! Вернувшись домой, он прошел прямо к себе в кабинет и все еще занимается там.

Герцогиня де Монсорель. Если я скину с себя позор, которым он пытался заклеймить меня, если я перестану лить втихомолку слезы,— поверьте, тогда меня ничто не сможет сломить. Я уже не в Испании, не в Англии, я уже не во власти дипломата, хитрого, как тигр, который с первого дня эмиграции следил за каждым моим взглядом, за каждым моим жестом, подслушивал каждое мое слово и даже молчание, который читал мои мысли в самых затаенных уголках души; там он окружил меня шпионами, словно невидимой железной сетью; там он превратил каждого моего слугу в неумолимого тюремщика и держал меня узницей в самой страшной из всех тюрем — в собственном доме. Теперь я во Франции, я снова с вами, у меня придворное звание, я могу обратиться к самому королю. Я узнаю, что сталось с виконтом де Ланжаком, я докажу, что после десятого августа мы с ним не могли видеться, я расскажу королю, какое преступление совершил герцог по отношению к своему сыну, к наследнику двух славных фамилий! Я женщина, я герцогиня де Монсорель, и я мать! Мы богаты, мы пользуемся советами достойного пастыря, за нас — право, и если я потребовала документ о рождении моего сына...

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и герцог.

Герцог *(входит)*. ...так только для того, чтобы вручить его мне, сударыня.

Герцогиня де Монсорель. С каких пор, герцог, вы входите ко мне без доклада и без моего разрешения?

Герцог. С тех пор, как вы нарушили наш договор, сударыня. Вы поклялись, что не предпримете ни единого шага к розыску этого... вашего сына. Только при этом условии я и согласился сохранить ему жизнь.

Герцогиня. Такую клятву, по-моему, столь же благородно нарушить, как и сдержать всякую другую.

Герцог. Итак, мы взаимно освобождаемся от всех наших обязательств?

Герцогиня. А разве до нынешнего дня вы соблюдали их?

Герцог. Соблюдал, сударыня.

Герцогиня. Слышите, тетя? Будьте же свидетельницей.

Де Водре. Но, герцог, неужели вам никогда не приходила мысль, что Луиза не виновна перед вами?

Герцог. Вы, мадемуазель де Водре, конечно, должны так думать. И чего бы только я не отдал, лишь бы разделять вашу уверенность! В распоряжении герцогини было целых двадцать лет, чтобы доказать мне свою невинность.

Герцогиня. Двадцать лет вы наносите моему сердцу удар за ударом, безжалостно, ежечасно. Вы были мне не судьей, вы палач.

Герцог. Сударыня, если вы не вручите мне это свидетельство, вашему Фернану несдобровать. Не успели вы вернуться во Францию и уже исхлопотали этот документ; вы хотите сделать его оружием против меня. Вы хотите наделить вашего сына титулом и состоянием, которые ему не принадлежат; вы хотите ввести его в семью, доброе имя которой хранили в чистоте супруги и матери, в семью, в которой вы первая осквернили святость брака...

Герцогиня. Зато ваш сын Альбер достойно ее представляет...

Герцог. Берегитесь! Не пробуждайте во мне страшных воспоминаний. Из ваших последних слов явствует, что вы не остановитесь перед скандалом, хотя он и покроет всех нас позором. Неужели мы решимся раскрыть перед судом прошлое, в котором, допускаю, я был не безупречен, а вы совершили прямую низость? *(К мадемуазель де Водре.)* Луиза, конечно, не все рассказала вам, тетя? Она любила виконта де Ланжака; я знал это, я относился с уважением к этому чувству. Я был так молод! Виконт сам пришел ко мне; как у младшего в семье, у него не было никаких надежд на состояние; он сказал, что отказывается от Луизы де Водре для ее же блага. Я доверился их благородству, я принял ее чистою из его рук. Ах, я жизнью готов был пожертвовать ради него;

и я это доказал! Десятого августа этот несчастный проявил чудеса доблести и тем возбудил ярость в народе. Я поручил его одному из моих слуг. Его все же разыскали, бросили в тюрьму. Узнав об этом, я все деньги, предназначенные для нашего бегства, отдал моему лакею Буляру, уговорил его присоединиться к якобинцам, чтобы вырвать виконта из лап смерти. Я спас его! *(Герцогине.)* И он достойно отплатил мне, не правда ли, сударыня? Я был молод, горяч, опьянен любовью, я не уничтожил его ребенка. И ныне вы платите мне за мою жалость так же, как ваш любовник отплатил за доверие. Ныне положение то же, каким оно было двадцать лет тому назад, с той лишь разницей, что сострадание во мне умерло. И я опять говорю вам: забудьте вашего сына, и он будет жить.

Де Водре. Так, значит, муки, пережитые в течение двадцати лет, по-вашему, ничто?

Герцог. Тяжесть раскаяния — лучшее доказательство тяжести преступления.

Герцогиня. Если вы принимаете мою скорбь за угрызения совести, я снова повторю вам: я не виновата. Нет, сударь, Ланжак не злоупотребил вашим доверием. Он пошел на смерть не только ради своего монарха. С того рокового дня, когда он простился со мною, когда отказался от меня, я его никогда больше не видала.

Герцог. Но вы купили жизнь вашего сына признанием своей вины.

Герцогиня. Разве можно считать признанием сделку, подсказанную ужасом?

Герцог. Отдадите вы мне этот документ?

Герцогиня. У меня его нет.

Герцог. Так я больше не отвечаю за вашего сына, сударыня.

Герцогиня. Хорошо ли вы взвесили свою угрозу?

Герцог. Вы, кажется, меня знаете.

Герцогиня. Но вы-то меня не знаете. Вы больше не отвечаете за моего сына? Берегитесь же за своего! За жизнь Фернана мне ответит Альбер. Если вы следите за моими поступками, отныне и я буду следить за вами; если на вашей стороне королевская полиция, то на моей будет вся хитрость, на которую способна женщина, и божья по-

мощь. Если вы причините вред Фернану, трепещите за Альбера. Удар за удар. Ступайте.

Герцог. Вы здесь хозяйка, сударыня; я забылся, простите меня, виноват.

Герцогиня. Вы благороднее вашего сына; вспылив, он никогда не попросит прощения.

Герцог *(в сторону)*. Неужели ее покорность была только притворством и она лишь выжидала удобного случая? О женщина, наставляемая святошами, она прокладывает подземные ходы незаметно, словно огонь вулканов; опасность видишь только тогда, когда он вырвется наружу. У Луизы в руках моя тайна, а ее сын ускользнул от меня; она может восторжествовать. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Де Водре и герцогиня де Монсорель.

Де Водре. Луиза, вы любите сына, которого никогда не видали, и ненавидите другого, который у вас перед глазами. Скажите же мне, если вы только дорожите моим уважением и любовью, откуда такая ненависть к Альберу?

Герцогиня де Монсорель. Ни слова больше об этом.

Де Водре. Непонятно, почему герцог так спокойно принимает вашу ненависть к младшему сыну?

Герцогиня де Монсорель. Он уже привык.

Де Водре. Вы не можете быть плохой матерью.

Герцогиня де Монсорель. Плохой? Нет. *(Задумывается.)* Мне слишком дорога ваша привязанность. *(Обнимает де Водре.)* Так знайте: Альбер мне не сын.

Де Водре. Как? Посторонний присвоил себе место, имя, титул, состояние законного ребенка?

Герцогиня де Монсорель. Посторонний? Нет, это *его* сын. После роковой ночи, когда у меня похитили Фернана, мы с герцогом разошлись навсегда. Женщина во мне была не менее жестоко оскорблена, чем мать. Но и за спокойствие мое он тоже взял выкуп.

Де Водре. Я не решаюсь понять ваши слова.

Герцогиня де Монсорель. Я согласилась выдавать за своего сына Альбера, ребенка одной ис-

панской куртизанки. Герцог хотел иметь наследника. Среди потрясений, вызванных в Испании французской революцией, наш обман прошел незамеченным. И не удивительно, что вся кровь во мне закипает при виде сына посторонней женщины, который занял место законного ребенка.

Де Водре. Теперь мне понятны ваши надежды. Ах, как бы я хотела, чтобы вы оказались правы и этот юноша действительно был бы вашим сыном. Луиза, что с вами?

Герцогиня де Монсорель. Он погиб! Я его выдала отцу, и герцог прикажет... Ах, да что же мы медлим? Нужно узнать, где он живет, и известить его, чтобы он не приходил сюда завтра.

Де Водре. Выйти в такой час, Луиза! Да в уме ли вы?

Герцогиня де Монсорель. Надо спасти его во что бы то ни стало!

Де Водре. Что вы хотите сделать?

Герцогиня де Монсорель. Ни вам, ни мне завтра не удастся выйти из дому незамеченной. Необходимо опередить герцога и подкупить мою камеристку прежде, чем он ее подкупит.

Де Водре. Луиза! Неужели вы прибегнете к таким средствам?

Герцогиня де Монсорель. Если Рауль — мой сын, отвергнутый отцом, мой сын, которого я оплакиваю двадцать два года, то пусть все узнают, на что готова несправедливо обвиненная женщина, мать!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же декорация.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жозеф и герцог.

Жозеф (*прибирает комнату; в сторону*). Лег за полночь, встал такую рань и уже у барыни: неспроста это. Пожалуй, Жак Коллен прав.

Герцог. Жозеф, я дома лишь для одного человека, для господина де Сен-Шарля. Когда он приедет — про-

водите его сюда. Узнайте, может ли барыня меня принять.

Жозеф уходит.

Внезапное пробуждение в ней материнского чувства, которое я считал угасшим, застало меня врасплох. Надо положить конец нашей распре, до того как она станет заметной для всех. Пока Луиза смирялась со своей участью, мы еще могли жить бок о бок; но если вчерашняя сцена повторится, все пойдет прахом. В чужой стране я мог властвовать над женой; здесь единственная моя сила — собственная моя ловкость да поддержка властей. Я все расскажу королю, я представлю свое поведение на его суд, и герцогине де Монсорель придется подчиниться. Однако подождем еще немного. Если агент, которого ко мне пришлют, достаточно опытен, он в короткий срок проведает, в чем причина ее вчерашнего бунта: и я узнаю, стала ли герцогиня просто жертвой случайного сходства, или же она виделась с сыном после того, как спасла его, и, следовательно, дурачила меня целых двадцать лет. Нынче ночью я погорячился. Надо вести себя более сдержанно, тогда она станет доверчивей и выдаст свои тайны.

Жозеф *(входит)*. Ее светлость еще не звонили.

Герцог. Хорошо.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жозеф, герцог и Фелисите.

Герцог *(для вида рассматривает вещи, лежащие на столе, и в одной из книг находит письмо)*. Инессе де Кристоваль. *(Встает.)* Зачем жене было прятать такое пустячное письмо? Оно написано, несомненно, после нашей ссоры. Не идет ли здесь речь об ее Рауле? Это письмо не должно попасть в дом Кристовалей!

Фелисите *(ищет в книге письмо)*. Где же барынино письмо? Уж не забыла ли она?

Герцог. Вы письмо ищете?

Фелисите. Ах! Да, ваша светлость.

Герцог. Не это ли?

Фелисите. Это самое.

Герцог. Как же вы собираетесь уйти из дому, ко-

гда вы каждую минуту можете понадобиться герцогине? Ведь она сейчас встает.

Фелисите. При ее светлости — Тереза. А иду я по собственному распоряжению ее светлости.

Герцог. Ну, хорошо, хорошо. Впрочем, это и не мое дело!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Герцог, Жозеф, Сен-Шарль и Фелисите. Жозеф и Сен-Шарль входят, внимательно приглядываясь друг к другу.

Жозеф *(в сторону)*. От его взгляда мне становится не по себе. *(Герцогу.)* Кавалер де Сен-Шарль.

Герцог знаком показывает, чтобы Сен-Шарль подошел, и пристально смотрит на него.

Сен-Шарль *(подает герцогу письмо; в сторону)*. Известно ему мое прошлое или он просто хочет воспользоваться услугами Сен-Шарля?

Герцог. Дорогой мой...

Сен-Шарль *(в сторону)*. Нет, я для него всего-навсего Сен-Шарль.

Герцог. Мне рекомендовали вас как человека, чье искусство на поприще более высоком назвали бы гениальностью.

Сен-Шарль. Ваша светлость, предоставьте мне случай, и я постараюсь оправдать эти лестные для меня слова.

Герцог. Предоставлю и немедленно.

Сен-Шарль. Что прикажете?

Герцог. Видите эту девушку? Она сейчас выйдет из дому, сам я не хочу ей препятствовать. Однако она не должна переступить порога моего дома впредь до нового распоряжения. *(Зовет.)* Фелисите!

Фелисите. Что угодно?

Герцог отдает ей письмо; она уходит.

Сен-Шарль *(Жозефу)*. Я тебя знаю, мне вся твоя подноготная известна. Девушка эта не должна вынести из дому письмо! Сумеешь это устроить—так я тебя снова не знаю и вообще ничего ведать не ведаю. Если будешь хорошо себя вести — оставлю тебя в этом доме.

Ж о з е ф. С одной стороны — этот, а с другой—Жак Коллен! Что ж, постараемся на совесть служить обоим! *(Бежит вдогонку за Фелисите.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Г е р ц о г и С е н - Ш а р л ь.

С е н - Ш а р л ь. Готово, ваша светлость. Не желаете ли познакомиться с содержанием письма?

Г е р ц о г. Но, дражайший, вы обладаете прямо-таки волшебным, страшным могуществом!

С е н - Ш а р л ь. Вы предоставляете нам неограниченную власть, а мы только умело ею пользуемся.

Г е р ц о г. И вы ею не злоупотребляете?

С е н - Ш а р л ь. Это немыслимо. Нас стерли бы с лица земли.

Г е р ц о г. Но как можно столь драгоценные таланты применять в такой области?

С е н - Ш а р л ь. Нам не удается переменить сферу деятельности по многим причинам: мы покровительствуем нашим покровителям, нам доверяют слишком много благородных тайн и скрывают от нас слишком много постыдного, и понятно, что нас не любят. Мы оказываем такого рода услуги, за которые расплачиваются лишь презрением. Сначала требуют, чтобы самые высокие, как и самые низкие, понятия стали для нас пустыми словами: щепетильность — просто глупостью, честь—условностью, предательство — дипломатией. Мы пользуемся доверием и тем не менее о многом обязаны догадываться сами. Мыслить и действовать, догадываться о прошлом, изучая настоящее, исподволь, незаметно подготовлять будущее, как я только что сделал,— такова наша программа. Даже у самого талантливого человека опустились бы руки. Когда же цель достигнута, слова снова становятся реальными понятиями, ваша светлость, и тогда бывший наш клиент начинает подозревать, что мы, пожалуй, способны и на подлость.

Г е р ц о г. Все это, дражайший, быть может, и не лишено справедливости. Но вы не собираетесь, надеюсь, заставить свет и меня изменить на сей счет наше мнение?

С е н - Ш а р л ь. Я уж не так безнадежно глуп, ваша

светлость. Не чужое мнение хотел бы я изменить, а свое собственное положение.

Герцог. И, по-вашему, сделать это не так уж трудно?

Сен-Шарль. А как же, ваша светлость? Пусть только мне поручат проникать не в семейные тайны, а в тайны министров, следить не за простыми ворами, а за хитрейшими дипломатами, не обслуживать мелкие страстишки, а служить правительству. И я буду горд и счастлив своим незаметным участием в великих делах... А какой бы, ваша светлость, у вас был преданный слуга!

Герцог. Мне очень прискорбно, дорогой мой, что обстоятельства вынуждают меня использовать столь великие таланты в столь узкой сфере, но я и здесь сумею вас оценить. А там видно будет.

Сен-Шарль *(в сторону)*. Ах, так... Видно будет? Ну, а я уже и сейчас все вижу.

Герцог. Я собираюсь женить сына...

Сен-Шарль. На мадемуазель Инессе де Кристоваль, принцессе Архосской. Прекраснейшая партия! Ее отец имел неосторожность служить Жозефу Буонапарте и теперь изгнан королем Фердинандом. Уж не замешан ли он в мексиканской революции?

Герцог. Госпожа де Кристоваль и ее дочь принимают у себя одного авантюриста по имени...

Сен-Шарль. Рауль де Фрескас.

Герцог. Как? Вам уже все известно?

Сен-Шарль. Если вашей светлости угодно, я ничего ведать не ведаю.

Герцог. Наоборот, говорите, я должен знать, какие тайны вы милостиво оставляете на нашу долю.

Сен-Шарль. Условимся об одном, ваша светлость: когда моя откровенность вам будет не по душе, зовите меня тогда кавалером,— и я вернусь к скромной доле наемного наблюдателя.

Герцог. Продолжайте, дорогой мой. *(В сторону.)* Забавные люди!

Сен-Шарль. Господин де Фрескас станет авантюристом лишь в тот день, когда не сможет больше вести образ жизни человека, имеющего сто тысяч франков дохода.

Герцог. Кто бы он ни был — вы должны разгадать тайну, которою он себя окружает.

Сен-Шарль. Нелегкое поручение, ваша светлость. В отношении иностранцев мы обязаны действовать осмотрительно, иностранцы здесь хозяева, они перевернули весь Париж вверх дном.

Герцог. Да, истинное бедствие!

Сен-Шарль. Разве ваша светлость в оппозиции?

Герцог. Мне просто хотелось бы, чтобы король вернулся без всей этой свиты,— только и всего.

Сен-Шарль. Королю пришлось уехать, ваша светлость, лишь потому, что опрометчиво разогнали великолепную, не хуже азиатской, полицию, созданную Буонапарте. Нынче ее ряды хотят пополнить только порядочными людьми — прямо хоть в отставку подавай. Военная полиция союзников ставит нам препятствия на каждом шагу, мы не смеем никого арестовать, из страха, как бы невзначай не наложить руку на какого-нибудь принца, занятого любовной интрижкой, или на какого-нибудь подгулявшего маркграфа. Но для вас, ваша светлость, будет сделано все — даже невозможное. Есть у этого молодого человека какие-нибудь пороки? Он игрок?

Герцог. Да, играет — в свете.

Сен-Шарль. Честно?

Герцог. Кавалер!

Сен-Шарль. Вероятно, этот молодой человек очень богат?

Герцог. Вот вы и узнайте.

Сен-Шарль. Простите, ваша светлость. Но без помощи страстей нам мало что удается разузнать. Быть может, ваша светлость соблаговолит сказать мне — искренне ли любит вышеназванный молодой человек мадемуазель де Кристоваль?

Герцог. Принцессу! Богатую наследницу! Я начинаю разочаровываться в вас, дорогой!

Сен-Шарль. Но ведь вы сами изволили сказать, что речь идет о *молодом* человеке. Впрочем, любовь притворная куда изысканнее любви истинной. Вот почему женщины так часто обманываются. Остается предположить, что он, вероятно, бросил нескольких любовниц, а порвать узы сердца — значит развязать язык.

Герцог. Будьте осторожны. Мое поручение не-

обычное, не впутывайте сюда женщин. Малейшая нескромность с вашей стороны лишит вас моего благоволения. Все, что касается господина де Фрескаса, должно навеки остаться между мною и вами. Я требую от вас полнейшей тайны — как в отношении тех, чьими услугами вы пользуетесь, так и в отношении тех, кто пользуется вашими услугами. Словом, если моя жена заподозрит вас хотя бы на минуту,— вы погибли.

Сен-Шарль. Значит, ваша супруга интересуется этим молодым человеком? Значит, наблюдать и за нею? Ведь эта девушка — ее камеристка?

Герцог. Милостивый государь! Кавалер де Сен-Шарль! Приказать вам следить за женой — недостойно меня, спрашивать об этом — не совсем достойно вас.

Сен-Шарль. Ваша светлость, мы прекрасно понимаем друг друга! Какова же главная цель моих ближайших розысков?

Герцог. Выяснить: Рауль де Фрескас — настоящее имя этого молодого человека или нет? Выяснить, где он родился, раскопать все его прошлое, и храните все это свято, как государственную тайну!

Сен-Шарль. Дайте мне сроку только до завтра, ваша светлость.

Герцог. Что ж, срок не велик.

Сен-Шарль. Зато, ваша светлость, велик... счет.

Герцог. Не думайте, что я хочу узнать непременно что-нибудь дурное. Вы, господа, обычно потакаете страстям, вместо того чтобы разобраться в них; вы предпочитаете выдумать всякие небылицы, лишь бы не признаться, что вам нечего сказать. Я был бы очень рад узнать, что у этого молодого человека есть семья...

Входит маркиз; заметив, что отец занят, он делает вид, будто хочет уйти. Герцог жестом останавливает его.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и маркиз.

Герцог *(продолжает)*. Если господин де Фрескас — дворянин, если принцесса Архосская предпочитает его моему сыну, то маркиз отступится.

Маркиз. Но я люблю Инессу, папа.

Герцог *(Сен-Шарлю)*. Прощайте, дорогой мой.

Сен-Шарль (*в сторону*). Женитьба сына его не интересует, жену он уже не ревнует. Тут кроется что-то посерьезнее: либо я пропал, либо счастье мне вновь улыбнулось. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Герцог и маркиз.

Герцог. Женитьба на женщине, которая вас не любит,— это непоправимая ошибка, Альбер, и, пока я жив, вы не совершите ее.

Маркиз. Но почему вы думаете, папа, что Инесса отвергает мои чувства? Кроме того, если она станет моей женой, я постараюсь добиться ее любви, и, право же, я смею надеяться на успех.

Герцог. Позвольте вам заметить, сын мой, что подобные солдатские замашки в данном случае совершенно неуместны.

Маркиз. Во всяком другом вопросе, отец, ваше слово для меня непреложный закон. Но каждое поколение любит на свой лад. Умоляю вас, не медлите с нашей свадьбой. Инесса, как и подобает единственной дочке, очень своенравна. Поэтому благосклонность, с которой она принимает ухаживание какого-то авантюриста, должна бы вас тревожить. Право, не понимаю, почему вы так холодны сегодня. Не говоря уже о моей любви к Инессе,—где мне сыскать лучшую партию? Я стану, как и вы, испанским грандом; больше того — принцем. Папа, неужели вас не радует это?

Герцог (*в сторону*). Сказалась материнская кровь! О, Луиза сумела разгадать мое уязвимое место. (*Вслух.*) Знайте, сударь, что нет ничего выше славного имени герцога де Монсорель.

Маркиз. Я обидел вас?

Герцог. Довольно! Вы забываете, что я сам подготовил этот брак, еще когда был в Испании. Имейте, однако, в виду, что госпожа де Кристоваль не может выдать Инессу без согласия отца. Мексика только что провозгласила свою независимость, и вполне понятно, что из-за этой революции ответ задерживается.

Маркиз. Ну так ваши планы, папа, будут расстроены. Вы, значит, не заметили, что́ произошло вчера

у испанского посла? Мама явно покровительствовала этому Раулю де Фрескасу; а Инесса была ей за это признательна. Сказать вам, что́ я понял только вчера, хотя втайне подозревал уже давно? Мама ненавидит меня! И... признаюсь в этом лишь вам, папа, потому что люблю вас: я боюсь, не участвует ли мама во всем этом?

Герцог *(в сторону)*. Вот я и пожинаю то, что́ посеял. Ненависть так же притягивает людей друг к другу, как и любовь. *(Маркизу.)* Альбер, вы не должны судить поступки вашей матери, вы не можете ее понять. Она видит, как я слепо люблю вас, и старается противопоставить моей слабости суровость. Я не желаю в другой раз слышать таких речей,— и покончим на этом. Сегодня вы дежурный во дворце, поезжайте туда скорее. Я попрошу, чтобы вас отпустили на вечер, так что вы сможете поехать на бал и увидеться с принцессой.

Маркиз. Нельзя ли мне сейчас повидаться с мамой? Мне хочется умолить ее поддержать мою сторону перед Инессой. Ведь Инесса должна быть у нее сегодня утром.

Герцог. Узнайте, принимает ли она, я сам ее дожидаюсь.

Маркиз уходит.

Все разом обрушилось на меня. Вчера посол у меня спросил, где именно умер мой старший сын. Нынешней ночью мать уверяет, что нашла его. А сейчас сын Хуаны Мéндес тоже наносит мне удар. Ах, Инесса сердцем чувствует истину! Нельзя безнаказанно нарушать законы; природа столь же беспощадна, как и свет. Хватит ли у меня сил, даже при поддержке короля, направлять ход событий?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Маркиз, герцогиня и герцог.

Герцогиня. Вы извиняетесь? Но, Альбер, я несказанно счастлива. Какая неожиданность! Перед отъездом во дворец вы пришли попрощаться с матерью,—просто так, из сыновней нежности. Ах, если я, мать, и сомневалась когда в своем сыне, то такой порыв — для меня, признаюсь, неожиданный — развеял всякие опасения, и

я благодарна вам за это, Альбер. Наконец-то мы понимаем друг друга.

Маркиз. Мама, как я рад слышать это. Если и могло иной раз показаться, что я недостаточно внимателен к вам, так это отнюдь не по забывчивости, а из опасения не угодить вам.

Герцогиня (*замечает герцога*). Как? И вы тоже, герцог, вслед за вашим сыном, поспешили... Да сегодняшнее мое пробуждение — настоящий праздник.

Герцог. И он будет повторяться изо дня в день.

Герцогиня (*герцогу*). Понимаю! (*Маркизу.*) Поезжайте скорее! Король становится требовательным к своим офицерам, и я буду очень огорчена, если из-за меня вы получите выговор.

Герцог. Зачем вы отсылаете его? Сейчас приедет Инесса.

Герцогиня. Едва ли: я только что послала ей записку.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Жозеф.

Жозеф (*докладывает*). Герцогиня де Кристоваль и принцесса Архосская.

Герцогиня (*в сторону*). Какая досада!

Герцог (*маркизу*). Останься. Я все беру на себя. Нас дурачат.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, герцогиня де Кристоваль и Инесса.

Герцогиня де Монсорель. Герцогиня, как мило с вашей стороны, что вы опередили меня.

Де Кристоваль. Я с умыслом спешила к вам, ведь теперь в наших отношениях строгое соблюдение этикета было бы неуместно.

Герцогиня де Монсорель (*Инессе*). Вы не прочли мое письмо?

Инесса. Мне его только что передала ваша камеристка.

Герцогиня де Монсорель (*в сторону*). Значит, Рауль может приехать.

Герцог (*подводит герцогиню де Кристоваль к дивану*). Можем ли мы считать, что этот неофициальный визит — первый шаг к сближению наших семейств?

Де Кристоваль. Не будем придавать нашему визиту так много значения; мне просто приятно посетить вас.

Маркиз. Значит, вы не хотите, сударыня, поощрить мои надежды? Разве мало я вынес вчера? Мадемуазель Инесса почти не замечала меня, не удостоила даже взглядом.

Инесса. Я не надеялась, маркиз, встретиться с вами так скоро; я думала вы на дежурстве. Я очень рада, что могу оправдаться: я заметила вас лишь уезжая с бала, и вот кто тому причиною. (*Указывает на герцогиню де Монсорель.*)

Маркиз. Положим, причин у вас было две, мадемуазель, и я очень признателен, что вы упоминаете только о моей матери.

Герцог. Мадемуазель, примите этот упрек лишь как выражение высшей скромности. У Альбера зародились какие-то опасения, словно господин де Фрескас может дать повод к опасениям! В возрасте Альбера любовь — это волшебница: она превращает любой пустяк в событие. Ведь ни ваша матушка, ни вы сами не можете принимать всерьез молодого человека, имя которого не внушает доверия. И к тому же он так упорно умалчивает о своей семье...

Герцогиня де Монсорель (*герцогине де Кристоваль*). Вам тоже неизвестно, откуда он родом?

Де Кристоваль. Мы еще не так близко знакомы, чтобы расспрашивать о таких вещах.

Герцог. Между тем троим из присутствующих здесь не лишне было бы это знать. Вы, сударыни, конечно, умолчали бы; молчаливость — это добродетель, которая особенно на руку тому, кто ее проповедует.

Герцогиня де Монсорель. Что касается меня, герцог, я не всегда верю в бескорыстие любопытствующих.

Маркиз. Разве мое любопытство неуместно, мама? Почему мне нельзя осведомиться у ее светлости, верно ли, что арагонский род де Фрескасов угас?

Де Кристоваль (*герцогу*). Мы с вами знавали в Мадриде старика генерала, который был последним отпрыском этого рода.

Герцог. Ну он-то, во всяком случае, умер бездетным.

Инесса. Существует еще неаполитанская ветвь.

Маркиз. О мадемуазель! Неужели вы не знаете, что ваши двоюродные братья, Медина-Коэли, наследовали этой ветви?

Де Кристоваль. Да, действительно, вы правы, больше де Фрескасов не осталось.

Герцогиня де Монсорель. Тем лучше! Раз у этого молодого человека нет ни имени, ни семьи, ни родины — значит, он не может быть опасным соперником Альбера, и я не понимаю, почему вы им так заняты?

Герцог. Потому что им слишком заняты женщины.

Инесса. Теперь я понимаю...

Маркиз. Вот как!

Инесса. Да, быть может, этот молодой человек не совсем то, чем хочет казаться; правда, он остроумен, даже образован, проявляет самые возвышенные чувства, он рыцарски почтителен с нами, ни о ком не отзывается дурно. По-видимому, он разыгрывает роль дворянина и допускает при этом некоторое преувеличение.

Герцог. Равно как и в оценке своего состояния. Но такой обман в Париже разгадывают быстро.

Герцогиня де Монсорель (*герцогине де Кристоваль*). Я слышала, вы собираетесь давать чудесные балы?

Маркиз. А господин де Фрескас говорит по-испански?

Инесса. Как настоящий испанец.

Герцог. Перестаньте, Альбер. Разве вы не видите, что господин де Фрескас — само совершенство?

Де Кристоваль. Право же, он очень мил, и, признаюсь, дорогой герцог, если ваши подозрения окажутся обоснованными, мне будет искренне жаль отказать ему от дома.

Герцогиня де Монсорель (*герцогине де Кристоваль*). Сегодня вы так же прекрасны, как вчера на вечере. Я искренне восхищаюсь вами: как легко вы пере-

носите светскую жизнь с ее утомительными развлечениями!

Де Кристоваль *(Инессе)*. Инесса, не говорите больше о Рауле. Эта тема не нравится герцогине.

Инесса. А вчера нравилась.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же, Жозеф и Рауль.

Жозеф *(герцогине де Монсорель)*. Мадемуазель де Водре нет дома, а приехал господин де Фрескас. Угодно будет вашей светлости принять его?

Де Кристоваль. Рауль? Здесь?

Герцог. Уже тут!

Маркиз *(отцу)*. Мама нас обманывает.

Герцогиня де Монсорель. Меня нет дома.

Герцог. Раз уж вы пригласили такую важную особу, как господин де Фрескас, зачем же начинать с неучтивости?

У герцогини де Монсорель вырывается испуганный жест.

(Жозефу.) Просите. *(Маркизу.)* Будьте осторожны, а главное — будьте сдержанны.

Герцогиня де Монсорель *(в сторону)*. Я хотела спасти Рауля и, кажется, погубила.

Жозеф. Господин Рауль де Фрескас.

Рауль. Спешу повергнуть себя к вашим стопам, ваша светлость, и это лучше всего доказывает, как я горжусь вашим благоволением и как хотел бы быть достойным его.

Герцогиня де Монсорель. Я очень признательна вам, сударь, за вашу точность. *(Шепотом.)* Но она может стать для вас роковой.

Рауль *(кланяясь герцогине де Кристоваль и ее дочери; в сторону)*. Что это? Инесса здесь? *(Кланяется герцогу; тот отвечает на его приветствие, маркиз же берет со стола газету и делает вид, будто не замечает вошедшего.)*

Герцог. Признаюсь, господин де Фрескас, я не ожидал встретить вас у моей жены, но я счастлив, что она проявляет к вам такое участие: благодаря этому я могу познакомиться с молодым человеком, который вступает в

свет столь успешно и столь блистательно. Победой над таким соперником можно гордиться, и даже быть побежденным им не так уж горько.

Рауль. Такая похвала, ваша светлость,—которую я, впрочем, отклоняю,— в другом месте звучала бы как ирония; но мне хочется видеть в ней лишь учтивое желание ободрить меня (*оглядывается на маркиза, повернувшегося к нему спиной*), я ведь боюсь оказаться назойливым.

Герцог. Напротив, вы приехали очень кстати, мы как раз говорили о вашем семействе и о полковнике де Фрескасе, которого мы с герцогиней некогда знавали.

Рауль. Весьма тронут вашим вниманием! Но за такую честь обычно приходится платить хотя бы небольшую дань злоязычию.

Герцог. Злословить можно только о тех, кого хорошо знаешь.

Де Кристоваль. И нам очень бы хотелось иметь право позлословить о вас.

Рауль. А в моих интересах — сохранить ваше расположение.

Герцогиня де Монсорель. Я знаю к тому верное средство.

Рауль. Какое же?

Герцогиня де Монсорель. Оставайтесь столь же загадочным, как теперь.

Маркиз (*подходит с газетой в руках*). Вот, сударыни, удивительная новость. У фельдмаршала, где и вы, несомненно, бывали, задержан один из так называемых знатных иностранцев: он передергивал за игорным столом.

Инесса. Это и есть та важная новость, которая так привлекла ваше внимание?

Рауль. В наши дни кто не иностранец?

Маркиз. Мадемуазель, меня занимает не столько эта новость сама по себе, сколько та непостижимая легкость, с какою у нас принимают людей, не узнав предварительно, кто они такие, откуда они явились.

Герцогиня де Монсорель (*в сторону*). Кажется, они собираются оскорбить его у меня в доме?

Рауль. Вы правы, надо опасаться людей, которых мало знаешь, но, согласитесь, попадаются и такие, кото-

рых видишь насквозь даже при самом поверхностном знакомстве.

Герцог. Альбер, какое нам до этого дело? Ведь не в наших правилах вводить в свой круг человека, если мы хорошо не знакомы с его семьей.

Рауль. С моей семьей вы, ваша светлость, знакомы.

Герцог. Вы гость госпожи де Монсорель, и с меня этого достаточно. Мы слишком хорошо знаем, что должны относиться к вам с уважением, но и вы, с вашей стороны, тоже не можете забывать о своих обязанностях по отношению к нашей семье. Имя де Фрескас налагает известные обязательства, и вы носите его с честью.

Де Кристоваль *(Раулю)*. Скажите же хоть теперь, кто вы такой, если не ради вас самих, так по крайней мере ради ваших друзей!

Рауль. Я был бы в отчаянии, господа, если бы мое присутствие здесь дало повод хотя бы к малейшему недоразумению между вами. Но иной раз деликатность может быть столь же оскорбительной, как и прямые расспросы, поэтому покончимте с этой игрой; она недостойна ни вас, ни меня. Герцогиня пригласила меня, надеюсь, не для того, чтобы меня здесь допрашивали. Я ни за кем не признаю права допытываться у меня, почему я умалчиваю о некоторых обстоятельствах моей жизни, и молчание это я намерен хранить и далее.

Маркиз. Но вы оставляете за нами право истолковывать его по-своему?

Рауль. Если я требую свободы для себя, так отнюдь не для того, чтобы стеснять вашу свободу.

Герцогиня де Монсорель. Честь ваша, сударь, запрещает вам отвечать на подобные вопросы.

Герцог *(Раулю)*. Вы — благородный юноша, ваши природные достоинства свидетельствуют о высоком происхождении, не оскорбляйтесь же любопытством света: для нас оно — самозащита. Ваша шпага не закроет рот людям болтливым, а свет, столь великодушный по отношению к похвальной скромности, неумолим, когда речь идет о необоснованных притязаниях...

Рауль. Сударь!

Герцогиня де Монсорель *(взволнованно шепчет Раулю)*. Ни звука о вашем детстве. Уезжайте из

Парижа, пусть одна я знаю, где вы... укрылись. От этого зависит вся ваша будущность.

Герцог. Я хочу быть вашим другом, хоть вы и соперник моего сына. Доверьтесь же человеку, которому доверяет сам король. Как можете вы принадлежать к роду де Фрескасов, когда этот род давно угас?

Рауль *(герцогу)*. Ваша светлость, вы слишком могущественны, чтобы испытывать недостаток в опекаемых, а я не так уж слаб, чтобы нуждаться в покровителях.

Де Кристоваль. Сударь, не осуждайте меня, я мать, и только сейчас, во время этого спора, я поняла, как было неосторожно с моей стороны принимать вас в моем доме.

Инесса. Одно-единственное ваше слово спасло бы нас, а вы предпочитаете молчать. Значит, есть какая-то тайна, которая вам дороже меня?

Рауль. Инесса, я все могу вынести, только не такой упрек. *(В сторону.)* О Вотрен, зачем ты потребовал от меня полного молчания! *(Кланяется дамам. Герцогине де Монсорель.)* В ваших руках все мое счастье.

Герцогиня де Монсорель. Слушайтесь меня, я все устрою.

Рауль *(маркизу)*. К вашим услугам, сударь.

Маркиз. До свидания, господин Рауль.

Рауль. Рауль де Фрескас!

Маркиз. Де Фрескас? Пусть так!

Рауль уходит.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, кроме Рауля.

Герцогиня де Монсорель *(герцогине де Кристоваль)*. Вы были чересчур суровы!

Де Кристоваль. Вы не знаете, герцогиня, что этот молодой человек в продолжение трех месяцев неотступно бывал всюду, где бывала моя дочь, да и в дом мой он вошел, пожалуй, слишком легко.

Герцог *(герцогине де Кристоваль)*. Его нетрудно было принять за какого-нибудь замаскированного принца.

Маркиз. По-моему, это просто ничтожество, которое пытается замаскироваться принцем.

Герцогиня де Монсорель. Ваш отец объяснит вам, Альбер, что замаскироваться не так-то легко.

Инесса (*маркизу*). Ничтожество, сударь? Маска может приукрасить низкое, но не может принизить высокое.

Де Кристоваль. Что вы говорите, Инесса?

Инесса. Но ведь его же здесь нет, мама? Или этот молодой человек безрассуден, или же господин де Монсорель и его сын с умыслом вели себя так невеликодушно.

Де Кристоваль (*герцогине де Монсорель*). Я вижу, герцогиня, что сейчас нам объясниться невозможно, особенно в присутствии герцога. Но дело касается нашей чести, поэтому я жду вас к себе.

Герцогиня де Монсорель. Хорошо, до завтра.

Герцог провожает герцогиню де Кристоваль и ее дочь.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Маркиз и герцог.

Маркиз. Папа, появление этого авантюриста очень взволновало вас, а также и маму. Можно подумать, что тут не только свадьба расстраивается, а сама ваша жизнь в опасности. Герцогиня и ее дочь уехали в таком смятении...

Герцог. Ах, зачем только эти пререкания начались при них.

Маркиз. Значит, и вас этот Рауль беспокоит?

Герцог. А тебя? Твое благосостояние, твое имя, будущность, брак — словом, все, что дороже жизни,— все поставлено на карту.

Маркиз. Ну, если мои успехи зависят от этого молодого человека, я с ним быстро справлюсь.

Герцог. Дуэль! Несчастный, если тебе выпадет роковая удача и ты его убьешь — это будет непоправимое бедствие!

Маркиз. Что же мне делать?

Герцог. То, что делают политики: выжидать.

Маркиз. Если вам грозит опасность, папа, неужели вы думаете, что я могу относиться к этому хладнокровно?

Герцог. Предоставьте это бремя мне, Альбер,— оно слишком тяжело для ваших юных плеч.

Маркиз. Папа! Но хоть поговорите со мною, скажите мне...

Герцог. Ни слова! Иначе нам обоим пришлось бы краснеть!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Вотрен.

Вотрен (*одет в черное. В начале сцены прикидывается расстроенным и униженным*). Ваша светлость, простите, что я вторгаюсь к вам, но... (*Шепотом герцогу.*) Мы оба с вами только что стали жертвами излишней доверчивости... Позвольте сказать вам несколько слов наедине.

Герцог (*делает сыну знак удалиться*). Говорите, сударь.

Вотрен. Ваша светлость, в наше время каждый гонится за должностями; тщеславием заражены все классы. Во Франции всяк хочет быть генералом, и уж не знаю, где и как удается нынче набрать простых солдат. Видно, в недалеком будущем общество окончательно распадется, и причиной тому — всеобщая тяга к высоким постам и отвращение к положению скромному... Вот плоды революционного равенства. Религия — единственное надежное средство против этого разврата.

Герцог. К чему вы клоните?

Вотрен. Простите, но не мог же я не указать государственному деятелю, с которым мне предстоит работать рука об руку, на одну оплошность, весьма для меня огорчительную. Доверили ли вы, ваша светлость, какую-нибудь тайну моему сотруднику, который приходил к вам сегодня утром вместо меня? Он возымел безрассудную мысль заменить меня и заслужить вашу благосклонность, оказав вам услугу.

Герцог. Как? Значит, вы —кавалер де Сен-Шарль?

Вотрен. Ваша светлость, мы — то, чем хотим быть. Ни он, ни я не настолько просты, чтобы быть самими собою. На этом мы бы слишком потеряли.

Герцог. Но мне, сударь, нужны доказательства.

Вотрен. Ваша светлость, если вы доверили ему какую-нибудь важную тайну,— мне придется немедленно приказать, чтобы за ним учинили наблюдение.

Герцог (*в сторону*). Действительно, этот на вид куда порядочнее и солиднее.

Вотрен. Это зовется у нас контрполицией.

Герцог. Вам следовало бы, сударь, явиться сюда, имея при себе доказательства, которые подтверждали бы ваши слова.

Вотрен. Герцог, свой долг я исполнил. Этот человек готов продаться любому, кто больше даст. Но я искренне желаю, чтобы его тщеславие сослужило вам службу.

Герцог (*в сторону*). Как мог он так скоро узнать о нашей утренней встрече?

Вотрен (*в сторону*). Он колеблется. Жозеф прав: тут кроется какая-то важная тайна.

Герцог. Сударь...

Вотрен. Ваша светлость...

Герцог. И для меня и для вас необходимо прибрать этого человека к рукам.

Вотрен. Если он располагает вашей тайной, это будет опасно. Он хитер.

Герцог. Да, мошенник не глуп.

Вотрен. Вы дали ему какое-нибудь поручение?

Герцог. Ничего серьезного: я хотел только выяснить, кем является в действительности некий господин де Фрескас.

Вотрен (*в сторону*). Не более, не менее! (*Вслух.*) Я могу это вам сообщить, ваша светлость. Рауль де Фрескас — молодой дворянин; его семья участвовала в заговоре и обвиняется в государственной измене; поэтому он и не желает носить имя своего отца.

Герцог. У него есть отец?

Вотрен. Как же, есть.

Герцог. А откуда он взялся? Он богат?

Вотрен. Поменяемся ролями, ваша светлость, и позвольте мне не отвечать вам, пока я не узнаю, почему именно интересуетесь вы господином де Фрескасом.

Герцог. Вы забываетесь, сударь...

Вотрен (*сбрасывая с себя маску скромности*). Да, я забыл, герцог, что существует огромная разница между шпионом и тем, кто заставляет шпионить.

Герцог (*подходит к двери*). Жозеф!

Вотрен. Герцог напустил на нас ищеек,— надо спешить. *(Исчезает в боковую дверь, из которой он вышел в первом действии.)*

Герцог *(возвращаясь)*. Вы не выйдете отсюда! Да где же он? *(Звонит.)*

Входит Жозеф.

Скажите, чтобы заперли все выходы, сюда проник какой-то неизвестный. Обыщите всё! Задержать его! *(Уходит к герцогине.)*

Жозеф *(заглядывает в боковую дверь)*. А его и след простыл.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гостиная в доме Рауля де Фрескаса.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ляфурай один.

Ляфурай. Вот порадовался бы за меня вчера мой почтенный родитель; покойник всегда советовал мне вращаться только в избранном обществе. А я-то провел целую ночь с лакеями министров, с курьерами посольств, с кучерами принцев, герцогов и пэров; все как на подбор! Люди всё положительные, беды с ними никак не случится: обворовывают только своих господ. Наш-то танцевал с недурненькой девицей; у нее в прическе было натыкано бриллиантов этак на миллиончик, а он глаз не спускал с букета, который она держала в руках. Простачок, что и говорить! Ну, да мы за тебя сообразим! Старина наш, Жак Коллен... Фу ты, опять язык подвел; никак не могу привыкнуть к добропорядочной фамилии: господин Вотрен. Он-то сумеет навести порядок. В скором времени мы проветрим и бриллианты и приданое, да и пора — слишком залежались в сундуках, а это противно закону циркуляции. Молодчина! Выдает Рауля за молодого человека со средствами. А тот любезничает вовсю, щебечет, наследница клюет,— дело в шляпе, выручка пополам. Но денежки эти достанутся нам не даром! Вот уж полгода бьемся. Уж и корчили же мы из себя дурачков.

Зато теперь весь околоток считает нас и впрямь порядочными людьми. Воды, мол, не замутят. Да и чего только не сделаешь ради Вотрена? Он нам сказал: «Будьте паиньки» — пожалуйста, будем паиньками! Вотрена я боюсь не меньше, чем полиции, а все-таки люблю его... даже больше денег.

Вотрен *(за стеной)*. Ляфурай!

Ляфурай. Вот он! Что-то он мне сегодня не нравится: быть грозе! Пойду-ка лучше прогуляюсь, авось, беду пронесет! *(Направляется к двери.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вотрен и Ляфурай.

Вотрен *(на нем белые мольтоновые брюки со штрипками, жилет с круглым вырезом из той же материи, красные сафьяновые туфли — словом, утренний костюм делового человека)*. Ляфурай!

Ляфурай. Что изволите?

Вотрен. Ты куда это собрался?

Ляфурай. К вам за письмами.

Вотрен. Я их уже получил. А еще у тебя какое дело?

Ляфурай. Вот — комнату убрать...

Вотрен. Так ты прямо и говори, что хочешь поскорее улизнуть. Я давно убедился, что нечистая совесть ногам покоя не дает. Останься, надо поговорить.

Ляфурай. Я к вашим услугам.

Вотрен. Надеюсь. Поди-ка сюда. Когда мы с тобой жили под прекрасным небом Прованса, ты нам все уши прожужжал одной историей, правда, не особенно для тебя лестной,— как какой-то управляющий перехитрил тебя, помнишь?

Ляфурай. Управляющий? Да это Шарль Блонде, единственный человек, которому удалось меня обокрасть. Разве такие вещи забываются?

Вотрен. Но ведь ты однажды продал ему своего хозяина? Дело обычное.

Ляфурай. Однажды? Да я своего хозяина трижды продавал.

Вотрен. Еще того чище. А чем же промышлял этот управляющий?

Ляфурай. Вот слушайте. Было мне лет восемнадцать, служил я псарем в имении господ де Ланжаков...

Вотрен. А я думал, у герцога де Монсореля.

Ляфурай. Нет. К счастью, герцог видел меня только раза два и, надеюсь, давно забыл.

Вотрен. Ты и его обокрал?

Ляфурай. Ну, немножко.

Вотрен. Так как же, по-твоему, он мог тебя забыть?

Ляфурай. Я видел его вчера в посольстве, так что беспокоиться нечего.

Вотрен. А! Значит, все-таки тот самый!

Ляфурай. Каждому из нас прибавилось лет по двадцать пять — вот и вся разница.

Вотрен. Ну, говори же. То-то мне помнится, что ты называл это имя. Дальше.

Ляфурай. Так вот, мой хозяин, виконт де Ланжак, и герцог де Монсорель были неразлучны, словно два голубка. Когда пришло время выбрать, на чью сторону стать — за народ или за дворян, я не долго раздумывал: из простого псаря я стал гражданином, а гражданин Филипп Буляр, могу сказать, прославился своим рвением. Я горел жаждой деятельности, я стал в нашем городе важной персоною.

Вотрен. Это ты-то? Ты был политическим деятелем?

Ляфурай. Недолго. Я совершил один прекрасный поступок, ну это и сгубило меня.

Вотрен. Эх, голубчик! Прекрасных поступков надо опасаться не меньше, чем прекрасных женщин: того и гляди влипнешь! Дело то по крайней мере действительно хорошее было?

Ляфурай. Судите сами. Во время сумятицы десятого августа герцог вверил виконта де Ланжака моему попечению. Я его переодеваю, прячу, кормлю,— рискуя лишиться не только популярности, но и головы. Правда, герцог поощрил меня кое-какой безделицей — тысчонкой червонцев, а этот Блонде имел подлость явиться ко мне и предложил бóльшую сумму, чтобы я выдал нашего барчука.

Вотрен. Ты его выдаешь...

Ляфурай. Недолго думая. Его упрятывают в тюрьму, ну, а у меня в кармане остается в полном моем

владении добрых шестьдесят тысяч золотом, настоящим золотом.

Вотрен. А при чем тут герцог де Монсорель?

Ляфурай. Дайте срок. Когда наступают сентябрьские события, мой поступок начинает мне казаться несколько предосудительным, и, для успокоения совести, я отправляюсь к герцогу. Он как раз собирался удрать за границу. Я предлагаю снова спасти его друга.

Вотрен. И прибыльно было твое раскаяние?

Ляфурай. Еще бы! В то время раскаяние было редкостью. Герцог обещает мне двадцать тысяч, если я вырву виконта из рук моих приятелей. И я, представьте, вырвал.

Вотрен. За виконта — двадцать тысяч? Не дорого!

Ляфурай. Тем более что это был последний. Да я слишком поздно об этом узнал. Управляющий уже прикончил всех прочих Ланжаков, даже несчастную бабушку запрятал в тюрьму.

Вотрен. Он, видно, не дремал.

Ляфурай. Он никогда не дремлет. Пронюхал о моем самоотверженном поступке, выследил меня, устроил облаву и захватил меня в окрестностях Мортаня у моего дяди, где наш барин выжидал удобного случая, чтобы добраться до моря. Мерзавец Блонде предложил такую же сумму, что и в тот раз. Вижу, мне обеспечено порядочное существование до конца дней моих; человек слаб — ну я и поддался. Между тем наш друг Блонде приказал расстрелять виконта как шпиона, а нас с дядей засадил в тюрьму как сообщников. И чтобы выкарабкаться оттуда, мне пришлось пожертвовать всем моим золотом.

Вотрен. Вот как познается людское сердце. Тебе не повезло — нашла коса на камень.

Ляфурай. Да как сказать: ведь он, простофиля, оставил меня в живых.

Вотрен. Ну, довольно. В твоей истории мне проку нет.

Ляфурай. Можно идти?

Вотрен. Смотрите-ка. Так его и тянет туда, где меня нет. Вчера ты был в свете,— прилично ли вел себя?

Ляфурай. Вполне прилично! Там болтают про гос-

под такие занятные вещи, что я безвыходно просидел в лакейской.

Вотрен. Я, однако, видел, как ты терся около буфета. Что пил?

Ляфурай. Ничего. Ах, да! Стаканчик мадеры.

Вотрен. А куда ты дел дюжину золоченых ложек, которые исчезли вместе с мадерой?

Ляфурай. Золоченых ложек? Постойте-ка, дайте припомнить. Нет, увольте, никаких ложек даже в глаза не видал.

Вотрен. Ну так увидишь их у себя под матрацем. А Философ тоже малость поразвлекся?

Ляфурай. Бедняга Философ! Уж и потешаются же над ним сегодня у нас внизу! Представьте себе — он облюбовал мальчишку-кучера и спорол с его ливреи галуны. А серебро-то оказалось фальшивое! В наше время господа совсем себя не соблюдают. Ни на что нельзя положиться — жалость одна!

Вотрен *(свистит)*. Такие дела — не шутки. Вы погубите мой дом, хватит! Папаша Бютэ! А ну — сюда! Эй, Философ! Поди скорей! Шелковинка! Друзья мои, поговорим-ка по душам. Все вы — мерзавцы.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Бютэ, Философ и Шелковинка.

Бютэ. Я здесь! Что, горим?

Шелковинка. Или кто чужой сюда пролез?

Бютэ. По мне, так уж лучше пожар. Огонь недолго и потушить.

Философ. А чужого — придушить.

Ляфурай. Да нет, вот разгневался из-за пустяков.

Бютэ. Опять нравоучения, благодарю покорно!

Шелковинка. Мое дело сторона, я и из дому ни на шаг.

Вотрен *(Шелковинке)*. А как же намедни, когда я велел тебе снять ночной колпак, душегубец ты этакий...

Шелковинка. Нельзя ли без титулов?

Вотрен. ...и велел сопровождать меня в качестве егеря к фельдмаршалу, ты, подавая мне шубу, стянул часы у казачьего гетмана.

Шелковинка. Так ведь это же враги Франции.

Вотрен. А ты, Бютэ, старый прохвост, украл лорнетку у принцессы Архосской, когда она подвезла сюда в своей карете вашего молодого хозяина.

Бютэ. Да ведь лорнетка-то сама упала на подножку.

Вотрен. Тебе следовало учтиво подать ее принцессе, а ты при виде золота и жемчуга сразу же выпустил когти.

Ляфурай. Неужели нельзя уж и капельку побаловаться? Какого черта! Жак, ты хочешь...

Вотрен. Что-о?

Ляфурай. Вы хотите, господин Вотрен, чтобы этот молодой человек на тридцать тысяч франков жил как принц какой-нибудь. Мы действуем на манер некоторых иностранных правительств: прибегаем к займам и кредиту. Кто является к нам за деньгами, сам без кошелька уходит, а вы еще недовольны.

Шелковинка. Ну, уж если мне запрещается приносить с рынка деньги, когда я отправляюсь без гроша за провизией, я подаю в отставку.

Философ. А я взял по пяти тысяч с четырех каретников за право нас обслуживать, и своих денежек им уж не видать! Намедни господин де Фрескас потащился из дома на двух клячах, а домой мы с Ляфураем его прикатили на паре рысаков тысяч в десять, и они нам обошлись всего-навсего в два-три стаканчика дрянной водки.

Ляфурай. Нет, киршвассера.

Философ. Словом, если вы за это на нас сердитесь...

Шелковинка. Как же вы думаете вести дом?

Вотрен. И вы воображаете, что вам это долго будет с рук сходить? Я разрешил это на время, ради вашего устройства, теперь хватит — запрещаю. Вы, кажется, хотите попасть из огня да в полымя? Если вам не угодно понимать, я подыщу себе других слуг.

Бютэ. Где же это вы их найдете?

Ляфурай. Пусть поищет.

Вотрен. Вы, верно, забыли, что сами доверили мне свою шкуру, и теперь я за вас отвечаю. Неужто я для того просеивал вас в трех разных городах, точно крупу через сито, чтобы теперь вы сами лезли на виселицу, как мухи на огонь? Запомните раз и навсегда: неосторожность

для нашего брата — преступление. И вид у вас должен быть такой невинный, будто с *вас* можно спарывать галуны. Слышишь, Философ? И из своей роли не выходить: вы — честные люди, преданные слуги, вы боготворите своего барина, господина Рауля де Фрескаса.

Бютэ. Вы что же — хотите из этого молодца какую-то святыню сделать и нас всех запрячь? Но ведь мы-то его не знаем, и он нас не знает.

Философ. Он хоть из нашей братии?

Шелковинка. И что все это нам даст?

Ляфурай. Мы подчинились вам с условием, что будет восстановлено «Общество десяти тысяч», что нам за каждое дело будет перепадать по меньшей мере десять тысяч франков, а у нас еще даже основного капитала нет.

Шелковинка. Когда же мы наконец станем капиталистами?

Бютэ. Не дай бог, мои товарищи проведают, что я целых полгода разыгрываю старого привратника, да еще совершенно даром,— я прямо-таки опозорюсь в их глазах. Если я рискую головой — так только ради того, чтобы прокормить мою Адель, а вы запретили мне с нею видеться. За эти полгода она, верно, иссохла и превратилась в спичку.

Ляфурай *(Шелковинке и Философу)*. Она за решеткой, да не стоит его, беднягу, огорчать.

Вотрен. Все выложили? Так вам, черт возьми, мало, что вы здесь целых полгода благодушествуете, обжираетесь, как дипломаты, пьянствуете, как сапожники, ни в чем не терпите недостатка?

Бютэ. Тут без дела плесенью покроешься.

Вотрен. Благодаря мне полиция о вас забыла. Одному мне вы обязаны теперешним беззаботным существованием. Я стер с ваших лбов красное клеймо, которым вы были мечены. Я — голова, я все придумываю, а вы — только руки.

Философ. Да уж что толковать!

Вотрен. Подчиняйтесь мне, не рассуждая.

Ляфурай. Не рассуждая.

Вотрен. Безропотно.

Шелковинка. Безропотно.

Вотрен. Или же расторгнем наш договор и уби-

райтесь ко всем чертям. Если уж и со стороны вашей братии я вижу только черную неблагодарность, так кому же после этого можно оказывать услуги?

Философ. Мы тебе благодарны, повелитель.

Ляфурай. По гроб жизни, великий ты человек!

Бютэ. Я тебя люблю больше Адели.

Шелковинка. Да мы тебя боготворим.

Вотрен. Я буду вас нещадно бить.

Философ. Бей, не моргнув глазом.

Вотрен. Плевать вам в харю и играть вашей жизнью, как медяками в орел и решку.

Бютэ. Ну, я могу и ножом сыграть.

Вотрен. Так убей же меня, чего ждешь?

Бютэ. На него нельзя сердиться! Желаете, чтоб я вернул лорнетку? Я ведь берег ее для Адели.

Все (*окружив Вотрена*). Не покидай нас, Вотрен.

Ляфурай. Вотрен! Друг наш!

Философ. Великий Вотрен!

Шелковинка. Старый наш товарищ! Делай с нами все, что хочешь.

Вотрен. Я и так могу сделать с вами все, что захочу. Как я подумаю, что из-за дрянного колечка вы можете все загубить,— так и швырнул бы вас туда, откуда вытащил. Вы либо выше, либо ниже общества, вы — подонки или накипь, а мне хотелось бы вернуть вас в лоно общества. Прохожие улюлюкали вам вслед, а я хочу, чтобы вас приветствовали; вы были отщепенцами, а я хочу, чтобы вы стали честными людьми и даже более того.

Философ. А разве бывает что-то большее?

Бютэ. Бывают такие, которые вообще ничто.

Вотрен. Есть такие, которым дано судить о честности других. Из вас никогда не выйдет добропорядочных обывателей; вы можете быть либо неудачниками, либо богачами; поэтому вам нужно идти напролом... Искупайтесь в золоте, и вы выйдете из этого источника добродетельными.

Шелковинка. Да, уж могу заверить: когда я ни в чем не буду нуждаться, я таким добрым и благородным стану...

Вотрен. Чудесно! Ты, Ляфурай, например, можешь

сделаться, как один наш приятель, графом де Сент-Элен. А ты, Бютэ, о чем мечтаешь?

Бютэ. Да мне хотелось бы стать филантропом, тогда и миллионером стать недолго.

Философ. А мне — банкиром.

Шелковинка. Хочешь быть патентованным?

Вотрен. Так будьте же, смотря по обстоятельствам, слепыми и ясновидящими, ловкими и неуклюжими, придурковатыми и умными — подобно всем, кто стремится выйти в люди. Не судите о моих поступках, не старайтесь понять больше того, что я сам вам объясняю. Вы спрашиваете, что представляет собою Рауль де Фрескас? Сейчас скажу. Скоро у него будет миллион двести тысяч годового дохода, он станет принцем, а я подобрал его нищим на проезжей дороге, двенадцатилетним мальчишкой, который собирался поступить в барабанщики. Он был без роду, без племени и только что приехал с острова Сардинии, где, вероятно, выкинул какую-нибудь скверную шутку. Словом, он скрывался.

Бютэ. Ну вот, теперь мы знаем его прошлое и его положение в обществе...

Вотрен. Марш в свою конуру!

Бютэ. Там сторожит Нини, дочка тетушки Жирофле.

Вотрен. Гляди, как бы она невзначай не пропустила какого-нибудь шпика.

Ляфурай. Ну! Такую кошечку нет надобности натаскивать на мышей.

Вотрен. А что я собираюсь сделать из Рауля... вот увидите, на что я способен. Ведь таких юношей, как он, найдется немного. Рауль де Фрескас даже в нашем болоте остался чистым, как ангел. Он — наша совесть, а главное — он создание рук моих. Я ему и отец и мать, и я хочу быть ему провидением. Я люблю делать людей счастливыми, раз сам уже не могу быть счастлив. Я дышу его дыханием, живу его жизнью. Его страсти — мои страсти. Только благодаря этому юному сердцу, незапятнанному ни единым преступлением, я еще могу переживать высокие, благородные чувства. У вас же бывают прихоти — так вот это моя прихоть. Общество наложило на меня клеймо, а я в обмен возвращаю ему человека

честного, я вступаю в единоборство с судьбой. Хотите помогать мне? Так подчиняйтесь.

Все. На жизнь и на смерть!

Вотрен *(в сторону)*. Еще раз удалось укротить мою дикую свору. *(Вслух.)* Ну-ка, Философ, оденься чиновником из бюро находок, постарайся принять соответствующий вид, осанку и отнеси обратно ложки, которые Ляфурай позаимствовал в посольстве. *(Шелковинке.)* А ты, Шелковинка... Сегодня у господина де Фрескаса собирается несколько друзей, приготовь-ка завтрак, да поторжественнее; обедать мы не будем. Затем оденься скромно, строго, изобрази из себя поверенного. Тебе придется сходить на улицу Облен, дом номер шесть, на четвертый этаж; позвонишь семь раз, четко раз за разом. Спросишь дядюшку Жирофле. Тебе ответят: а вы откуда? Скажешь: из одного цыганского морского порта. Тебя впустят. Мне необходимы письма и кое-какие бумаги герцога де Кристоваля; вот тебе и образчик, пусть изготовят мне точно такие же документы и как можно скорее. А ты, Ляфурай, похлопочи, чтобы в газетах появилось несколько строк относительно прибытия в Париж... *(Шепчет ему на ухо.)* Это тоже входит в мой замысел. А теперь — по местам!

Ляфурай. Ну что, довольны?

Вотрен. Доволен.

Философ. И больше на нас не гневаетесь?

Вотрен. Не гневаюсь.

Шелковинка. Теперь уж никаких бунтов. Будем умниками.

Бютэ. Не беспокойтесь. Будем не только вежливыми, но даже честными.

Вотрен. Да, да, дети мои, немного порядочности, побольше выдержки — и вы добьетесь всеобщего уважения.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вотрен один.

Вотрен. Чтобы держать их в руках, достаточно их уверить, что они люди честные и с будущим. А будущего у них как раз и нет. Что с ними станется? Ну, да ладно— если бы полководец стал всерьез думать о судьбе своих солдат, он не решился бы сделать ни одного выстрела из пушки. Двенадцать лет невидимой, подземной работы, и вот я накануне того, когда Рауль благодаря мне до-

стигнет высшего положения в обществе; это положение необходимо закрепить. Ляфурай и Философ будут мне полезны в той стране, где я создам ему семью. Ах, любовь эта разрушила все мои планы. Я хотел, чтобы он прославился своими деяниями, чтобы он покорил за меня и под моим руководством свет, куда мне самому закрыт доступ. Рауль не только детище моего ума и моей ненависти; он — моя месть. Эти шалопаи не в состоянии понять таких чувств. Счастливцы! Они ведь не сверзлись с высоты вниз, они раз и навсегда сроднились с преступлением; я же пытался подняться из бездны, но если человек еще может подняться в глазах бога, то в глазах общества — никогда. От нас требуют раскаяния, а в прощении отказывают. Люди обычно руководствуются инстинктом хищников — раненый зверь уползает в свою берлогу и уже не выходит из нее. И люди правы. Впрочем, требовать покровительства общества, после того как ты попрал все его законы, это все равно, что стремиться под кров того дома, который ты сам же расшатал и который вот-вот рухнет тебе на голову.

Как я берег, как оттачивал великолепное орудие, при помощи которого смогу утвердить свое господство! Рауль от природы отважен и безрассуден, он позволил бы убить себя как последний дурак. Пришлось сделать его холодным, рассудочным, отнять у него одну за другою прекрасные иллюзии, облечь его в доспехи опытности, сделать его недоверчивым и хитрым, как... старый ростовщик, и в то же время скрывать от него, кто я такой. И вот теперь любовь разрушает все это гигантское сооружение. Я прочил его в великие люди, а будет он всего-навсего счастливым человеком. Я же удалюсь доживать век где-нибудь в сторонке, под лучами его благоденствия. Его счастье будет делом моих рук. Но вот уже два дня, как меня сверлит мысль: не лучше ли будет, если принцесса Архосская внезапно умрет от... ну, от горячки, что ли? Просто непостижимо, чего только не может разрушить женщина!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Вотрен и Ляфурай.

Вотрен. Что тебе? Минуты покоя от вас нет. Ведь я не звал.

Ляфурай. Коготки правосудия собираются пощекотать нам макушки.

Вотрен. Опять какую-нибудь глупость выкинули?

Ляфурай. Да вот девчонка впустила какого-то прилично одетого господина, он желает вас видеть. Бютэ насвистывает песенку: «Нет приятней уголка, чем у родного камелька». Значит, идет шпик.

Вотрен. Только-то всего! Я знаю, в чем дело. Пусть подождет. Все по местам! Теперь — никаких Вотренов, я преображаюсь в барона де Вье-Шен. А ти ковори с немецкий виговор! Окрути его; наконец-то начинается большая игра! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ляфурай и Сен-Шарль.

Ляфурай. Каспадин те Фрейсекас нет тома, сутарь, а его убравляющи, парон те Фьей-Шен, занят с архитектор, который буди стройт отин большой творец тля наш каспадин.

Сен-Шарль. Простите, как вы сказали?

Ляфурай. Я сказал парон те Фьей-Шен...

Сен-Шарль. Барон?!

Ляфурай. Та, та!

Сен-Шарль. Он — барон?

Ляфурай. Те Фьей-Шен.

Сен-Шарль. Вы немец?

Ляфурай. О нет, нет. Я — эльзасец, а это большой разница. Немцы из Германии коворят «шулик», а эльзасцы коворят «шульик».

Сен-Шарль *(в сторону)*. Слишком уж у него немецкий акцент; сразу видно, что парижанин.

Ляфурай *(в сторону)*. Я его узнал! О-о!

Сен-Шарль. Если барон де Вье-Шен занят, я подожду.

Ляфурай *(в сторону)*. Ах, голубчик Блонде! Внешность-то ты изменил, да голос остался прежним. Счастлив твой бог, если тебе удастся выскользнуть из наших лап. *(Вслух.)* Как же мне толожить каспадину убравляющему, чтобы он прервал свой занятия? *(Направляется к двери.)*

Сен-Шарль. Погодите, дорогой мой, вы говорите

по-немецки, а я — по-французски, этак может выйти недоразумение. *(Сует ему в руку кошелек.)* Вот так-то будет понятнее.

Ляфурай. Конечно, мой каспадин.

Сен-Шарль. Это только задаток.

Ляфурай *(в сторону)*. В счет украденных у меня восьмидесяти тысяч. *(Вслух.)* Значит, вы хотите, чтоб я шпионил за свой хозяин?

Сен-Шарль. Нет, уважаемый, мне нужны только кое-какие сведения. И говорите, не стесняясь,— вы ничем не рискуете.

Ляфурай. Это я и назифаю шпионить, как полагается топропорячочному немцу.

Сен-Шарль. Да нет же! Это значит...

Ляфурай. Шпионить. А как мне толожить о фас парону?

Сен-Шарль. Кавалер де Сен-Шарль.

Ляфурай. Понимаю. Сейчас его к фам приведу. Но ему тенек не тавайте: он еще более честный, чем все мы прочие. *(Толкает его локтем в бок.)*

Сен-Шарль. Другими словами, он стоит дороже.

Ляфурай. Вот именно, мой каспадин. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сен-Шарль один.

Сен-Шарль. Хорошенькое начало! Десять червонцев выброшено зря. Шпионить! Сразу же называет вещи своими именами! Это слишком глупо, чтобы не быть в высшей степени хитроумным. Если этот мнимый управляющий — ибо он, конечно, мнимый,— если барон такой же барон, как и его лакей — немец, то все свои выводы мне придется основывать лишь на том, что от меня попытаются скрыть. Гостиная недурна. Ни портрета короля, ни какого-либо сувенирчика об императоре... Словом, здесь свои убеждения не вывешивают на стенку. Может быть, мебель что-нибудь скажет? Нет. Она слишком нова, вероятно, даже еще и не оплачена. Но привратник при моем появлении стал насвистывать какую-то песенку, и это, по-видимому,— условный знак; если бы не этот свист, я, пожалуй, начал бы верить в существование настоящих Фрескасов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сен-Шарль, Вотрен и Ляфурай.

Ляфурай. Фот мой каспадин, парон те Фьей-Шен.

Вотрен *(на нем светло-каштановый фрак старомодного покроя с крупными металлическими пуговицами, черные шелковые короткие штаны, черные шелковые чулки, туфли с золотыми пряжками, жилет в цветочках, с квадратным вырезом, две часовых цепочки, галстук времен Революции, седой парик. Лицо старческое, тонкое, потрепанное, развратное, голос надтреснутый. Говорит вкрадчиво. К Ляфураю).* Хорошо, оставьте нас.

Ляфурай уходит.

(В сторону.) А теперь померяемся силами, почтеннейший господин Блонде! *(Вслух.)* Сударь, я к вашим услугам.

Сен-Шарль *(в сторону).* Лиса бывалая, дело сложнее, чем я предполагал! *(Вслух.)* Простите, барон, что беспокою вас, не имея чести быть с вами знакомым.

Вотрен. Я догадываюсь, сударь, о чем будет речь.

Сен-Шарль *(в сторону).* Вот так так!

Вотрен. Вы архитектор и собираетесь предложить свои услуги? Но я уже нашел подходящего человека.

Сен-Шарль. Простите, ваш немец, вероятно, неправильно доложил обо мне. Я кавалер де Сен-Шарль.

Вотрен *(приподнимая очки).* Позвольте, позвольте... Да мы же старые знакомые. Вы присутствовали на Венском конгрессе, и тогда вас звали графом Горкумом... Славное имя!

Сен-Шарль *(в сторону).* Сейчас подцепим тебя, старина! *(Вслух.)* Значит, и вы были на конгрессе?

Вотрен. Как же! И я очень рад снова с вами встретиться, ибо вы большой хитрец. Как вы их провели! Ах, как провели!

Сен-Шарль *(в сторону).* Вена так Вена! *(Вслух.)* Теперь и я вас припоминаю! Ведь и вы неплохо вели там дела!

Вотрен. А как же иначе? На нашей стороне были женщины. А вы все еще дружите с вашей прекрасной итальянкой?

Сен-Шарль. Ах, так вы и с ней знакомы? Какая ловкая женщина!

Вотрен. Дорогой мой, кому вы это рассказываете? Ведь ей вздумалось узнать, кто я такой.

Сен-Шарль. И, конечно, узнала.

Вотрен. Представьте себе, дорогой мой... Не в обиду вам будь сказано, она так ничего и не выведала.

Сен-Шарль. Ну, барон, раз уж дело пошло на откровенность, признаюсь, что ваша очаровательная полька...

Вотрен. Как? Вы тоже?

Сен-Шарль. Ну конечно же!

Оба смеются.

Вотрен. Теперь мы можем посмеяться вволю, ведь вы, надеюсь, тогда же с нею и расстались?

Сен-Шарль. Как и вы — немедленно. Мы с вами, оказывается, решили прокутить свои денежки в Париже,— и хорошо сделали. Но мне кажется, барон, вы выбрали себе уж слишком незаметное положение; это обращает на себя внимание.

Вотрен. Благодарю вас, кавалер. Надеюсь, теперь мы с вами друзья надолго?

Сен-Шарль. Навеки!

Вотрен. Вы можете быть мне крайне полезным, да и я тоже могу оказать вам услуги, поистине неоценимые; давайте сговоримся! Скажите мне, что привело вас сюда, а я скажу вам, каковы мои интересы.

Сен-Шарль *(в сторону)*. Что ж это? Его на меня напустили или меня — на него?

Вотрен *(в сторону)*. Так дело никогда не кончится.

Сен-Шарль. Сейчас изложу.

Вотрен. Сделайте одолжение!

Сен-Шарль. Барон, между нами говоря, я восхищаюсь вами!

Вотрен. Такая похвала в ваших устах!

Сен-Шарль. Нет, честное слово. Создать представителя рода Фрескас на глазах у всего Парижа,— да ведь это предприятие неизмеримо превосходит проделки наших графинь на Венском конгрессе. Вы охотитесь за приданым с редкостной отвагой.

Вотрен. Охочусь за приданым?

Сен-Шарль. Дорогой мой, да вас бы давно разоблачили, если бы следить за вами было поручено не мне,

вашему благожелателю. Ведь я прикомандирован к вам из очень высоких сфер. И как это вы — простите меня за откровенность — решаетесь оспаривать богатую наследницу у семейства Монсорелей?

Вотрен. А я-то по простоте душевной предполагал, что вы намереваетесь предложить мне действовать сообща и что мы с вами пустим в оборот деньги господина де Фрескаса; ведь они находятся в полном моем распоряжении. А вы мне толкуете что-то несуразное! Фрескас, дорогой мой, одно из настоящих имен этого молодого аристократа. А всех их у него семь. Из соображений высшего порядка он может объявить, из какой он семьи, не ранее чем через сутки, но мне его семья хорошо известна. Имения ее огромны, я их собственными глазами видел, я только что оттуда. Что вы приняли меня за мошенника — полбеды, речь идет о таких суммах, которые не могут никого обесчестить. Но принять меня за дурака, решить, что я способен обслуживать какого-то самозванного аристократа, способен бросить вызов Монсорелям ради весьма сомнительно родовитого дворянина... Решительно, дорогой мой, мне начинает казаться, что вы не были в Вене. Нет, мы друг друга просто не понимаем!

Сен-Шарль. Не раздражайтесь, почтеннейший управляющий! Как ни очаровательны наши выдумки, нельзя же нагромождать ложь до бесконечности. Я лично сыт по горло. Наши дела идут лучше ваших, переходите-ка на нашу сторону. Ваш молодчик такой же Фрескас, как я — кавалер, а вы — барон. Вы повстречали его где-то в Италии: в те времена он был бродягой, а теперь он авантюрист — вот и все!

Вотрен. Вы правы. Хватит выдумок, хотя бы и очаровательных. Скажем друг другу всю правду.

Сен-Шарль. Отплачу вам тем же.

Вотрен. Можете не платить. Вы — гнусный негодяй, дорогой мой. Зовут вас — Шарль Блонде; вы были управляющим в семействе де Ланжаков; вы дважды покупали виконта... и в конце концов так за него и не расплатились. Позор! Вы должны восемьдесят тысяч франков одному из моих лакеев; вы подвели виконта под расстрел в Мортане, чтобы присвоить себе... имущество, которое его семья вам доверила. Если бы герцог де Монсорель, подославший вас сюда, знал, кто вы такой... Хм, хм,

вам пришлось бы отчитываться не совсем обычно. Скинька усы, скинь-ка бакенбарды, парик, фальшивые ордена и иностранные медали... *(Срывает с него парик, бакенбарды, ордена.)* Мое почтенье, мошенник. Как же ты ухитрился растрясти состояние, которое добыл так ловко? Состояние-то было немалое; где же ты его растерял?

Сен-Шарль. В несчастьях.

Вотрен. Понимаю. Чего же ты теперь хочешь?

Сен-Шарль. Кто бы ты ни был — торжествуй. Сдаюсь! Не везет мне нынче; ты либо черт, либо сам Жак Коллен.

Вотрен. Для тебя я барон де Вье-Шен, понимаешь: барон де Вье-Шен. Выслушай хорошенько мой ультиматум. Стоит мне только слово сказать, и тебя сейчас же, мигом замуруют в одном из здешних подвалов. Никто тебя разыскивать не станет.

Сен-Шарль. Пожалуй, что и не станут.

Вотрен. И правильно сделают. Хочешь выполнить для меня у Монсорелей то самое поручение, ради которого Монсорели подослали тебя сюда?

Сен-Шарль. Согласен. А награда?

Вотрен. Все, что сумеешь взять.

Сен-Шарль. С обеих сторон?

Вотрен. Пусть так! Вручи моему слуге, которого я пошлю с тобою, все бумаги, касающиеся семейства де Ланжаков; они у тебя, вероятно, сохранились. Если господин де Фрескас женится на мадемуазель де Кристоваль, ты хоть и не станешь его управляющим, зато получишь сто тысяч франков. Помни — здесь люди крутые, не вздумай вилять. Зато уж тебя не выдадут.

Сен-Шарль. По рукам!

Вотрен. Сделку я буду считать действительной лишь после того, как бумаги будут здесь у меня; а до тех пор — смотри! *(Звонит.)*

Входят сразу все слуги.

Проводите кавалера и будьте с ним почтительны, как того требует его титул. *(Сен-Шарлю, указывая на Философа.)* Вот он вас проводит. *(Философу.)* Не отходи от него ни на шаг.

Сен-Шарль *(в сторону)*. Если я только выберусь

цел и невредим из когтей этих мошенников, уж и разгромлю же я их осиное гнездо!

Вотрен. Кавалер, я весь к вашим услугам.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Вотрен и Ляфурай.

Ляфурай. Господин Вотрен!

Вотрен. Чего тебе?

Ляфурай. Вы его, значит, выпустили?

Вотрен. Если бы он не думал, что он свободен, мне не удалось бы ничего разузнать. Я уже распорядился: мы ему еще покажем, как сучить веревку для того, по ком виселица плачет. Когда Философ принесет бумаги, которые вручит ему этот молодчик, подать их мне немедленно, где бы я ни находился.

Ляфурай. А после этого — неужели вы оставите его в живых?

Вотрен. Вы по обыкновению слишком прытки, голубчики: разве вы не знаете, как иной раз мертвые тревожат живых? Тс! Я слышу голос Рауля... Оставь нас.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Рауль и Вотрен.

Рауль. Увидеть небеса и остаться на земле — вот мой удел. Я погиб. Вотрен — этот гений добра и зла, человек, всезнающий и, быть может, всемогущий, человек, столь жестокий в отношении других и столь добрый ко мне, этот непостижимый человек, словно волшебник из сказки, это провидение, поистине материнское, в конце концов... вдруг оказывается отнюдь не провидением!

Входит Вотрен; Рауль, стоящий у авансцены, не замечает его. Вотрен в простом черном парике; одет он как биржевой маклер: синий фрак, серые брюки, обыкновенный черный жилет.

О, я изведал любовь, но я еще не знаю, что такое месть, и не хочу умереть, не отомстив Монсорелям!

Вотрен. Он расстроен. Рауль, дитя мое, что с тобою?

Рауль. Ах, ничего. Оставьте меня.

Вотрен. Ты опять меня отталкиваешь? Ты злоупотребляешь правом говорить дерзости своему другу... О чем ты сейчас размышлял?

Рауль. Ни о чем.

Вотрен. Ни о чем! Я сам обучил вас той английской невозмутимости, под которой каждый хоть маломальски уважающий себя человек должен скрывать свои переживания, так как же, сударь, мне не знать уязвимых мест этого панциря гордости? Притворяйтесь перед другими, но притворяться предо мною — это более чем ошибка. В делах дружбы ошибаться преступно.

Рауль. Бросить карты, не приходить домой под хмельком, распрощаться с театральными кулисами, стать человеком серьезным, учиться, добиваться положения в свете — по-твоему, это притворство?

Вотрен. В дипломатии ты пока что новичок и опытным дипломатом станешь лишь после того, как тебе удастся обмануть меня. Рауль, ты допустил ошибку, от которой я тебя не раз предостерегал. Мое детище, которое не должно было заблуждаться насчет женщин, этих ничтожнейших существ,— которое должно было пользоваться ими как орудием, а не становиться орудием в их руках,— мое детище вдруг стало пастушком из басни Флориана. Мой Ловелас попал в сети к Клариссе. Увы, молодым людям нужно долго прислушиваться к звону бронзы, прежде чем они поймут, что их богиня — всего лишь бездушное изваяние.

Рауль. Наставление?

Вотрен. А ты что же — собираешься меня дурачить, меня, который приучил твою руку владеть пистолетом, обучил тебя фехтованию, сделал тебя таким ловким, что ты можешь не бояться любого молодца из предместий... дурачить меня, который воспитал не только твое тело, но и ум, хотел возвысить тебя над всеми, словом, венчал тебя на царство?.. Будь же хоть малость искренен.

Рауль. Вы хотите знать, о чем я думал? Да нет... это прозвучало бы укором моему благодетелю.

Вотрен. Благодетелю! Ты меня оскорбляешь. Ведь я предлагал тебе свою кровь, свою жизнь. Ведь я готов убить, уничтожить твоего врага, лишь бы получить непомерно огромное вознаграждение, именуемое признательностью. Неужели я извлекаю из тебя выгоду, как ростовщик? Есть люди, чьи благодеяния волочишь за собою, как волочит за собою кандалы каторж.. Да что там!

Я давил бы таких людишек как червей и не почел бы это за человекоубийство. Я просил тебя считать меня своим отцом, мое сердце должно быть для тебя тем, что небо — для ангелов: бесконечным простором, где все — блаженство и покой. Можешь высказать мне любые свои мысли, даже дурные. Говори, я пойму все — даже подлость!

Рауль. Не иначе как бог и сатана соединились и вместе создали этот стальной характер!..

Вотрен. Возможно.

Рауль. Я все тебе скажу.

Вотрен. Так сядем же, дитя мое.

Рауль. Ты причина моего позора и отчаяния.

Вотрен. Как так? Почему? Кто тебя оскорбил, черт побери? Кто посмел? Назови мне его, скажи, где он... И на него обрушится гнев Вотрена!

Рауль. Это не в твоих силах.

Вотрен. Дитя! Существует два рода людей, которые в силах сделать все, что хотят.

Рауль. И кто же это?

Вотрен. Монархи, которые выше законов, или по крайней мере должны быть выше их, и, пусть это тебе и не понравится... преступники, которые ниже законов.

Рауль. А так как ты не монарх...

Вотрен. Ну, я и царствую внизу.

Рауль. Что за страшная шутка, Вотрен!

Вотрен. Да ведь ты сам сказал, что я человек, над которым потрудились сообща и бог и дьявол.

Рауль. Ах, сударь, ваши слова леденят мне сердце.

Вотрен. Сядь, сядь. Спокойнее, дитя мое. Не следует ничему удивляться, иначе прослывешь человеком заурядным.

Рауль. Что я — в руках демона или ангела? Ты учишь меня, не разрушая благородных инстинктов, которые живут во мне; ты просвещаешь меня, не ослепляя; ты наделяешь меня опытностью старцев и не лишаешь очарования юности. Но ты отточил мой ум, расширил мой кругозор, пробудил во мне проницательность, а это не проходит безнаказанно. Скажи мне — откуда твое богатство? Законно ли его происхождение? Почему ты запрещаешь мне рассказывать о лишениях, которые я терпел в детстве? Зачем ты назвал меня по имени деревушки, где ты меня подобрал? Зачем препятствуешь моим ста-

раниям разыскать родителей? И зачем угнетать меня всей этой ложью? Сироте все сочувствуют, но обманщика гонят отовсюду. Я веду образ жизни, равняющий меня с сыном любого герцога или пэра, ты дал мне великолепное воспитание, но не дал положения; ты ввел меня в самые высшие сферы, а там мне плюют в лицо, заявляя, что род Фрескасов угас. Там требуют отчета о моей семье, а ты запрещаешь мне отвечать хоть слово. Я одновременно и аристократ и отщепенец и вынужден сносить такие оскорбления, что мне хочется растерзать живьем всех этих маркизов и герцогов. Во мне все кипит от бешенства, я буду драться хоть на двадцати дуэлях, я погибну! Ты хочешь, чтобы меня продолжали оскорблять? Довольно тайн! Ты Прометей преисподней, так доверши же свое творение или разбей его.

Вотрен. Ну как оставаться равнодушным перед лицом столь благородной и прекрасной юности! Весь так и горит отвагой! Чувства бурлят! О, ты — дитя благородной крови. Доказательства налицо.

Рауль. Ах!

Вотрен. Ты требуешь у меня отчета в опеке? Так слушай.

Рауль. Да разве я имею право требовать? Не будь тебя, меня давно не было бы в живых.

Вотрен. Замолчи. Ты был нищим, я сделал тебя богатым. Ты был невежда, я дал тебе блестящее образование. И все-таки я еще не в расчете с тобою. Отец! Все отцы дают жизнь своим детям, я же должен дать тебе счастье... Но в чем истинные причины твоей грусти? Здесь, в этой шкатулке... *(указывает на шкатулку)*, кажется, хранятся портрет некоей особы и письма, которые мы перечитываем с...

Рауль. Вам известно?..

Вотрен. Да, известно. Что? Задет до глубины сердца?

Рауль. До самой глубины.

Вотрен. Глупец! Любовь живет обманом, а дружба — откровенностью. Впрочем, будь счастлив как умеешь.

Рауль. Но как? Не лучше ли поступить в солдаты — и там, где будут греметь пушки, я сумею завоевать себе славное имя... или умереть.

Вотрен. С чего это? Что за ребячество?

Рауль. Ты уже слишком стар, чтобы понимать такие вещи, с тобою бесполезно об этом и говорить.

Вотрен. Так я сам тебе скажу. Ты влюблен в Инессу де Кристоваль, принцессу Архосскую, дочь герцога, изгнанного королем Фердинандом; эта испанка любит тебя, и мне она нравится, не как женщина, а как очаровательный несгораемый шкаф с парой чудесных глазок и весьма недурным приданым. Словом, прелестная касса, стройная, изящная, как черный корвет с белыми парусами, везущий из Мексики золото. Его прибытия ждут с нетерпением, из его трюмов посыпятся все радости жизни, совсем будто из рук Фортуны, как изображают ее над входом в лотерейную кассу. Я одобряю тебя. Только напрасно ты ее любишь, из-за любви наделаешь тысячи глупостей. Но я — здесь, на посту.

Рауль. Не оскверняй ее своим ужасным сарказмом!

Вотрен. Хорошо, я надену намордник на свое остроумие, а на шляпу — креп.

Рауль. Но ведь не может же ребенок, отданный в семью итальянских рыбаков, стать принцем Архосским. А утратить Инессу — значит умереть с горя.

Вотрен. Миллион двести тысяч ренты, титул принца и испанского гранда, поместья — не стоит смотреть на все это уж слишком мрачно, дружок!

Рауль. Если ты любишь меня, как же ты можешь шутить, когда я в таком отчаянии!

Вотрен. А с чего отчаяние?

Рауль. Герцог и маркиз сегодня оскорбили меня, их гостя, оскорбили в ее присутствии и тем самым разрушили все мои надежды. Двери дома де Кристовалей отныне закрылись для меня. Я не понимаю, зачем герцогиня де Монсорель пригласила меня. Последние два дня она проявляет ко мне непонятное участие.

Вотрен. А зачем ты поехал к своему сопернику?

Рауль. Так тебе все известно?

Вотрен. Все и даже больше. Словом, ты хочешь получить Инессу де Кристоваль? Ну, так можешь позволить себе эту прихоть!

Рауль. Ты смеешься надо мною?

Вотрен. Рауль! Перед тобой закрылись двери дома де Кристовалей? Завтра же ты станешь женихом прин-

цессы Архосской, а Монсорелей выгонят, будь они хоть трижды Монсорели.

Рауль. От моего горя у вас, кажется, совсем рассудок помутился.

Вотрен. Да как ты можешь сомневаться в моем слове? Кто подарил тебе арабского коня, чтобы все денди в Булонском лесу — и пришлые и туземные — высохли от зависти? Кто платит твои карточные долги? Кто заботится о твоих развлечениях? Кто обул тебя, босого?

Рауль. Ты, мой друг, мой отец, моя семья!

Вотрен. Довольно, довольно! Благодарю. Ты вознаграждаешь меня за все жертвы. Но, увы, когда ты разбогатеешь, когда станешь испанским грандом, когда войдешь в великосветское общество — ты забудешь меня. Переменив привычный воздух, меняешь и взгляды. Ты станешь меня презирать. И... будешь прав.

Рауль. Ты — добрый дух из «Тысячи и одной ночи». Уж не сон ли все это? Но, друг мой и благодетель, мне нужна семья.

Вотрен. Как раз сейчас тебе ее и мастерят! Никакой Лувр не вместил бы все портреты твоих предков, ими завалены все лавчонки старьевщиков.

Рауль. Ты воскресил мои надежды.

Вотрен. Хочешь получить Инессу?

Рауль. Любой ценою!

Вотрен. Не отступишь ни перед чем? Колдовство и ад не испугают тебя?

Рауль. Пусть ад, раз он сулит мне рай.

Вотрен. Ад! Это мир каторжников и острожников, мир людей, которых правосудие и полиция украсили клеймом, наградили кандалами; гонит же их на путь преступления нищета, и с этого пути им никогда уж не свернуть. А рай — это роскошный особняк, богатый выезд, обворожительные женщины, почести. В нашем мире — два мира: и с моей помощью ты войдешь в тот, что сверкает великолепием, сам же я останусь в другом — страшном мире. И если ты не забудешь меня — мы в расчете.

Рауль. Вы повергаете меня в ужас, а ведь только что вы рисовали передо мною картины блаженства.

Вотрен *(хлопая его по плечу)*. Ты — дитя. *(В сторону.)* Не наболтал ли я чего лишнего? *(Звонит.)*

Рауль *(в сторону)*. Минутами все существо мое восстает против этих благодеяний. Когда он кладет мне на плечо руку — словно раскаленное железо касается меня. А между тем он делал мне всегда одно лишь добро. Он скрывает от меня средства, к которым прибегает, но ведь все плоды предназначаются только мне.

Вотрен. Что ты там бормочешь?

Рауль. Я говорю, что ничего не приму, если моя честь...

Вотрен. Не беспокойся — о ней позаботятся. Ведь я же сам и развил в тебе чувство чести. Разве когда-нибудь твоя честь подвергалась опасности?

Рауль. Тогда объясни мне.

Вотрен. Ничего не объясню.

Рауль. Не объяснишь?

Вотрен. Да ведь ты сам сказал: «любой ценою». Когда Инесса будет твоею — не все ли равно, что я сделал и кто я такой? Ты увезешь с собой Инессу, поедешь путешествовать. Семейство де Кристовалей не оставит без покровительства принца Архосского. *(Ляфураю.)* Подайте шампанского! Ваш хозяин женится, он хочет распрощаться с холостяцкой жизнью. Друзья уже приглашены, разыщите и его любовниц, если таковые еще остались. Пир на весь мир! Общий сбор, форма одежды парадная! Ура!

Рауль. Его бесстрашие ужасает меня. Но он всегда оказывается прав.

Вотрен. К столу!

Все. К столу!

Вотрен. Не грусти, радуйся своему счастью. Давай потешимся напоследок, пока ты еще свободен! Я буду угощать тебя только испанскими винами; согласись, что это очень мило с моей стороны.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гостиная в особняке герцогини де Кристоваль.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Герцогиня де Кристоваль и Инесса.

Инесса. Если происхождение господина де Фрескаса сомнительно, я найду в себе силы отказаться от

него, маменька. Только прошу вас, будьте так добры, не настаивайте на моем браке с маркизом де Монсорелем.

Де Кристоваль. Я возражаю против безрассудного брака с Раулем, но я не потерплю и того, чтобы вы были принесены в жертву честолюбию семьи де Монсорелей.

Инесса. Безрассудный брак? Как знать? Вы думаете, что Рауль авантюрист, а я верю, что он благородный человек. И ведь ни у вас, ни у меня нет никаких доказательств.

Де Кристоваль. Доказательств не придется долго ждать. Монсорели слишком заинтересованы в том, чтобы разоблачить его.

Инесса. А он! Он слишком любит меня и, конечно, поспешит доказать, что достоин нас. Согласитесь, маменька, что его поведение вчера было исполнено благородства.

Де Кристоваль. Но, милая моя сумасбродка, ведь твое счастье — это и мое счастье! Лишь бы Рауль удовлетворял требованиям света, и я готова отстаивать вас против Монсорелей при испанском дворе.

Инесса. Ах, маменька! Значит, вам он тоже нравится?

Де Кристоваль. Но ведь он — твой избранник!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и лакей; потом Вотрен и Ляфурай. Лакей подает графине запечатанный конверт с визитной карточкой.

Де Кристоваль *(Инессе)*. Генерал Крустаменте, секретный посланник его величества дона Августина Первого, императора Мексики. Что это значит?

Инесса. Из Мексики! Вести от папеньки!

Де Кристоваль *(лакею)*. Просите!

Вотрен *(в форме мексиканского генерала; рост искусственно увеличен; шляпа с белым плюмажем; небесно-голубой мундир богато расшит; белые панталоны; золотисто-желтая перевязь; волосы завиты и падают на плечи, как у Мюрата; на боку — большая сабля; цвет лица смуглый; грассирует наподобие мексиканских испанцев; голос гортанный)*. Я имею честь говорить с герцогиней де Кристоваль?

Де Кристоваль. Да, сударь.

Вотрен. А мадемуазель!

Де Кристоваль. Это моя дочь.

Вотрен. Сеньора Инесса, принцесса Архосская? При виде вас сразу понимаешь, почему господин де Кристоваль так боготворит свою дочь. Сударыни, прежде всего прошу у вас соблюдения полнейшей тайны. Возложенная на меня миссия и без того трудна, а если возникнут подозрения, что между нами существует какая-то связь, все мы будем скомпрометированы.

Де Кристоваль. Я сохраню в тайне и ваше имя и ваше посещение.

Инесса. Генерал, речь идет о моем отце, позвольте мне остаться.

Вотрен. Вы дворянки и притом испанские — я верю вашему слову.

Де Кристоваль. Я прикажу слугам молчать.

Вотрен. Ни в коем случае. Требовать от них молчания — значит подстрекать их к болтовне. За своих я отвечаю. Я обязался, как только буду в Париже, доставить вам вести от господина де Кристоваля, и вот мой первый визит — к вам.

Де Кристоваль. Расскажите же поскорее о моем муже, генерал. Где он?

Вотрен. Мексика, сударыня, стала тем, чем рано или поздно должна была стать: государством, не зависимым от Испании. В настоящую минуту там не осталось ни одного испанца, теперь там только мексиканцы.

Де Кристоваль. Так неожиданно?

Вотрен. Все совершается неожиданно для тех, кто не умеет видеть причин. Ничего не поделаешь! Мексике необходимо было стать независимой, и она избрала себе императора. На первый взгляд это, пожалуй, кажется странным, а в сущности вполне естественно; принципы всегда осуществляются медленно, но люди всегда торопятся.

Де Кристоваль. Что же сталось с моим мужем?

Вотрен. Успокойтесь, герцогиня: он не император. Герцогу чуть было не удалось, путем отчаянного сопротивления, удержать страну в повиновении Фердинанду Седьмому.

Де Кристоваль. Но, сударь, мой муж не военный.

Вотрен. Разумеется. Но он искусный царедворец и прекрасно сыграл свою роль. В случае успеха он вновь вошел бы в милость и Фердинанду пришлось бы волей-неволей назначить его вице-королем.

Де Кристоваль. В какое странное время мы живем!

Вотрен. Да, революции следуют одна за другою, но друг на друга не похожи. Всюду подражают Франции. Однако умоляю вас: не будем говорить о политике — это слишком жгучая тема.

Инесса. А получил папенька наши письма, генерал?

Вотрен. В такой сумятице письма могут легко затеряться; ведь даже короны пропадают бесследно!

Де Кристоваль. Но где же сейчас мой муж?

Вотрен. Старик Амоагос, который пользуется в Мексике огромным влиянием, спас герцога как раз в тот момент, когда я отдал распоряжение его расстрелять...

Де Кристоваль и Инесса. Ах!

Вотрен. Тут-то мы с ним и познакомились.

Де Кристоваль. Вы, генерал?

Инесса. С папенькой?

Вотрен. Ах, сударыни, либо он меня повесил бы как повстанца, либо мне предстояло стать героем освобожденной нации,—и вот я перед вами! Амоагос неожиданно появился во главе своих рудокопов—и вопрос был решен. В награду за помощь Амоагос потребовал, чтобы я освободил его друга, герцога де Кристоваля. Между нами говоря, мой повелитель, император Августин,— только имя. Будущее Мексики всецело в руках партии старика Амоагоса.

Де Кристоваль. Что это за Амоагос? По вашим словам, он полный властелин Мексики?

Вотрен. Неужели здесь он не известен? Не может быть! Что же тогда сблизит Старый свет с Новым! Разве что пар! Вот и разрабатывайте после этого золотые копи! Будьте доном Иниго-Хуан-Варако-Кардаваль де лос-Амоагос-лас-Фрескас-и-Пераль... Но из множества наших фамилий мы, испанцы, как вам известно, всегда называем только одну. Например, я зовусь просто Крустаменте. Словом, будьте вы хоть кандидатом в президенты

мексиканской республики, Франция вас все равно не знает. Сударыни, старик Амоагос принял господина де Кристоваля, как и надлежало природному арагонскому дворянину принять испанского гранда, который изгнан за то, что он пленился прекрасным именем Наполеона.

Инесса. В числе прочих имен вы, кажется, упомянули имя Фрескас?

Вотрен. Да, Фрескас — название второй копи, которую разрабатывает дон Кардаваль. Но обо всем, чем герцог ему обязан, вы узнаете из писем, которые я вам привез. Они у меня в бумажнике. Где мой бумажник? *(В сторону.)* Прекрасно клюнули на старика Амоагоса! *(Вслух.)* Позвольте вызвать кого-нибудь из моих слуг?

Герцогиня знаком велит Инессе позвонить.

(Герцогине.) Разрешите мне, герцогиня, сказать несколько слов... *(Лакею.)* Прикажите моему негру... Впрочем, нет, он понимает только свое варварское наречие. Помашите ему — пусть придет сюда.

Де Кристоваль. Деточка, оставь нас на минутку.

Входит Ляфурай.

Вотрен. *(Ляфураю).* Хихи роро флури.

Ляфурай. Хоро.

Инесса. Папенькино доверие делает вас и без того желанным гостем; но вы рассеяли все наши тревоги — и за это я вам особенно благодарна, генерал.

Вотрен. Бла... благодарны! Но, говоря откровенно, сеньора, это я неоплатный должник вашего славного батюшки — раз мне посчастливилось видеть вас.

Ляфурай. Хо.

Вотрен. Каракас, и мули хоро, фистас, ип сури.

Ляфурай. Сури хоро.

Вотрен. Сударыни, вот письма. *(Ляфураю, шепотом.)* Пошныряй по передней и по двору, рта не разевай, уши навостри, рукам воли не давай, все высмотри и пронюхай.

Ляфурай. Ия, майн хэр.

Вотрен *(в бешенстве).* Сури хоро, фистат.

Ляфурай. Хоро. *(Шепотом.)* Вот документы Ланжака.

Вотрен. Я против освобождения негров; когда мы их лишимся, придется превращать в негров белых...

Инесса *(герцогине)*. Позвольте мне, маменька, уйти, я хочу прочитать папенькино письмо. *(Вотрену.)* Генерал... *(Кланяется ему.)*

Вотрен. Обворожительна! Дай ей бог счастья!

Инесса уходит; герцогиня провожает ее до двери.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Герцогиня де Кристоваль и Вотрен.

Вотрен *(в сторону)*. Если бы Мексика видела, как я выступаю от ее имени, она, пожалуй, приговорила бы меня к пожизненным посольским разъездам! *(Вслух.)* Ах, простите, сударыня, у меня столько забот!

Де Кристоваль. Кому же и иметь заботы как не вам, дипломатам!

Вотрен. Присяжным дипломатам, хотите вы сказать? Я же надеюсь быть и остаться человеком военным, а следовательно, прямодушным. Добиваясь успеха, я прибегаю к единственному оружию — откровенности. Но мы с вами наедине, поговоримте. У меня немало деликатных поручений.

Де Кристоваль.. Вы привезли такие новости, которые не должна слышать моя дочь?

Вотрен. Пожалуй. Приступим прямо к делу: сеньора молода и прекрасна, она богата и знатна; у нее найдется вчетверо больше женихов, чем у любой другой. Рукй ее, вероятно, ищут многие. Так вот — ее отец поручил мне узнать, не отметила ли она кого-нибудь своим особым вниманием?

Де Кристоваль. С человеком откровенным, генерал, и я буду откровенна. Ваш вопрос так необычен, что я не могу на него ответить.

Вотрен. Смотрите! Мы, дипломаты, во избежание ошибки всегда истолковываем молчание в дурном смысле.

Де Кристоваль. Сударь, вы забываете, что речь идет об Инессе де Кристоваль!

Вотрен. Итак, она ни в кого не влюблена. Прекрасно! Значит, она охотно подчинится отцовской воле.

Де Кристоваль. Как? Неужели муж обещал кому-нибудь руку нашей дочери?

Вотрен. Вот видите! Ваше волнение выдает вас. Значит, она уже сделала выбор? В таком случае я так же боюсь спрашивать, как вы — отвечать. Ах, если молодой человек, в которого влюблена ваша дочь, иностранец, богатый, без семьи, скрывающий свое происхождение...

Де Кристоваль. Вы произнесли имя де Фрескас. Именно так называет себя юноша, который ухаживает за Инессой.

Вотрен. Уж не зовут ли его Раулем?

Де Кристоваль. Да, Рауль де Фрескас.

Вотрен. Стройный молодой человек, умный, изящный, лет двадцати трех?

Де Кристоваль. И с манерами, которые не даются даже воспитанием.

Вотрен. И до такой степени романтичный, что ему захотелось, чтобы в нем полюбили его самого, не зная об его огромном состоянии. Ему, видите ли, нужен брак по влечению сердца! Словом, безумец! Молодой Амоагос — а это не кто иной, как он...

Де Кристоваль. Но имя «Рауль»...

Вотрен. Не мексиканское? Вы правы! Так назвала его мать, француженка, эмигрантка, урожденная де Гранвиль, приехавшая из Сан-Доминго. И этот сумасброд любим?

Де Кристоваль. Его предпочитают всем остальным.

Вотрен. Но распечатайте письмо, прочтите, сударыня, и вы увидите, что сеньоры Амоагос и Кристоваль дали мне все полномочия устроить этот брак.

Де Кристоваль. Ах, позвольте мне, сударь, позвать Инессу. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вотрен один.

Вотрен. Здешний мажордом мною подкуплен, так что если настоящее письмо и придет, его вовремя перехватят. Рауль слишком горд, чтобы снова появиться здесь; к тому же он обещал мне подождать. Итак, я хозяин положения. А когда Рауль станет принцем — предков

у него будет хоть отбавляй; уж об этом мы с Мексикой позаботимся.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Вотрен, герцогиня де Кристоваль и Инесса.

Де Кристоваль *(дочери)*. Детка моя, вы должны поблагодарить генерала. *(Во время разговора Инессы с Вотреном читает письмо.)*

Инесса. Благодарить вас, сударь? А папенька пишет, что в числе других дел вам поручено выдать меня за некоего сеньора Амоагоса, не считаясь с моими склонностями.

Вотрен. Успокойтесь. В Париже его зовут Рауль де Фрескас.

Инесса. Рауль де Фрескас? Так это он? Но почему же он так упорно молчит?

Вотрен. Неужели старому воину объяснять вам, что происходит в сердце юноши? Он хочет любви, а не послушания; он хочет...

Инесса. Ах, сударь, я накажу его за эту скромность и за недоверие. Вчера он предпочел снести оскорбление, а не назвал имя своего отца.

Вотрен. Но, сеньора, ведь он еще не знает — считается ли его отец государственным изменником или освободителем Мексики.

Инесса. Маменька, слышите?

Вотрен *(в сторону)*. Как она его любит! Бедняжка, грех такую не обмануть.

Де Кристоваль. Письмо мужа действительно предоставляет вам неограниченные полномочия, генерал.

Вотрен. У меня на руках все юридические и фамильные документы...

Лакей *(входит)*. Господин де Фрескас. Прикажете принять?

Вотрен *(в сторону)*. Рауль! Здесь!

Де Кристоваль *(лакею)*. Просите.

Вотрен. Ну вот, болящий явился, чтобы убить своего врача.

Де Кристоваль. Инесса, вы можете принять господина де Фрескаса, ваш отец одобряет этот брак.

Инесса целует руку матери.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Рауль.

Рауль кланяется дамам; Вотрен подходит к нему.

Вотрен *(Раулю)*. Дон Рауль де Кардаваль.

Рауль. Вотрен!

Вотрен. Нет, генерал Крустаменте.

Рауль. Крустаменте?

Вотрен. Да. Прислан из Мексики. Запомни хорошенько имя твоего отца: Амоагос, арагонский дворянин, друг герцога де Кристоваля. Мать твоя умерла; я привез дворянские грамоты, подлинные семейные документы. Инесса — твоя.

Рауль. И вы думаете, что я соглашусь на такие гнусности? Ни за что!

Вотрен *(дамам)*. Он совсем ошеломлен моим сообщением, он не ожидал такой скорой развязки.

Рауль. Если правда — для меня смерть, так твоя ложь — позор. Я предпочитаю смерть.

Вотрен. Ты ведь решил добиться Инессы любой ценой, а отступаешь перед невинной хитростью?

Рауль *(волнуясь)*. Сударыни...

Вотрен. Он вне себя от счастья. *(Раулю.)* Одно слово — и ты утратишь Инессу, а меня выдашь правосудию. Что ж, говори. Моя жизнь принадлежит тебе.

Рауль. О Вотрен! В какую бездну ты меня ввергнул!

Вотрен. Я сделал тебя принцем. Ведь ты должен быть вне себя от счастья. *(В сторону.)* Как-нибудь обойдется.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Инесса (у двери, до которой она проводила герцогиню) и Рауль (на противоположной стороне сцены).

Рауль *(в сторону)*. Честь требует, чтобы я рассказал всю правду; чувство благодарности требует, чтобы я молчал. Ну что ж! Пока Вотрену грозит опасность, возьму на себя роль счастливца, но нынче же вечером напишу Инессе письмо, и пусть она узнает, кто я такой. Принеся такую жертву, я буду с тобой в расчете, Вотрен. Между нами все кончено. Уйду куда глаза глядят, сыщу смерть на поле сражения.

Инесса (*долго на него смотрела, потом подходит к нему*). Наши отцы — друзья; они согласны на наш союз. Мы любим друг друга так страстно, словно нам грозит разлука, а вы задумчивы, почти печальны.

Рауль. Вы владеете своим рассудком, а я, увы, нет! Вы не видите больше никаких препятствий, а между тем могут снова возникнуть помехи, и притом непреодолимые.

Инесса. Рауль, зачем смущать наше счастье новыми тревогами?

Рауль. Наше счастье! (*В сторону.*) Нет, не могу притворяться. (*Вслух.*) Во имя нашей любви умоляю вас: верьте в мою порядочность.

Инесса. Мое доверие к вам безгранично. Кроме того, генерал дал объяснение всему — даже вашему поведению у Монсорелей. И я простила поэтому те маленькие огорчения, которые вы невольно причинили мне.

Рауль (*в сторону*). Ах, Вотрен! Отдаюсь в твои руки! (*Вслух.*) Инесса, вы и не подозреваете, какая власть заключена в ваших словах: они дают мне силы, иначе я умер бы от восторга, который охватывает меня в вашем присутствии... Да, да! Отдадимся счастью!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и маркиз.

Лакей (*докладывает*). Маркиз де Монсорель.

Рауль (*в сторону*). Это имя сразу вернуло меня к действительности. (*Инессе.*) Что бы ни случилось, Инесса, не судите о моем поведении, пока я сам вам все не объясню, и верьте, что я во власти неодолимого рока.

Инесса. Рауль, я вас не понимаю, но я по-прежнему верю вам.

Маркиз (*в сторону*). Опять этот щеголь. (*Кланяется Инессе.*) Я надеялся застать вас с матушкой, мадемуазель, и никак не предполагал, что приеду так некстати... Простите меня.

Инесса. Останьтесь, прошу вас. Здесь нет посторонних; моя семья приняла предложение господина де Фрескаса.

Маркиз. В таком случае, господин де Фрескас, примите мои поздравления.

Рауль. Поздравления? Принимаю их *(протягивает маркизу руку; рукопожатие)* так же искренне, как вы их выражаете.

Маркиз. Мы понимаем друг друга.

Инесса *(Раулю)*. Постарайтесь спровадить его, а сами останьтесь. *(Маркизу.)* Меня зовет маменька: надеюсь, и она выйдет к вам.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Маркиз и Рауль; потом Вотрен.

Маркиз. Согласны вы драться насмерть и без секундантов?

Рауль. Без секундантов?

Маркиз. Неужели вы не понимаете, что вдвоем нам тесно в этом мире?

Рауль. Ваши родители слишком могущественные люди, а потому ваше предложение, в случае моего успеха, грозит мне большими неприятностями. Позвольте же мне предпочесть дворец Кристовалей тюремной камере.

Входит Вотрен.

Насмерть? Согласен! Но при свидетелях.

Маркиз. А ваши секунданты не прекратят поединка?

Рауль. Для каждого из нас порукой наша ненависть.

Вотрен *(в сторону)*. Опять что-то не ладится! Насмерть? Этот мальчишка играет своею жизнью, словно она принадлежит ему!

Маркиз. В таком случае, сударь, завтра, в восемь, у опушки Сен-Жерменского леса.

Вотрен. Никуда вы не поедете. *(Раулю.)* Дуэль? Да разве вы ровня? Разве этот молодой человек тоже единственный сын знатной семьи? Разве ваш отец, дон Иниго-Хуан-Варако де лос-Амоагос-де-Кардаваль-лас-Фрескас-и-Пераль, позволит вам драться, дон Рауль?

Маркиз. Я вызвал на дуэль неизвестного, а знатность господина де Фрескаса тем более не может служить препятствием.

Рауль *(маркизу)*. Теперь, мне кажется, мы можем, сударь, действовать учтиво, как люди, достаточно ува-

жающие один другого, чтобы друг друга ненавидеть и убить.

Маркиз *(смотрит на Вотрена)*. Нельзя ли узнать имя вашего наставника?

Вотрен. А я с кем имею честь говорить?

Маркиз. С маркизом де Монсорелем, сударь.

Вотрен *(смерив его взглядом)*. Я имею право умолчать о том, кто я такой. Но я все же назову вам свое имя один-единственный раз, и в скором времени. Однако вам уже не придется его повторить. Я буду секундантом де Фрескаса. *(В сторону.)* А вторым будет Бютэ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Рауль, Вотрен, маркиз, герцогиня де Монсорель; потом герцогиня де Кристоваль и Инесса.

Лакей *(докладывает)*. Герцогиня де Монсорель.

Вотрен *(Раулю)*. Без ребячества! Самоуверенность и спокойствие! Я начеку.

Маркиз. Мама, вы пожаловали, чтобы присутствовать при моем поражении? Все уже решено. Семейство де Кристовалей подшутило над нами. Генерал *(указывает на Вотрена)* привез полномочия от обоих отцов.

Герцогиня де Монсорель. У Рауля есть семья?

Входит герцогиня де Кристоваль с дочерью; они здороваются с герцогиней де Монсорель.

Сударыня, сын только что сообщил мне о неожиданном событии, которое разрушает все наши надежды.

Де Кристоваль. Но ведь вы еще вчера проявляли к господину де Фрескасу такое участие. Неужели за сутки ваше отношение к нему настолько изменилось?

Герцогиня де Монсорель *(смотрит на Вотрена)*. И все ваши сомнения рассеял генерал? Кто он такой?

Де Кристоваль. Генерал явился от отца господина де Фрескаса, дона Амоагоса, и от герцога де Кристоваля. Он привез известия, которых мы так ждали, и доставил нам, наконец, письма моего мужа.

Вотрен *(в сторону)*. Да что ж это я стою тут чучелом?

Герцогиня де Монсорель *(Вотрену)*. Значит, сударь, вы давно знакомы с семейством господина де Фрескаса?

Вотрен. Оно весьма не многочисленно: отец, дядя... *(Раулю.)* Вы лишены даже грустной утехи — вы не можете помнить свою мать. *(Герцогине.)* Она скончалась в Мексике, вскоре после замужества.

Герцогиня де Монсорель. Господин де Фрескас родился в Мексике?

Вотрен. В самом сердце Мексики.

Герцогиня де Монсорель *(герцогине де Кристоваль)*. Дорогая, нас обманывают. *(Раулю.)* Сударь, признайтесь же, что вы не приехали из Мексики, ваша мать не умерла, но вы еще в младенчестве были брошены, не так ли?

Рауль. Моя мать жива?

Вотрен. Простите, сударыня, приехал я, и если вы желаете узнать кое-какие тайны, то я могу вам их сообщить, и вам не придется расспрашивать господина де Фрескаса. *(Раулю.)* Ни звука!

Герцогиня де Монсорель *(в сторону)*. Это он! А этот человек пользуется им, как орудием, в интересах какой-то подозрительной интриги. *(Подходит к маркизу.)* Сын мой!..

Маркиз. Вы их смутили, мама, а наши с вами подозрения насчет этого человека *(показывает на Вотрена)* совпадают. Но только женщина имеет право высказать все и тем разоблачить страшный обман.

Герцогиня де Монсорель. Страшный — вы правы! Но оставьте нас.

Маркиз. Сударыни, не сетуйте на меня, если вопреки всему я все же не теряю надежды. *(Вотрену.)* Ведь всего один шаг от неудач до...

Вотрен. ...смерти!

Маркиз и Рауль раскланиваются; маркиз уходит.

Герцогиня де Монсорель *(герцогине де Кристоваль)*. Дорогая, умоляю вас — отошлите Инессу; мы не можем объясняться в ее присутствии.

Де Кристоваль *(Инессе, делая ей знак уйти)*. Я сейчас приду.

Рауль (*Инессе, целуя ей руку*). Мы прощаемся, быть может, навеки.

Инесса уходит.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Герцогиня де Кристоваль, герцогиня де Монсорель, Рауль и Вотрен.

Вотрен (*герцогине де Кристоваль*). Разве вы не понимаете, что привело сюда герцогиню?

Де Кристоваль. Еще вчера во мне зародилось подозрение, но я не решаюсь в нем признаться даже самой себе.

Вотрен. А я сразу же разгадал, чем объясняется эта любовь.

Рауль (*Вотрену*). Я задыхаюсь от всей этой лжи.

Вотрен (*Раулю*). Потерпи еще чуточку.

Герцогиня де Монсорель. Сударыня, я понимаю, сколь странным должно вам казаться мое поведение, и я даже не пытаюсь разъяснить его. Есть священные обязанности, перед лицом которых склоняются все правила приличия и даже все законы. Зачем, с какими полномочиями приехал сюда генерал?

Де Кристоваль (*которой Вотрен сделал знак*). Я не имею права ответить на этот вопрос.

Герцогиня де Монсорель. Ну так я вам скажу: генерал либо сам введен в заблуждение, либо он соучастник обмана; а жертвами обмана являемся все мы. Пусть он привез письма, пусть привез документы, все утверждения, будто у Рауля есть имя и семья,— ложь.

Рауль. Сударыня! Я не понимаю, по какому праву вы вмешиваетесь в мою жизнь?

Де Кристоваль. Как благоразумно вы поступили, герцогиня, удалив отсюда мою дочь и маркиза.

Вотрен (*Раулю*). По какому праву? (*Герцогине де Монсорель.*) Ваше признание излишне, мы и так догадываемся. Я вполне понимаю, сударыня, в какое глубокое отчаяние приводит вас этот брак, и поэтому не обижаюсь, что вы высказали на мой счет оскорбительные подозрения и отрицаете подлинность документов, которые мы с герцогиней собираемся представить соответствующим властям. (*В сторону.*) Сейчас я ее совсем оглушу. (*Отводит*

герцогиню де Монсорель вправо.) Прежде чем стать мексиканцем, я был испанским подданным; я знаю причину вашей ненависти к маркизу Альберу, а что касается дела, которое привело вас сюда, то мы поговорим о нем вскоре у вашего духовника.

Герцогиня де Монсорель. Значит, вам все известно?

Вотрен. Все. *(В сторону.)* Тут что-то кроется. *(Вслух.)* Пойдемте, я покажу вам документы.

Де Кристоваль. Итак, дорогая?..

Герцогиня де Монсорель. Пойдемте к Инессе. И умоляю вас, исследуем эти документы как можно тщательнее,— это вас молит мать, доведенная до полного отчаяния.

Де Кристоваль. Мать?.. В отчаянии?..

Герцогиня де Монсорель *(смотрит на Рауля и Вотрена)*. Как удалось этому человеку завладеть и моею тайной и моим сыном?

Де Кристоваль. Идемте, сударыня!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Рауль, Вотрен и Ляфурай.

Вотрен. Я думал, что наша звезда закатывается, но нет — она все еще сияет.

Рауль. Не довольно ли унижений? У меня было лишь одно достояние — честь; и ту я отдал тебе. Ты силен, как сам сатана.

Входит Ляфурай.

Но с этой минуты я выхожу из-под твоей власти. Теперь ты вне опасности! Прощай.

Ляфурай. Никого? Вовремя убрались! Сударь, Философ дожидается внизу... Все пропало! В нашем доме полиция!

Вотрен. Всякий другой на моем месте давно бы сложил оружие! Ну и что? Никого не схватили?

Ляфурай. Ну! Нас голыми руками не возьмешь! Не таковские!

Вотрен. Философ дожидается внизу? А как он одет?

Ляфурай. Егерем.

Вотрен. Превосходно! Пусть едет на запятках.

Я потом скажу вам, как запрятать принца Архосского, а то он собрался завтра драться на дуэли.

Рауль. Я вижу, вам грозит опасность. Я не покину вас, я хочу знать...

Вотрен. Незачем. О себе не беспокойся. Я за тебя отвечаю, хоть бы и против твоей воли!

Рауль. О, я знаю, что меня ожидает завтра.

Вотрен. И я тоже знаю.

Ляфурай. Дело не терпит.

Вотрен. Да еще как...

Ляфурай. Значит, нечего нюни распускать, нечего мешкать! За нами гонятся и к тому же верхом.

Вотрен. А мы чем хуже? *(Отводит Ляфурая в сторону.)* Если правительство оказывает нам такую честь и размещает жандармов в нашем доме — наш долг не тревожить их. Бегите кто куда, но в полночь чтобы все до одного собрались у тетушки Жирофле. И чтобы насчет спиртного — ни, ни! Я не желаю разгрома, а враг на носу. Спасайся, кто может!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Гостиная в нижнем этаже особняка де Монсорелей.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жозеф один.

Жозеф. Сегодня он, проклятый, опять начертил свой знак на калитке. Все это до добра не доведет; черт его знает, что он затеял. Лучше уж переговорю с ним здесь, чем в парадных комнатах. Тут хоть сад под боком, в случае чего можно и удрать.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жозеф, Ляфурай, Бютэ; потом Вотрен. Сначала слышится звук «бррр...»

Жозеф. Ну вот — затянули наш гимн. Каждый раз меня от него дрожь пробирает.

Входит Ляфурай.

Вы кто такой? *(Ляфурай делает знак.)* Новичок?

Ляфурай. Старичок.

Жозеф. Разве он здесь?

Ляфурай. Еще бы, станет он дожидаться! Сейчас придет.

Входит Бютэ.

Жозеф. Как? Вас целых трое?

Ляфурай *(указывая на Жозефа)*. Целых четверо.

Жозеф. Зачем вы явились в такой час? Хотите тут все забрать?

Ляфурай. Он думает — мы воры.

Бютэ. Что ж, он прав,— иной раз, в дни невзгод, волей-неволей приходится... Но зачем же говорить об этом вслух!

Ляфурай. Стараешься не отстать от других. Всякому лестно разбогатеть. Только и всего.

Жозеф. Но с минуты на минуту его светлость...

Ляфурай. Светлость твоя вернется не раньше двух, значит, времени хватит. Спокойнее! Ты трусишь, а это может повредить блюду, которое мы стряпаем.

Бютэ. ... и должны подать горячим!

Вотрен *(в коричневом сюртуке, синих брюках, черном жилете; волосы коротко острижены; играет под Наполеона в штатском. Входя, поспешно тушит канделябр и вынимает потайной фонарь)*. Нашли где зажигать свет. Вы, кажется, воображаете, будто благодушествуете у себя дома! Что этот болван забыл основные правила — это еще понятно, но вы — вы-то! *(К Бютэ, указывая на Жозефа.)* Заткни ему уши, ступайте поговорите там. *(Ляфураю.)* Как малыш?

Ляфурай. Стерегут надежно!

Вотрен. А где?

Ляфурай. В другой норке тетушки Жирофле, неподалеку отсюда, за Домом инвалидов.

Вотрен. Смотрите, чтобы он не улизнул тайком. Хватит и того, что упустили Сен-Шарля. Этот бешеный чуть не погубил все наше предприятие... А не то... Смотрите, я зря грозить не люблю...

Ляфурай. За малыша головой ручаюсь. Философ деликатно связал его по рукам и ногам и сдаст его мне с рук на руки. А насчет того, другого,— что ж поделаешь? Старуха Жирофле, бедняжка, не может устоять перед рюмочкой, а Блонде ее живо раскусил.

Вотрен. Что говорил Рауль?

Ляфурай. Всякий вздор! Все твердит, что опозорен. К счастью, Философ не большой охотник до поэтических излияний.

Вотрен. Понимаешь, этот несмышленыш хочет драться насмерть. Молодые люди трусят, но у них хватает мужества не показывать страха и хватает глупости подставлять лоб под пулю. Надеюсь, ему не позволили никому написать?

Ляфурай *(в сторону)*. Ай, ай, ай! *(Вслух.)* Не хочу ничего от вас утаивать: прежде чем попасть под замок, принц послал малютку Нини с письмом во дворец Кристовалей.

Вотрен. Инессе?

Ляфурай. Инессе.

Вотрен. А, тьфу! Одни слова!

Ляфурай. А, тьфу! Одни глупости!

Вотрен *(Жозефу)*. Эй, ты там, добродетельный!

Бютэ *(подводит Жозефа к Вотрену)*. Расскажите этому субъекту, в чем дело, он требует объяснений!

Жозеф. Мне кажется, с моей стороны не будет особенной нескромностью, если я спрошу, чем я рискую и что мне перепадет?

Вотрен. Время быстротечно, а человек многоречив. Сбережем время и обойдемся без лишних слов. Две жизни сейчас в опасности: человека, который мне дорог, и нахала, который, по-моему, зря коптит небо. Мы пришли, чтобы его убрать.

Жозеф. Как? Маркиза? Я не участвую.

Ляфурай. А твоего согласия и не спрашивают.

Бютэ. Мы согласились за тебя. Знаешь, приятель, когда вино разлито по стаканам, надо его пить.

Жозеф. Если вино плохое — лучше не надо.

Вотрен. А! Так ты отказываешься чокнуться со мною? Кто раздумывает — тот рассчитывает, а кто рассчитывает — тот изменяет.

Жозеф. А от ваших расчетов и мозги изменяют.

Вотрен. Хватит, надоел. Твой барин завтра дерется на дуэли. В этом поединке один из противников должен остаться на месте. Представь себе, что дуэль уже состоялась и что твоему барину не повезло.

Бютэ. Чего проще!

Ляфурай. И мудрее! Господин Вотрен просто помогает року.

Жозеф. Занятие почтенное!

Бютэ. И за патент не платить.

Вотрен *(Жозефу, указывая на Ляфурая и Бютэ)* Спрячь их.

Жозеф. Где?

Вотрен. Говорю тебе — спрячь. Когда весь дом, кроме нас, уснет, проводишь их к вашему маркизу. *(Ляфураю и Бютэ.)* Постарайтесь обойтись без него; вас будет только двое, зато проворных. Комната маркиза выходит во двор. *(Шепчет Ляфураю на ухо.)* Выбросьте его за окно, словно это он с отчаяния. *(Оборачивается к Жозефу.)* Самоубийство — вещь убедительная; никого ни в чем не заподозрят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Вотрен один.

Вотрен. Мы спасены. Вот только слуги ненадежны, придется их сменить. Предательство почтеннейшего Блонде не пойдет ему впрок, а так как дурные дела помогают завязывать добрые отношения, я открою герцогу, что Блонде — убийца виконта де Ланжака. Наконец-то я доберусь до тайн Монсорелей и выясню, чем объясняется странное поведение герцогини. Ах, если бы тайны, которые я узнаю, могли послужить объяснением самоубийства маркиза — вот получилось бы ловко!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вотрен и Жозеф.

Жозеф. Я спрятал ваших в оранжерее, но сами-то вы, надеюсь, не собираетесь здесь оставаться?

Вотрен. Нет, я буду заниматься в кабинете герцога.

Жозеф. А если он вернется? Вы не боитесь, что...

Вотрен. Если бы я чего-нибудь боялся, разве я был бы вашим властелином?

Жозеф. Но куда же вы денетесь?

Вотрен. Много хочешь знать, любезный.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Жозеф один.

Жозеф. Ну, пока он пристроен, молодчики его тоже. Они у меня в руках, а так как я отнюдь не намерен принимать в этом участие, то...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Жозеф, лакей; потом Сен-Шарль.

Лакей. Кто-то вас спрашивает.

Жозеф. В такое время?

Сен-Шарль. Это я.

Жозеф. Оставь нас, голубчик.

Сен-Шарль. Герцог вернется только после того, как король пройдет в спальню. А герцогиня сейчас приедет, я хочу поговорить с нею наедине и подожду ее здесь.

Жозеф. Здесь?

Сен-Шарль. Здесь.

Жозеф *(в сторону)*. Боже мой! А Жак...

Сен-Шарль. Тебе это не по душе?

Жозеф. Напротив!

Сен-Шарль. А ну-ка не лукавь. Может быть, ты кого-нибудь ждешь?

Жозеф. Жду барыню.

Сен-Шарль. А не Жака ли Коллена?

Жозеф. Ох, не напоминайте мне о нем: меня прямо дрожь пробирает.

Сен-Шарль. Коллен замешан в такие дела, что каждую минуту может появиться здесь. Ты, вероятно, опять с ним виделся? С вашим братом это случается,— понимаю. Выпытывать у тебя мне некогда, а подкупать тебя нет надобности. Выбирай между нами двумя, да поживее.

Жозеф. Да что вам от меня надо?

Сен-Шарль. Надо знать в мельчайших подробностях все, что здесь творится.

Жозеф. Ну, новости есть. Маркиз завтра дерется с господином де Фрескасом.

Сен-Шарль. Дальше.

Жозеф. Герцогиня приехала!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сен-Шарль один.

Сен-Шарль. Трус проклятый! Эта дуэль — прекрасный предлог для разговора с герцогиней. Герцог меня не разгадал, он думает, что я только орудие, которым можно по желанию воспользоваться, а затем бросить. Он приказал мне ничего не говорить герцогине и тем самым дал мне оружие против него самого. Извлекать выгоду из ошибок ближних — вот главное достояние человека сильного. Сколько уж я этих достояний проел, а все же аппетит у меня по-прежнему прекрасный.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сен-Шарль, герцогиня де Монсорель и мадемуазель де Водре.

Сен-Шарль отходит в сторону, пропуская дам, которые выходят на авансцену.

Де Водре. Вы очень расстроены?

Герцогиня де Монсорель *(падает в кресло)*. Все кончено! Никакой надежды! Вы были правы.

Сен-Шарль *(подходит)*. Ваша светлость!

Герцогиня де Монсорель. Ах, я и забыла! Сударь, я не могу сейчас исполнить вашу просьбу и принять вас. Завтра... позже...

Де Водре *(Сен-Шарлю)*. Племянница не в состоянии вас сейчас выслушать.

Сен-Шарль. Завтра, герцогиня, будет уже поздно. Жизнь маркиза, вашего сына, в опасности. Завтра у него дуэль с господином де Фрескасом.

Герцогиня де Монсорель. Какой ужас!

Де Водре *(шепотом герцогине)*. Не забывайте, что Рауль вам чужой.

Герцогиня де Монсорель *(Сен-Шарлю)*. Сударь, мой сын сумеет исполнить свой долг.

Сен-Шарль. Неужели, если бы дело шло только о дуэли, я явился бы сообщить вам о ней? Ведь такие новости обычно скрывают от матери. Ваш сын будет убит не на дуэли. Слуги его противника — наемные убийцы, негодяи, которые прячутся за спиной Рауля.

Герцогиня де Монсорель. А где доказательства?

Сен-Шарль. Человек, который разыгрывает из себя управляющего господина де Фрескаса, предлагал мне огромную сумму за участие в заговоре против семейства де Кристовалей. Желая выпутаться из западни, я притворился, будто принимаю предложение. Но когда я направился в полицию, чтобы все рассказать, двое неизвестных, пробегая мимо, сшибли меня с ног, и я ударился так сильно, что потерял сознание. Они одурманили меня, втащили в карету, и я очутился в обществе весьма сомнительных господ. Перед лицом новой опасности хладнокровие вернулось ко мне. Я вырвался из их лап и стал разыскивать дерзких злодеев.

Де Водре. Вы явились сюда, по словам Жозефа, к господину де Монсорелю?

Сен-Шарль. Да, герцогиня.

Герцогиня де Монсорель. Но кто вы такой, сударь?

Сен-Шарль. Я доверенный, которому герцог перестал доверять. Я получаю вознаграждение за то, что выясняю разные тайны.

Де Водре *(герцогине)*. О Луиза!

Герцогиня де Монсорель *(пристально глядя на Сен-Шарля)*. Но как вы решились обратиться ко мне, сударь?

Сен-Шарль. Меня побудила опасность, которая грозит вам, ваша светлость! Мне платят за то, чтобы я действовал как ваш враг. Будьте столь же осмотрительны, как я, благоволите доказать мне, что ваше покровительство будет более ощутимым, чем несколько туманные обещания герцога,— и я добьюсь для вас победы. Но время не терпит, с минуты на минуту приедет герцог, а если он застанет нас вместе, все пойдет прахом, и по вашей же вине.

Герцогиня де Монсорель *(к де Водре)*. Опять проблеск надежды! *(Сен-Шарлю.)* А зачем вы бывали у господина де Фрескаса?

Сен-Шарль. Затем же, зачем я сейчас нахожусь у вас, герцогиня.

Герцогиня де Монсорель. Вы хотите сказать...

Сен-Шарль. Вашей светлости не угодно ответить мне. Но ведь я дал слово герцогу, а он всемогущ.

Герцогиня де Монсорель. А я, сударь, безмерно богата; но не надейтесь, что вам удастся провести меня. *(Встает.)* Я отлично понимаю, что ваша просьба переговорить со мною наедине — это хитрость герцога, и я не поддамся на обман. Я даже сообщу вам, сударь, дополнительные сведения. *(Лукаво.)* Господин де Фрескас вовсе не мошенник, его слуги не убийцы, он происходит из столь же богатой, как и знатной, семьи, и он женится на принцессе Архосской.

Сен-Шарль. Да, герцогиня, лицо, прибывшее из Мексики, представило письма господина де Кристоваля и вполне достоверные документы. Вы сами запрашивали секретаря мексиканского посольства, и он признал их подлинность. Гербовая бумага, печати, подписи — все в полном порядке.

Герцогиня де Монсорель. Да, грамоты неоспоримы.

Сен-Шарль. А вам очень хотелось, сударыня, чтобы они оказались поддельными?

Герцогиня де Монсорель *(к де Водре)*. Вероятно, ни одна мать не подвергалась таким пыткам!

Сен-Шарль *(в раздумье)*. На чью же сторону мне стать: жены или мужа?

Герцогиня де Монсорель. Сударь, я уплачу вам любую сумму, которую вы назначите, если вам удастся доказать мне, что Рауль де Фрескас...

Сен-Шарль. Негодяй?

Герцогиня де Монсорель. Нет, что он сын...

Сен-Шарль. Ваш, не так ли?

Герцогиня де Монсорель *(не владея собою)*. Ну, да! Будьте моим спасителем, я не оставлю вас до конца моих дней. *(К де Водре.)* Что это я сказала? *(Сен-Шарлю.)* Где Рауль?

Сен-Шарль. Исчез! А его управляющий, заказавший поддельные грамоты на улице Облен, разыграл роль мексиканского посланника. Это один из опаснейших парижских преступников.

Герцогиня вздрагивает.

О, успокойтесь! Он слишком хитер, чтобы допустить кровопролитие; однако он столь же опасен, как те, что льют кровь рекой. И этот человек охраняет Рауля.

Герцогиня де Монсорель. За жизнь Рауля я предлагаю вам состояние.

Сен-Шарль. К вашим услугам, сударыня. *(В сторону.)* Сначала все разузнаю, а тогда уже выберу.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, герцог и лакей.

Герцог. Итак, вы можете торжествовать, герцогиня: повсюду только и разговору, что о богатстве и женитьбе господина де Фрескаса; у него есть семья... *(Шепотом герцогине.)* У него есть мать. *(Замечает Сен-Шарля.)* Как? Вы здесь, у герцогини, кавалер?

Сен-Шарль (*отводит герцога в сторону*). Ваша светлость одобрит мои действия. *(Вслух.)* Вы были во дворце, а я почел своим долгом предупредить герцогиню: вашему единственному сыну, маркизу, грозит опасность. Его собираются убить.

Герцог. Убить?

Сен-Шарль. Ваша светлость, благоволите выслушать меня...

Герцог. Пойдемте ко мне в кабинет, дражайший; надо немедленно принять решительные меры.

Сен-Шарль (*делает герцогине успокоительный жест*). Я должен сообщить вам чрезвычайно странные вещи, герцог. *(В сторону.)* Нет, решительно, я — за герцога!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Герцогиня де Монсорель, мадемуазель де Водре и Вотрен.

Де Водре. Если Рауль действительно ваш сын — то в какую же отвратительную компанию он попал!

Герцогиня де Монсорель. Одного ангела достаточно, чтобы обелить весь ад.

Вотрен (*осторожно приотворил стеклянную дверь, ведущую в сад; в сторону*). Теперь я все знаю. Не могут же два родные брата драться на дуэли! А, вот и герцогиня. *(Вслух.)* Сударыня!

Де Водре. Кто это? Помогите!

Герцогиня де Монсорель. Это он!

Вотрен (*герцогине*). Тише! Женщины только и

знают, что кричать. *(К мадемуазель де Водре.)* Мадемуазель де Водре, бегите скорее к маркизу, в его комнате спрятались двое подлых убийц. Спешите, пока его еще не зарезали. Но постарайтесь устроить так, чтобы негодяев задержали без лишнего шума. *(Герцогине.)* Останьтесь, герцогиня.

Герцогиня де Монсорель. Ступайте, тетя, а за меня не бойтесь.

Вотрен. Вот удивятся мои прохвосты! Что они подумают? Но не им меня судить, я сам буду им судьей.

Слышится шум.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Герцогиня де Монсорель и Вотрен.

Герцогиня де Монсорель. Весь дом на ногах! Что скажут, когда узнают, что я здесь?

Вотрен. Будем надеяться, что этого приемыша спасут.

Герцогиня де Монсорель. Но ведь уже известно, кто вы такой. Герцог сейчас разговаривает с...

Вотрен. Кавалером де Сен-Шарлем. За себя я спокоен: вы меня защитите.

Герцогиня де Монсорель. Я?

Вотрен. Вы. А не то вам больше не видать вашего сына, Фернана де Монсореля.

Герцогиня де Монсорель. Значит, Рауль действительно мой сын?

Вотрен. Увы, да! У меня в руках, герцогиня, и неопровержимые доказательства вашей невиновности и... ваш сын.

Герцогиня де Монсорель. У вас?! В таком случае я не отпущу вас, пока вы...

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же, мадемуазель де Водре — с одной стороны, Сен-Шарль — с другой; слуги.

Де Водре. Вот он! Спасите ее!

Герцогиня де Монсорель *(к мадемуазель де Водре)*. Вы все погубите!

Сен-Шарль *(слугам)*. Вот их главарь и соучастник, теперь уж он не отопрется. Хватайте его!

Герцогиня де Монсорель *(слугам)*. Оставьте меня наедине с этим человеком, слышите?

Вотрен *(Сен-Шарлю)*. Ну, что скажешь, кавалер?

Сен-Шарль. Ничего не понимаю, барон!

Вотрен *(шепотом герцогине)*. Перед вами — убийца виконта де Ланжака, которого вы так любили.

Герцогиня де Монсорель. Он? Убийца Ланжака?

Вотрен *(герцогине)*. Велите не спускать с него глаз, а не то он ускользнет между пальцами, как деньги.

Герцогиня де Монсорель. Жозеф!

Вотрен *(Жозефу)*. Что произошло наверху?

Жозеф. Маркиз осматривал свой пистолет. На него напали сзади, он стал защищаться и только слегка ранен. При нем находится его светлость.

Герцогиня де Монсорель *(тетке)*. Вернитесь к Альберу, прошу вас. *(Жозефу, указывая на Сен-Шарля)*. Следите за этим человеком, вы мне за него ответите.

Вотрен *(Жозефу)*. И мне тоже!

Сен-Шарль *(Вотрену)*. Понимаю, ты меня опередил.

Вотрен. Уж не взыщи, голубчик!

Сен-Шарль *(Жозефу)*. Отведи меня к герцогу. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Вотрен и герцогиня де Монсорель.

Вотрен *(в сторону)*. У него есть отец, семья, мать. Все пропало! О ком же мне теперь заботиться, кого любить? Двенадцать лет я был ему отцом — но этого уже не вернешь!

Герцогиня де Монсорель *(подходит к Вотрену)*. Итак?

Вотрен. Итак! Нет, сударыня, я не отдам вам вашего сына, у меня не хватит сил пережить такую утрату и вынести его презрение. Другого такого, как Рауль, не сыщешь. Ведь я живу только им.

Герцогиня де Монсорель. Но разве он может вас любить, вас, преступника, которого мы при желании можем выдать...

Вотрен. Полиции, не так ли? Я был о вас лучшего мнения, ваша светлость. Но разве вы не понимаете, что я потяну за собою в бездну и вас, и вашего сына, и герцога и что мы рухнем в нее все вместе?

Герцогиня де Монсорель. О, что вы сделали из моего несчастного сына?

Вотрен. Честного человека.

Герцогиня де Монсорель. И он вас любит?

Вотрен. Пока еще любит.

Герцогиня де Монсорель. А этот негодяй сказал правду относительно того, кто вы и откуда явились?

Вотрен. Истинную правду, сударыня.

Герцогиня де Монсорель. И вы заботились о моем сыне?

Вотрен. О вашем сыне? О нашем. Ведь вы же видели, он чист, как ангел.

Герцогиня де Монсорель. О, в чем бы ты ни был повинен — будь благословен! Да простят тебя люди! Господи! *(Становится на колени.)* Услышь голос матери,—прости, прости этому человеку все его прегрешения. *(Смотрит на Вотрена.)* Мои слезы омоют его руки! Он раскается! *(Оборачивается к нему.)* Отныне вы принадлежите мне, я сделаю из вас другого человека! Да, я верю: люди ошиблись, вы не преступник. Любая мать простит вам все.

Вотрен. Придется вернуть ей сына!

Герцогиня де Монсорель. Неужели вы — страшно подумать,— хотели не отдавать ребенка матери? Но ведь я жду его двадцать два года!

Вотрен. А разве я не был ему отцом целых десять лет? Рауль! Он — моя душа. Пусть я страдаю, пусть буду покрыт позором — зато он счастлив, зато он в почете, я любуюсь им, и жизнь становится для меня прекрасной.

Герцогиня де Монсорель. О, я погибла! Он любит Фернана как мать!

Вотрен. Меня связывало с миром, с жизнью только это единственное звено, чистое, как золото.

Герцогиня де Монсорель. И... ничем не запятнанное?

Вотрен. Мы тоже знаем толк в добродетели, и... угодить нам нелегко. Мой удел — бесчестие, его — чисто-

та. И подумайте только, я нашел его на большой дороге между Тулоном и Марселем, двенадцатилетнего мальчугана, голодного, в рубище.

Герцогиня де Монсорель. И, может быть, босого?

Вотрен. Да! Но как он был хорош! Золотые кудри...

Герцогиня де Монсорель. Вы видели его таким?

Вотрен. Бедняжка! Он заливался слезами. Я взял его с собою.

Герцогиня де Монсорель. И кормили его?

Вотрен. Я воровал, чтобы кормить его.

Герцогиня де Монсорель. О, вероятно, и я поступила бы так же!

Вотрен. И не только воровал!

Герцогиня де Монсорель. Так, значит, ему было очень тяжело?

Вотрен. Ничуть! Я скрыл от него, каким путем я создаю ему счастливую, беззаботную жизнь. Я хотел, чтобы ни малейшее подозрение не зародилось в нем... оно бы осквернило его. Ваши грамоты возвращают ему благородное происхождение, а я воспитал в нем благородный дух.

Герцогиня де Монсорель. Но ведь это мой сын!

Вотрен. Да, он был само благородство, само очарование, у него были прекрасные задатки; оставалось только указать ему правильный путь.

Герцогиня де Монсорель *(пожимает ему руку)*. О, каким нужно быть благородным человеком, чтобы выполнять обязанности матери.

Вотрен. И выполнять лучше, чем многие матери. Ведь иной раз ваша любовь губительна для детей! Вы мне его испортите! Он безрассудно отважен, он хотел стать солдатом, и император, конечно, взял бы его на службу. Но я показал ему мир и людей в их подлинном виде. И поэтому теперь он от меня отречется.

Герцогиня де Монсорель. Мой сын окажется неблагодарным?

Вотрен. Нет, мой.

Герцогиня де Монсорель. Верните же мне его немедленно.

Вотрен. Но ведь те двое, наверху, да и я сам еще в опасности! Герцог должен обеспечить нам неприкосновенность и полную тайну насчет всего, что здесь произошло.

Герцогиня де Монсорель. Как? Те двое подосланы вами? Значит, вы явились к нам в дом, чтобы...

Вотрен. Через несколько часов из двух сыновей у вас остался бы только один — либо родной сын, либо приемыш. А могло случиться, что они и оба погибли бы на дуэли.

Герцогиня де Монсорель. Вы наш покровитель, но как ужасно ваше покровительство!

Вотрен. Ну, а вы как бы поступили на моем месте?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же, герцог, Ляфурай, Бютэ, Сен-Шарль и все слуги.

Герцог (*указывая на Вотрена*). Держите его! (*Оборачивается к Сен-Шарлю.*) И подчиняйтесь только кавалеру.

Герцогиня де Монсорель. Но вы обязаны ему спасением вашего сына, Альбера. Он поднял тревогу.

Герцог. Он?

Бютэ (*Вотрену*). Так ты предал нас? Зачем же ты нас сюда привел?

Сен-Шарль (*герцогу*). Слышите, ваша светлость?

Ляфурай (*к Бютэ*). Молчи ты! Не нам его судить!

Бютэ. Да ведь он нас выдал!

Вотрен (*герцогу*). Ваша светлость, это мои слуги, они под моей защитой.

Сен-Шарль. Вот они — наемники господина де Фрескаса.

Вотрен (*Сен-Шарлю*). Помолчи-ка, управляющий семейства де Ланжак. (*Указывает на Ляфурая.*) Вот Филипп Буляр.

Ляфурай кланяется.

Ваша светлость, удалите отсюда всех.

Герцог. Как? Вы осмеливаетесь распоряжаться в моем доме?

Герцогиня де Монсорель. Герцог, он здесь хозяин!

Герцог. Хозяин? Этот негодяй?

Вотрен. Ваша светлость, вы желаете быть в хорошем обществе? В таком случае поговорим о сыне донны Мендес...

Герцог. Молчать!

Вотрен Которого вы выдаете за сына вашей...

Герцог Молчать! Слышите?

Вотрен. Так я же говорил вам, герцог, что здесь есть лишние.

Герцог. Уходите все!

Вотрен *(герцогу)*. Прикажите охранять все выходы из дома, чтобы никто не смел выйти, кроме этих двух. *(Сен-Шарлю.)* А вы останьтесь здесь *(Вынимает кинжал и перерезывает веревки, которыми скручены Ляфурай и Бютэ.)* Удирайте через калитку, вот вам ключ, и живо — к тетушке Жирофле. *(Ляфураю.)* Пришли сюда Рауля.

Ляфурай *(уходя)*. Вот истинный наш повелитель!

Вотрен. Вы получите деньги и паспорта.

Бютэ *(уходя.)* Значит, я явлюсь к Адели не с пустыми руками.

Герцог. Теперь скажите, откуда вам все это известно?

Вотрен *(передает герцогу связку писем)*. Вот что я нашел в вашем кабинете.

Герцог. Моя переписка! Письма герцогини к виконту де Ланжаку!

Вотрен. Расстрелянному стараниями Сен-Шарля в Мортане, в октябре тысяча семьсот девяносто второго года.

Сен-Шарль. Но ведь вы же знаете, ваша светлость...

Вотрен. А вот эти документы он сам мне передал; тут вы найдете протокол о смерти виконта. Из этого документа явствует, что ваша супруга не могла видеться с виконтом после десятого августа, ибо из парижской тюрьмы он, в сопровождении Буляра, бежал в Вандею.

Герцог. Значит, Фернан...

Вотрен. Значит, ребенок, увезенный в Сардинию, ваш сын.

Герцог. И жена...

Вотрен. Невинна.

Герцог. О! *(Падает в кресло.)* Что я сделал!

Герцогиня де Монсорель. Какое страшное доказательство! Убит! И убийца его здесь!

Вотрен. Герцог, я был Фернану отцом, а сейчас я спас обоих ваших сыновей. Единственный виновник всего. что тут происходит,— вы сами!

Герцогиня де Монсорель. Довольно! Я знаю герцога, в эту минуту он переживает все, что пережила я за двадцать лет. Но умоляю вас, где же мой сын?

Герцог. Как? Неужели... Рауль де Фрескас?

Вотрен. Фернан де Монсорель сейчас сюда явится. *(Сен-Шарлю.)* Ну, что скажешь, приятель?

Сен-Шарль. Ты — герой! Позволь мне быть твоим слугою.

Вотрен. Ишь ты! Многого захотел. Значит, последуешь за мной?

Сен-Шарль. Повсюду.

Вотрен. Посмотрим.

Сен-Шарль. Какой талант ты приобретешь в моем лице и какая это потеря для правительства!

Вотрен. Хорошо, ступай, дожидайся меня в паспортном отделе.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же, герцогиня де Кристоваль, Инесса и мадемуазель де Водре.

Де Водре. Вот они!

Де Кристоваль. Герцогиня, моя дочь получила от господина де Фрескаса письмо. Этот благородный юноша пишет, что предпочитает отказаться от Инессы, нежели обманывать нас. Он поведал нам всю свою историю. Завтра у него дуэль с вашим сыном, а так как невольной причиной этого поединка является Инесса, мы приехали, чтобы предотвратить несчастье. Ведь теперь дуэль теряет всякий смысл.

Герцогиня де Монсорель. Дуэль уже окончилась, герцогиня.

Инесса. Он останется жив!

Герцогиня де Монсорель. И вы выйдете за маркиза де Монсореля, дитя мое.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же, Рауль и Ляфурай. Последний тотчас же удаляется.

Рауль *(Вотрену)*. Как?! Посадить меня под замок, чтобы я не мог драться!

Герцог. С собственным братом!

Рауль. С братом?

Герцог. Да, с братом.

Герцогиня де Монсорель. Ведь ты мое дитя! Сударыни! *(Берет Рауля за руку.)* Вот Фернан де Монсорель, мой сын, настоящий...

Герцог *(тоже берет Рауля за руку, перебивая жену)*. Старший. Маркиз. Его младенцем похитили у нас. Теперь Альбер, как младший, получит титул графа.

Рауль. Третий день я живу как во сне. Вы — моя мать? Вы, герцог...

Герцог. Да, да.

Рауль. Именно там, где так настойчиво расспрашивали меня о моей семье...

Вотрен. Там она и нашлась.

Рауль. Неужели и в этом вы принимали участие?

Вотрен *(герцогине де Монсорель)*. Что я вам говорил! *(Раулю.)* Помните, маркиз, что я заранее простил вам возможную неблагодарность. *(Герцогине.)* Сын забудет обо мне. А мать?

Герцогиня де Монсорель. Никогда.

Герцог. Но какие же страшные несчастья толкнули вас в такую бездну?

Вотрен. Разве несчастье объяснишь?

Герцогиня де Монсорель. Друг мой, не можете ли вы исхлопотать его помилование?

Герцог. В подобных случаях приговоры не подлежат отмене.

Вотрен. Эти слова примиряют меня с вами, вы говорите как государственный деятель. Так постарайтесь же, герцог, убедить всех, что единственное средство против нас — это ссылка.

Рауль. Господин Вотр...

Вотрен. Вы ошибаетесь, я даже не господин.

Инесса. Не знаю, так ли я понимаю, но вы, кажется, изгнанник, а мой друг многим вам обязан и не может отплатить вам за это. В Мексике у меня большие

поместья, и, чтобы управлять ими, нужен деятельный человек; вы можете применить там ваши способности, стать...

Вотрен. Богатым, переменить имя? Дитя, ведь вы только что убедились сами, что свет беспощаден. Да, я сумею добиться богатства, но кто вернет мне доверие? *(Герцогу.)* Король, ваша светлость, может помиловать меня, но кто подаст мне руку?

Рауль. Я!

Вотрен. Вот этого-то я и ждал, теперь я могу удалиться. У вас есть мать, прощайте!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Те же и полицейский комиссар.
Появляются полицейский комиссар, чиновник сыскного отделения, за ними — жандармы.

Комиссар *(герцогу)*. Именем короля, именем закона, я арестую Жака Коллена, беглого каторж...

Все бросаются между полицией и Вотреном, чтобы заслонить его.

Герцог. Господа, я беру на себя...

Вотрен. Не препятствуйте в своем доме королевскому правосудию, герцог. У меня с этими господами свои счеты. *(Комиссару.)* Я к вашим услугам. *(Герцогине.)* Их привел сюда Жозеф. Он из наших. Увольте его.

Рауль. Неужели мы расстаемся навеки?

Вотрен. Скоро ты женишься. Через десять месяцев в день крестин присмотрись получше к нищим, которые будут стоять на паперти. И ты увидишь среди них человека, который порадуется твоему счастью. Прощай! *(Жандармам.)* Идемте!

НАДЕЖДЫ КИ́НОЛЫ

Комедия в пяти действиях с прологом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ПРОЛОГ

Филипп II.
Кардинал Сьенфухе́гос. Великий инквизитор.
Начальник стражи.
Герцог Ольмедо.
Герцог Лерма.
Альфонсо Фонтана́рес.
Ки́нола.
Алебардщик.
Дворцовый комендант.
Фамильяр инквизиции (без речей).
Королева испанская.
Маркиза Мондехар.

Действие происходит в Вальядолиде, во дворце короля испанского.

КОМЕДИЯ

Дон Фрего́со, вице-король Каталонский.
Великий инквизитор.
Граф Са̀рпи, секретарь вице-королевства.
Дон Рамо̀н, ученый.
Авало̀рос, банкир.
Матиас Махис, ростовщик.
Лоту́ндиас, горожанин.
Альфонсо Фонтана̀рес, механик.
Лавради Ки́нола, его слуга.
Монипо̀дио, бывший разбойник.
Ко̀пполус, железоторговец.
Эсте́ван, рабочий.
Хиро̀н, другой рабочий.

Хозяин «Золотого солнца».
Судебный пристав.
Алькальд.
Карпа̀но, слесарь (без речей).
Фаустина Бранкадо́ри.
Мария Лоту́ндиас.
Паку́та, камеристка Фаустины.
Донья Ло̀пес, дуэнья.

Место действия — Барселона в 1588 году.

ПРОЛОГ

Действие происходит в Вальядолиде, во дворце короля испанского. Сцена представляет галерею, которая ведет в часовню. Вход в часовню — налево от зрителя, вход в королевские покои — направо. Главный вход — в глубине. По сторонам главного входа стоят два алебардщика. При поднятии занавеса на сцене — начальник стражи и трое вельмож. В глубине галереи стоит дворцовый комендант. В приемной, примыкающей к галерее, прохаживаются несколько придворных.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Начальник стражи, Кинола, закутанный в плащ, алебардщик.

Алебардщик *(преграждает Киноле дорогу)*. Зюда не вхадийт, кто нэ имейт праф. Кто ви такой?

Кинола *(приподнимая алебарду)*. Посол.

На него оглядываются.

Алебардщик. Откута?

Кинола *(проходя)*. Откуда? Из страны нищеты.

Начальник стражи. Сходите за дворцовым мажордомом, пусть он окажет этому послу подобающие почести. *(Алебардщику.)* На три дня в карцер.

Кинола *(начальнику стражи)*. Так вот как вы уважаете международное право! Послушайте, ваша милость, вы на самом верху, я — в самом низу: два слова, и мы сравняемся.

Начальник стражи. Ты, я вижу, не только плут, но и шут.

Кинола *(отводя его в сторону)*. Ведь вы кузен маркизы Мондехар?

Начальник стражи. Дальше что?

Кинола. Хотя она сейчас и в великой милости, но может вот-вот скатиться в пропасть... и без головы.

Начальник стражи. Каких только историй вы не сочиняете! Сам посуди: сегодня только десятое число, а уже двадцать один человек до тебя таким вот образом пытались проникнуть к фаворитке, в надежде выманить у нее несколько пистолей. Проваливай... а не то...

Кинола. Ваша милость, лучше двадцать два раза поговорить впустую с двадцатью двумя беднягами, чем не выслушать того, кто послан к вам вашим ангелом-хранителем. А вы видите, что одеяние мое (*распахивает плащ*) чисто ангельское.

Начальник стражи. Довольно! Какие у тебя доказательства?

Кинола (*показывает ему письмо*). Вот это письмецо. Вы сами вручите его, чтобы тайна осталась между нами, и пусть меня повесят, если маркиза не упадет в обморок, когда его прочтет. Поверьте, что и я, подобно громадному большинству испанцев, питаю глубочайшее отвращение к... виселице.

Начальник стражи. А что, если какая-нибудь честолюбивая женщина купила твою жизнь, дабы похитить жизнь у другой?

Кинола. Разве я тогда ходил бы в лохмотьях? Моя жизнь стоит не дешевле жизни Цезаря. Смотрите, ваша милость (*распечатывает письмо, нюхает его, снова складывает и вручает*). Вы теперь спокойны?

Начальник стражи (*в сторону*). Еще успеется. (*Киноле.*) Подожди тут, я сейчас вернусь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Кинола один на авансцене, глядя вслед начальнику стражи.

Кинола. Иди! О мой добрый господин, если пытка еще не переломала тебе костей, ты, наконец, выйдешь из темницы св... святейшей инквизиции, и твоим освободителем будет Кинола, твой бедный барбос! Бедный!.. Да что я говорю: бедный? Как только мой господин очутится на воле, мы перечеканим наши надежды в звонкую монету. Не всякий умудрится прожить полгода в Вальядолиде без гроша в кармане и не попасться в лапы альгвасилам, для этого требуются кое-какие таланты, и если применить их

к... чему-нибудь путному, они, пожалуй, приведут человека... Куда? Куда-нибудь да приведут! Если наверняка знать, куда идешь, никто бы со страху и шагу не ступил. Итак, я буду говорить с королем, я, Кинола. О ты, бог оборванцев! Пошли мне красноречие... хорошенькой женщины, маркизы Мондехар, к примеру.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кинола и начальник стражи.

Начальник стражи *(Киноле)*. Вот держи. Маркиза жалует тебе пятьдесят дублонов, чтобы ты мог явиться сюда в приличном виде.

Кинола *(пересыпает золото из руки в руку)*. Ах, этот солнечный луч заставил долго себя ждать! Я вернусь, ваша милость, расфуфыренным, как валет червей, именем коего я зовусь. Кинола к вашим услугам. Кинола, в недалеком будущем обладатель необозримых поместий, где я буду вершить суд, как только... *(в сторону)* перестану сам его бояться.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Придворные и начальник стражи.

Начальник стражи *(один на авансцене)*. Какой тайной овладел этот негодяй? Моя кузина едва не лишилась чувств. Поставлена на карту судьба всех ее друзей, сказала она. Тут наверняка замешан король. *(Одному из вельмож.)* Герцог Лерма, что нового в Вальядолиде?

Герцог Лерма *(тихо)*. Говорят, будто герцог Ольмедо убит сегодня ночью, в три часа, на рассвете, в нескольких шагах от садовой калитки дворца Мондехар.

Начальник стражи. С него станет... Он способен дать себя зарезать, лишь бы погубить мою кузину в глазах короля, который, как и положено великим политикам, склонен считать достоверным все вероятное.

Герцог Лерма. Говорят, будто вражда между герцогом и маркизой — одно притворство и что убийцу разыскивать не станут.

Начальник стражи. Герцог, такие новости не распространяют, пока не убедятся в их достоверности, а

расписаться в этом можно только клинком, обагренным моей кровью.

Герцог Лерма. Вы сами спрашивали, что нового... *(Отходит в сторону.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и маркиза Мондехар.

Начальник стражи. А, вот и моя кузина! *(Маркизе.)* Дорогая маркиза, вы так взволнованы, успокойтесь! Ради нашего спасения овладейте собой, за вами наблюдают.

Маркиза. Вернулся тот человек?

Начальник стражи. Но каким образом безвестный бродяга мог внушить вам такую тревогу?

Маркиза. Моя жизнь — в его руках. И не только моя, но и жизнь другого человека, который, несмотря на все меры предосторожности, возбуждает ревность...

Начальник стражи. Короля... Неужели он велел убить герцога Ольмедо, как об этом говорят?

Маркиза. Ах, и не знаю, что и думать!.. Я теперь совсем одна, беспомощна... покинута, быть может...

Начальник стражи. Положитесь на меня. Я буду, как охотник, зорко следить за нашими врагами! Я доберусь до самого их логова!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Кинола.

Кинола. У меня осталось всего тридцать дублонов, зато блеску на все шестьдесят... А? Благоухание -то какое! Маркиза может смело со мной беседовать...

Маркиза *(указывая на Кинолу)*. Это тот самый?

Начальник стражи. Да.

Маркиза. Кузен, позаботьтесь, чтобы я могла поговорить без свидетелей... *(Киноле.)* Кто вы, мой друг?

Кинола *(в сторону)*. Ее друг! Тот, кто владеет тайной женщины, всегда будет ее другом. *(Громко.)* Сеньора, я — человек, стоящий выше всяких соображений и обстоятельств.

Маркиза. Так можно очутиться очень, очень высоко!

Кинола. Это угроза или предостережение?

Маркиза. Вы слишком дерзки, любезный!

Кинола. Быть проницательным не значит быть дерзким. Прежде чем приступить к делу, вы хотите знать, кто я такой. Хорошо, я вам скажу. Мое настоящее имя — Лавради. Сейчас этому Лавради полагалось бы быть в Африке на каторжных работах сроком на десять лет — плачевная ошибка барселонских алькальдов. Кинола—это совесть Лавради, чистая, белоснежная, как ваши прелестные ручки. Кинола не знает Лавради. Разве душа знает тело? В вашей власти воссоединить душу — Кинолу — с телом — Лавради,— и это тем легче, что сегодня на заре Кинола находился возле калитки вашего сада вместе с теми братьями зари, которые задержали герцога Ольмедо.

Маркиза. Что с ним случилось?

Кинола. Лавради, конечно, воспользовался бы этим порывом искреннего чувства, чтобы выпросить себе помилование, но Кинола благороден.

Маркиза. Вы слишком заняты самим собой...

Кинола. И недостаточно занят им?.. Это верно. Герцог принял нас за простых убийц. А ведь мы лишь попросили у него взаймы под залог наших рапир, правда, час был неурочный. Прославленный Махораль, наш предводитель, бесстрашно теснимый герцогом, принужден был вывести его из боя посредством некоего приема, которым владеет он один.

Маркиза. О, боже мой!

Кинола. Такова цена блаженства, сеньора.

Маркиза *(в сторону)*. Спокойствие. Этот человек знает мою тайну.

Кинола. Когда мы увидели, что у герцога нет при себе ни одного мараведиса — экая неосторожность! — мы оставили его в покое. Так как я был менее причастен к этому делу, чем остальные,— впрочем, тоже честные малые,— мне поручили проводить герцога домой. Вправляя ему карманы, я случайно обнаружил письмо, написанное вами, и, осведомясь о вашем положении при дворе, понял...

Маркиза. Что ты отныне богатый человек.

Кинола. Отнюдь!.. Что моя жизнь в опасности.

Маркиза. То есть?

Кинола. Вы не догадываетесь? Ваше письмо в руках у верного человека, и, если со мной приключится хоть малейшая беда, он вручит его королю. Ясно и понятно?

Маркиза. Чего ты хочешь?

Кинола. К кому вы обращаетесь? К Киноле или к Лавради?

Маркиза. Лавради будет помилован. Чего хочет Кинола? Поступить ко мне на службу?

Кинола. Безродные великодушны: Кинола вернет вам ваше письмо и не попросит у вас ни гроша, не потребует ничего, недостойного вас, и он рассчитывает, что вы не пожелаете зла бедному малому, у которого под лохмотьями бьется сердце Сида.

Маркиза. Дорого же ты мне обойдешься, плут!

Кинола. Вы только что называли меня: «Мой друг».

Маркиза. Но ты же был моим врагом.

Кинола. За эти слова, сеньора, я вам доверюсь и скажу все... Но только... Не смейтесь... Вы обещаете?.. Я хочу...

Маркиза. Ты хочешь...

Кинола. Я хочу... говорить с королем... здесь, когда он направится в часовню: сделайте так, чтобы он уважил мою просьбу.

Маркиза. Но о чем ты будешь его просить?

Кинола. О самом простом деле: об аудиенции для моего господина.

Маркиза. Объяснись, времени мало.

Кинола. Сеньора, я слуга ученого человека. И если бедность — признак гения, то гением, сеньора, мы одарены с избытком.

Маркиза. К делу!

Кинола. Сеньор Альфонсо Фонтанарес прибыл сюда из Каталонии, чтобы вручить королю, нашему государю, скипетр морей. В Барселоне его приняли за помешанного, здесь — за колдуна. Когда люди узнали, на что он дерзнул, его начали морить в передних. Одни предлагали покровительство моему хозяину, чтобы его погубить; другие брали нашу тайну под сомнение, чтобы ее выведать,— то были ученые; богачи, желавшие нас опутать, уговаривали пустить нашу тайну в оборот. Словом, пошли такие дела, что мы не знали, куда и деваться. Никто, ра-

зумеется, не отрицает могущества механики и геометрии, но даже лучшие из теорем мало питательны, и самое скромное заячье рагу полезнее для желудка. Ничего не поделаешь, и у науки есть свои слабые стороны. Всю эту зиму мы с моим господином согревались нашими проектами, а пищей нам были только наши мечты. А теперь, сеньора, мой господин в тюрьме: его обвиняют в сношениях с дьяволом, и, к несчастью, на сей раз святейшая инквизиция права — только черта мы и видели на дне нашего кошелька. И вот, сеньора, умоляю вас, внушите королю желание посмотреть на человека, несущего ему владычество, столь же необозримое, как то, которое подарил Испании Колумб.

Маркиза. Но с тех пор как Колумб подарил Испании Новый свет, нам каждые две недели предлагают по новому свету!

Кинола. Ах, сеньора, у каждого гения имеется свой новый свет. *Санго де ми!* Так редко встречается человек, который способен честным путем обогатить и себя и государство, ничего не отнимая у ближнего, что такую диковину не грех и поощрить.

Маркиза. Итак, о чем же идет речь?

Кинола. Еще раз прошу: не смейтесь, сеньора! Речь идет о том, чтобы корабли могли ходить без парусов и весел, против ветра, при помощи котла, наполненного кипящей водой.

Маркиза. Вот так так! Что ты говоришь! Уж не бредишь ли ты?

Кинола. Опять! С кем ни говоришь, все та же песня! О толпа, для тебя гений, открывший истину на десять лет раньше остальных, четверть века слывет безумцем. Я один верю в этого человека, и потому-то я его и люблю: понимать — значит быть равным.

Маркиза. Чтобы я стала рассказывать королю такие небылицы!

Кинола. Сеньора, во всей Испании только вам король не скажет: «Замолчите!»

Маркиза. Ты не знаешь короля, а я его знаю! *(В сторону.)* Мне надо получить обратно мое письмо. *(Громко.)* Твоему господину повезло: сейчас королю докладывают о гибели Армады. Жди его выхода, и тут ты можешь к нему обратиться.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Начальник стражи, придворные и Кинола.

Кинола *(на авансцене)*. Мало быть гениальным и уметь проявить свой гений — ведь есть такие счастливчики, которые весьма умело его скрывают,— нужны еще благоприятные обстоятельства: найденное письмо фаворитки, которая, спасаясь от опасности, пожелает замолвить за тебя словечко, и гибель величайшего из флотов, чтобы раскрыть слух самодержцу. Да, случай — изрядный плут. Будем готовы! В поединке Фонтанареса с его веком настала минута, когда его скромному секунданту надо показать себя!..

Раздается колокольный звон, стража делает на-караул.

Предвестие ли это успеха? *(Начальнику стражи.)* А как говорят с королем?

Начальник стражи. Выступишь вперед, станешь на одно колено, скажешь: «Государь!..» — а там уж моли бога, чтобы он надоумил тебя.

Появляется кортеж.

Кинола. На колени нетрудно стать, они уж и так у меня подгибаются. Ведь дело идет не только об одном человеке, а о целом мире.

Паж. Королева!

Второй паж. Король!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, король, королева, маркиза Мондехар, Великий инквизитор, весь двор.

Филипп II. Господа, вознесем наши моления богу, который тяжко поразил Испанию: Англия уцелела, Армада погибла, и мы вас не виним, адмирал *(обращается к адмиралу)*, вы не облечены властью над бурями.

Кинола. Государь! *(Опускается на одно колено.)*

Филипп II. Кто ты?

Кинола. Всенижайший и всепокорнейший из ваших подданных, слуга человека, который стонет в темницах святейшей инквизиции, обвиненный в магии за то лишь, что хотел дать вашему величеству верный способ избегнуть подобных бедствий...

Филипп II. Раз ты простой слуга, встань. Здесь только гранды склоняют колено перед королем.

Кинола. Мой господин припадет к вашим стопам.

Филипп II. Изъяснись кратко. У короля меньше свободных мгновений в жизни, чем подданных в королевстве.

Кинола. Молю вас, уделите один лишь час новой державе. Мой господин, сеньор Альфонсо Фонтанарес, в тюрьме святейшей инквизиции.

Филипп II *(Великому инквизитору)*. Отец мой...

Великий инквизитор подходит.

Что вы можете нам сказать о некоем Альфонсо Фонтанаресе?

Великий инквизитор. Это ученик Галилея, он исповедует осужденную доктрину и хвалится, что может совершать чудеса, но отказывается открыть свой секрет. Его обвиняют в том, что он более мавр, чем испанец.

Кинола *(в сторону)*. Эта постная рожа все испортит... *(Королю.)* Государь, все колдовство моего господина состоит в том, что он безумно влюблен, во-первых, в славу вашего величества, а во-вторых, в одну барселонскую девушку, наследницу Лотундиаса, самого богатого из тамошних горожан. Но, изучая естественные науки в Италии, он накопил больше знаний, чем золота, а бедный юноша может жениться на своей любимой, только завоевав славу и богатство... И вот, государь, как клевещут на великих людей; в своем отчаянии он отправился в паломничество к пиларской богоматери, чтобы просить ее о заступничестве, потому что ту, кого он любит, зовут Марией. По выходе из церкви он присел, усталый, под деревом и уснул: ему явилась мадонна и внушила ему такое изобретение, чтобы кораблям ходить без парусов, без весел, против ветра и волны. Он пришел к вам, государь; от него загородили солнце, и после ожесточенной борьбы с тучами он теперь расплачивается за свою веру в пиларскую богоматерь и в своего короля. У него остался только его слуга, который нашел в себе мужество явиться сюда и повергнуть к вашим стопам известие, что найден способ осуществить ваше всемирное владычество.

Филипп II. Я приму твоего господина по выходе из часовни.

Великий инквизитор. Не подвергает ли себя ваше величество опасности?

Филипп II. Мой долг его допросить.

Великий инквизитор. А мой — блюсти привилегии святейшей инквизиции.

Филипп II. Они мне известны. Повинуйся и молчи. Я должен тебе заложника, я знаю... *(Оглядывается.)* А где же герцог Ольмедо?

Кинола *(в сторону.)* Ай-ай-ай!

Маркиза *(в сторону)*. Мы погибли!

Начальник стражи. Ваше величество, герцог еще... не прибыл...

Филипп II. Кто дал ему смелость пренебрегать своими обязанностями? *(В сторону.)* Уж не обманывают ли меня? *(Начальнику стражи.)* Если он явится, скажешь, что король поручил ему надзор за узником святейшей инквизиции. *(Великому инквизитору.)* Распорядитесь.

Великий инквизитор. Ваше величество, я схожу сам.

Королева. А если герцог не явится?

Филипп II. Значит, он умер. *(Начальнику стражи.)* Ты его заменишь в исполнении моего приказа. *(Проходит мимо.)*

Маркиза *(Киноле)*. Беги к герцогу, пусть он придет и пусть не подает виду, что он ранен смертельно. Злословие должно оказаться клеветой...

Кинола. Положитесь на меня, но окажите нам покровительство. *(Один.)* Санго де ми! Король, по-видимому, очарован моей выдумкой насчет пиларской богоматери. Клянусь, я дам ей обет... но какой? Удастся дело, тогда увидим.

Сцена меняется и представляет тюрьму инквизиции.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Фонтанарес один.

Фонтанарес. Теперь я понимаю, почему Колумб пожелал, чтобы ему в гроб положили его цепи. Какой урок изобретателям! Всякое великое открытие — это истина. Истина разрушает столько заблуждений и ошибок, что все, кто живет неправдой, восстают и хотят убить ис-

тину. И прежде всего они нападают на ее носителя. Удел открывателей нового — терпение! У меня терпения хватит, но, увы, оно порождено любовью. Чтобы обладать Марией, я возмечтал о славе, и я стремился... Я заметил, как над кипящим котлом летает соломинка. Всякий это видел, с тех пор как существуют котлы и солома. Но я увидел в этом источник силы. Чтобы исчислить ее, я накрыл котел крышкой, крышка взлетела и, к счастью, не убила меня. Архимед и я — одно! Он искал рычаг, чтобы приподнять мир. Рычаг у меня в руках, и я по глупости рассказал об этом. И вот на меня обрушились все беды. Если я умру, ты, грядущий гений, который вновь откроешь эту тайну, действуй и молчи. Мы добываем свет, а у нас его отнимают, чтобы зажечь костер для нашей казни. Галилей, мой учитель, брошен в темницу за то, что сказал: земля вертится, а я — за то, что хочу привести ее в порядок. Нет! Вина моя в том, что я противился алчности людей, которым нужна моя тайна. Если бы я не любил Марию, я бы сегодня же вышел отсюда, я отдал бы им все барыши, а мне осталась бы слава... Только не гневаться! Ярость пристала детям! Будем спокойны, я могуч. Если бы я хоть что-нибудь знал о единственном человеке, который в меня верит! На свободе ли он, он, собиравший милостыню, чтобы меня прокормить? Верят лишь бедняки, они так нуждаются в вере.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Великий инквизитор, фамильяр и Фонтанарес.

Великий инквизитор. Я слышу, мой сын, вы говорите о вере? Быть может, вы пришли к благоразумию? Избавьте святейшую инквизицию от необходимости быть строгой.

Фонтанарес. Что вам угодно, отец мой, чтобы я сказал?

Великий инквизитор. Прежде чем вернуть вам свободу, святейшая инквизиция должна быть уверена, что вам не покровительствуют сверхъестественные силы...

Фонтанарес. Отец мой, если бы я заключил договор с дьяволом, разве он допустил бы, чтобы я был в темнице?

Великий инквизитор. Ваши слова нечестивы; у демона есть господин, наши аутодафе тому доказательство.

Фонтанарес. Видали вы когда-нибудь корабль в море?

Великий инквизитор кивает головой.

Каким способом он движется?

Великий инквизитор. Ветер надувает его паруса.

Фонтанарес. Разве демон подсказал этот способ первому мореплавателю?

Великий инквизитор. А вам известно, что с ним сталось?

Фонтанарес. Быть может, он стал властелином какой-нибудь забытой морской державы... Словом, мой способ так же естествен, как и его. Я, как и он, увидел в природе силу, но такую, которую человек может себе подчинить. Потому что ветер — от бога, человек над ним не властен; ветром уносит корабли, моя же сила в самом корабле.

Великий инквизитор *(в сторону)*. Этот человек может стать весьма опасным! *(Громко.)* И вы не хотите рассказать нам об этой силе?

Фонтанарес. Я расскажу о ней королю в присутствии всего двора. Тогда никто не похитит у меня ни славы, ни богатства.

Великий инквизитор. Вы называете себя изобретателем, а думаете только о богатстве! Вы не гений, а честолюбец.

Фонтанарес. Отец мой, я так глубоко возмущен завистью черни, алчностью знатных, увертками лжеученых, что... если бы я не любил Марию, я возвратил бы случаю то, что случай мне подарил.

Великий инквизитор. Случай!

Фонтанарес. Я оговорился. Я возвратил бы всевышнему мысль, которую всевышний ниспослал мне.

Великий инквизитор. Всевышний послал вам ее не для того, чтобы вы ее скрывали, мы вправе заставить вас говорить... *(Фамильяру.)* Приготовьте все для допроса.

Фонтанарес. Я ждал этого.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Великий инквизитор, Фонтанарес, Кинола и герцог Ольмедо.

Кинола. Пытка вредит здоровью.

Фонтанарес. Кинола! И в какой ливрее!

Кинола. В ливрее успеха. Вы будете свободны.

Фонтанарес. Свободен? Перенестись из ада в рай в одно мгновение?

Герцог Ольмедо. Как мученики.

Великий инквизитор. Сеньор, вы это смеете говорить здесь?

Герцог Ольмедо. Мне поручено королем взять этого человека из ваших рук, и я за него отвечаю.

Великий инквизитор. Какая ошибка!

Кинола. А, вы хотели сварить его в ваших котлах с кипящим маслом — благодарю покорно! А вот с его котлами мы объедем кругом весь свет... вот этак! *(Вертит шляпу.)*

Фонтанарес. Обними же меня и расскажи, как...

Герцог Ольмедо. Ни слова здесь...

Кинола. Верно! *(Показывает на удаляющегося инквизитора.)* Потому что стены здесь слишком понятливы. Идемте. А вы, господин герцог, мужайтесь! Ах, уж очень вы бледны, надо бы вас подрумянить. Но это уже мое дело.

Сцена меняется и представляет дворцовую галерею.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Герцог Ольмедо, герцог Лерма, Фонтанарес, Кинола.

Герцог Ольмедо. Мы поспели вовремя!

Герцог Лерма. Так вы не ранены?

Герцог Ольмедо. Кто это сказал? Или фаворитка хочет меня погубить? Разве я стоял бы вот так перед вами? *(Киноле.)* Подойди поближе и поддержи меня, если...

Кинола *(Фонтанаресу)*. Вот человек, достойный любви...

Фонтанарес. Счастливец. Не всякому выпадает случай доказать силу своей любви...

Кинола. Сеньор, перед королем вы забудете весь этот любовный вздор... потому что король, видите ли...

Паж. Король!

Фонтанарес. Смелей, я буду думать о тебе, Мария!

Кинола *(видя, что герцог Ольмедо слабеет)*. Ну, ну! *(Дает ему понюхать соль.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же, король, королева, маркиза Мондехар, начальник стражи Великий инквизитор, председатель Кастильского совета и весь двор.

Филипп II *(начальнику стражи)*. Явился этот человек?

Начальник стражи. Герцог Ольмедо, с которым я встретился на ступенях дворца, поспешил исполнить приказ короля.

Герцог Ольмедо *(становясь на одно колено)*. Простит ли король опоздание, которому нет извинения?

Филипп II *(поднимает его за раненую руку)*. А говорили, что ты умираешь... *(глядит на маркизу)* от раны, полученной в ночной стычке.

Герцог Ольмедо. Вы меня видите, ваше величество.

Маркиза *(в сторону)*. Он подрумянил щеки!

Филипп II *(герцогу)*. А где твой узник?

Герцог Ольмедо *(указывая на Фонтанареса)*. Вот он.

Фонтанарес *(опускаясь на одно колено)*. Готовый, к превеликой славе божьей, осуществить чудеса, дабы просияло царствование короля, моего повелителя...

Филипп II. Встань, говори. Что это за чудодейственная сила, которая принесет Испании всемирное владычество?

Фонтанарес. Неодолимая сила — сила пара... Ваше величество, вода, превращаясь в пар, требует для себя пространство, во много раз большее, чем в своем обычном состоянии, и, стремясь занять его, она способна двигать горы. Мое изобретение обуздывает эту силу: машина снабжена колесами, которые бьют по воде и сообщают кораблю скорость ветра и способность противиться буре. Плавание становится безопасным, а быстрота его

ограничена лишь числом оборотов колес. Человеческая жизнь удлиняется на все сбереженное время. Государь, Христофор Колумб подарил вам мир, находящийся в трех тысячах миль отсюда; мой дар вот здесь, у ворот Кадиса, и с божьей помощью вы покорите океаны.

Королева. Вы не удивлены, ваше величество?

Филипп II. Удивление — невольная похвала, которая не должна срываться с уст короля. *(Фонтанаресу.)* Чего ты просишь у меня?

Фонтанарес. Того же, что просил Колумб: корабль и присутствия короля в качестве свидетеля опыта.

Филипп II. Ты получишь короля, Испанию и весь мир. Говорят, ты влюблен в барселонскую девушку. Мне надо отправиться за Пиренеи, посетить мои владения, Руссильон, Перпиньян. Ты возьмешь себе корабль в Барселоне.

Фонтанарес. Дав мне корабль, государь, вы воздали мне справедливость; дав мне его в Барселоне, вы оказываете мне милость, которая превращает вашего подданного в раба вашего.

Филипп II. Тот, кто погубит принадлежащий государству корабль, платится головой. Таков закон...

Фонтанарес. Я это знаю, я согласен.

Филипп II. Хорошо, смелый юноша, добейся того, чтобы этот корабль пошел против ветра, без парусов и весел, как если бы он шел при свежем ветре, и ты... Твое имя?

Фонтанарес. Альфонсо Фонтанарес.

Филипп II. Ты будешь дон Альфонсо Фонтанарес, герцог Нептунадо, гранд Испании...

Герцог Лерма. Государь... Статуты сословия...

Филипп II. Молчи, герцог Лерма. Долг короля — возвысить даровитого человека над всеми прочими, дабы почтить луч света, которым озарил его господь.

Великий инквизитор. Ваше величество...

Филипп II. Чего тебе нужно?

Великий инквизитор. Мы держали этого человека в тюрьме не потому, что он был в сношениях с демоном, не потому, что он нечестивец или принадлежит к семье, подозреваемой в ереси, но ради спокойствия монархии. Книгопечатание, позволившее людям сообщаться мыслями, уже породило Лютера, слово которого стало

крылатым. А вот этот человек превратит все народы в один народ, и перед лицом такой громады святейшая инквизиция трепещет за королевскую власть.

Филипп II. Всякий прогресс — от неба.

Великий инквизитор. Не все, что терпят небеса, исходит от неба.

Филипп II. Наш долг — обращать во благо то, что кажется злом, все претворить в некую точку окружности, в центре которой — трон. Разве ты не видишь, что дело идет о достижении всемирного господства, к которому стремился мой достославный отец... *(Фонтанаресу.)* Итак, гранд Испании первого класса, я повешу тебе на грудь Золотое Руно, и сверх того ты будешь главноначальствующим над кораблестроением Испании и обеих Индий... *(Одному из министров.)* Президент, ты изготовишь сегодня же, под страхом моей немилости, приказ о том, чтобы в распоряжение этого человека был предоставлен в нашей Барселонской гавани корабль по его выбору и... чтобы его предприятию не чинилось никаких помех...

Кинола. Государь...

Филипп II. Чего тебе нужно?

Кинола. Государь, раз уж все так пошло, даруйте помилование несчастному, по имени Лавради, осужденному алькальдом, который был глух.

Филипп II. И поэтому король должен быть слеп?

Кинола. Милостив, ваше величество: это почти одно и то же.

Фонтанарес. Даруйте помилование единственному человеку, который поддерживал меня в моей борьбе.

Филипп II *(министру)*. Этот человек говорил со мной, я протянул ему руку, изготовь грамоту о полном помиловании.

Королева *(королю)*. Если этот человек *(указывает на Фонтанареса)* один из тех великих изобретателей, которых посылает нам господь, вы можете быть, дон Фелипе, довольны сегодняшним днем.

Филипп II *(королеве)*. Нелегко отличить гения от безумца, но если это безумец, то мои обещания стоят не больше, чем его.

Кинола (*маркизе*). Вот ваше письмо, но, смотрите, впредь не пишите.

Маркиза. Мы спасены!

Король удаляется в сопровождении двора.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Фонтанарес и Кинола.

Фонтанарес. Я грежу... Герцог! Гранд Испании! Золотое Руно!

Кинола. И кораблестроение! Теперь поставщики сами прибегут к нам. Оказывается, двор — презанятное место, тут я буду иметь успех. Что для этого нужно? Смелость? У меня ее хоть отбавляй... Хитрость? Ведь поверил же король, что пиларская богоматерь... (*Смеется.*) Ну-с, о чем задумался мой господин?

Фонтанарес. Скорей, скорей!..

Кинола. Куда?

Фонтанарес. В Барселону.

Кинола. Нет... В кабачок.. Если у придворных здешний воздух возбуждает аппетит, то у меня он вызывает жажду... А затем, мой прославленный господин, вы увидите вашего Кинолу за работой. Ибо не будем обольщаться: от королевского слова до успеха — долгий путь, и нам еще встретится столько же завистников, сутяг, крючкотворов, злопыхателей, прожорливых, хищных зверей, всяких пенкоснимателей, прихлебателей и гробокопателей, сколько их толпилось вокруг короля и оттесняло нас.

Фонтанарес. Но ради Марии надо победить.

Кинола. И ради самих себя!

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действие происходит в Барселоне. Сцена представляет площадь. Налево от зрителя — несколько домов, в том числе на углу дом Лотундиаса. Направо — дворец, где живет сеньора Бранкадори, балкон его, обращенный в сторону зрителя, огибает дом. Справа на сцену выходят из-за дворца, слева — из-за дома Лотундиаса. При поднятии занавеса еще темно, но начинает светать.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мониподио, закутанный в плащ, сидит под балконом дворца Бранкадори; Кинола крадется осторожно, как вор, и нечаянно задевает Мониподио.

Мониподио. Кто это ходит по моим башмакам?

Кинола (*оборванный, как в начале пролога*). Благородный человек, у которого нет башмаков.

Мониподио. Никак голос Лавради?

Кинола. Мониподио!.. А я думал, тебя... вздернули.

Мониподио. А я думал, тебя дубасят в Африке.

Кинола. Увы, дубасят повсюду.

Мониподио. Как у тебя хватает дерзости разгуливать здесь?

Кинола. Ведь ты же тут сидишь. У меня припрятана грамота о помиловании. Пока я не добыл себе титул маркиза и знатную родню, я зовусь Кинола.

Мониподио. У кого это ты украл помилование?

Кинола. У короля.

Мониподио. Ты видел короля *(обнюхивает его)*, а пахнешь нищетой!..

Кинола. Как чердак поэта. А ты что делаешь?

Мониподио. Ничего.

Кинола. Ну, на это времени много не требуется. Если ты при этом хорошо зарабатываешь, и я не прочь заняться тем же ремеслом.

Мониподио. Друг мой, меня никто не понимал! Меня травили наши политические враги...

Кинола. Коррехидоры, алькальды и альгвасилы...

Мониподио. И я вынужден был к кому-нибудь примкнуть.

Кинола. Понимаю: из дичи ты превратился в охотника.

Мониподио. Что ты, что ты! Я все тот же. Только я, видишь ли, живу в ладах с вице-королем. Когда кто-нибудь из моих людей хватит через край, я ему говорю: «Убирайся вон!» И если он не убирается, ну, что ж? Правосудие, сам понимаешь... Разве это значит выдавать?

Кинола. Нет, нет, это значит — предвидеть...

Мониподио. О, сразу видно, что ты побывал при дворе... А здесь ты зачем?

Кинола. Послушай-ка. *(В сторону.)* Вот кто мне пригодится: у меня будет глаз в Барселоне. *(Громко.)* Судя по твоим словам, мы с тобой друзья...

Мониподио. Тот, кто знает мою тайну, должен быть моим другом...

Кинола. Чего ты здесь караулишь, словно ревнивец какой? Пойдем осушим бурдючок и почешем язычок в кабачке: уже рассвело...

Мониподио. Видишь ты вот этот дворец, весь

в праздничных огнях? Дон Фрегосо, мой вице-король, ужинает и играет в карты у сеньоры Фаустины Бранкадори.

Кинола. По-венециански — Бранкадор. Красивое имя! Должно быть, вдова какого-нибудь патриция.

Мониподио. Двадцать два года; хитра, как бес; правит «правителем» и (это между нами) уже успела выудить у него все, что он накопил при Карле Пятом в итальянские войны. Чужое добро...

Кинола. Кой-кому пошло впрок. В каких летах наш вице-король?

Мониподио. Признается в шестидесяти.

Кинола. И еще толкуют о первой любви! Я не знаю ничего страшнее последней любви: погубительница она. Какой я счастливец, что возвысился до бесстрастия! Теперь из меня может выйти государственный муж..

Мониподио. Наш старый полководец еще настолько молод, что нанимает меня караулить Бранкадоршу. А она мне платит, чтобы быть свободной. Таким способом, понимаешь сам, нетрудно вести привольную жизнь, никому не причиняя зла.

Кинола. И ты, любопытный, стараешься все знать, чтобы при случае кого надо прижать к стенке. *(Мониподио кивает головой.)* Лотундиас еще существует?

Мониподио. Вот его дом, и этот дворец тоже его. Видишь, какой богач стал!

Кинола. А я-то надеялся, что наследница уже сама себе госпожа. Ну, пропал мой господин!

Мониподио. Ты добыл себе господина?

Кинола. Который добудет мне золотые россыпи.

Мониподио. Нельзя ли и мне поступить к нему на службу?

Кинола. Я и рассчитываю на твое содействие. Послушай, Мониподио, мы приехали сюда, чтобы преобразить мир. Мой господин обещал королю пустить по морю любой самый лучший корабль без парусов и весел против ветра и быстрее ветра.

Мониподио *(обходит вокруг Кинолы)*. Эх, подменили моего друга.

Кинола. Мониподио, помни, что такие маленькие люди, как мы с тобой, ничему не должны удивляться. Король подарил нам корабль, но не дал ни дублона, чтобы

до него добраться. И мы прибыли сюда в обществе неизменных спутников таланта: голода и жажды. Бедняк, которого осенила счастливая мысль, всегда напоминал мне ломоть хлеба, брошенный в рыбный садок: любая рыбешка норовит отщипнуть себе кусочек. Этак, пожалуй, не дождешься славы — умрешь с голоду, наг и бос.

Мониподио. Это верно.

Кинола. В Вальядолиде мой господин, устав от безнадежной борьбы, чуть было не поделился однажды утром своим открытием с невежественным ученым... Я выставил ученого за дверь суковатой теоремой, которую доказал ему без труда.

Мониподио. Но как же нам разбогатеть честным путем?

Кинола. Господин мой влюблен. А кто влюблен, совершает не меньше глупостей, чем великих дел. Фонтанарес совершил великие дела, он способен совершать и глупости. Нам с тобой надлежит взять нашего покровителя под свое покровительство. Начать с того, что мой господин — ученый человек, но считать он не умеет...

Мониподио. О, ты знал, какого хозяина себе выбрать!..

Кинола. Преданность, ловкость для него полезнее, чем деньги и милости. Потому что деньги и милости окажутся для него западней. Я его знаю: он или сам даст нам денег, или позволит взять столько, что нам можно будет дожить свой век честными людьми.

Мониподио. Ах, это моя мечта!

Кинола. Посвятим же великому предприятию наши заблудшие таланты... Кто-кто, а дьявол на нас сердит не будет.

Мониподио. Для этого стоило бы и в Компостелу спутешествовать. Ну что ж, я честный контрабандист: по рукам!

Кинола. Ты, надеюсь, не порвал дружбы с заведением фальшивомонетчиков и с нашими слесарных дел мастерами?

Мониподио. Зачем же? В интересах государства...

Кинола. Мой господин начнет строить свою машину, у меня будут модели всех частей, и мы с тобой соорудим вторую...

Мониподио. Кинола!

Кинола. Что скажешь?

На балконе появляется Пакита.

Мониподио. Ты великий человек!

Кинола. Я сам это знаю. Изобретай, и ты умрешь гонимый, как преступник; подражай, и ты будешь жить счастливо, как дурак! И притом, если Фонтанарес погибнет, почему бы мне не спасти его изобретение для блага человечества?

Мониподио. Тем паче, что, по словам одного старинного писателя, человечество — это мы... Дай я тебя расцелую.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Пакита.

Кинола *(в сторону)*. Нет ничего смешнее обманутого жулика — разве что честный болван.

Пакита. Двое друзей целуются, значит, это не шпионы...

Кинола. Ведь ты хозяйничаешь в карманах у вице-короля и в кошельке у Бранкадорши. Послушай! Сотвори чудо! Сперва одень нас, а затем посоветуемся за бутылкой, и если мы с тобой не придумаем, как устроить моему господину встречу с его Марией Лотундиас, значит, я ни на что не годен... Вот уже два дня он только о ней и говорит, боюсь, как бы совсем не спятил...

Мониподио. Инфанту стерегут, как приговоренного к виселице. И не мудрено. Лотундиас был женат дважды. Первая жена была бедная и родила ему сына. Все его богатство — от второй жены, которая, умирая, завещала все дочери, чтобы ее не могли обездолить. Старик потому так и скуп, что хочет обеспечить сына. Сарпи, секретарь вице-короля, чтобы жениться на богатой наследнице, обещал Лотундиасу выхлопотать ему дворянство и принимает в его сыне живейшее участие...

Кинола. Вот уже один враг налицо!

Мониподио. Поэтому нужно держать ухо востро. Послушай, я дам тебе записочку к Матиасу Махису, известнейшему здешнему ростовщику и человеку верному.

У него вы найдете все, начиная с алмазов и кончая башмаками. Когда вернетесь сюда, мы вам предоставим нашу инфанту.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Пакита и Фаустина.

Пакита. Вы правы, сеньора. Под балконом сторожат двое. Вот сейчас они уходят, потому что рассвело.

Фаустина. Как мне надоел вице-король! Старик не доверяет мне, даже когда я сижу у себя дома наедине с ним.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Фаустина и дон Фрегосо.

Дон Фрегосо. Сеньора, вы простудитесь: здесь слишком свежо.

Фаустина. Подите сюда, ваша светлость. Вы говорите, что верите мне, а сами подсылаете ко мне под окна Мониподио. Эта чрезмерная осторожность не к лицу молодому человеку и может только вызвать раздражение у честной женщины. Ревность бывает двоякого рода: когда не доверяют своей возлюбленной и когда не доверяют самому себе. Ограничьтесь второй.

Дон Фрегосо. Сеньора, не завершайте такой чудесный праздник упреками, которых я к тому же не заслужил.

Фаустина. Был здесь у меня под окнами Мониподио, через которого вы узнаете обо всем, что делается в Барселоне? Да или нет? Отвечайте мне, как подобает дворянину.

Дон Фрегосо. Быть может, он бродил где-нибудь тут поблизости, чтобы оградить от уличных неприятностей наших игроков.

Фаустина. Хитрости старого вояки! Я все равно узнаю правду. Если вы меня обманываете, вам меня больше не видать. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Фрегосо один.

Дон Фрегосо. Ах, почему меня так тянет к ней! Только бы видеть, говорить с ней! Мне мило в ней все,

даже ее гнев, и мне нравится вызывать ее попреки, лишь бы слышать ее голос.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пакита, Мониподио в одежде монаха-сборщика.

Пакита. Сеньора велела мне разузнать, кто подослал сюда Мониподио, но... никого уже нет.

Мониподио. Творящий милостыню, возлюбленная дочь моя, стяжает себе мзду на небесах.

Пакита. У меня ничего нет.

Мониподио. Тогда хоть пообещайте мне что-нибудь.

Пакита. А монах-то не прочь пошутить!

Мониподио. Она меня не узнает. Можно рискнуть. *(Стучится в дверь к Лотундиасу.)*

Пакита. Ну, уж если вы рассчитываете на объедки со стола нашего хозяина, то на моем обещании скорее разживетесь. *(К Фаустине, которая показывается на балконе.)* Сеньора, эти люди ушли.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мониподио и донья Лопес.

Донья Лопес *(к Мониподио)*. Чего вам надо?

Мониподио. Братья нашего ордена получили известия о вашем любезном Лопесе...

Донья Лопес. Стало быть, он жив?

Мониподио. Когда вы будете провожать сеньориту Марию в доминиканский монастырь, обойдите площадь кругом, и вы встретите человека, который бежал из Алжира и расскажет вам о Лопесе.

Донья Лопес. Милосердное небо! И я могу его выкупить?

Мониподио. Сперва разузнайте, стоит ли: а что, если он стал... мусульманином?

Донья Лопес. Мой дорогой Лопес! Пойду потороплю сеньориту. *(Входит в дом.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мониподио, Кинола и Фонтанарес.

Фонтанарес. Наконец-то, Кинола, мы под ее окнами!

Кинола. А где же Мониподио? Или дуэнья над ним подшутила? *(Смотрит на монаха.)* Господин неимущий!

Мониподио. Все в порядке.

Кинола. Санго де ми! Вот ловкач! Такого сам Тициан не отказался бы написать... *(Фонтанаресу.)* Она сейчас выйдет. *(К Мониподио.)* Как он тебе нравится?

Мониподио. Хорош

Кинола. Он будет грандом Испании.

Мониподио. О... Тогда вдвойне хорош...

Кинола. Главное, сударь, осторожнее! Не слишком предавайтесь ахам и охам, а то дуэнья поймет, что дело неладно!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, донья Лопес и Мария.

Мониподио *(дуэнье, указывая на Кинолу.)* Вот тот самый христианин, который вырвался из плена.

Кинола *(дуэнье)*. Ах, сеньора, я вас сразу узнал. Сеньор Лопес десятки раз описывал ваши прелести... *(Уводит ее.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Мария, Фонтанарес и Мониподио, прохаживающийся в глубине сцены.

Мария. Неужели это вы?

Фонтанарес. Да, Мария, удача улыбнулась мне, мы будем счастливы.

Мария. Ах, если бы вы знали, как я молила бога, чтобы он послал вам удачу!

Фонтанарес. Я вам должен рассказать очень многое. Но лишь одно я должен буду повторить неисчислимое множество раз, дабы вознаградить себя за долгую разлуку.

Мария. Не говорите так со мной, а то я подумаю, что вы не знаете всей силы моей привязанности. Она живет не льстивыми словами, а всем, что так важно для вас.

Фонтанарес. Всего важнее для меня, Мария, знать, хватит ли у вас мужества противиться вашему отцу, — ведь он, говорят, хочет выдать вас замуж. Лишь вера в вашу любовь даст мне силы осуществить мой замысел.

Мария. Разве я переменилась?

Фонтанарес. Для нас, мужчин, любить — значит опасаться всего! Вы так богаты, а я так беден! Вас не мучили, пока меня считали погибшим, но теперь между нами станет целый мир. Вы моя звезда, лучезарная и далекая. Я должен быть уверен, что в конце борьбы назову вас своею, иначе, невзирая на победу, я умру от горя.

Мария. Разве вы меня не знаете? В разлуке с вами я жила в одиночестве, почти затворницей, и то чувство, такое чистое, которое с детских лет связывает меня с вами, оно росло и стало достойным твоей судьбы. Когда эти глаза, которым так сладостно видеть тебя вновь, закроются навеки, когда это сердце, которое бьется только для бога, для моего отца и для тебя иссохнет,— я верю, что моя душа переживет меня здесь, на земле, и будет любить тебя по-прежнему! Неужели ты сомневаешься в моем постоянстве?

Фонтанарес. Услышав такие слова, какой только пытки не примешь!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Лотундиас.

Лотундиас. Проклятая дуэнья оставила дверь настежь...

Мониподио *(в сторону)*. Ой, наши бедные дети погибли!.. *(Лотундиасу.)* Творящий милостыню стяжает сокровище на небесах.

Лотундиас. Трудись и на земле ты стяжаешь себе сокровища. *(Оглядывается по сторонам.)* Куда пошли моя дочь и ее дуэнья?

Игра между Мониподио и Лотундиасом.

Мониподио. Испанец щедр.

Лотундиас. Ах, отстань! Я каталонец и, значит, подозрителен. *(Замечает Марию и Фонтанареса.)* Что я вижу!.. Моя дочь с молодым человеком! *(Бежит к ним.)* Сколько ни плати дуэньям, сколько ни требуй у них за свои деньги материнского глаза и сердца, они вечно вас будут обкрадывать. *(Марии.)* Как! Мария, вы, наследница дохода в десять тысяч цехинов, вы разговариваете с...

Или мне мерещится?.. Да это тот самый проклятый механик, у которого ни гроша за душой!

Мониподио, повернувшись к кулисе, делает знаки Киноле.

Мария. Отец, Альфонсо Фонтанарес больше не беден, он видел короля.

Лотундиас. Очень жалею короля.

Фонтанарес. Сеньор Лотундиас, я вправе домогаться руки вашей прекрасной дочери.

Лотундиас. Ого!

Фонтанарес. Согласитесь ли вы иметь зятем герцога Нептунадо, гранда Испании и любимца короля?

Лотундиас ищет глазами герцога Нептунадо.

Мария. Да это он, отец.

Лотундиас. Ты, которого я помню вот таким, ты, чей отец торговал сукном! Что же я, по-твоему, дурак?

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же, Кинола и донья Лопес.

Кинола. Кто сказал: дурак?

Фонтанарес. В качестве свадебного дара я выхлопочу вам дворянство, и мы с женой учредим из ее имущества майорат для вашего сына.

Мария. Ну что же, отец?

Кинола. Ну что же, сеньор?

Лотундиас. Эге, да это разбойник Лавради.

Кинола. Мой господин ходатайствовал перед королем, и король признал мою невиновность.

Лотундиас. Стало быть, и мне не так уж трудно будет получить дворянство...

Кинола. По-вашему, королевская грамота может превратить мещанина в вельможу? Посмотрим. Вообразите себе, что я маркиз Лавради. А ну-ка, дорогой мой, одолжи мне сто дукатов.

Лотундиас. Сто дукатов? Сто батогов! Да ведь сто дукатов — доход с земли стоимостью в две тысячи золотых эскудо.

Кинола. Вот! Изволите видеть!.. А туда же, хочет быть дворянином. Попробуем иначе: граф Лотундиас, ссудите вашего зятя двумя тысячами золотых эскудо, дабы он мог исполнить обещание, данное королю Испании.

Лотундиас *(Фонтанаресу)*. А что ты обещал?

Фонтанарес. Король Испании, осведомясь о моей любви к вашей дочери, едет в Барселону посмотреть, как с помощью моей машины судно пойдет без весел и парусов, и сам обвенчает нас.

Лотундиас *(в сторону)*. Они хотят меня одурачить. *(Громко.)* Пусть твои корабли ходят сами по себе,— очень хорошо, приду посмотреть. Это прелюбопытно. Но я не желаю иметь зятем человека, который слишком высоко заносится. Девицам, воспитанным в наших семьях, чудотворцев не нужно, им нужен человек, который бы занимался своим хозяйством, а не витал в облаках. Будь только хорошим отцом семейства,— других чудес мне не требуется.

Фонтанарес. Когда вашей дочери было двенадцать лет, сеньор, она улыбнулась мне, как Беатриче Данте. Ребенком она видела во мне брата. Позже, когда мы почувствовали, что нас разделяет богатство, я поделился с ней моим смелым замыслом заполнить это расстояние славой. Ради нее я уехал в Италию учиться у Галилея. Она первая приветствовала мои труды, она поняла их значение! Она сроднилась с моею мыслью, прежде чем сродниться со мной. И для меня она стала всем. Понимаете вы теперь, как я ее боготворю?

Лотундиас. Вот именно, поэтому я и не отдам ее тебе! Пройдет десять лет, ты ее бросишь ради какого-нибудь нового открытия...

Мария. Отец, разве расстаются с любовью, которая создала такие чудеса?

Лотундиас. Да, когда она перестает их создавать.

Мария. А если он станет герцогом, грандом Испании и богачом?..

Лотундиас. Если! Если! Если!.. Что ж, я дурак, по-твоему? «Если» это клячи, на которых отвозят в больницу вот таких открывателей миров.

Фонтанарес. Но вот грамота, которою король дарит мне корабль!

Кинола. Да откройте же глаза! Мой хозяин не только даровитый человек, но и красавец к тому же. Даровитость вас коробит и в хозяйстве непригодна? Согласен. Но остается красивый юноша,— что еще требуется молодой девушке для счастья?

Лотундиас. Счастье не в этих крайностях. Красавцы и таланты живо пустят по ветру все богатства Мексики. Нет, моя дочь будет госпожой Сарпи.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Сарпи — на балконе.

Сарпи *(в сторону)*. Кто-то назвал мое имя Что я вижу? Наследница и ее отец, в такой час, на площади!

Лотундиас. Сарпи!.. Вот и не к чему искать кораблей в Вальядолидской гавани. Он захочет да и повысит в чине моего сына.

Фонтанарес. Ради будущности твоего сына, Лотундиас, не вздумай распоряжаться судьбою твоей дочери без ее согласия! Она меня любит, и я ее люблю! В скором времени *(выходит Сарпи)* я буду одним из самых почитаемых людей в Испании и смогу отомстить...

Мария. Как, моему отцу?..

Фонтанарес. Так расскажите же ему, Мария, все, что я сделал ради вас.

Сарпи. Соперник?

Кинола *(Лотундиасу)*. Сеньор, вы погубите свою душу.

Лотундиас. Ты-то почем знаешь?

Кинола. Мало того, вы погубите свое имущество, клянусь вам!

Лотундиас. Чтобы не губить ни души, ни имущества, я приберегу мою дочь для человека, который хоть и не будет обладать талантами, зато будет обладать здравым смыслом...

Фонтанарес. Подождите по крайней мере.

Сарпи. А к чему ждать?

Кинола *(к Мониподио.)* Кто это?

Мониподио. Сарпи.

Кинола. Настоящий стервятник!

Мониподио. И убить его трудно, ибо он и есть истинный правитель Каталонии.

Лотундиас. Привет, господин секретарь! *(Фонтанаресу.)* Прощайте, любезный, ваш приезд побудит меня поспешить со свадьбой. *(Марии.)* Идите домой, дочь моя. *(Дуэнье.)* А с тобой, старая колдунья, мы еще поговорим!

Сарпи *(Лотундиасу)*. Я вижу, у этого идальго имеются притязания?

Фонтанарес *(к Сарпи)*. Нет, права!

Мария, дуэнья и Лотундиас уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Мониподио, Сарпи, Фонтанарес и Кинола.

Сарпи. Права?.. Или вам не известно, что племянник Фра-Паоло Сарпи, родственник Бранкадоров, граф Неаполитанского королевства, секретарь вице-королевства Каталонского, домогается руки Марии Лотундиас? Тот, кто заявляет, будто он имеет на нее права, наносит оскорбление и ей и мне.

Фонтанарес. А известно ли вам, что вот уже пять лет, как я, Альфонсо Фонтанарес, которому король, наш повелитель, обещал титул герцога Нептунадо, звание гранда и Золотое Руно, люблю Марию Лотундиас, что она дала мне слово и что ваши домогательства, если вы от них не откажетесь, будут оскорблением и ей и мне?

Сарпи. Я не знал, ваша милость, что у меня имеется столь знатный соперник. Итак, будущий герцог Нептунадо, будущий гранд, будущий кавалер Золотого Руна, мы с вами любим одну и ту же особу; если вам дала слово Мария, то мне дал слово ее отец: вы ждете титулов, а я их уже ношу.

Фонтанарес. Довольно, остановитесь! Ни слова больше, ни взгляда... Оскорбить меня было бы низостью. Поссорься со мной весь мир, я ни с кем не стану драться, пока не завершу моего предприятия, дабы с честью оправдать ожидания короля. Сейчас я сражаюсь один против всех... Когда я сведу счеты с моим веком, вы найдете меня... подле короля.

Сарпи. О, мы не потеряем друг друга из виду!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же, Фаустина, дон Фрегосо и Пакита.

Фаустина *(на балконе)*. О чем это спорят, ваша светлость, этот молодой человек и ваш секретарь? Спустимся вниз.

Кинола *(к Мониподио)*. Ты не находишь, что глав-

ный талант моего господина — навлекать громы и молнии на свою голову?

Мониподио. Уж больно высоко он ее задирает!

Сарпи *(к дон Фрегосо)*. Ваша светлость, в Каталонию прибыл человек, которого король, наш повелитель, осыплет в будущем своими милостями и которому, ваша светлость, по скромному моему суждению, следует оказать подобающий прием.

Дон Фрегосо *(Фонтанаресу.)* К какому вы принадлежите роду?

Фонтанарес *(в сторону)*. Сколько уже я молча снес таких улыбок! *(Громко.)* Король меня об этом не спрашивал, ваша светлость. Впрочем, вот его письмо и письмо его министра. *(Вручает пакет.)*

Фаустина *(Паките)*. У него королевская осанка.

Пакита. Этого короля ждут победы.

Фаустина *(узнав Мониподио)*. Мониподио! Знаешь ты, что это за человек?

Мониподио. Человек, который, говорят, перевернет вселенную.

Фаустина. Ах, так вот он, этот знаменитый изобретатель, о котором я столько слышала!

Мониподио. А это его слуга.

Дон Фрегосо. Вот, Сарпи, возьмите письмо министра, а письмо короля я оставлю у себя. *(Фонтанаресу.)* Ну, что же, милый юноша, письмо короля вполне ясно, на мой взгляд. Вы собираетесь совершить невозможное! Но как бы вы ни были в себе уверены, вам не мешало бы посоветоваться с дон Рамоном, каталонским ученым, у которого имеются весьма ценные труды по этой части.

Фонтанарес. В этом деле, ваша светлость, самые прекрасные трактаты не могут идти в сравнение с опытом.

Дон Фрегосо. Какая самонадеянность! *(К Сарпи.)* Сарпи, вы предоставите в распоряжение этого кабальеро корабль, который он выберет для себя в нашей гавани.

Сарпи *(вице-королю)*. Вполне ли вы уверены, что именно таково желание короля?

Дон Фрегосо. Увидим. В Испании, ступив шаг, следует прочесть «Отче наш».

Сарпи И ведь нам писали из Вальядолида...

Фаустина *(вице-королю)*. О чем идет речь?

Дон Фрегосо. Увы, о химере!

Фаустина. Но разве вы не знаете, что я люблю химеры?

Дон Фрегосо. О химере ученого, которую король принял всерьез после гибели Армады. Если этому кабальеро его замысел удастся, мы увидим в Барселоне королевский двор.

Фаустина. И будем ему за то очень обязаны!

Дон Фрегосо *(Фаустине)*. Со мной вы так любезно никогда не говорите. *(Громко.)* Он поручился головой, что пустит с быстротою ветра, против ветра, корабль без весел и парусов...

Фаустина. Поручился головой? Дитя!

Сарпи. И сеньор Альфонсо Фонтанарес рассчитывает совершить это чудо, чтобы жениться на Марии Лотундиас.

Фаустина. Ах, он любит...

Кинола *(шепотом Фаустине)*. Нет, сеньора, он боготворит.

Фаустина. Дочь Лотундиаса!

Дон Фрегосо. Как быстро он возбудил ваш интерес!

Фаустина. Уж ради того, чтобы увидеть здесь королевский двор, я желаю этому кабальеро полного успеха.

Дон Фрегосо. Сеньора, не угодно ли съездить позавтракать на виллу Авалороса? В гавани вас ждет тартана.

Фаустина. Нет, ваша светлость, я устала от нашего праздника, и прогулка на тартане была бы мне не под силу. Я ведь не обязана, подобно вам, вечно казаться неутомимой; молодость любит сон, разрешите мне пойти отдохнуть.

Дон Фрегосо. Вы слова не можете мне сказать без насмешки.

Фаустина. Смотрите, дон Фрегосо, как бы я не стала с вами серьезной.

Фаустина, дон Фрегосо и Пакита уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Авалорос, Кинола, Мониподио, Фонтанарес и Сарпи.

Сарпи *(Авалоросу)*. Морская прогулка не состоялась.

Авалорос. Мне все равно, я выиграл сто золотых эскудо.

Сарпи и Авалорос вступают в беседу.

Фонтанарес *(к Мониподио)*. Что это за человек?

Мониподио. Авалорос — самый богатый банкир в Каталонии. Он забрал в свои лапы все Средиземное море.

Кинола. Я чувствую к нему прилив нежности.

Мониподио. Он над всеми нами хозяин!

Авалорос *(Фонтанаресу)*. Молодой человек, я банкир. И если ваше дело выгодно, то, после божьей и королевской помощи, нет ничего полезнее, чем помощь миллионера.

Сарпи *(банкиру)*. Ничего не обещайте... Вдвоем мы с ним живо управимся.

Авалорос *(Фонтанаресу)*. Так, значит, любезный, зайдите ко мне.

Мониподио тем временем крадет у него кошелек.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Мониподио, Фонтанарес и Кинола.

Кинола. Вы сразу же наделали себе хлопот!

Мониподио. Дон Фрегосо к вам ревнует.

Кинола. Сарпи вам все расстроит!

Мониподио. Вы держите себя великаном перед карликами, но ведь в руках этих карликов власть! Дождитесь успеха, а потом уж гордитесь на здоровье! Надо уметь быть маленьким, сгибаться, ходить крадучись...

Кинола. Слава?.. Да ее, сеньор, добывают воровски.

Фонтанарес. Вы хотите, чтобы я унижался?

Мониподио. Да ведь ради успеха!

Фонтанарес. Это пристало какому-нибудь Сарпи. А я должен все взять с боя. Да и что могло бы помешать моему успеху? Разве я сейчас не выберу себе в гавани великолепную галеру?

Кинола. Ах, я на этот счет очень суеверен! Не берите вы, сеньор, галеры!

Фонтанарес. Я не вижу к тому никаких препятствий.

Кинола. Вы их никогда не видите! Вас занимают

другого рода открытия. Да ведь у нас, сеньор, нет денег, нет гостиницы, где бы нам поверили в долг, и, не встреть я старого друга, который меня любит,— бывают друзья, которые нас терпеть не могут,— нам не во что было бы одеться...

Мария машет из окна платком.

Фонтанарес. Зато она меня любит! Смотри, вон блеснула моя звезда.

Кинола. Это, сеньор, платок! В достаточно ли вы твердом уме, чтобы выслушать совет?.. Вместо такой вот мадонны вам бы нужно какую-нибудь маркизу Мондехар. Подобные ей хрупкие женщины тверды, как сталь, а любовь внушает им такие хитрости, какие нашему брату подскажет лишь отчаяние... Или хоть эту Бранкадор...

Фонтанарес. Если ты хочешь, чтобы я все бросил, продолжай в том же духе. Запомни раз навсегда: в любви — вся моя сила, любовь—небесный луч, который освещает мой путь.

Кинола. Ну, ну, успокойтесь!

Мониподио. Этот человек меня тревожит. Мне кажется, механика любви ему дороже, чем любовь к механике.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же и Пакита.

Пакита *(Фонтанаресу)*. Моя госпожа велела сказать вам, сеньор, чтобы вы были осторожны. Вы навлекли на себя жестокую ненависть.

Мониподио. Это уж моя забота. Ходите смело по улицам Барселоны. Когда вас захотят убить, я об этом узнаю первый.

Фонтанарес. Как, уже?

Пакита. Вы ничего не велите передать моей госпоже?

Кинола. Милая моя, нельзя думать о двух машинах зараз. Передай твоей небесной сеньоре, что мой господин лобызает ей ножки. А я, мой ангел, холост и мечтаю о мирной жизни. *(Обнимает ее.)*

Пакита *(дает ему пощечину)*. Нахал!

Кинола. Прелесть.

Пакита уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Те же, кроме Пакиты.

Мониподио. Идемте в «Золотое солнце». Я знаком с хозяином, вам поверят.

Кинола. Битва завязалась еще скорее, чем я думал.

Фонтанарес. Где достать денег?

Кинола. В долг нам не дадут, но мы их купим. Сколько вам надо?

Фонтанарес. Две тысячи золотых эскудо.

Кинола. Есть у меня на примете кое-что, но такой жирный кусочек не знаю, где добыть.

Мониподио. Эге! Я нашел кошелек.

Кинола. Ишь ты, не потерял привычки! Стало быть, сеньор, вам требуются железо, медь, сталь, дерево... Все это имеется у торговцев! О! Счастливая мысль! Я решил основать торговый дом «Кинола и компания». Если даже он не будет процветать, то вы-то, во всяком случае, с его помощью процветете.

Фонтанарес. Ах, если бы не вы, кем бы я стал!

Мониподио. Добычей Авалороса.

Фонтанарес. Итак, за работу! Изобретатель спасет влюбленного.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гостиная во дворце сеньоры Бранкадор.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Авалорос, Сарпи, Пакита.

Авалорос. Неужели наша властительница в самом деле больна?

Пакита. У нее грустные мысли.

Авалорос. Разве мысли — болезнь?

Пакита. Да, но не бойтесь,— вам эта болезнь не грозит.

Сарпи. Скажи моей дорогой кузине, что сеньор Авалорос и я ждем ее решения.

Авалорос. Вот тебе два эскудо, и скажи, что я жалею...

Пакита. Я скажу, что вы их не жалеете. Пойду уговорю сеньору одеться. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Авалорос и Сарпи.

Сарпи. Бедный вице-король! Здесь он молодой человек, а старик — я.

Авалорос. Пока ваша кузина его дурачит, вы заняты политической деятельностью, вы подготовляете для короля покорение французской Наварры. Будь у меня дочь, я бы выдал ее за вас. Этот Лотундиас не глуп.

Сарпи. Ах, положить начало знаменитому роду, вписать свое имя в историю отечества, стать кардиналом Гранвелем или герцогом Альбой!

Авалорос. Да, это прекрасно. Я не прочь добыть себе имя. Император сделал Фуггеров князьями Бабенгаузенскими, этот титул обошелся им в миллион червонцев. А я хочу стать великим человеком без лишних затрат.

Сарпи. Вы? Каким же образом?

Авалорос. У Фонтанареса в руках вся будущность торговли.

Сарпи. И вы этому верите, вы, такой положительный человек?

Авалорос. После пороха, книгопечатания и открытия Нового света я всему готов поверить. Скажите мне, что найден способ доставлять сюда в десять минут известия из Парижа, или что в воде содержится огонь, или что есть еще неоткрытые Индии, или что можно летать по воздуху,— я не скажу «нет», и я дам...

Сарпи. Деньги?

Авалорос. Нет, я дам себе труд последить за этим делом.

Сарпи. Если корабль Фонтанареса поплывет, вы хотите стать для него тем, чем Америго стал для Христофора Колумба.

Авалорос. Разве у меня не хватит средств купить хоть десять гениев?

Сарпи. Каким образом?

Авалорос. Деньги — вот ключ ко всем тайнам! Тратя деньги, выигрываешь время. А время — это все!

С помощью времени можно погубить любое, самое блестящее предприятие. И когда другие в нем отчаялись, вы им завладеваете. Деньги — это жизнь. Деньги — это удовлетворение потребностей и желаний. Во всяком даровитом человеке сидит ребенок, фантазер. Воспользуйтесь дарованиями такого человека, и рано или поздно вы обнаружите в нем ребенка. Ребенок окажется вашим должником, а гений отправится в тюрьму.

Сарпи. И к чему вы с ним пришли?

Авалорос. Он отверг мои предложения. Собственно, не он, а его слуга, но я постараюсь договориться со слугой.

Сарпи. Представьте, вы в моих руках. Я получил приказ отослать все барселонские суда к берегам Франции. Враги, которых Фонтанарес нажил себе в Вальядолиде, приняли меры; этот приказ непререкаем и последовал уже после королевского письма.

Авалорос. Чего вы хотите в этом деле?

Сарпи. Должности главноначальствующего над кораблестроением.

Авалорос. Но что же тогда мне останется?

Сарпи. Слава.

Авалорос. Хитрец!

Сарпи. Лакомка!

Авалорос. Давайте охотиться вместе, успеем поссориться при дележе. Вашу руку! *(В сторону.)* Я-то сильнее, я через Бранкадор верчу вице-королем.

Сарпи *(в сторону)*. Довольно мы его откармливали: пора его зарезать. У меня найдется средство его погубить.

Авалорос. Надо бы заручиться помощью этого Кинолы. Я за ним послал,— хочу устроить маленькое совещание с Бранкадор.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Кинола.

Кинола. Я между двух разбойников вроде как... Им хорошо, они припудрены добродетелью и приукрасились хорошими манерами. А нашего брата— того вешают!

Сарпи. Мошенник! Пока твой господин не завел нового способа двигать галеры, тебе бы не мешало подвигать их самому.

Кинола. Король умеет ценить истинные достоинства, он понял, что Испания слишком много потеряла бы на этом.

Сарпи. Мы тебя не оставим без присмотра, так и знай!

Кинола. Еще бы, я сам за собой присматриваю.

Авалорос. Вы его смущаете, он честный малый. Послушай, ты представляешь себе, что такое богатство?

Кинола. Нет, я его видел только издалека.

Авалорос. Ну, скажем, тысячи две золотых эскудо...

Кинола. Как? Что? У меня даже круги пошли перед глазами. Неужели бывает такое? Две тысячи золотых эскудо? Быть хозяином, иметь собственный дом, служанку, лошадь, жену, доходы и чтобы святая Эрмандад тебе покровительствовала, а не гонялась за тобой по пятам! Что прикажете сделать?

Авалорос. Помоги мне заключить договор, одинаково выгодный и твоему господину и мне.

Кинола. Понимаю: охрутить его. Потише, госпожа моя совесть! Помолчи, красавица! На недельку придется тебя отставить, а там мы снова будем дружно жить до конца наших дней.

Авалорос (*в сторону*). Он наш.

Сарпи (*Авалоросу*). Да он издевается над нами! Иначе он держал бы себя серьезнее.

Кинола. Эти две тысячи золотых эскудо я получу, вероятно, только после подписания договора?

Сарпи (*живо*). Ты можешь получить их вперед.

Кинола. Вот как! (*Протягивает руку.*) Давайте!

Авалорос. Если выдашь мне... просроченный вексель.

Кинола. Сам падишах не подносит шнурок с большей деликатностью.

Сарпи. Получил твой господин корабль?

Кинола. Вальядолид далеко, это правда, господин секретарь. Но там у нас имеется перо, один росчерк которого может ввергнуть вас в немилость.

Сарпи. Я тебя раздавлю.

Кинола. А я так съежусь, что это вам не удастся.

Авалорос. Послушай, жулик, чего же ты хочешь?

Кинола. Вот это — золотые слова!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Фаустина и Пакита.

Пакита. Господа, вот и сеньора.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, кроме Пакиты.

Кинола *(идя навстречу сеньоре Бранкадор)*. Сеньора, мой господин уверяет, что покончит с собой, если не получит, наконец, корабль, которого он целый месяц не может добиться от графа Сарпи, а сеньор Авалорос требует от него жизнь в обмен на кошелек, вы понимаете?.. *(В сторону.)* Женщина спасла нас в Вальядолиде, женщины спасут нас и в Барселоне. *(Громко, к Бранкадор.)* Он грустит!

Авалорос. У этого мошенника немало смелости!

Кинола. Хотя нет денег; не правда ли, удивительно?

Сарпи *(Киноле)*. Поступай ко мне на службу.

Кинола. Я не так-то легко беру себе хозяев.

Фаустина *(в сторону)*. Он грустит! *(Громко.)* Что же это? Вы, Сарпи, вы, Авалорос, для которых я столько сделала! К нам приезжает даровитый человек, он беден, и вместо того чтобы ему помочь, вы его преследуете...

Движение Авалороса и Сарпи.

Нехорошо... Нехорошо!.. *(Киноле.)* Расскажи мне подробно про все их козни.

Сарпи *(Фаустине)*. Дорогая кузина, не требуется особой проницательности, чтобы разгадать, чем вы больны с тех пор, как здесь появился этот Фонтанарес.

Авалорос *(Фаустине)*. Вы мне должны, сеньора, две тысячи золотых эскудо, и вам придется еще не раз черпать из моей кассы.

Фаустина. Мне? Разве я у вас что-нибудь просила?

Авалорос. Вы никогда ничего не просили, но то, что я имел счастие вам предлагать, вы принимали.

Фаустина. Ваша привилегия на торговлю хлебом— чудовищное беззаконие.

Авалорос. Я вам должен, сеньора, две тысячи золотых эскудо.

Фаустина. Пойдите напишите мне расписку на те

две тысячи золотых эскудо, которые я вам должна, и приказ на уплату такой же точно суммы, которую я вам должна не буду. *(К Сарпи.)* В вашем положении только очень плохой политик решился бы выдать мой секрет.

Сарпи. Я слишком многим вам обязан, чтобы быть неблагодарным.

Фаустина (*в сторону*). В мыслях у него как раз обратное. По его милости вице-король явится ко мне взбешенным.

Сарпи уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, кроме Сарпи.

Авалорос. Пожалуйста, сеньора.

Фаустина. Отлично.

Авалорос. Надеюсь, мы больше не враги?

Фаустина. Ваша хлебная привилегия вполне законна.

Авалорос. О сеньора...

Кинола (*в сторону*). Вот это называется делать дела.

Авалорос. Сеньора, вы благороднейшая дама, и должен сознаться, что я...

Кинола (*в сторону*). Хищная скотина.

Фаустина (*протягивает Киноле записку Авалороса*). Вот, Кинола, пусть твой господин построит свою машину.

Авалорос (*Фаустине*). Не давайте ему, сеньора, он еще прикарманит деньги. И вообще будьте осторожнее, повремените...

Кинола (*в сторону*). Из-под тропиков я переношусь в Гренландию. Что за игра — человеческая жизнь!

Фаустина. Вы правы. (*В сторону.*) Пусть лучше судьба Фонтанареса зависит от меня. (*Авалоросу.*) Если вы дорожите вашими привилегиями, ни слова.

Авалорос. Нет ничего молчаливее капиталов. (*В сторону.*) Женщина бескорыстна, пока ею не овладеет страсть. Постараемся устранить милую сеньору, она слишком дорого обходится.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Фаустина и Кинола.

Фаустина. Так ты говоришь — он грустит.

Кинола. Все против него.

Игра между Фаустиной и Кинолой по поводу записки Авалороса, которую Фаустина держит в руке.

Фаустина. Но он умеет бороться.

Кинола. Вот уже два года, как мы терпим бедствия, не раз тонули, даже побывали на дне. А там одни камни!

Фаустина. Да, но какая сила, какой гений!

Кинола. Таково, сеньора, действие любви.

Фаустина. А кого он теперь любит?

Кинола. По-прежнему Марию Лотундиас.

Фаустина. Ведь это же кукла!

Кинола. Форменная кукла!

Фаустина. Талантливые люди все таковы...

Кинола. Истинные колоссы на глиняных ногах!

Фаустина. Они облекают какое-нибудь ничтожество в свои иллюзии и сами себя обманывают. Они любят создание своей фантазии, эгоисты.

Кинола *(в сторону)*. Точь-в-точь как женщины! *(Громко.)* Знаете, сеньора, мне бы хотелось, чтобы эта кукла исчезла каким-нибудь безобидным способом... Ну, скажем, ушла бы в монастырь.

Фаустина. Ты как будто славный малый.

Кинола. Я люблю моего господина.

Фаустина. Как ты думаешь: он обратил на меня внимание?

Кинола. Нет еще.

Фаустина. Поговори с ним обо мне.

Кинола. А он заговорит насчет моей спины и палки! Видите ли, сеньора, эта девушка...

Фаустина. Эта девушка не должна больше для него существовать.

Кинола. А если он умрет, сеньора?

Фаустина. Он так ее любит?

Кинола. Поверьте, я в этом не виноват! И в Вальядолиде и здесь я тысячу раз ему доказывал, что такой человек, как он, должен обожать женщин, но полюбить хоть одну — никогда!

Фаустина. Да ты, оказывается, злой! Сходи к Ло-

тундиасу и скажи, чтобы он зашел ко мне поговорить да привел с собой дочку. *(В сторону.)* Она отправится в монастырь.

Кинола *(в сторону)*. Еще один враг! Она слишком любит нас, а потому наделает нам много бед.

Кинола уходит и встречается по пути с дон Фрегосо.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Фаустина и дон Фрегосо.

Дон Фрегосо. В ожидании господина вы стараетесь подкупить слугу.

Фаустина. Женщине надо всегда упражняться в искусстве обольщения.

Дон Фрегосо. Сеньора, это невеликодушно. Я надеялся, что благородная венецианка пощадит чувства старого солдата.

Фаустина. Ах, ваша светлость, вы пользуетесь вашими сединами искуснее, чем юноша самой пышной шевелюрой, и для вас они более веский довод, чем... *(Смеется.)* Да бросьте вы этот сердитый вид!

Дон Фрегосо. Могу ли я не сердиться, видя, как себя компрометируете вы, которую я хотел бы назвать своей женой? Неужели вы забыли, что носите одно из лучших имен Италии?

Фаустина. По-вашему, оно слишком хорошо для Фаустины Бранкадор?

Дон Фрегосо. Вы предпочитаете снизойти до какого-то Фонтанареса.

Фаустина. А если он поднимется до меня? Разве это не доказательство любви? Впрочем, вы сами знаете, что любовь не рассуждает.

Дон Фрегосо. А, вы сознаетесь!

Фаустина. Вы мне слишком близкий друг и вправе первым узнать мою тайну.

Дон Фрегосо. Сеньора!.. Да, любовь безрассудна! Я вам отдал больше, чем самого себя!.. Ах, я хотел бы обладать целым миром, чтобы подарить его вам. Разве вы не знаете, что ваша картинная галерея стоила мне почти всего моего состояния?

Фаустина. Пакита!

Дон Фрегосо. И что для вас я готов пожертвовать даже честью?

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Пакита.

Фаустина *(Паките)*. Скажи мажордому, чтобы он распорядился отнести картины из моей галереи к дон Фрегосо.

Дон Фрегосо. Пакита, не вздумайте передать это приказание.

Фаустина. Мне рассказывали, что однажды Екатерина Медичи потребовала у Дианы де Пуатье драгоценности, которые той подарил Генрих Второй. Диана их вернула переплавленными в слиток. Пакита, сходи за ювелиром.

Дон Фрегосо. Ни к кому не ходите и оставьте нас.

Пакита уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же, кроме Пакиты.

Фаустина. Я еще не маркиза Фрегосо. Как вы смеете отдавать приказания в моем доме?

Дон Фрегосо. Я должен вам повиноваться, я знаю. Все мои богатства не стоят одного вашего слова! Простите мне порыв отчаяния.

Фаустина. Даже в отчаянии надо оставаться рыцарем. А ваше отчаяние превращает Фаустину в куртизанку. Ах, вы хотите, чтобы вас обожали? Да последняя венецианка вам скажет, что это стоит очень дорого...

Дон Фрегосо. Я заслужил этот ужасный гнев.

Фаустина. Вы говорите — любить? Любить! Любить — значит жертвовать собой, не ожидая ни малейшей награды! Любить! Это значит жить в лучах солнца, не смея к нему приблизиться. Не облекайте же ваш эгоизм в блистательные ризы истинной любви. Замужняя женщина, Лаура ди Новес, сказала Петрарке: «Ты мой, но ни на что не надейся, живи без любви!» А ведь Италия, венчая поэта, увенчала его великую любовь, и грядущие века не перестанут восхищаться Лаурой и Петраркой!

Дон Фрегосо. Я никогда особенно не жаловал поэтов, а Петрарку я ненавижу! Все женщины, до скончания века, будут ставить его в пример поклонникам, которых они хотят иметь около себя, но не ближе.

Фаустина. Вас называют полководцем, а вы просто солдат.

Дон Фрегосо. Так в чем я мог бы уподобиться этому проклятому Петрарке?

Фаустина. По вашим словам, вы меня любите, так избавьте гениального человека...

У дон Фрегосо вырывается жест удивления.

Да, гениального — избавьте его от пытки, которой его хотят подвергнуть пигмеи. Проявите величие души, помогите ему! Вам это будет больно, я знаю, но помогите ему. Только тогда я поверю, что вы меня любите, и великодушным своим поступком вы прославите себя больше, чем взятием Мантуи.

Дон Фрегосо. Здесь, перед вами, для меня нет невозможного. Но разве вы не знаете, какой яростью я буду терзаться, повинуясь вам?

Фаустина. Ах, значит, вам тяжело повиноваться мне?

Дон Фрегосо. Вы ему покровительствуете, вы восхищаетесь им, пусть. Но вы его не любите? Скажите.

Фаустина. Ему отказываются выдать корабль, подаренный королем. Отдайте ему корабль в полное пользование, немедленно.

Дон Фрегосо. И пришлю его сюда поблагодарить вас.

Фаустина. Вот таким я вас люблю.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Фаустина одна.

Фаустина. А ведь находятся женщины, которые жалеют, что они не мужчины.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Фаустина, Пакита, Лотундиас и Мария.

Пакита. Сеньора, Лотундиас с дочерью.

Пакита уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же, кроме Пакиты.

Лотундиас. Ах, сеньора, вы превратили мой дом в настоящий королевский дворец!

Фаустина *(Марии)*. Дитя мое, садитесь сюда, возле меня. *(Лотундиасу.)* Можете сесть.

Лотундиас. Вы очень добры, сеньора. Но позвольте мне пойти взглянуть на знаменитую картинную галерею, о которой говорит вся Каталония. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Фаустина и Мария.

Фаустина. Дитя мое, я люблю вас, и я знаю, в каком вы затруднении. Ваш отец хочет вас выдать за моего кузена Сарпи, а вы любите Фонтанареса.

Мария. Уже пять лет, сеньора.

Фаустина. В шестнадцать лет не знают, что такое любить.

Мария. Не все ли равно, если я люблю?

Фаустина. Любить, мой ангел, для нас, женщин,— значит жертвовать собой.

Мария. Я готова жертвовать собой.

Фаустина. Послушайте! Вы могли бы отказаться от него ради него самого, для его пользы?

Мария. Это значило бы умереть, но моя жизнь принадлежит ему.

Фаустина *(в сторону, вставая)*. Сколько силы в бессилии невинности! *(Громко.)* Вы никогда не покидали отеческого дома, вы совсем не знаете света, не знаете его требований, а они ужасны. Нередко человек гибнет оттого, что встретил женщину, которая слишком его любит, или женщину, которая его не любит. Фонтанарес может оказаться в таком положении. У него могущественные враги. Его слава, в которой для него вся жизнь, у них в руках. Вы можете их обезоружить.

Мария. Что надо сделать?

Фаустина. Выйдя замуж за Сарпи, вы бы обеспечили победу вашему дорогому Фонтанаресу. Но женщина не может дать женщине такой совет. На эту жертву вы

должны решиться сами, сами на нее пойти. Сперва прибегните к хитрости. На некоторое время покиньте Барселону. Удалитесь в монастырь.

Мария. Не видеть его больше! Если бы вы только знали! Ведь он каждый день, в один и тот же час, проходит под моим окном. И этот час — дороже всего остального дня.

Фаустина *(в сторону)*. Она меня словно кинжалом ударила! О! Она будет графиней Сарпи!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же и Фонтанарес.

Фонтанарес *(Фаустине)*. Сеньора... *(Целует ей руку.)*

Мария *(в сторону)*. О, как больно!

Фонтанарес. Хватит ли всей моей жизни, чтобы доказать вам мою признательность? Если я чего-нибудь достигну, если я прославлю свое имя, если я узнаю счастье,— всем я буду обязан вам.

Фаустина. Это все пустое! Я хочу расчистить вам дорогу. Я всей душой сочувствую несчастиям талантливых людей, и вы можете всецело положиться на меня. Да, я, кажется, готова была бы стать для вас ступенькой, лишь бы помочь вам дотянуться до венца.

Мария *(дергая Фонтанареса за плащ)*. Ведь я же здесь *(он оборачивается)*, а вы меня и не видите.

Фонтанарес. Мария! Уже десять дней мы не перемолвились ни словом. *(Фаустине.)* О сеньора, вы ангел!

Мария *(Фонтанаресу)*. Скажите лучше — демон. *(Громко.)* Сеньора советовала мне пойти в монастырь.

Фонтанарес. Она?

Мария. Да.

Фаустина. Но, дети мои, так надо.

Фонтанарес. Так, значит, на каждом шагу меня ждет западня, и под благоволением таятся пропасти! *(Марии.)* Кто вас привел сюда?

Мария. Отец.

Фонтанарес. Он сам? Или он слеп? Вы, Мария, в этом доме!

Фаустина. Сеньор!..

Фонтанарес. А, в монастырь! Чтобы овладеть ее мыслями, чтобы терзать ее душу!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же и Лотундиас.

Фонтанарес. И вы приводите этого ангела чистоты к женщине, ради которой дон Фрегосо расточает свое состояние и которая принимает от него сумасшедшие подарки, не будучи его женой...

Фаустина. Сеньор!

Фонтанарес. Вы приехали сюда, потеряв мужа — младшего Бранкадора, которому вы отдали то немногое, что вам досталось от отца, мне это известно. Но здесь вы очень переменились.

Фаустина. Кто дал вам право судить мои поступки?

Лотундиас. Да перестань ты! Сеньора — благородная дама, она удвоила стоимость моего дворца.

Фонтанарес. Она!.. Да ведь это...

Фаустина. Замолчите!

Лотундиас. Дочь моя, вот полюбуйтесь на своего гения! Не знает удержу ни в чем, какой-то сумасшедший, во всяком случае, здравого смысла в нем не ищите. Знайте, господин механик, сеньора — родственница и покровительница Сарпи.

Фонтанарес. Уведите же вашу дочь от этой каталонской маркизы Мондехар!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Фаустина и Фонтанарес.

Фонтанарес. Так значит, сеньора, все ваше великодушие было лишь тонкой игрой в интересах Сарпи? В таком случае мы с вами в расчете! Прощайте...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Фаустина и Пакита.

Фаустина. До чего он прекрасен в гневе, Пакита!

Пакита. Ах, сеньора, как вы его любите! Что же с вами будет!

Фаустина. Дитя мое, я поняла, что никогда еще я не любила, и вот тут, сейчас, словно удар молнии в единый миг преобразил меня. В этот миг я отлюбила за все потерянное время. Быть может, я у края бездны. Пошли кого-нибудь из слуг за Матиасом Махисом, ростовщиком.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Фаустина одна.

Фаустина. Я слишком люблю его и не в силах доверить мое мщение стилету Мониподио! Но он меня так страшно унизил! О, я заставлю его мечтать, как о высшей чести, о том, чтобы назвать меня своей женой! Я хочу видеть его покорным у моих ног, или мы оба погибнем в борьбе!

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Фаустина и дон Фрегосо.

Дон Фрегосо. Я рассчитывал застать здесь Фонтанареса, счастливого, получившего, наконец, благодаря вам свой корабль.

Фаустина. Так вы ему дали корабль? Значит, у вас нет к нему ненависти? Я думала, что такая жертва выше ваших сил. Мне хотелось узнать, что сильнее в вас — любовь или послушание.

Дон Фрегосо. О сеньора...

Фаустина. Можете вы отобрать у него этот корабль?

Дон Фрегосо. Повинуюсь я вам или нет, вы всегда недовольны, никак не могу вам угодить. Боже мой, отобрать у него корабль! Да он уже послал на корабль целый полк рабочих, и они теперь там хозяйничают.

Фаустина. Так вы не знаете, что я его ненавижу и что я хочу...

Дон Фрегосо. Его смерти?

Фаустина. Нет, его позора.

Дон Фрегосо. О, наконец-то я смогу отомстить за целый месяц мучений!

Фаустина. Не смейте касаться моей добычи, предоставьте ее мне. И прежде всего, дон Фрегосо, возьмите обратно картины из моей галереи.

Жест удивления у дон Фрегосо.

Я так хочу!

Дон Фрегосо. Так, значит, вы отказываетесь стать маркизой?..

Фаустина. Возьмите свои картины, иначе я их сожгу на площади или велю продать, а деньги раздам бедным.

Дон Фрегосо. Но почему же?

Фаустина. Я жажду чести, а вы запятнали мою честь.

Дон Фрегосо. Тогда примите мою руку.

Фаустина. Ах, оставьте меня!

Дон Фрегосо. Чем больше вам даешь власти, тем больше вы ею злоупотребляете.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Фаустина одна.

Фаустина. Любовница вице-короля! О, я сплету с помощью Авалороса и Сарпи венецианское кружево!

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Фаустина и Матиас Махис.

Матиас Махис. Сеньоре требуются мои скромные услуги?

Фаустина. Кто вы такой?

Матиас Махис. Матиас Махис, бедный миланский меняла, к вашим услугам.

Фаустина. Вы даете взаймы?

Матиас Махис. Под верный залог — под алмазы иль золото. Промысел скромный. Убытки совсем нас задушили. Деньги сплошь да рядом залеживаются. Ах, нелегкая работа разводить червонцы. Одно неудачное дело пожирает плоды десяти удачных. Для того чтобы заработать триста эскудо, отдаешь тысячу в руки расто-

чителю: вот это и удорожает ссуду. Люди к нам несправедливы.

Фаустина. Вы еврей?

Матиас Махис. То есть в каком смысле?

Фаустина. Какая ваша религия?

Матиас Махис. Я ростовщик и католик, сеньора...

Фаустина. Очень жаль.

Матиас Махис. Сеньора, вам угодно, чтобы я был...

Фаустина. Да, в когтях у инквизиции.

Матиас Махис. А зачем?

Фаустина. Чтобы быть уверенной в вашей преданности.

Матиас Махис. У меня в сундуке спрятано много чужих тайн, сеньора.

Фаустина. Если бы ваше богатство было в моих руках...

Матиас Махис. Вы бы владели моей душой.

Фаустина *(в сторону)*. Его надо приманить выгодой, это ясно. *(Громко.)* Вы предоставляете...

Матиас Махис. Под залог, из пяти процентов.

Фаустина. Да нет, не то. Слушайте, вы предоставляете ваше имя в распоряжение сеньора Авалороса.

Матиас Махис. Я знаю сеньора Авалороса, банкира. Мы с ним ведем кое-какие дела, но у него слишком громкое имя на бирже и слишком большой кредит на всем Средиземном море, чтобы ему мог понадобиться такой бедняк, как Матиас Махис.

Фаустина. Ты не станешь болтать, ростовщик. Если я решу действовать от твоего имени в одном крупном деле...

Матиас Махис. Контрабанда?

Фаустина. Не все ли равно? Что будет гарантией полной твоей преданности?

Матиас Махис. Ожидаемый барыш.

Фаустина *(в сторону)*. Отличная борзая! *(Громко.)* Ну, так идемте, я вам доверю секрет, от которого зависит человеческая жизнь, ибо вам будет отдан на растерзание великий человек.

Матиас Махис. Мой мелкий промысел питается великими страстями: знатная женщина, знатный барыш.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена представляет внутренность конюшни. Под крышей сеновал. Вдоль стен — колеса, трубы, шпили, длинный медный дымоход, большой котел. Налево от зрителя — резной столб с изображением мадонны. Направо — стол, на столе бумаги, математические приборы. На стене, возле стола,— черная доска, испещренная чертежами. На столе — лампа. Рядом с доской — полка, на ней связки лука, кувшин и каравай хлеба. Направо от зрителя — ворота, налево — дверь, ведущая в поле. У подножия статуи мадонны — охапка соломы, заменяющая ложе. При поднятии занавеса на сцене ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Фонтанарес и Кинола.

Фонтанарес в черной одежде, стянутой кожаным поясом, работает за столом. Кинола проверяет части машины.

Кинола. Да ведь и я, сеньор, любил в свое время! Но только, когда я понял, что такое женщина, я потихоньку откланялся. Хороший обед и бутылка вина — никогда нам не изменят, и от них жиреешь. *(Глядит на Фонтанареса.)* Он и не слышит. Надо отдать выковать эти три части. *(Отворяет дверь.)* Эй, Мониподио!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Мониподио.

Кинола. Вот, мы получили три последних части. Возьми образцы да сделай каждой по паре, на всякий случай.

Мониподио делает знак за кулису. Входят двое людей.

Мониподио. Забирайте, ребята, только без шуму, и скройтесь, как тени; это хуже, чем кража. *(Киноле.)* Просто надрываешься на работе.

Кинола. Они ни о чем не догадываются?

Мониподио. Никто на свете не догадывается. Каждую штуку закутывают, как драгоценность, и кладут в погреб. Только вот надобно тридцать эскудо.

Кинола. О, боже мой!

Мониподио. Тридцать таких молодцов пьют и едят за все шестьдесят.

Кинола. Торговый дом «Кинола и компани» прогорел, меня разыскивают.

Мониподио. Опротестовали векселя?

Кинола. Вот дурак! Хуже,— скоро засадят! Но я достал у старьевщика кое-какое платьишко, которое мне поможет уберечь Кинолу от любых ищеек, пока я не расплачусь.

Мониподио. Расплатишься?.. Вот еще глупости!

Кинола. Да. У меня про черный день припасено сокровище. Облачись-ка еще разок в монашескую рясу и ступай к Лотундиасу, поговори с дуэньей.

Мониподио. Увы! Лопес уже столько раз возвращался из Алжира, что наша дуэнья начинает остывать.

Кинола. Пустяки! Требуется только передать это письмо сеньорите Марии Лотундиас. *(Отдает письмо.)* Это — чудо красноречия, вдохновленное тем, что вдохновляет все великие творения: мы уже десять дней сидим на хлебе и воде!

Мониподио. А мы? По-твоему, мы жареных фазанов кушаем? Если бы наша братия могла, она бы давно сбежала.

Кинола. Лишь бы любовь оплатила мой вексель, а там мы управимся...

Мониподио уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кинола и Фонтанарес.

Кинола *(натирая ломоть хлеба луком)*. Говорят, вот так питались рабочие, которые строили египетские пирамиды, но и у них, наверно, была приправа, которая поддерживает нас: вера. *(Запивает водой.)* Разве вы не голодны, сеньор? Смотрите, как бы машина не расшаталась.

Фонтанарес. Мне осталось решить одну, последнюю задачу.

Кинола *(у которого, когда он ставит кувшин на место, рвется рукав)*. А мне придется решить задачу... как восстановить неразрывность моего рукава. Честное слово, от этого ремесла мои отрепья стали уже чересчур алгебраичны.

Фонтанарес. Милый ты человек! Всегда весел, даже в самой тяжкой беде.

Кинола. Санго де ми, сеньор, удача любит веселых людей почти так же, как веселые люди любят удачу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Матиас Махис.

Кинола. О, вот и наш ломбардец! Он разглядывает наши приборы, как будто они уже его законная собственность.

Матиас Махис. Покорнейший ваш слуга, дорогой сеньор Фонтанарес.

Кинола. Всегда как мрамор: холодный, жесткий и скользкий.

Фонтанарес. Приветствую вас, господин Махис. *(Отрезает себе ломоть хлеба.)*

Матиас Махис. Вы великий человек, и я желаю вам всякого добра.

Фонтанарес. И поэтому вы мне причиняете всякое зло?

Матиас Махис. Вы со мной резки, это нехорошо. Вы не знаете, что во мне — два человека.

Фонтанарес. Я никогда не видал второго.

Матиас Махис. У меня есть сердце, вне деловых отношений.

Кинола. Но вы всегда в деловых отношениях.

Матиас Махис. Я восхищаюсь вами. Как мужественно вы боретесь оба!

Фонтанарес. Восхищение — самое непрочное из человеческих чувств. К тому же под залог чувств вы в долг не даете.

Матиас Махис. Есть чувства, которые приносят выгоду, и есть чувства, которые разоряют. Вас одушевляет вера, это прекрасно, но разорительно. Полгода тому назад мы с вами заключили небольшое условьице: вы у меня заняли три тысячи цехинов на ваши опыты.

Кинола. С тем, что вернем вам пять тысяч.

Фонтанарес. Ну и что же?

Матиас Махис. Срок истек два месяца тому назад.

Фонтанарес. И два месяца тому назад, на следующий же день по истечении срока, вы потребовали платежа, и притом довольно круто.

Матиас Махис. Не злобы ради, а единственно затем, чтобы не разориться.

Фонтанарес. Ну, и что же дальше?

Матиас Махис. Теперь вы мой должник.

Фонтанарес. Уже восемь месяцев. Они пронеслись как сон! А только сегодня ночью я разрешил задачу — как подводить холодную воду, чтобы растворять пар! Махис, друг мой, будьте моим покровителем, дайте мне еще хоть несколько дней сроку!

Матиас Махис. О, сколько угодно!

Кинола. В самом деле? Вот он и показался, наконец, второй человек! *(Фонтанаресу.)* И с ним, сеньор, я готов дружить. *(Махису.)* Ну-ка, Махис Второй, несколько дублонов!

Фонтанарес. Ах, я опять дышу свободно!

Матиас Махис. Чего же проще? Отныне я не только заимодавец, но и заимодавец и совладелец и желаю извлечь пользу из моей собственности.

Кинола. Ах ты, пес паршивый!

Фонтанарес. Вы шутите?

Матиас Махис. Капиталы не знают веры...

Кинола. ...надежды и любви: деньги не католики.

Матиас Махис. Тому, кто является получить по векселю, мы не можем сказать: «Подождите еще немножко, наш гений ищет золотоносную жилу в сарае или там в конюшне!» За эти полгода я бы удвоил мои денежки. Послушайте, сеньор, ведь у меня семья.

Фонтанарес *(Киноле)*. И у такой твари есть жена!

Кинола. И если эта тварь наплодит детенышей, они сожрут всю Каталонию.

Матиас Махис. У меня большие расходы.

Фонтанарес. Вы же видите, как я живу.

Матиас Махис. Ах, сеньор, будь я богат, я бы вас кой-чем ссудил...

Кинола протягивает руку.

Чтобы вам жилось получше.

Фонтанарес. Подождите еще две недели.

Матиас Махис *(в сторону)*. Они мне всю душу истерзали! Если бы дело касалось только меня, я бы, может, и уступил. Но надо заработать комиссию на приданое моей дочери. *(Громко.)* Честное слово, я вас очень люблю, вы мне нравитесь!..

Кинола *(в сторону)*. А ведь задуши его,— наживешь уголовное дело!

Фонтанарес. Вы железный, ну а я буду стальным.

Матиас Махис. Что это значит, сеньор?

Фонтанарес. Вам придется поневоле поддерживать меня.

Матиас Махис. Нет, мне нужен мой капитал, и я ни перед чем не остановлюсь, я продам с молотка всю эту рухлядь.

Фонтанарес. Ну что ж, вы меня заставляете на коварство ответить коварством. Я действовал честно!.. Но если надо, я, по вашему примеру, сверну с прямого пути. Мне этого не простят, от нас требуют безупречной честности. И я готов принять клевету. Я выпью и эту чашу. Вы подписали безрассудный договор, вы подпишете еще один, или я на ваших глазах разобью вдребезги мою машину, а тайна моя останется здесь. *(Ударяет себя в грудь.)*

Матиас Махис. О сеньор, вы этого не сделаете! Это уж прямое воровство, мошенничество, на которое не способен великий человек!

Фонтанарес. А, теперь вы взываете к моей честности и под ее прикрытием намереваетесь совершить чудовищную несправедливость!

Матиас Махис. Знаете что: я во всем этом не желаю больше участвовать. Договоритесь с дон Рамоном, это очень почтенный человек, я уступлю ему мои права.

Фонтанарес. С дон Рамоном?

Матиас Махис. С тем самым, которого вся Барселона противопоставляет вам.

Фонтанарес. В конце концов последняя моя задача решена. Слава, богатство теперь потекут по руслу моей жизни.

Кинола. Увы, эти слова всякий раз означают, что требуется еще одна переделка!

Фонтанарес. Пустяки! Она обойдется в каких-нибудь сто цехинов.

Матиас Махис. Да хоть продай с молотка все, что у вас тут имеется, и то ста цехинов не наберешь, если вычесть судебные издержки.

Кинола. Убирайся ты прочь, воронова сыть!

Матиас Махис. Будьте осторожнее с дон Рамоном, он сумеет обеспечить свою ссуду ценой вашей головы. *(Подходит к Киноле.)* А ты, висельник, попадись мне только под руку, я тебе все припомню! *(Фонтанаресу.)* Будьте здоровы, господин гений! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Фонтанарес и Кинола.

Фонтанарес. Меня бросило в дрожь от его слов.

Кинола. И меня тоже! Счастливые мысли всегда попадают в паутину, которую ткут вот такие пауки!

Фонтанарес. Ничего! Еще сто цехинов, и лучи счастья позлатят мою жизнь, она полна будет праздностей и любви. *(Пьет воду.)*

Кинола. Я вам верю, сеньор, но сознайтесь, что прекрасная надежда, небесная плутовка, завела нас в изрядную трясину.

Фонтанарес. Кинола!

Кинола. Я не жалуюсь, я привык к лишениям. Но откуда взять сто цехинов? Вы задолжали рабочим: Карпано-слесарю, Копполусу-железоторговцу и нашему хозяину, который пустил нас сюда не столько из жалости, сколько из страха перед Мониподио. В конце концов он нас выгонит,— мы ему должны за девять месяцев.

Фонтанарес. Но ведь все уже сделано.

Кинола. Но ведь сто цехинов!

Фонтанарес. С чего это ты, такой храбрый, такой веселый, затянул мне отходную?

Кинола. Да ведь, чтобы не расставаться с вами, я должен исчезнуть. Не так-то это весело!..

Фонтанарес. Почему исчезнуть?

Кинола. А судебные пристава? Я для нас с вами наделал коммерческих долгов на сто золотых эскудо, и теперь эти долги приняли обличье служителей правосудия и вот-вот ворвутся сюда.

Фонтанарес. О, из скольких несчастий слагается слава!

Кинола. Полно, не горюйте! Вы мне как будто говорили, что отец вашего отца отправился лет пятьдесят тому назад в Мексику с дон Кортесом. Что-нибудь о нем известно?

Фонтанарес. Ничего.

Кинола. Итак, у вас есть дед... Спокойно ждите часа вашего торжества.

Фонтанарес. Ты задумал меня бросить?

Кинола. Вы хотите, чтобы я отправился в тюрьму, а ваша машина — ко всем чертям?

Фонтанарес. Нет!

Кинола. Тогда позвольте мне раздобыть вам откуда-нибудь деда. Это будет первый дед, который вернется из Индии.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Мониподио.

Кинола. Ну, что?

Мониподио. Вашей инфанте письмо вручено.

Фонтанарес. Кто такой дон Рамон?

Мониподио. Болван.

Кинола. Завистливый?

Мониподио. Как три освистанных автора, вместе взятых. Он корчит из себя необыкновенного человека.

Кинола. А верят ему?

Мониподио. Как оракулу. Он марает бумагу, объясняет, что снег потому бывает белый, что падает с неба, и утверждает, наперекор Галилею, что земля неподвижна.

Кинола. Вы сами видите, сеньор, что я должен вас избавить от этого ученого. *(К Мониподио.)* Ступай за мной, ты будешь мой слуга.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Фонтанарес один.

Фонтанарес. Какой броней оградить мозг, вынужденный добывать деньги, вырывая у природы ее сокровеннейшие тайны, остерегаться людей, бороться с ни-

ми и устраивать дела, в каждом случае находить немедленно наилучшее решение, иначе твою славу похитит какой-нибудь Рамон, придумав самое пустячное усовершенствование? А дон Рамоны имеются повсюду! О, я сам себе не решаюсь признаться... я устал.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Фонтанарес, Эстеван, Хирон и двое рабочих без речей.

Эстеван. Не скажете ли вы нам, где тут прячется некий Фонтанарес?

Фонтанарес. Он не прячется, он перед вами. Он размышляет в тиши. *(В сторону.)* Куда девался Кинола? Он так хорошо умеет их заговаривать! *(Громко.)* Вы зачем пришли?

Эстеван. За своими деньгами. Мы на вас три недели работаем в долг. А рабочему каждый день есть надо.

Фонтанарес. Увы, друзья мои, вот я так вовсе не ем.

Эстеван. Вы один, вы можете живот подтянуть, а у нас жены и дети. Одним словом, мы все позаложили...

Фонтанарес. Вы должны отнестись ко мне с доверием.

Эстеван. Разве заплатишь булочнику вашим доверием?

Фонтанарес. Я человек честный.

Хирон. Мы тоже люди честные.

Эстеван. Снесите-ка нашу честность к ростовщику, вы увидите, что он под нее даст.

Хирон. У меня талантов не имеется, мне на слово не верят.

Эстеван. Я простой рабочий, но ежели моей жене нужен чугунок, я за него плачу наличными!

Фонтанарес. Кто это вас натравил на меня?

Хирон. Натравил? Да что мы вам, собаки?

Эстеван. Железоторговцу Копполусу и слесарю Карпано барселонские судьи присудили привилегию на ваши изобретения. А наша где привилегия?

Хирон. Я отсюда без денег не уйду.

Фонтанарес. Оттого, что вы тут останетесь, деньги не появятся! Впрочем, оставайтесь, до свидания! *(Берет шляпу и плащ.)*

Эстеван. Ну, нет! Сначала рассчитайтесь, а потом уходите.

Рабочие загораживают выход.

Хирон. Вот эту штуку я выковал. Я беру ее себе.

Фонтанарес. Несчастный! *(Обнажает шпагу.)*

Рабочие. Мы отсюда не тронемся!

Фонтанарес *(кидаясь на них)*. О... *(Останавливается и бросает шпагу.)* Может быть, их подослали Авалорос и Сарпи, чтобы толкнуть меня на крайность. Меня обвинят в убийстве, заточат на долгие годы в тюрьму. *(Падает на колени перед мадонной.)* О, боже мой! Неужели талант и преступление равны для тебя? За что мне сносить столько обид, столько насмешек и оскорблений? Или ими заранее искупается торжество? *(Рабочим.)* Всякий испанец — хозяин у себя в доме.

Эстеван. У вас нет дома. Мы здесь в «Золотом солнце», трактирщик нам сказал.

Хирон. Вы и ему еще не платили, вы никому не платите!

Фонтанарес. Оставайтесь, вы хозяева. Я виноват: я ваш должник.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, Копполус и Карпано.

Копполус. Сеньор, я пришел вам сообщить, что вчера барселонские судьи присудили мне, впредь до полной уплаты, привилегию на ваше изобретение, и я послежу за тем, чтобы ничего отсюда вынесено не было. Привилегия эта обеспечивает также и претензию моего товарища Карпано, вашего слесаря.

Фонтанарес. Или вас дьявол ослепил? Ведь без меня эта машина всего-навсего железо, сталь, медь и дерево, а со мной это — целое состояние.

Копполус. О, мы и не думаем с вами расставаться!

Оба торговца подступают к Фонтанаресу.

Фонтанарес. Чьи дружеские руки обнимут так крепко, как обнимает заимодавец? Так пусть же дьявол возьмет обратно ту мысль, которую он мне внушил!

Все. Дьявол!

Фонтанарес. О, надо ведь сдерживать язык! Одно слово может снова ввергнуть меня в когти инквизиции. Нет, никакая слава не в силах вознаградить за такие страдания!

Копполус *(к Карпано)*. Ну, что? Поставим на продажу?

Фонтанарес. Да ведь для того, чтобы машина чего-нибудь стоила, ее надо достроить, а в ней недостает одной части, модель которой — вот.

Копполус и Карпано совещаются.

Это будет стоить еще двести цехинов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Кинола в виде столетнего старца, фантастическая фигура в духе Калло; Мониподио в причудливой одежде; хозяин «Золотого солнца».

Хозяин *(указывая на Фонтанареса)*. Сеньор, вот он.

Кинола. И вы поселили в конюшне внука капитана Фонтанареса! Венецианская республика отведет ему дворец! Дорогое дитя, обнимите меня! *(Идет к Фонтанаресу.)* Светлейшая республика осведомилась о ваших обещаниях королю Испании, и я покинул венецианский арсенал, во главе которого я стою, дабы... *(Тихо.)* Я Кинола.

Фонтанарес. Никогда еще родство не воскресало более кстати...

Кинола. Какая нищета!.. Так вот оно, преддверие славы!

Фонтанарес. Нищета — это горнило, в котором бог испытует наши силы.

Кинола. Кто эти люди?

Фонтанарес. Заимодавцы, рабочие, которые меня осаждают.

Кинола *(хозяину)*. Старый мошенник, разве мой внук не у себя дома?

Хозяин. Разумеется, ваше превосходительство.

Кинола. Я немножко знаю каталонские законы. Позовите сюда коррехидора, и мы упечем этих плутов в тюрьму. Присылайте к моему внуку судебных приставов, это ваше право, но сами сидите дома, канальи! *(Шарит у себя в кармане.)* Вот вам, пойдите выпейте за мое здоровье. *(Кидает им деньги.)* За расчетом вы придете ко мне.

Рабочие. Да здравствует его превосходительство! *(Уходят.)*

Кинола *(Фонтанаресу)*. Последний наш дублон! В качестве рекламы!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, кроме хозяина и рабочих.

Кинола *(торговцам)*. Вы, мои любезные, надо думать, посговорчивее; если дело только в деньгах, мы поладим.

Копполус. И тогда, ваше превосходительство, мы к вашим услугам.

Кинола. Покажи мне, дорогое мое дитя, это знаменитое изобретение, взволновавшее всю Венецианскую республику! Где профиль, разрез? Где схемы, чертежи?

Копполус *(к Карпано)*. Он, видать, в этом деле понимает, но прежде чем отпустить товар, наведем справки.

Кинола. Вы настоящий чудодей, дитя мое! Вы восторжествуете, как великий Колумб! *(Опускается на одно колено.)* Благодарю бога за честь, которую он оказывает нашему роду. *(Торговцам.)* Через два часа я с вами расплачусь...

Торговцы уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Кинола, Фонтанарес и Мониподио.

Фонтанарес. Какая польза в этом обмане?

Кинола. Вы катились в пропасть — я вас удержал.

Мониподио. Ловко разыграно! Но у венецианцев много денег, и для того чтобы получить трехмесячный кредит, надо прежде всего пустить пыль в глаза, а это самая дорогая пыль.

Кинола. Разве я вам не говорил, что у меня на примете есть сокровище? Оно сюда идет.

Мониподио. Само?

Кинола кивает головой.

Фонтанарес. Его дерзость меня пугает.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же, Матиас Махис и дон Рамон.

Матиас Махис. Я к вам привел дон Рамона и впредь ничего не предприму без его совета.

Дон Рамон *(Фонтанаресу)*. Сеньор, я счастлив завязать сношения с человеком столь глубоких познаний. Общими усилиями мы доведем ваше изобретение до наивысшего совершенства.

Кинола. Сеньор знает механику, баллистику, математику, диоптрику, катоптрику, статик... стику?

Дон Рамон. Я автор довольно известных трактатов.

Кинола. По-латыни?

Дон Рамон. По-испански.

Кинола. Настоящие ученые, сеньор, пишут только по-латыни. Вульгаризировать науку опасно. Вы, конечно, знаете латынь?

Дон Рамон. Да, сеньор.

Кинола. Тем лучше для вас.

Фонтанарес. Сеньор, я чту имя, которое вы себе создали, но мое предприятие слишком опасно, чтобы я мог согласиться на ваше участие; я рискую головой, а ваша голова, по-моему, слишком драгоценна.

Дон Рамон. Неужели вы думаете, сеньор, что вы можете обойтись без дон Рамона, мнение коего в науке непререкаемо?

Кинола. Дон Рамон? Знаменитый дон Рамон, установивший причины стольких явлений, которые до него позволяли себе совершаться без причин?

Дон Рамон. Он самый.

Кинола. Я Фонтанарези, начальник арсенала Венецианской республики и дед нашего изобретателя. Дитя мое, вы можете довериться сеньору. Такой человек, как он, не будет вам расставлять ловушек. Мы ему все расскажем.

Дон Рамон. А, так я все узнаю!

Фонтанарес. Как так?

Кинола. Позвольте мне дать ему урок математики. Ему от этого пользы не будет, но и вам не будет вреда. *(Дон Рамону.)* Прошу вас, подойдите. *(Показывает ему части машины.)* Все это не имеет никакого значения, для ученых главное...

Дон Рамон. Главное?

Кинола. Это задача как таковая. Вам известна причина, по которой облака поднимаются ввысь?

Дон Рамон. Полагаю, потому что они легче воздуха.

Кинола. Отнюдь! Они весят столько же, потому вода в конце концов и падает вниз, как дура. Я не люблю воду, а вы?

Дон Рамон. Я ее уважаю.

Кинола. Мы созданы для взаимного понимания. Облака поднимаются ввысь, во-первых, потому, что они состоят из пара, а во-вторых, потому, что их притягивает сила холода, который царит наверху.

Дон Рамон. Возможно, что и так. Я напишу об этом трактат.

Кинола. Мой внук выражает это формулой: R плюс 0. А так как в воздухе содержится много воды, то мы говорим просто 0 плюс 0, новый бином.

Дон Рамон. Так это новый бином?

Кинола. Или, если угодно, икс.

Дон Рамон. Икс? А, понимаю.

Фонтанарес *(в сторону)*. Что за осел!

Кинола. Остальное — сущий пустяк. В трубу входит вода, которая тем или иным способом превращается в облако. Это облако хочет во что бы то ни стало подняться ввысь, и сила получается огромная.

Дон Рамон. Огромная? Но каким образом?

Кинола. Огромная... потому что она естественная. Ибо человек... заметьте хорошенько, сил не создает.

Дон Рамон. Но тогда каким же образом?..

Кинола. Он заимствует их у природы. Изобретать — это значит заимствовать... Так вот... при помощи нескольких поршней, потому что в механике... вы сами знаете...

Дон Рамон. Да, сеньор, я знаю механику.

Кинола. Ну, а самый способ сообщения силы — это уже вздор, это пустяк, это вроде как веревочка у вертела...

Дон Рамон. А! Так имеется вертел?

Кинола. Их имеется два, причем сила получается такая, что у вас горы подымутся и запрыгают, как бараны... Это предсказано еще царем Давидом.

Дон Рамон. Вы правы, сеньор. Облако — это вода...

Кинола. Вода, сеньор? Да это вся вселенная! Без воды вы не могли бы... это ж ясно. Вот на этом и основано изобретение моего внука: вода одолеет воду. 0 плюс 0, такова формула.

Дон Рамон *(про себя)*. Он употребляет непонятные термины.

Кинола. Вы понимаете?

Дон Рамон. Вполне.

Кинола *(в сторону)*. Этот человек удивительно глуп. *(Громко.)* Я с вами говорил на языке истинных ученых...

Матиас Махис *(к Мониподио)*. Кто этот сеньор, такой ученый?

Мониподио. Начальник венецианского арсенала, изумительный человек, у которого я обучаюсь баллистике. Он сегодня с вами расплатится из средств республики.

Матиас Махис. Сбегаем предупредить сеньору Бранкадор, она сама из Венеции. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же, кроме Матиаса Махиса; Лотундиас и Мария.

Мария. Не опоздала ли я?

Кинола. Так! Вот и наше сокровище!

Лотундиас и дон Рамон обмениваются любезностями, рассматривая части машины в глубине сцены.

Фонтанарес. Мария, вы здесь!

Мария. Меня привел отец. Ах, мой друг, когда ваш слуга сообщил мне о ваших несчастиях...

Фонтанарес *(Киноле)*. Жулик!

Кинола. Внук мой!

Мария. О, он положил конец моим мукам!

Фонтанарес. Но кто же вас мучил?

Мария. Вы не знаете, каким я подвергаюсь преследованиям с тех пор, как вы приехали, а особенно после вашей ссоры с сеньорой Бранкадор. Как пойти против отцовской власти? Ей нет границ. Оставаясь в доме отца, я не могла бы поручиться, что сохраню для вас — не сердце мое, оно ваше наперекор всему,— а самое себя...

Фонтанарес. Еще новая пытка.

Мария. Отдаляя день вашей победы, вы тем самым делаете мое положение невыносимым. Увы, видя, какова ваша жизнь, я понимаю, что мы оба пережили за это время неслыханные страдания. Для того чтобы стать вашей, я решила сделать вид, что отдаю себя богу: сегодня вечером я ухожу в монастырь.

Фонтанарес. В монастырь? Они хотят нас разлучить. Нет, за такие муки проклянешь жизнь! И вас, Мария, вас, начало и венец моего открытия, вас, мою спасительную звезду, я принуждаю пребывать в небесах! О, я больше не в силах... *(Плачет.)*

Мария. Но, обещав отцу уйти в монастырь, я добилась разрешения увидеться с вами. Мне так хотелось, прощаясь с вами, подарить вам надежду! Вот мои девичьи сбережения, я как сестра хранила их для вас на тот день, когда все от вас отступятся.

Фонтанарес. Без вас на что мне слава, богатство, самая жизнь?

Мария. Примите дар, который может и должна вручить вам та, что будет вашей женой. Если я буду знать, что вы несчастны, что вас мучат, я потеряю в моем затворничестве последнюю надежду, я умру там, молясь за вас!

Кинола *(Марии)*. Пускай себе изображает гордеца, спасем его вопреки ему самому. Тш! Я тут считаюсь его дедом.

Мария передает сумочку Киноле.

Лотундиас (*дон Рамону*). Так, по-вашему, он ничего путного не изобрел?

Дон Рамон. Кто? Этот-то? Да он ремесленник, который ровно ничего не смыслит. Он, наверно, украл какой-то секрет в Италии и теперь выдает его за свое изобретение.

Лотундиас. Я всегда подозревал это. Хорошо, что я не послушался дочери, я не желаю, чтобы она за него выходила!

Дон Рамон. Он обобрал бы ее до нитки. За восемь месяцев он ухлопал пять тысяч цехинов да три тысячи задолжал и ни к чему не пришел! Зато дед его — вот это первостатейный ученый. Внуку до него далеко! (*Показывает на Кинолу.*)

Лотундиас. Его дед?..

Кинола. Да, сеньор, мое имя Фонтанарес, но в Венеции меня зовут Фонтанарези.

Лотундиас. Вы Пэбло Фонтанарес?

Кинола. Пэбло, он самый.

Лотундиас. И вы богаты?

Кинола. Чрезвычайно!

Лотундиас. Руку, сеньор! Вы, стало быть, мне вернете две тысячи цехинов, которые вы заняли у моего отца.

Кинола. Если вы мне покажете мою подпись, я от нее не отрекусь.

Мария (*поговорив с Фонтанаресом*). Примите, чтобы добиться торжества, ведь дело идет о нашем счастье!

Фонтанарес. Знать, что падаешь в бездну и увлекаешь за собой такую жемчужину!

Кинола и Мониподио исчезают.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же и Сарпи.

Сарпи (*Лотундиасу*). Как! Вы здесь, сеньор Лотундиас, и ваша дочь тоже?!

Лотундиас. Она согласилась уйти в монастырь, если я ей позволю попрощаться с ним.

Сарпи. Здесь столь многолюдное общество, что подобная снисходительность не может меня оскорбить.

Фонтанарес. А, вот самый яростный мой гонитель! Что это значит, сеньор? Вы пришли подвергнуть мою стойкость новому испытанию?

Сарпи. Сеньор, я представляю здесь вице-короля Каталонии и вправе требовать к себе уважения. *(Дон Рамону.)* Вы им довольны?

Дон Рамон. С моими советами дело выйдет.

Сарпи. Вице-король возлагает большие надежды на ваше просвещенное содействие.

Фонтанарес. Уж не сон ли это? Мне хотят навязать соперника?

Сарпи. Руководителя, сеньор, чтобы вас спасти.

Фонтанарес. Кто вам сказал, что я нуждаюсь в руководстве?

Мария. Альфонсо, но если он вам и впрямь поможет достигнуть успеха?

Фонтанарес. Ах, даже она во мне сомневается!

Мария. Говорят, он такой ученый!

Лотундиас. Вот самомнение! Считает себя умнее всех ученых на свете!

Сарпи. Я явился сюда, чтобы выяснить один вопрос, беспокоящий вице-короля: скоро десять месяцев, как вы получили в ваше распоряжение государственный корабль, и вы обязаны отчетом.

Фонтанарес. Король не назначал срока для моих работ.

Сарпи. Каталонские власти вправе требовать такого срока, и мы получили от министров распоряжение на сей счет.

Жест удивления у Фонтанареса.

О, торопиться вам незачем! Мы не хотим чинить затруднений такому человеку, как вы. Но мы полагаем, что вы не имеете намерения избежать грозящей вам кары, оставив за собой этот корабль до конца ваших дней!

Мария. О какой каре вы говорите?

Фонтанарес. Я поручился головой.

Мария. Вам грозит смерть! И вы отказываете мне!

Фонтанарес. В трехмесячный срок, граф Сарпи, я без чьей-либо помощи закончу мою работу. И тогда вы

увидите одно из величайших зрелищ, какие человек способен явить своему веку.

Сарпи. Вот обязательство, подпишите его.

Фонтанарес подписывает.

Мария. Прощайте, мой друг! Если вы падете в этой борьбе, я буду любить вас еще больше.

Лотундиас. Идем, дочь моя, он сумасшедший.

Дон Рамон. Молодой человек, почитайте мои трактаты.

Сарпи. Прощайте, будущий гранд Испании!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Фонтанарес один на авансцене.

Фонтанарес. В день заточения Марии для меня перестанет светить солнце. Я несу целый мир на плечах, но боюсь, что я не Атлант... Нет, я не восторжествую, все изменяет мне. Плод трех лет раздумий и десяти месяцев труда, неужели мое создание не взбороздит морскую гладь. Ах, сон меня одолевает... *(Ложится на солому.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Фонтанарес спит. Кинола и Мониподио входят в маленькую дверь.

Кинола. Алмазы! Жемчуга и золото! Мы спасены.

Мониподио. Бранкадор — венецианка.

Кинола. Значит, мне пора в Венецию. Позови хозяина, я восстановлю наш кредит.

Мониподио. Да вот и он.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же и хозяин «Золотого солнца».

Кинола. Что же это, господин хозяин «Золотого солнца»? У вас не хватило веры в звезду моего внука?

Хозяин. Гостиница, сеньор, не банкирский дом.

Кинола. Да, но вы могли бы хоть из сострадания

не отказывать ему в куске хлеба. Светлейшая Венецианская республика послала меня уговорить его переселиться в ее пределы, но он слишком любит Испанию. Я уезжаю, как и приехал, тайно. У меня при себе только этот алмаз, больше я ничем здесь не располагаю. Через месяц вы получите денежный перевод. Насчет продажи этого алмаза сговоритесь со слугой моего внука.

Хозяин. Ваша милость, с ними будут обходиться, как с наследными принцами.

Кинола. Оставьте нас.

Хозяин уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Те же, кроме хозяина.

Кинола. Пойдем переоденемся! *(Смотрит на Фонтанареса.)* Спит! Эта высокая душа не вынесла стольких потрясений. Только наш брат умеет переносить боль. Ему недостает нашей беспечности. Хорошо я поступил, что все части машины велел изготовить в двойном количестве. *(К Мониподио.)* Вот чертеж последней части, возьми его.

Они уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Фонтанарес, спящий. Фаустина и Матиас Махис.

Матиас Махис. Вот он!

Фаустина. Так вот до чего я довела его! По глубине ран, которые я сама себе нанесла, я поняла теперь, сколь глубока моя любовь. О, каким же счастьем я должна вознаградить его за все страдания!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена представляет городскую площадь. В глубине — подмостки, на которых стоит судебный пристав, у подножия их расставлены части машин. По обе стороны подмостков толпятся любопытные. Налево от зрителя — Копполус, Карпано, хозяин «Золотого солнца», Эстеван, Хирон, Матиас Махис, дон Рамон, Лотундиас; направо — Фонтанарес, Мониподио и за его спиной Кинола, закутанный в плащ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Фонтанарес, Мониподио, Кинола, Копполус, хозяин «Золотого солнца», Эстеван, Хирон, Матиас Махис, дон Рамон, Лотундиас, судебный пристав, народ справа и слева.

Пристав. А ну-ка, господа, подбавьте жару! Ведь в этом котле можно сварить олью-подриду на всю валлонскую гвардию.

Хозяин. Четыре мараведиса.

Пристав. Все молчат? Подходи, выбирай, разглядывай!

Матиас Махис. Шесть мараведисов.

Кинола *(Фонтанаресу)*. Сеньор, этак не наберется и ста золотых эскудо.

Фонтанарес. Надо уметь смиряться.

Кинола. Мне кажется, что смирение — это четвертая богословская добродетель, не упомянутая лишь из уважения к женщинам.

Мониподио. Да замолчи ты! Правосудие тебя разыскивает, и если тебя еще не забрали, то лишь потому, что ты считаешься моим человеком.

Пристав. Вот — последняя вещь, господа. Ну что же? Все молчат? Присуждено за десять золотых эскудо десять мараведисов сеньору Матиасу Махису.

Лотундиас *(дон Рамону)*. Так вот каков конец блистательного изобретения! Наш гений был прав, когда сулил нам поразительное зрелище.

Копполус. Вам хорошо смеяться, вам-то он ничего не должен.

Эстеван. Это нам, горемычным, расплачиваться за его затеи.

Лотундиас. Как это ничего не должен, господин Копполус? А алмазы моей дочери? Ведь слуга нашего великого человека вложил их в эту самую механику!

Матиас Махис. Да ведь их отобрали у меня.

Лотундиас. Все равно они в руках правосудия. Я предпочел бы, чтобы в руках у него очутился Кинола, проклятый совратитель сокровищ.

Кинола. О молодость моя, какой тебе урок! Меня погубило мое прошлое.

Лотундиас. Но если его поймают, с ним расправа

коротка, и я-то уж пойду полюбуюсь, как он будет благословлять пятками зевак.

Фонтанарес. Наши несчастия придали этому тупице остроумия.

Кинола. Вернее, свирепости.

Дон Рамон. Что касается меня, то я огорчен подобным плачевным исходом. Этот молодой мастер уже стал прислушиваться к моим советам, и мы были уверены, что выполним обещания, данные королю. Но Фонтанарес может спать спокойно. Я поеду ко двору, скажу, что он мне крайне нужен, и выхлопочу ему помилование.

Коппполус. Редко встретишь такое великодушие среди ученых!

Лотундиас. Вы гордость Каталонии!

Фонтанарес *(выступая вперед)*. Я спокойно переносил пытку, я молчал, когда на моих глазах за бесценок продавалось создание моих рук, которое должно было увенчать меня славой...

Ропот в толпе.

Но слушать такие речи свыше моих сил. Дон Рамон, если бы вы, я не говорю — знали, а хотя бы лишь подозревали назначение всех этих частей, теперь разрозненных, вы бы их скупили ценою всего вашего состояния.

Дон Рамон. Молодой человек, я уважаю ваше горе. Но вы отлично знаете, что ваша машина не могла еще действовать и что мой опыт был для вас необходим.

Фонтанарес. Из всех ужасов нищеты самое страшное то, что она бессильна против клеветы и против торжества глупцов.

Лотундиас. И тебе не стыдно, в твоем положении, оскорблять знаменитого ученого? Хорош бы я был, если бы выдал за тебя мою дочь! Ты бы меня живехонько пустил по миру. Ведь успел же ты просадить без толку десять тысяч цехинов! Что? Присмирел наш гранд Испании?

Фонтанарес. Вы мне жалки.

Лотундиас. Возможно, но и тебе я не завидую. Суд властен над твоей жизнью и смертью.

Дон Рамон. Перестаньте. Разве вы не видите, что он безумен?

Фонтанарес. Еще не настолько, сеньор, чтобы считать 0 плюс 0 — биномом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, дон Фрегосо, Фаустина, Авалорос и Сарпи.

Сарпи. Мы опоздали, распродажа окончена.

Дон Фрегосо. Король пожалеет, что поверил шарлатану.

Фонтанарес. Шарлатану, ваша светлость?! Потерпите несколько дней, и вы сможете отрубить мне голову, но только не клевещите. Вы поставлены слишком высоко, стыдно вам опускаться так низко!

Дон Фрегосо. Ваша беда велика, но велика и ваша дерзость. Разве вы забыли, что барселонские судьи считают вас соучастником кражи, совершенной у Лотундиаса? Бегство вашего слуги — лучшее доказательство преступления, и тем, что вы на свободе, вы обязаны лишь заступничеству сеньоры. *(Указывает на Фаустину.)*

Фонтанарес. Мой слуга, ваша светлость, быть может, и грешил когда-то. Но, связав свою судьбу с моею, он очистил свою жизнь в огне моих испытаний. Клянусь честью, он невиновен. Драгоценные камни, которые у него отобрали, когда он их продавал Матиасу Махису, ему добровольно дала Мария Лотундиас, после того как я отказался принять от нее этот дар.

Фаустина. Какая гордость в несчастии! Неужели ничто его не сломит?

Сарпи. А как вы объясните чудесное воскресение вашего деда — этого лженачальника венецианского арсенала? Ведь, к сожалению, сеньора и я знаем настоящего начальника.

Фонтанарес. Это я нарядил моего слугу, чтобы он побеседовал с дон Рамоном о математике и науках. Сеньор Лотундиас вам подтвердит, что каталонский ученый и Кинола пришли к полному единомыслию.

Мониподио *(Киноле)*. Он погиб!

Дон Рамон. Я разрешу себе сослаться на мои труды.

Фаустина. Не гневайтесь, дон Рамон. Ведь когда человек летит в пропасть, он готов всех увлечь за собой.

Лотундиас. Что за отвратительный характер!

Фонтанарес. Прежде чем умереть, сеньоры, надо высказать правду тем, кто толкнул нас в эту пропасть. *(К дон Фрегосо.)* Ваша светлость, король обещал мне по-

кровительство своих слуг в Барселоне, а я нашел здесь только лютую ненависть. О великие мира сего, богачи, вы все, в чьих руках власть, почему вы обращаете ее в помеху для всякой новой мысли? Или есть божеский закон, предписывающий вам поносить и бесчестить то, чему впоследствии вы сами будете поклоняться? Будь я угодливый смиренник и льстец, я бы достиг успеха! В моем лице вы подвергли гонению все, что есть в человеке благородного: сознание собственной силы, величие труда, небесное вдохновение, подвигающее к творчеству его руку и... любовь, эту веру человека, которая возжигает в нем мужество, когда оно готово угаснуть под холодным ветром насмешек. Ах, если вы плохо творите добро, зато вы отлично творите зло! Я кончил... Вы не стоите моего гнева.

Фаустина *(в сторону, ступив шаг вперед)*. О, я чуть было не сказала ему, что я обожаю его.

Дон Фрегосо. Сарпи, велите альгвасилам взять соучастника Кинолы.

Рукоплескания, возгласы «браво».

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Мария Лотундиас.

В ту минуту, когда альгвасилы хватают Фонтанареса, появляется Мария в одежде послушницы, сопровождаемая монахом и двумя монахинями.

Мария *(вице-королю)*. Ваша светлость, я сейчас узнала, что, желая оградить Фонтанареса от ярости его врагов, я погубила его. Но мне разрешено объявить истину. Я сама вручила Киноле мои драгоценности и мои сбережения.

Жест Лотундиаса.

Отец, они принадлежали мне по праву, и я молю бога, чтобы вам не пришлось когда-нибудь оплакивать ваше ослепление.

Кинола *(сбрасывая плащ)*. Уф! Теперь я могу вздохнуть свободно!

Фонтанарес *(опускаясь на одно колено перед Марией)*. Благодарю, лучезарная и чистая любовь, со-

единяющая меня с небом, чтобы я мог черпать в ней надежду и веру. Вы спасли мою честь.

Мария. Разве она и не моя тоже? А слава придет.

Фонтанарес. Увы, мою работу расхитили сто жадных рук и потребуют за нее не меньше золота, чем она стоила. Если бы я задолжал еще вдвое больше, все равно уже поздно. Все кончено.

Фаустина *(Марии)*. Пожертвуйте собой, и он спасен.

Мария. Отец! И вы, граф Сарпи! *(В сторону.)* Я этого не переживу! *(Громко.)* Согласны ли вы предоставить сеньору Фонтанаресу все, что требуется для завершения его предприятия? Если да, я вам повинуюсь, отец. *(Фаустине.)* Я жертвую собой, сеньора!

Фаустина. Ваш поступок прекрасен, мой ангел. *(В сторону.)* Наконец-то я от нее избавилась!

Фонтанарес. Молчите, Мария! Лучше бороться и бедствовать, лучше умереть, чем потерять вас!

Мария. Так я тебе дороже славы? *(Вице-королю.)* Ваша светлость, велите вернуть Киноле мои драгоценности. Я возвращаюсь в монастырь счастливая: или его, или твоя, о боже!

Лотундиас. Да это колдун какой-то!

Кинола. Глядя на эту девушку, я готов снова полюбить женщин.

Фаустина *(к Сарпи, вице-королю и Авалоросу)*. Неужели мы его не укротим?

Авалорос. Я попытаюсь.

Сарпи *(Фаустине)*. Еще не все потеряно. *(Лотундиасу.)* Отведите вашу дочь домой. Не бойтесь, она вам покорится.

Лотундиас. Дай-то бог! Идем, дочь моя.

Лотундиас, Мария со спутниками, дон Рамон и Сарпи уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Фаустина, дон Фрегосо, Авалорос, Фонтанарес, Кинола и Монтиподио.

Авалорос. Я хорошо изучил вас, молодой человек. У вас очень сильный характер, просто железный. А железо всегда будет владыкой золота. Хотите, объединимся

честно. Я уплачу ваши долги, выкуплю все, что сегодня было распродано, дам вам и Киноле пять тысяч золотых эскудо, а вице-король, из уважения ко мне, согласится забыть вашу выходку.

Фонтанарес. Если в порыве горя я высказал вам неуважение, ваша светлость, прошу вас меня простить.

Дон Фрегосо. Довольно, сударь. Дон Фрегосо выше оскорблений.

Фаустина. Браво, ваша светлость.

Авалорос. Итак, молодой человек, бури утихли, и теперь вам все улыбается. Давайте осуществим сообща то, что вы обещали королю.

Фонтанарес. Сеньор, к богатству я стремлюсь лишь ради одного. Выдадут ли за меня Марию Лотундиас?

Дон Фрегосо. Так вы любите только ее?

Фонтанарес. Ее одну!

Фаустина и Авалорос беседуют друг с другом.

Дон Фрегосо. Почему же ты молчал? Положись на меня, молодой человек, отныне я всецело на твоей стороне.

Мониподио. Они поладили, нам конец. Удеру во Францию и прихвачу с собою изобретение.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кинола, Фонтанарес, Фаустина и Авалорос.

Фаустина *(Фонтанаресу)*. Я тоже не хочу помнить зла, сегодня я даю праздник, приходите. Мы все сообща обеспечим вам торжество.

Фонтанарес. Сеньора, за первой вашей милостью скрывалась ловушка.

Фаустина. Как все возвышенные мечтатели, одаряющие человечество своими открытиями, вы не знаете ни света, ни женщин.

Фонтанарес *(в сторону)*. У меня осталось меньше недели. *(Киноле.)* Я воспользуюсь покровительством Фаустины...

Кинола. Как пользуетесь мной!

Фонтанарес. Сеньора, я непременно приду.

Фаустина. Благодарить за это я должна Кинолу. *(Протягивает ему кошелек.)* Возьми. *(Фонтанаресу.)* До скорого свидания.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Фонтанарес и Кинола.

Фонтанарес. Эта женщина коварна, как зимнее солнце. О, несчастие уже тем ненавистно, что оно делает нас недоверчивыми. Итак, существуют добродетели, которых лучше не иметь.

Кинола. Как можно, сеньор, не доверять женщине, которая оправляет в золото каждое свое слово? Она вас любит, только и всего. Неужели же у вас такое маленькое сердце, что в нем не могут уместиться разом две любви?

Фонтанарес. Ах, Мария — это надежда, она согрела мою душу! Да, победа будет за мной!

Кинола *(в сторону)*. Мониподио скрылся. *(Громко.)* Нет ничего лучше, сеньор, чем поладить с женщиной, особенно когда она сама того хочет, как сеньора Бранкадор.

Фонтанарес. Кинола!

Кинола. Сеньор, вы неисправимы! Неужели вы думаете, что против коварства хитроумной любви можно бороться честным орудием слепого чувства? Мне нужно заручиться влиянием сеньоры Бранкадор, чтобы развязаться с Мониподио,— его намерения меня тревожат. Когда я с ним покончу, успех будет обеспечен и вы женитесь на вашей Марии.

Фонтанарес. Но как ты этого достигнешь?

Кинола. Ах, сеньор, если взобраться на плечи к человеку, который, подобно вам, видит очень далеко, то сам видишь еще дальше. Вы — изобретатель, а я — изобретателен. Вы меня спасли от... сами знаете от чего. А я вас спасу от когтей зависти и от клыков алчности. Всякий делает свое дело. Вот вам золото, принарядитесь, будьте неотразимы, будьте горды, вы накануне торжества. Но, главное, полюбезничайте с сеньорой Бранкадор.

Фонтанарес. Ну, так скажи хотя бы, что ты затеваешь!

Кинола. Нет, сеньор, если вы узнаете мой секрет,

все пропало. Как всякий истинный талант, вы простодушнее малого ребенка.

Они уходят.

Сцена меняется и представляет покои сеньоры Бранкадор.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Фаустина одна.

Фаустина. Вот наконец настал тот час, приближения которого я добивалась больше года! Еще несколько минут, и Фонтанарес поймет, что Марию он потерял навсегда. Авалорос, Сарпи и я — мы усыпили подозрения великого человека, и вот, накануне решительных опытов, он стоит с пустыми руками. О, наконец-то он всецело мой! Но разве может презрение смениться любовью? Нет, никогда! Ах, он и не догадывается, что целый год я была его врагом, и когда узнает это, увы, возненавидит меня. Ненависть — не противоположность любви, это ее изнанка. Он узнает все, и я стану ему ненавистна.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Фаустина и Пакита.

Пакита. Сеньора, Мониподио как нельзя лучше исполнил ваше распоряжение. К сеньорите Лотундиас пошла ее дуэнья, которая сообщит ей, какой опасности подвергается сегодня сеньор Фонтанарес.

Фаустина. Сарпи, должно быть, уже здесь. Скажи ему, что мне нужно с ним поговорить.

Пакита уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Фаустина одна.

Фаустина. Надо устранить Мониподио! Кинола боится, не получил ли он приказа разделаться с Фонтанаресом. Одного этого опасения больше чем достаточно.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Фаустина и дон Фрегосо.

Фаустина. Вы явились очень кстати, сеньор. Я хочу просить вас об одной милости.

Дон Фрегосо. Скажите лучше, что вы хотите оказать мне милость.

Фаустина. Через два часа Мониподио не должно быть больше ни в Барселоне, ни вообще в Каталонии. Пошлите его в Африку.

Дон Фрегосо. Что он вам сделал?

Фаустина. Ничего.

Дон Фрегосо. Так почему же...

Фаустина. Потому что... Понимаете?

Дон Фрегосо. Я вас слушаюсь. *(Пишет.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Сарпи.

Фаустина. Кузен, ведь у вас имеется разрешение венчаться с Марией Лотундиас хоть сейчас?

Сарпи. А заботами папаши готов и брачный договор.

Фаустина. Так пошлите к доминиканцам предупредить. В полночь вы обвенчаетесь с богатой наследницей, и притом с ее согласия. Она пойдет на все, когда увидит *(тихо, к Сарпи)* Фонтанареса в руках правосудия.

Сарпи. Понимаю. Требуется только явиться сюда и арестовать его. Моя судьба теперь обеспечена! И этим... я обязан вам. *(В сторону.)* Женская ненависть — всесильный рычаг!..

Дон Фрегосо. Сарпи, велите в точности выполнить этот приказ, и немедленно.

Сарпи уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же, кроме Сарпи.

Дон Фрегосо. А наша с вами свадьба?

Фаустина. Ваша светлость, моя будущность зависит целиком от сегодняшнего праздника. Мое решение вы узнаете нынче же. *(В сторону, видя входящего Фонтанареса.)* О, вот и он! *(К дон Фрегосо.)* Если вы меня любите, оставьте нас.

Дон Фрегосо. Наедине с ним?

Фаустина. Я так хочу.

Дон Фрегосо. Что ж, ведь он любит только свою Марию Лотундиас.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Фаустина и Фонтанарес.

Фонтанарес. Дворец короля Испании не роскошнее вашего, сеньора, и в нем вы властвуете, как самодержица.

Фаустина. Послушайте, дорогой Фонтанарес...

Фонтанарес. Дорогой... Ах, сеньора, вы научили меня не доверять таким словам!

Фаустина. Вы наконец узнаете, какова женщина, столь жестоко оскорбленная вами. Вам грозит страшное несчастье. Сарпи, орудуя против вас, исполняет веление некоей ужасной власти, и если бы не я, сегодняшнее празднество могло бы стать для вас поцелуем Иуды. Мне только что сообщили, что, когда вы будете уходить, а может быть, даже и здесь, вас арестуют, бросят в тюрьму и процесс против вас возобновится... чтобы никогда не кончиться. Ведь вы не можете за одну ночь, которая осталась в вашем распоряжении, восстановить отнятый у вас корабль? А начать работу сначала невозможно... Я хочу вас спасти, вас и вашу славу, вас и ваше будущее.

Фонтанарес. Вы! Но как?

Фаустина. Авалорос предоставил в мое распоряжение один из своих кораблей. Мониподио дал мне самых ловких своих контрабандистов. Уедем в Венецию, республика сделает вас патрицием и даст вам в десять раз больше золота, чем обещала вам Испания... *(В сторону.)* Они все не идут!

Фонтанарес. А Мария? Я поверю вам, если мы увезем ее с собой.

Фаустина. Вы думаете о ней в такую минуту, когда нужно выбирать между жизнью и смертью? Если вы будете медлить, мы погибнем.

Фонтанарес. Мы, сеньора?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же, во всех дверях появляется стража, входят алькальд и Сарпи.

Сарпи. Исполните ваш долг!

Алькальд *(Фонтанаресу)*. Именем короля, я вас арестую.

Фонтанарес. Час моей смерти настал!.. К счастью, мою тайну я уношу с собой, а саван мой — любовь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же и Мария Лотундиас.

Мария. Так мне сказали правду: вы жертва ваших врагов! Значит, дорогой Альфонсо, я должна умереть за тебя, и какой смертью! Друг, небо ревнует к столь совершенной любви: подвергая нас испытаниям, которые мы называем случаем, оно как бы говорит нам, что счастье — только возле бога. Ты...

Сарпи. Сеньора!

Лотундиас. Дочь моя!

Мария. Вы мне подарили свободу на этот миг, последний в моей жизни! Я исполню мое обещание, исполните и вы свое. Ты великий изобретатель, твое величие обязывает тебя, твое честолюбие, отныне законное, должно быть готово к битвам: эта борьба заполнит твою жизнь; а графиня Сарпи будет медленно гаснуть в безвестности, замкнутая в четырех стенах... Отец и вы, граф, вы помните наше условие, что за мое повиновение каталонское вице-королевство предоставляет сеньору Фонтанаресу еще новую годовую отсрочку для его опыта?

Фонтанарес. Мария, жить без тебя?

Мария. Жить с твоим палачом!

Фонтанарес. Прощай, я умру.

Мария. Разве ты не дал торжественного обещания перед королем Испании, перед всем миром? *(Тихо.)* Сначала победим! Мы умрем потом.

Фонтанарес. Если ты не будешь принадлежать ему, я согласен.

Мария. Отец, исполните ваше обещание.

Фаустина. Я победила!

Лотундиас *(тихо)*. Несчастный обольститель! *(Громко.)* Вот десять тысяч цехинов. *(Тихо.)* Негодяй! *(Громко.)* Годовой доход моей дочери. *(Тихо.)* Чума тебя задуши! *(Громко.)* Десять тысяч цехинов, которые по этому письму вам заплатит сеньор Авалорос.

Фонтанарес. Но согласен ли вице-король на все эти условия?

Сарпи. Вы всенародно обвинили каталонское вице-королевство в том, что оно нарушает обещания короля Испании; вот его ответ (*вынимает бумагу*). Указ приостанавливает, в видах государственной пользы, все иски ваших заимодавцев и предоставляет вам годовой срок для окончания вашего предприятия.

Фонтанарес. Я сдержу слово.

Лотундиас. Он только об этом и думает! Идем, дочь моя. Нас ждут у доминиканцев, и его светлость окажет вам честь присутствовать при церемонии.

Мария. Уже!

Фаустина (*Паките*). Беги и возвращайся сказать, когда они будут повенчаны.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Фаустина и Фонтанарес.

Фаустина (*в сторону*). Вот он стоит, как человек, перед которым разверзлась пропасть, а по пятам за ним гонятся тигры. (*Громко.*) Отчего вы не хотите стать таким же великим, как ваша мысль? Неужели же на свете существует только одна женщина?

Фонтанарес. Или вы думаете, сеньора, что такую любовь можно вырвать из сердца, как шпагу из ножен?

Фаустина. Я понимаю женщину, которая вас любит и готова вам служить. Но для вас любить — значит отречься от самого себя. Отринуть все, к чему стремились величайшие из людей: славу, почести, богатство, и не только это!.. Вы можете вознестись над треволнениями толпы, вознестись, как должно гению,— перед вами — мир Цезарей, Лукуллов и Лютеров!.. И между собою и этим великолепным уделом вы воздвигаете преграду — любовь, достойную какого-нибудь студента из Алькалы. Рожденный гигантом, вы сами себя превращаете в карлика. Но гений среди всех женщин находит женщину, созданную только для него. В глазах людей эта женщина должна быть царицей, но для него она должна быть служанкой, переменчивой, как случайности его жизни, веселой в страданиях, прозорливой в беде и в удаче; а главное — снисходительной к его прихотям,

знающей свет и его пагубные муки: словом, способной не только взойти на триумфальную колесницу, но если нужно, то и впрячься в нее.

Фонтанарес. Вот вы и нарисовали ее портрет.

Фаустина. Чей?

Фонтанарес. Марии.

Фаустина. Разве эта девочка сумела тебя защитить? Разве она догадалась, кто ее соперница? Разве та, которая уступила тебя, достойна тобой обладать? Девочка, позволившая незаметно увлечь ее к алтарю, у которого она в эту минуту вручает свою жизнь другому... Да я бы давно умерла у твоих ног! И кому она отдает себя? Злейшему врагу твоему, который получил приказ разрушить твой замысел!

Фонтанарес. Как не быть верным этой неиссякаемой любви, которая трижды приходила мне на помощь, трижды меня спасла и, когда ей ничего не осталось, как только самой обречь себя на страдание, одной рукой наносит себе смертельный удар, а другой дарит мне *(показывает письмо)* мою честь, уважение короля, восхищение света?

Входит Пакита, делает знак Фаустине и удаляется.

Фаустина *(в сторону)*. А! Итак — она уже графиня Сарпи! *(Фонтанаресу.)* Твоя жизнь, твоя слава, твое богатство, твоя честь теперь в моих руках, и Мария уже не разделяет нас!

Фонтанарес. Нас! Нас!

Фаустина. Не спорь со мной, Альфонсо! Я у тебя отвоевала все, не отказывай же мне в твоем сердце! Никогда тебе не встретить любви более преданной, более покорной, более проницательной, и ты станешь великим человеком, каким ты должен быть.

Фонтанарес. Ваша дерзость меня пугает... *(Показывает письмо.)* С этими деньгами я пока еще сам хозяин моей судьбы. Когда король увидит, что́ я создал и чего достиг, он велит расторгнуть насильственный брак, а я люблю Марию, я готов ждать ее вечно!..

Фаустина. Фонтанарес, если я вас люблю так безумно, то, быть может, потому, что люблю в вас эту чудесную простоту, печать гения...

Фонтанарес. Ее улыбка леденит мне сердце.

Фаустина. Значит, вы уверены, что золото у вас в руках?

Фонтанарес. Вот оно.

Фаустина. Да разве бы я допустила, чтобы вам дали золота, если бы вы могли его взять? Завтра все ваши заимодавцы накинутся на эти деньги, и вам их не видать. А без золота что вы можете сделать? Ваша борьба начинается сызнова! Но твое создание, большое дитя, не расхищено, оно мое. Его приобрел для меня Матиас Махис, и оно хранится вот здесь, под моими ногами, в моем дворце. Лишь я одна не украду у тебя ни твоей славы, ни твоего богатства. Ведь это значило бы ограбить самое себя!

Фонтанарес. Как! Так это ты, проклятая венецианка?

Фаустина. Да... С тех пор как ты оскорбил меня вот здесь, я руководила всеми: и Махисом, и Сарпи, и твоими заимодавцами, и хозяином «Золотого солнца», и рабочими!.. Но сколько любви в этой мнимой ненависти! Неужели тебя не разбудила слеза, жемчужина моего раскаяния, упавшая с моих ресниц, когда ты спал, а я любовалась тобою, моим обожаемым мучеником?

Фонтанарес. Нет, ты не женщина.

Фаустина. Ах, женщина, которая так любит, больше, чем женщина!

Фонтанарес. А раз ты не женщина, я могу тебя убить.

Фаустина. Но только своей рукой! *(В сторону.)* Он ненавидит меня!

Фонтанарес. Я ищу...

Фаустина. Не могу ли я помочь в твоих поисках?

Фонтанарес. Я ищу казни, которая была бы так же ужасна, как твое преступление.

Фаустина. Какая казнь страшна для женщины, которая любит? Испытай меня, я готова!

Фонтанарес. Ты любишь меня, Фаустина? Я в самом деле вся жизнь для тебя? Мои муки в самом деле твои?

Фаустина. Всякое твое страдание превращается в тысячу страданий для меня.

Фонтанарес. Если я умру, ты умрешь... Так вот,

хотя твоя жизнь не стоит той любви, которой я лишился, судьба моя решена.

Фаустина. О!

Фонтанарес. Я буду ждать моего ареста и ничего не сделаю, чтобы его избежать. Душа Марии и моя душа вместе отлетят на небеса.

Фаустина *(падая к ногам Фонтанареса)*. Альфонсо! Я останусь у твоих ног, пока ты не обещаешь мне...

Фонтанарес. Прочь, гнусная куртизанка! *(Отталкивает ее.)*

Фаустина. Вы сами сказали тогда на площади: люди оскорбляют то, чему впоследствии будут поклоняться.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Те же и дон Фрегосо.

Дон Фрегосо. Жалкий ремесленник! Если я шпагой не пронзаю тебе сердце, то лишь потому, что ты дороже заплатишь за это оскорбление.

Фаустина. Дон Фрегосо! Я люблю этого человека. Чем бы я ни стала для него, рабыней или женой,— моя любовь служит ему щитом.

Фонтанарес. Опять гонения, ваша светлость? Я рад им, поверьте! «Обрушьте на меня тысячу ударов, они умножатся в ее сердце»,— сказала она. Я жду!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же и Кинола.

Кинола. Сеньор!

Фонтанарес. Ты тоже собираешься меня предать?

Кинола. Мониподио плывет в Африку с рекомендациями на руках и на ногах.

Фонтанарес. И что же?

Кинола. Якобы с целью вас ограбить мы с ним соорудили и оплатили запасную машину, и она спрятана в некоем погребе.

Фонтанарес. Ах, с верным другом не может быть отчаяния! *(Обнимает Кинолу. К дон Фрегосо.)* Ва-

ша светлость, напишите королю, постройте в гавани амфитеатр на двести тысяч зрителей. Через десять дней исполню обещание, и народ Испании увидит корабль, идущий силой пара против ветра и волн. Я выжду бурю, чтобы укротить ее.

Фаустина *(Киноле)*. Ты соорудил машину...

Кинола. Нет, я их соорудил две, на всякий случай...

Фаустина. Но какие же демоны тебе помогали?

Кинола. Трое детей Иова: Молчание, Терпение и Постоянство.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Фаустина и дон Фрегосо.

Дон Фрегосо *(в сторону)*. Она отвратительна, но я люблю ее.

Фаустина. Я хочу отомстить. Вы мне поможете?

Дон Фрегосо. Да, мы его погубим.

Фаустина. Ах, вы меня все-таки любите!

Дон Фрегосо. Увы, но после такого скандала вы не можете стать маркизой Фрегосо!

Фаустина. Ну, если бы я захотела...

Дон Фрегосо. Собой я могу располагать, но именем моих предков — никогда.

Фаустина. Любовь, которая ставит себе границы,— разве это любовь? Прощайте, ваша светлость. Я отомщу одна.

Дон Фрегосо. Дорогая Фаустина.

Фаустина. Дорогая?

Дон Фрегосо. Да, очень дорогая, и ныне и всегда. С этой минуты нет больше дон Фрегосо, есть только несчастный старец, за которого, к сожалению, жестоко отомстит этот ужасный корабельщик. Жизнь моя кончена. Не возвращайте мне картин, ведь я был так счастлив поднести их вам. *(В сторону.)* Они ей скоро понадобятся. *(Громко.)* Они вам будут напоминать о человеке, над которым вы смеялись, но который знал это и все вам прощал. Ибо в его любви была также и отеческая нежность.

Фаустина. Не будь я сейчас в такой ярости, честное слово, дон Фрегосо, я бы растрогалась. Но, чтобы исторгнуть у нас, женщин, слезы, надо уметь выбрать подходящую минуту.

Дон Фрегосо. Я до последней минуты все буду делать не вовремя. Мое завещание и то опоздает.

Фаустина. Право, мой друг, если бы я не любила, ваше трогательное прощание завоевало бы вам и мою руку и мое сердце. Потому что, знайте, я еще могу быть благородной и достойной женщиной.

Дон Фрегосо. О, послушайтесь благого порыва, не идите с закрытыми глазами к пропасти.

Фаустина. Как видите, я все-таки могу быть маркизой Фрегосо. *(Уходит, смеясь.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Дон Фрегосо один.

Дон Фрегосо. Старые люди хорошо делают, смиряя свое сердце.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Сцена представляет террасу барселонской ратуши, по обе стороны — павильоны. Терраса выходит на море и заканчивается балконом, занимающим глубину сцены. Видно открытое море, корабельные мачты в гавани. Входят справа и слева. Направо от зрителя — высокое кресло, сиденья и стол. Слышен приветственный гул огромной толпы. Фаустина, облокотясь на перила балкона, глядит на пароход. Слева — Лотундиас, погруженный в изумление. Справа дон Фрегосо и секретарь, окончивший писать протокол опыта. Посредине сцены — Великий инквизитор.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лотундиас, Великий инквизитор и дон Фрегосо.

Дон Фрегосо. Я погиб, разорен, обесчещен! Если даже я брошусь к ногам короля, он не сжалится надо мной.

Лотундиас. Какой ценой я купил дворянство! Мой сын убит во Фландрии, в засаде. Моя дочь умирает. Ее муж, руссильонский губернатор, не позволил ей присутствовать при торжестве этого дьявола Фонтанаре-

са. Она была права, когда говорила, что я еще пожалею о моем слепом упрямстве.

Великий инквизитор *(к дон Фрегосо)*. Святейшая инквизиция напомнила королю ваши заслуги. Вы отправитесь вице-королем в Перу, там вы можете снова разбогатеть. Но доведите дело до конца: уничтожим изобретателя, чтобы удушить это пагубное изобретение.

Дон Фрегосо. Но как? Разве не обязан я подчиниться королевской воле, хотя бы для виду?

Великий инквизитор. Мы дадим вам возможность исполнить и волю святейшей инквизиции и волю короля. Вам нужно только слушаться меня. *(Лотундиасу.)* Граф Лотундиас, в качестве первого сановника барселонского магистрата вы поднесете от имени города золотой венец дон Рамону, чье изобретение обеспечивает Испании владычество над морями...

Лотундиас *(удивленно)*. Дон Рамону?

Великий инквизитор и дон Фрегосо. Да, дон Рамону.

Дон Фрегосо. Вы его поздравите.

Лотундиас. Но...

Великий инквизитор. Этого желает святейшая инквизиция.

Лотундиас *(становясь на одно колено)*. Простите!

Дон Фрегосо. Вы слышите, что кричит народ?

Крики: «Да здравствует дон Рамон!»

Лотундиас. Да здравствует дон Рамон! Ну что ж, тем лучше, я буду отомщен за все то зло, которое сам себе причинил.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, дон Рамон, Матиас Махис, хозяин «Золотого солнца», Копполус, Карпано, Эстеван, Хирон и народ.

Действующие лица и народ образуют полукруг, в центре которого появляется дон Рамон.

Великий инквизитор. От имени короля Испании, Кастильи и обеих Индий я приношу вам, дон Рамон, поздравления, которых заслуживает ваш прекрасный гений. *(Подводит его к креслу.)*

Дон Рамон. В конце концов он только рука, а я — голова. Идея выше факта. *(К толпе.)* В такой день скромность была бы неуместна. Надо гордиться теми почестями, которых я достиг ценой неусыпных трудов.

Лотундиас. От имени города Барселоны, дон Рамон, имею честь поднести вам этот венец, который вы заслужили вашей настойчивостью и вашим бессмертным изобретением.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Фонтанарес.

Дон Рамон. Я принимаю *(видит Фонтанареса)* с тем условием, что разделю его с мужественным работником, который так хорошо помогал мне в моих трудах.

Фаустина. Какая скромность!

Фонтанарес *(на нем одежда, запачканная маслом и сажей)*. Что это, шутка?

Все. Да здравствует дон Рамон!

Копполус. От имени каталонских коммерсантов, дон Рамон, мы просим вас принять этот серебряный венец, дань нашей признательности за открытие, которое послужит источником нового процветания торговли.

Все. Да здравствует дон Рамон!

Дон Рамон. Я вижу с истинным удовольствием, что коммерция понимает, какая будущность предстоит пару.

Фонтанарес. Сюда, мои рабочие! Войдите, сыны народа, своими руками осуществившие мой замысел, да будут мне свидетелями ваш пот и ваши бессонные ночи! Вы, только от меня получавшие все модели, скажите: кто из нас, дон Рамон или я, создал новую силу, которой сегодня подчинилось море?

Эстеван. Сказать по правде, без дон Рамона ваши дела шли бы неважно.

Матиас Махис. Еще два года тому назад мы с дон Рамоном беседовали об этом, и он просил меня дать денег для опыта.

Фонтанарес *(к дон Фрегосо.)* Ваша светлость, что это за безумие охватило народ и горожан Барселоны? Я спешу сюда посреди кликов, приветствующих дон Ра-

мона, я, весь покрытый славными следами моей работы, и застаю вас невозмутимым, спокойно благословляющим самую постыдную кражу, какую только можно учинить перед лицом неба и целой страны!..

Ропот.

Я один рисковал головой. Я первый дал обещание королю Испании, я один его исполнил, и на моем месте я нахожу дон Рамона, невежду!

Ропот.

Дон Фрегосо. Старый солдат не разбирается в вопросах науки и должен считаться с фактами. Вся Каталония признает за дон Рамоном первенство изобретения, и все кругом заявляют, что без него вы ничего не могли бы сделать. Мой долг поставить об этом в известность его величество короля Испании.

Фонтанарес. Первенство? О! Хоть одно доказательство!

Великий инквизитор. Вот оно! В своем трактате о литье пушек дон Рамон упоминает об одном изобретении, которое Леонардо да Винчи, ваш учитель, называет громом, говоря, что оно может быть применено к мореплаванию.

Дон Рамон. Ах, молодой человек, значит, вы читали мои трактаты?

Фонтанарес *(в сторону)*. О, месть, хотя бы ценой всей моей славы!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Кинола.

Кинола. Сеньор, груша оказалась слишком сладка, и в ней обнаружился червяк.

Фонтанарес. Что такое?

Кинола. Сам ад возвратил нам, не знаю уж как, Мониподио, жаждущего мести. Он забрался на корабль с шайкой дьяволов и пустит его ко дну, если вы не заплатите ему десять тысяч цехинов.

Фонтанарес *(опускаясь на одно колено)*. О, благодарю! Океан, я мечтал покорить тебя, а ныне в тебе одном я нахожу защиту: ты сохранишь мою тайну

на веки веков! *(Киноле.)* Пусть Мониподио выйдет в открытое море и пусть немедленно потопит корабль.

Кинола. Позвольте, что же это такое? Кто из нас, вы или я, сходит с ума?

Фонтанарес. Повинуйся.

Кинола. Но, дорогой мой господин...

Фонтанарес. Дело идет о твоей и моей жизни.

Кинола. Повиноваться, не понимая! Попробую в первый раз. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, кроме Кинолы.

Фонтанарес *(к дон Фрегосо)*. Ваша светлость, отложим спор о первенстве, его нетрудно будет разрешить. Но, во всяком случае, голову свою я желаю сохранить, и вы, конечно, не откажетесь выдать мне вот этот протокол, потому что он содержит мое оправдание перед королем Испании, нашим повелителем.

Дон Рамон. Так вы признаете мои права?..

Фонтанарес. Я признаю все, что вам угодно, даже что 0 плюс 0 — бином.

Дон Фрегосо *(посовещавшись с Великим инквизитором)*. Ваша просьба законна. Вот заверенный список протокола. Подлинник останется у нас.

Фонтанарес. Итак, жизнь мне дарована. Вы все, здесь присутствующие, смотрите на дон Рамона как на истинного изобретателя корабля, который только что двигался силою пара на глазах у двухсот тысяч испанцев?

Все. Да...

Появляется Кинола.

Фонтанарес. Так вот, дон Рамон сотворил чудо, дон Рамон сможет его и повторить.

Слышен грохот.

Чуда больше не существует. Подобная сила небезопасна. И опасность, которой дон Рамон даже не подозревал, дала себя знать, пока он тут принимал награды.

Крики. Все бросаются на балкон взглянуть на море.

Я отомщен!

Дон Фрегосо. Что скажет король?

Великий инквизитор. Франция в огне, Нидерланды восстали, Кальвин взбудоражил всю Европу,— у короля так много забот, что он не может заниматься каким-то кораблем. Это изобретение и реформация, не слишком ли много за один раз? Так мы еще некоторое время будем ограждены от ненасытных притязаний народов.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Кинола, Фонтанарес и Фаустина.

Фаустина. Альфонсо, я причинила вам много зла.

Фонтанарес. Мария умерла, сеньора. Я больше не знаю, что значат слова «зло» и «добро».

Кинола. Наконец-то он заговорил как настоящий мужчина!

Фаустина. Простите меня, я посвящаю себя вашим новым замыслам.

Фонтанарес. Простить? Это слово также стерто в моем сердце. Бывают такие несчастья, что сердце от них или разбивается, или становится бронзовым. Еще вчера мне было двадцать пять лет, сегодня вы сделали меня пятидесятилетним стариком. Вы отняли у меня целый мир, вы мне должны дать новый...

Кинола. О, если дошло до политики...

Фаустина. Разве моя любовь, Альфонсо, не стоит целого мира?

Фонтанарес. Да, потому что ты — великолепное орудие разрушения и гибели. Теперь я с твоей помощью покорю всех тех, кто мне мешал. Я беру тебя не в жены, а в рабыни, и ты будешь мне служить.

Фаустина. Служить слепо.

Фонтанарес. Но без надежды на взаимность. Ты знаешь сама, здесь — бронза. *(Ударяет себя в грудь.)* Ты помогла мне понять, что такое мир! О мир корысти, хитрости, происков и коварства, теперь поборемся!

Кинола. Сеньор!

Фонтанарес. Что?

Кинола. А я как же?

Фонтанарес. Ты единственный, для которого есть еще место в моем сердце. И наш путь втроем...

Фаустина. Куда?

Фонтанарес. Во Францию.

Фаустина. Едем скорее. Я знаю, какова Испания. Здесь замышляют вашу гибель.

Кинола *(к публике)*. Надежда Кинолы — на дне морском. Благоволите простить наши ошибки. В Париже мы достигнем, наверно, гораздо большего. Ей-ей, ад вымощен благими изобретениями.

ПАМЕЛА ЖИРО

Пьеса в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Руссо.
Г-жа Руссо.
Жюль, их сын.
Г-жа дю Брокар, вдова.
Де Вербн, генерал.
Дядюшка Жиро.
Г-жа Жиро.
Памела, их дочь.
Жозеф Бине.
Дюпре, адвокат.
Антуан, лакей Руссо.
Жюстина, горничная г-жи Руссо.
Лакей г-на Дюпре.
Полицейский чиновник.
Полицейский комиссар.
Судебный пристав.
Следователь.
Полицейские, жандармы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет мастерскую цветочницы на чердаке. При поднятии занавеса Памела работает, а Жозеф Бине сидит возле нее. Мансарда уходит в глубь сцены: справа — дверь, слева — камин. Потолок мансарды срезан под углом, так что в глубине ее, возле окна, человек едва может стоять выпрямившись.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Памела, Жозеф Бине и Жюль Руссо.

Памела. Господин Жозеф Бине!

Жозеф. Что прикажете, мадмуазель Памела Жиро?

Памела. Итак, вы хотите, чтобы я вас возненавидела?

Жозеф. Что же, если с этого начинается любовь,— возненавидьте!

Памела. Я не шучу!

Жозеф. Значит, вы даже слушать не желаете о том, как сильно я люблю вас?

Памела. Ну раз вы сами меня к тому принуждаете, скажу вам без обиняков: я не желаю быть женою обойщика.

Жозеф. Разве для того, чтобы жениться на цветочнице, обязательно быть императором или вроде того?

Памела. Нет... Надо быть любимым, а я не чувствую к вам никакой любви.

Жозеф. Никакой? Я всегда полагал, что существует только одна любовь.

Памела. Да, любовь одна, но когда нет любви, к человеку можно относиться по-разному. Например, вы можете быть моим другом, хоть я в вас и не влюблена...

Жозеф. О!

Памела. Вы можете мне быть безразличны.

Жозеф. А!

Памела. Вы можете быть мне ненавистны. Но в настоящую минуту вы мне просто надоели, а это хуже всего.

Жозеф. Надоел! А я-то из кожи вон лезу, чтобы исполнить все ваши желания!

Памела. Если бы вы исполняли все мои желания, вы не сидели бы тут.

Жозеф. Ну, а если я уйду... полюбите вы меня хоть чуточку?

Памела. Но ведь я же сказала, что люблю вас, только когда вас здесь нет.

Жозеф. А если я совсем перестану бывать здесь?

Памела. То доставите мне этим большое удовольствие.

Жозеф. Боже мой! Зачем я, старший подмастерье обойщика в заведении господина Мореля, будущий владелец собственного дела, зачем только я влюбился в нее? Зачем? Я забросил дела... Думаю только о ней... Поглупел даже. Если бы знал мой дядюшка! Мало ли в Париже других девушек... да в конце концов, мад-

муазель Памела Жиро, вы-то кто такая, чтобы так важничать?

Памела. Я дочь бедного портного, который разорился и поступил в привратники. Я тружусь день и ночь, чтобы заработать себе на жизнь (если только это называется жизнью). Я не могу позволить себе даже самого скромного удовольствия — поехать за сиренью в Пре-Сен-Жерве, и я, конечно, понимаю, что я не ровня старшему подмастерью господина Мореля. Я не хочу входить в семью, которая будет считать себя униженной этим браком. Семья Бине!

Жозеф. Да что с вами, моя крошка, моя птичка, моя прелестная Памела? Уже больше недели, как вас узнать нельзя. Еще недавно я приходил к вам каждый вечер, вырезал вам листья, скручивал стебли для роз, делал тычинки для маргариток; мы болтали, иной раз отправлялись в театр, на мелодраму, чтобы вместе поплакать... И я был тогда «милым Жозефом», «дорогим Жозефом». Словом, Жозефом, вполне пригодным в мужья. Вдруг — баста! Всему конец!

Памела. Да уходите же! Вы тут не на улице и не у себя дома.

Жозеф. Ну, хорошо, ухожу, мадмуазель... Ухожу. В привратницкой поговорю с мамашей Жиро: она-то не прочь принять меня в свою семью и намерений своих, кажется, не изменила.

Памела. Что ж, если не удастся в семью, так войдите хоть в привратницкую, господин Жозеф. Подите поговорите с маменькой, подите!

Жозеф уходит.

Авось, ему удастся отвлечь их внимание, и господин Адольф сможет пройти сюда незамеченным. Адольф Дюран! Какое красивое имя! Уж в одном этом имени — целый роман. А сам какой красивый! И подумать только: вот уже две недели, как он прямо-таки преследует меня... Я и раньше знала, что недурна собою, но никак не думала, что так хороша, как он уверяет. Он, вероятно, артист или чиновник. Но кто бы он ни был — он мне нравится; и он такой благовоспитанный. А вдруг его внешность — один обман, вдруг он человек нехороший... ведь письмо, которое он так таинственно прислал мне сегодня...

(Вынимает из-за выреза корсажа письмо и читает.) «Ждите меня сегодня вечером, будьте одна; если возможно, устройте так, чтобы никто не видел, когда я приду, речь идет о моей жизни. Ах, если бы вы только знали, какое страшное несчастье нависло надо мною! Адольф Дюран». Написано карандашом. Речь идет о его жизни! Какой ужас!..

Жозеф *(возвращается)*. Когда я сходил по лестнице, мне вдруг пришло в голову: почему Памела?..

Появляется Жюль.

Памела. Ах!

Жозеф. Что такое?

Жюль прячется.

Памела. Мне показалось... Мне почудился какой-то шум там, наверху! Сходите, пожалуйста, на чердак, посмотрите, может быть, туда кто-нибудь забрался. Неужели вы боитесь?

Жозеф. Я не из робких.

Памела. Так идите же да посмотрите получше. А то я всю ночь глаз не сомкну от страха.

Жозеф. Хорошо... Если вам угодно, я взберусь даже на крышу. *(Уходит в дверцу слева, ведущую на чердак.)*

Памела *(провожая его)*. Идите!

Входит Жюль.

Ах, сударь, в какое положение вы меня ставите...

Жюль. Вы спасаете мне жизнь и, верьте, не пожалеете об этом. Вы ведь знаете, как я люблю вас! *(Целует ей руку.)*

Памела. Да, вы говорили мне. Но поступаете со мною...

Жюль. Как с избавительницей.

Памела. Вы писали мне... и после вашего письма я места себе не нахожу. Я теперь уж не знаю, ни кто вы, ни зачем вы здесь.

Голос Жозефа. Мадмуазель, я на чердаке. Крышу я уже осмотрел.

Жюль. Он сейчас вернется... Куда мне спрятаться?

Памела. Но вам нельзя тут оставаться!

Жюль. Вы хотите моей погибели, Памела!

Памела. Вот он! Идите... сюда. *(Прячет его в каморке под скатом крыши.)*

Жозеф *(возвращается)*. Вы не одна, мадмуазель?

Памела. Конечно, не одна... раз вы здесь.

Жозеф. Мне словно послышался мужской голос! Голос доносится снизу.

Памела. Ах, может быть, он доносится и сверху. Посмотрите на лестнице.

Жозеф. Да я вполне уверен.

Памела. И зря! Оставьте меня, сударь, я хочу побыть одна!

Жозеф. С мужским голосом?

Памела. Так вы мне не верите?

Жозеф. Но я отлично слышал.

Памела. Ничего вы не могли слышать.

Жозеф. Ах, мадмуазель!

Памела. А если вы предпочитаете верить звукам, которые вам слышатся, а не тому, что я говорю, значит, из вас выйдет прескверный муж. Так вот вы, оказывается, какой...

Жозеф. И все-таки мне показалось...

Памела. Ну и пусть кажется, раз вы такой упрямый. Да, вы слышали голос молодого человека, который любит меня и исполняет все, что я захочу: когда нужно — он исчезает, когда нужно—появляется. Ну. так чего же вы ждете? Если он здесь, вряд ли ваше присутствие нам очень приятно, не правда ли? Спросите у моих родителей, как его зовут... Ведь он, несомненно, представился им, когда шел сюда... со своим голосом.

Жозеф. Мадмуазель Памела, простите бедного малого, который от любви рехнулся... Я теряю голову, когда думаю о вас, но сердцем я отлично знаю, что вы столь же благонравны, как и прекрасны и что сердце ваше еще прекраснее, чем внешность. А потому... вы правы; услышу ли тут десять голосов, увижу ли хоть десятерых мужчин — все мне будет нипочем... Но вот если один...

Памела. Так что же?

Жозеф. Один меня смущает больше. Однако ухожу. Все это я говорю шутки ради... Я прекрасно знаю, что

оставлю вас одну. До свиданья, мадмуазель Памела, ухожу... Я вам верю...

Памела *(в сторону)*. Он подозревает.

Жозеф *(в сторону)*. Тут кто-то есть... Побегу расскажу все ее родителям. *(Памеле.)* До свиданья, мадмуазель Памела. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Памела и Жюль.

Памела. Видите, господин Адольф, к чему это все ведет. Бедняга Жозеф — честный труженик; он племянник довольно богатого человека, который поможет ему устроиться; он хочет жениться на мне, и вот в одну минуту я сама разрушила всю свою будущность... и ради кого? Я не знаю вас, а судя по тому, как вы играете судьбой девушки, все достояние которой заключается в благонравии, я вижу, что вы считаете себя вправе так поступать. Вы богаты и издеваетесь над бедняками!

Жюль. Нет, дорогая Памела! Я знаю, кто вы, и я сумел оценить вас по достоинству. Я люблю вас, я богат, и мы уже никогда не разлучимся. Я оставил свой дормез у приятеля, около ворот Сен-Дени; мы с вами дойдем туда пешком, я уезжаю в Англию. Пойдемте скорее, я объясню вам свои намерения по дороге, ибо малейшее промедление может иметь для меня роковые последствия.

Памела. Что вы говорите?

Жюль. И вы увидите...

Памела. Да в уме ли вы, господин Адольф? Мы знакомы всего только месяц, вы два раза видели меня на балу и написали мне несколько записочек, какие молодые люди обычно пишут женщинам, и теперь с места в карьер предлагаете бежать?

Жюль. Ах, боже мой! Ни минуты промедления! Иначе вы будете раскаиваться всю жизнь, но когда вы поймете, что̀ именно вы потеряли, будет уже слишком поздно.

Памела. Но, сударь, разве нельзя сразу же объяснить мне все в двух-трех словах?

Жюль. Нет... Когда дело касается тайны, от которой зависит жизнь нескольких человек...

Памела. Если нужно спасти вам жизнь, хоть я ничего и не понимаю, я готова сделать все, что могу,— кто бы вы ни были. Но зачем я нужна вам в побеге? С какой стати увозить меня в Англию?

Жюль. Дитя, бегство двух влюбленных никому не покажется подозрительным. И, наконец, я люблю вас, я готов пренебречь всем и вынести гнев моих родителей... после того как мы обвенчаемся в Гретна-Грине.

Памела. О боже мой! Голова кругом идет. Красивый молодой человек домогается... умоляет... говорит о женитьбе.

Жюль. Кто-то идет... Я погиб... Вы предали меня!

Памела. Вы меня пугаете, господин Адольф! Что такое может с вами случиться? Подождите... я посмотрю.

Жюль. Так или иначе, спрячьте у себя эти двадцать тысяч франков. Они будут в бо́льшей сохранности у вас, нежели в руках правосудия... В моем распоряжении было всего полчаса времени... Но теперь все кончено.

Памела. Не бойтесь... Это мои родители.

Жюль. Вы умны, как ангел... Доверяюсь вам... Но не забывайте, что нам обоим надо уходить отсюда, и немедленно. И клянусь вам честью, что ничего, кроме хорошего, от этого для вас не будет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Памела, Жиро и г-жа Жиро.

Памела. По-видимому, ему действительно грозит опасность... и он влюблен в меня... Причины достаточно веские, чтобы принять в нем участие.

Г-жа Жиро. Что ж это ты, Памела, единственное наше утешение, опора нашей старости, единственная наша надежда...

Жиро. Девушка, воспитанная в строгих правилах...

Г-жа Жиро. Помолчи, Жиро. Сам не знаешь, что говоришь.

Жиро. Молчу, душенька.

Г-жа Жиро. Ведь тебя во всем околотке ставили в пример, и мы верили, что ты будешь нам поддержкой в старости.

Жиро. И будешь достойна высшей награды за добродетель.

Памела. Да за что вы меня браните-то?

Г-жа Жиро. Жозеф сказал нам, что ты прячешь у себя мужчину...

Жиро. Да... какой-то голос.

Г-жа Жиро. Помолчи, Жиро. Памела, не слушай отца!

Памела. А вы, матушка, не слушайте Жозефа.

Жиро. Ну, что я тебе говорил сейчас на лестнице, душенька? Памела знает, как мы на нее надеемся... она хочет получше выйти замуж и ради нас и ради самой себя; сердце ее исходит кровью, когда она видит, что мы, ее родители, служим привратниками. Она девушка благоразумная и глупостей делать не станет... Не правда ли, дитя мое?

Г-жа Жиро. Здесь, сокровище мое, конечно, никого нет? Ведь если у молодой работницы в десять часов вечера находят мужчину... Этак недолго и доброе имя потерять...

Памела. Но мне кажется, сюда трудно войти незамеченным и вы бы увидели незнакомца.

Жиро. Она права.

Г-жа Жиро. Она не отвечает напрямик. А ну-ка, отвори эту дверь...

Памела. Матушка, оставьте... Вам нельзя туда входить, я вас не пущу. Послушайте меня: я люблю вас, матушка, и вас, батюшка, и совесть моя перед вами чиста. Господь тому свидетель. Вы всегда верили вашей дочери, так не лишайте же ее вдруг вашего доверия.

Г-жа Жиро. Но почему же ты не хочешь сказать правду?

Памела *(в сторону)*. Нет, не могу... Если они увидят его — завтра весь город узнает.

Жиро *(прерывая ее)*. Мы — родители и должны все знать.

Памела. Впервые в жизни я ослушаюсь вас. Но вы сами меня к тому принуждаете. Я ведь плачу за это помещение из своего собственного заработка... Я совершеннолетняя. Я отвечаю за свои поступки.

Г-жа Жиро. Ах, Памела! А мы-то возлагали на тебя все свои надежды!

Жиро. Да ты губишь себя! А я так и проживу остаток своих дней в привратниках.

Памела. Не тревожьтесь! Да, тут находится один человек, но об этом — ни слова. Идите к себе в привратницкую и скажите Жозефу, что он болтает вздор, скажите, что вы все осмотрели и никого у меня не нашли: словом, выпроводите его... Тогда вы увидите этого молодого человека и узнаете мои намерения. Но храните все в строжайшей тайне.

Жиро. Несчастная! За кого принимаешь ты своего отца? *(Замечает на столе ассигнации.)* А это что такое? Деньги!

Г-жа Жиро. Деньги. *(Отшатывается от Памелы.)* Помела, откуда они у тебя?

Памела. Я напишу вам об этом.

Жиро. Напишет? Что же, она собирается бежать?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Жозеф.

Жозеф *(входит)*. Говорил я вам, что от этого добра не будет... Он главарь воровской шайки, грабитель... Дом окружен, там жандармы, полиция, следователь, вся честная компания.

Жюль *(вылезает)*. Я погиб!

Памела. Я сделала все, что могла!

Жиро. Однако кто вы такой, сударь?

Жозеф. Вы, как видно...

Г-жа Жиро. Отвечайте!

Жюль. Если бы не этот дурень — я был бы спасен! На вашей совести будет гибель человека.

Памела. Господин Адольф, вы невиновны?

Жюль. Невиновен.

Памела. Как быть? *(Указывает на слуховое окно.)* Сюда, скорей! Мы собьем их со следа. *(Открывает слуховое окно; там полицейские.)*

Жюль. Поздно! Но помогите мне; скажите, что я возлюбленный вашей дочери и прошу у вас ее руки... Я совершеннолетний... Я — Адольф Дюран, сын богатого марсельского коммерсанта.

Жиро. Законный брак... богатый жених... Молодой человек, я беру вас под свое покровительство.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, полицейский комиссар, полицейский чиновник и жандармы.

Жиро. Сударь, по какому праву вошли вы в частный дом... в комнату скромной девушки?

Жозеф. Да, по какому праву?

Комиссар. Молодой человек, не беспокойтесь о наших правах! Несколько минут тому назад вы были так любезны, что сами указали нам местопребывание неизвестного, а теперь почему-то негодуете.

Памела. Но кого вы ищете? Что вам здесь надо?

Комиссар. Так, значит, вам известно, что мы кого-то ищем?

Жиро. Сударь, у дочери моей нет никого, кроме ее жениха, господина...

Комиссар. Господина Руссо.

Памела. Господина Адольфа Дюрана.

Жиро. Руссо? Я такого не знаю. Это господин Адольф Дюран.

Г-жа Жиро. Сын почтенного марсельского коммерсанта.

Жозеф. Ах, так вы обманывали меня? Ах, вот чем объясняется ваша холодность, мадмуазель! Господин этот...

Комиссар *(полицейскому чиновнику)*. Разве это не он?

Чиновник. Разумеется, он. Я вполне уверен. *(Своим подчиненным.)* Исполняйте, что вам приказано!

Жюль. Сударь... Я жертва какого-то недоразумения. Я вовсе не Жюль Руссо.

Чиновник. А вы даже знаете его имя, хотя имени этого тут еще никто не произносил!

Жюль. Но я слыхал о нем раньше. Вот мои документы, они в полном порядке.

Комиссар. Покажите, сударь.

Жиро. Господа, заверяю вас и утверждаю...

Чиновник. Если вы будете продолжать в этом духе и будете уверять нас, что это Адольф Дюран, сын коммерсанта...

Г-жа Жиро. Из Марселя...

Чиновник. То, пожалуй, придется всех вас тоже

арестовать, немедленно препроводить в тюрьму и привлечь как соучастников... А это такое дело, из которого нелегко будет выпутаться... Дорожите вы своей свободой?

Жиро. Еще бы!

Чиновник. В таком случае помолчите.

Г-жа Жиро. Помолчи, Жиро!

Памела. Боже мой! Зачем я не поверила ему!

Комиссар *(жандармам)*. Обыщите его!

Чиновнику подают носовой платок Жюля.

Чиновник. Метка «Ж» и «Р». Дорогой мой, вы не больно-то хитры!

Жозеф. Что такое он мог натворить? Уж не причастны ли и вы к этому, мамзель?

Памела. Вы будете причиной его гибели... не показывайтесь мне больше на глаза!

Чиновник. Вот, сударь, счет за обед. Вы обедали в Пале-Руаяле, в ресторане «Фрер-Провансо», там вы карандашом написали записку и послали ее сюда с вашим другом, господином Адольфом Дюраном, который и дал вам свой паспорт. Личность ваша установлена окончательно: вы Жюль Руссо.

Жозеф. Сын известного богача Руссо, для которого мы сейчас обиваем мебель.

Комиссар. Замолчите!

Чиновник. Пойдемте.

Жюль. Пойдемте! *(Обращается к супругам Жиро.)* Простите меня за причиненную вам неприятность... А вы, Памела, не забывайте меня! Если нам не придется больше свидеться — оставьте себе то, что я вам передал, и будьте счастливы!

Жиро. Господи боже мой!

Памела. Бедный Адольф!

Комиссар *(жандармам)*. Останьтесь здесь. Мы обыщем каморку и снимем допрос со всех присутствующих.

Жозеф *(с возмущением)*. Подумать только! Она предпочла мне преступника!

Жандармы окружают Жюля.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена изображает гостиную.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Антуан и Жюстина.

Жюстина. Ну что, Антуан, читали вы газеты?

Антуан *(читает газету)*. Экая досада. Мы, слуги, можем узнать о деле господина Жюля только из газет!

Жюстина. Да ведь даже сами барин, барыня и ее сестра госпожа дю Брокар и то ничего не знают... Господин Жюль целых три месяца просидел в одиночке.

Антуан. Видно, дело было задумано большое, они хотели восстановить... *того*...

Жюстина. Боже мой! А ведь такому молодому человеку только бы и жить припеваючи; ведь он богатый наследник — в один прекрасный день получит от тетки двадцать тысяч франков дохода да еще родительское состояние вдвое больше того! И вдруг впутался в заговор!

Антуан. А я уважаю его за это, он добивался восстановления императора. Хотите — казните меня... Мы тут наедине, вы не полицейский: да здравствует император!

Жюстина. Замолчите вы, старый дурак!.. Если кто услышит, вас заберут.

Антуан. Я, слава богу, не из пугливых! Я отвечал следователю как полагается; не подвел господина Жюля, не то, что те изменники, которые его выдали.

Жюстина. У госпожи дю Брокар, наверно, есть немалые сбережения; с такими деньгами она могла бы его выручить.

Антуан. Э, как бы не так! После побега Лавалетта никого не выручишь! Теперь тюремщики стали несговорчивы, да и раньше-то были не очень-то покладисты... Господину Жюлю несдобровать, вот увидите, он примет мученический венец. Я тогда пойду посмотрю, как его казнить будут.

Звонок. Антуан уходит.

Жюстина. Пойдет посмотрит! Не понимаю, как хватает духу смотреть, когда человека, да еще знакомого... Что до меня — я схожу только на суд; бедный мальчик, это мой долг перед ним.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дюпре, Антуан и Жюстина.

Антуан *(в сторону, видя Дюпре)*. А вот и адвокат. *(Вслух.)* Жюстина, доложите барыне. *(В сторону.)* Адвокат, кажется, необходительный. *(Вслух.)* Сударь, можно ли надеяться, что удастся спасти бедного господина Жюля?

Дюпре. Вы, видно, очень любите своего молодого барина?

Антуан. А как же не любить!

Дюпре. И что бы вы сделали ради его спасения?

Антуан. Все, сударь!

Дюпре. Ничего!

Антуан. Ничего? Да я любые показания дам, какие вам будет угодно.

Дюпре. А если вас уличат в противоречии вашим прежним показаниям и обвинят в лжесвидетельстве — известно ли вам, что это за собою повлечет?

Антуан. Нет, сударь.

Дюпре. Каторгу.

Антуан. Дело нешуточное!

Дюпре. Вы бы предпочли оказать барину услугу, не подводя себя?

Антуан. И другого способа нет?

Дюпре. Нет.

Антуан. Ну что ж, придется попробовать!

Дюпре *(в сторону)*. Вот преданность!

Антуан. Хозяин не оставит меня без награды!

Жюстина. Барыня идет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и г-жа Руссо; потом Руссо.

Г-жа Руссо *(к Дюпре)*. Ах, сударь, мы ждем вас с таким нетерпением! *(Антуану.)* Антуан, поскорее сходите за барином. *(К Дюпре.)* Вся наша надежда теперь на вас.

Дюпре. Будьте уверены, сударыня, что я сделаю все от меня зависящее...

Г-жа Руссо. О, благодарю вас... Да ведь наш Жюль в самом деле невиновен. Он — и вдруг заговорщик!

Он сущее дитя, как он может быть опасен, когда он перед мною, своей матерью, трепещет, стоит мне только нахмуриться? Ах, сударь, обещайте вернуть мне его!

Руссо *(входит; к Антуану)*. Да, генерал Верби... Доложите, как только он приедет... *(К Дюпре.)* Так как же, дорогой мой господин Дюпре?

Дюпре. Решительный бой будет завтра; сегодня идут приготовления, вручен обвинительный акт.

Руссо. А не подвел ли себя мой бедный Жюль чем-нибудь?

Дюпре. Он все отрицает... и превосходно разыгрывает роль невиновного; но мы не можем выставить ни одного свидетеля против свидетелей обвинения.

Руссо. Ах, господин Дюпре, спасите мне сына, и половина моего состояния будет ваша.

Дюпре. Если бы я получил все половины состояний, обещанные мне... я был бы даже чересчур богат.

Руссо. Неужели вы сомневаетесь в моей признательности?

Дюпре. Подождемте дальнейших событий, сударь.

Г-жа Руссо. Сжальтесь над несчастной матерью.

Дюпре. Сударыня, клянусь вам, ничто так не поражает меня и не вызывает столько симпатии, как истинное чувство, а в Париже все подлинное такая редкость... Неужели я останусь равнодушным к горю семейства, которому грозит утрата единственного сына?.. Положитесь на меня.

Руссо. Ах, господин Дюпре!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, генерал де Верби и г-жа дю Брокар.

Г-жа дю Брокар *(вводит де Верби)*. Входите, дорогой генерал.

Де Верби *(кланяется Дюпре)*. Сударь... Я только что узнал...

Руссо *(представляет Дюпре генералу)*. Генерал, господин Дюпре.

Дюпре и де Верби раскланиваются.

Дюпре *(в сторону, пока де Верби разговаривает с Руссо)*. Генерал, обивающий пороги приемных... У него

только одна заслуга: он носит ту же фамилию, что и его брат, камергер двора. По-видимому, он здесь неспроста.

Де Верби *(к Дюпре)*. Сударь, вы, как я слышал, взяли на себя защиту Жюля Руссо в прискорбном деле...

Дюпре. Да, сударь... Дело действительно прискорбное, ибо истинные преступники находятся на свободе; правосудие обрушится на рядовых солдат, командиры же, как всегда, останутся в стороне... Вы генерал виконт де Верби?

Де Верби. Генерал де Верби... Я не ношу титула... мои убеждения... Вы, разумеется, уже ознакомились с материалами следствия?

Дюпре. Только три дня тому назад нам разрешили доступ к обвиняемым.

Де Верби. А какого вы мнения о деле?

Все. Да, скажите!

Дюпре. Насколько мне известны судебные нравы, я считаю вероятным, что там надеются добиться разоблачений, посулив смягчить участь осужденным.

Де Верби. Все обвиняемые — люди безупречной честности.

Руссо. Однако...

Дюпре. Перед лицом эшафота характер человека меняется, особенно если человек этот теряет многое.

Де Верби *(в сторону)*. В заговоры следует вовлекать только тех, у кого нет за душой ни гроша.

Дюпре. Я буду уговаривать своего подзащитного открыть всю правду.

Руссо. Разумеется.

Г-жа дю Брокар. Еще бы!

Г-жа Руссо. Это необходимо.

Де Верби *(в тревоге)*. Значит, нет никакой надежды на его спасение?

Дюпре. Никакой. Обвинению нетрудно доказать, что он находился в числе тех, кто уже приступил к осуществлению заговора.

Де Верби. По-моему, лучше лишиться головы, нежели чести.

Дюпре. Ну, это смотря по обстоятельствам: у иных честь стоит дешевле головы.

Де Верби. Странные у вас понятия.

Руссо. Я их вполне разделяю...

Дюпре. Их разделяет большинство. Я не раз имел случай убедиться, что человек способен на многое ради спасения своей головы... Есть люди, которые прячутся за другими, сами ничем не рискуют, а потом пожинают лавры. Где у них честь? Могут ли быть какие-нибудь обязанности в отношении таких людей?

Де Вербуа. Конечно, нет; это подлецы!

Дюпре *(в сторону)*. Хорошо сказано! Это он погубил несчастного Жюля. Придется за ним понаблюдать.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Антуан, потом Жюль в сопровождении полицейских.

Антуан. Барыня! Барин! Подъехала карета, сюда идут какие-то люди... и с ними господин Жюль... его привезли.

Руссо и г-жа Руссо. Сын!

Г-жа дю Брокар. Племянник!

Дюпре. Да... Это, конечно, обыск. Хотят просмотреть его переписку.

Антуан. Вот он!

Жюль *(появляется в глубине; его сопровождают полицейские и следователь; он бросается к матери)*. Мама! Милая мама! *(Целует ее.)* Ах, я снова вижу вас! *(Г-же дю Брокар.)* Тетя!

Г-жа Руссо. Бедное дитя мое! Ко мне! Они не посмеют... *(Полицейские приближаются.)* Оставьте! Ах! Оставьте его!

Руссо *(бросается к ним)*. Ради бога!

Дюпре *(следователю)*. Сударь...

Жюль. Милая мама, успокойтесь... Скоро меня освободят... поверьте мне... и тогда мы уже никогда не разлучимся.

Антуан *(обращается к Руссо)*. Барин, они желают осмотреть комнату господина Жюля.

Руссо *(следователю)*. Сию минуту, сударь... Я сам пойду с вами. *(Обращается к Дюпре, указывая на Жюля.)* Не оставляйте его... *(Уходит вместе со следователем, который делает полицейским знак, чтобы они стерегли Жюля.)*

Жюль *(берет де Верби за руку)*. Ах, генерал! *(Обращается к Дюпре.)* И вы, господин Дюпре, такой добрый, такой великодушный, вы пришли утешить мою мать... *(Шепотом.)* Ни слова ей о том, какая опасность грозит мне. *(Вслух, смотря на мать.)* Скажите ей правду, скажите, что ей нечего беспокоиться.

Дюпре. Я скажу ей, что она может вас спасти.

Г-жа Руссо. Я?

Г-жа дю Брокар. Каким образом?

Дюпре *(г-же Руссо)*. Умолите его открыть имена подстрекателей.

Де Верби *(обращаясь к Дюпре)*. Сударь...

Г-жа Руссо. О да! Ты непременно должен это сделать... ради твоей матери. Я требую этого!

Г-жа дю Брокар. Да... Я уверена, что мой племянник скажет всю правду. Раз люди, которые вовлекли его, теперь от него открещиваются, он вправе...

Де Верби *(шепотом Дюпре)*. Как, сударь? Вы советуете своему подзащитному предать...

Дюпре *(резко)*. Кого?

Де Верби *(в смущении)*. Но... Разве нет других путей? Господин Жюль знает, каков долг благородного человека по отношению к самому себе.

Дюпре *(взволнованно, в сторону)*. Он! Так я и знал!

Жюль *(матери и тетке)*. Ни за что,— даже если мне будет грозить смерть, я никого не выдам.

У де Верби вырывается радостное движение.

Г-жа Руссо. Ах, боже мой! *(Смотрит на полицейских.)* И нельзя помочь ему бежать!

Г-жа дю Брокар. Это невозможно...

Антуан *(входит)*. Господин Жюль, вас просят.

Жюль. Иду.

Г-жа Руссо. Ах, я пойду с тобою! *(Оборачивается к полицейским и делает умоляющий жест.)*

Г-жа дю Брокар *(обращается к Дюпре, который пристально глядит на де Верби)*. Господин Дюпре, мне кажется, что было бы...

Дюпре *(прерывая ее)*. Потом... сударыня, немного погодя! *(Подводит ее к Жюлю, который вместе с матерью уходит; их сопровождают полицейские.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дюпре и де Верби.

Де Верби *(в сторону)*. Адвокат им попался с деньгами и не честолюбивый... да притом, кажется, изрядный чудак.

Дюпре *(возвращается на авансцену, смотрит на де Верби и говорит в сторону)*. А теперь выведаем-ка твою тайну. *(К де Верби.)* Вы принимаете большое участие в моем подзащитном, генерал?

Де Верби. Очень большое.

Дюпре. Я никак не могу понять, что могло побудить его — богатого, молодого, беспечного — войти в заговор...

Де Верби. Слава!

Дюпре *(улыбаясь)*. И вы говорите это адвокату, который двадцать лет занимается практикой? Я слишком хорошо изучил людей и дела и знаю, что самые высокие мотивы служат лишь для прикрытия самых низменных побуждений, и я еще не встречал человеческого сердца, свободного от расчета.

Де Верби. А сами вы защищаете бесплатно?

Дюпре. Да, случается, и нередко. Но я защищаю только по убеждению...

Де Верби. Вы, по-видимому, человек состоятельный?

Дюпре. У меня было состояние; иначе я при существующих нравах давно пошел бы по миру.

Де Верби. Значит, вы по убеждению взяли на себя защиту молодого Руссо?

Дюпре. Я считаю, что он попался на удочку лиц, занимающих высокое положение в обществе, а мне нравятся люди, которые если и попадаются в ловушку, то из-за своего благородства, а не из-за личных корыстных расчетов... ибо в наш век одинаково алчны и обманутый и тот, кто извлекает из обмана выгоду.

Де Верби. Вы принадлежите, как я вижу, к секте человеконенавистников.

Дюпре. Я недостаточно уважаю людей, чтобы ненавидеть их, ибо до сих пор мне не встретился ни один человек, которого я мог бы полюбить... Я довольствуюсь тем, что изучаю своих ближних; я вижу, что все они

разыгрывают комедию — одни более, другие менее успешно. Я не заблуждаюсь на их счет — это правда; они просто забавляют меня, и я готов хохотать, как зритель на галерке. Вот только я не свищу — для этого мне не хватает темперамента.

Де Верби *(в сторону)*. Как повлиять на такого человека? *(Вслух.)* Но, что ни говорите, сударь, вы ведь не можете обходиться без людей.

Дюпре. Могу.

Де Верби. Но ведь и вы иногда страдаете?

Дюпре. Тогда я предпочитаю быть наедине с самим собою. Впрочем, в Париже все можно купить, даже сочувствие; поверьте, я живу только потому, что жить — долг каждого человека. Я испробовал все: милосердие, дружбу, преданность... Облагодетельствованные вызвали во мне отвращение к благодеянию, а иные филантропы внушили мне отвращение к благотворительности; из всех видов обмана обман в области чувств — самый гнусный.

Де Верби. А родина, сударь?

Дюпре. О сударь, с тех пор как изобретено понятие человечества, родину считают пустяком.

Де Верби *(смущенный его словами)*. Итак, сударь, по-вашему, Жюль Руссо слишком восторженный юноша?

Дюпре. Нет, сударь, по-моему, тут налицо загадка, требующая разрешения; и с вашей помощью я разрешу ее.

Де Верби вздрагивает.

Слушайте, давайте поговорим откровенно... По-моему, вы в этом деле не совсем постороннее лицо.

Де Верби. Сударь...

Дюпре. Вы можете спасти этого юношу.

Де Верби. Я? Каким образом?

Дюпре. Своими показаниями; их подтвердит Антуан, он обещал мне...

Де Верби. У меня есть основания держаться в стороне...

Дюпре. Следовательно, вы тоже участник заговора?

Де Верби. Сударь...

Дюпре. Вы вовлекли этого младенца?

Де Верби. Сударь, ваши выражения...

Дюпре. Не пытайтесь обмануть меня! Но чем вы соблазнили его? Он богат, ни в чем не нуждается.

Де Верби. Послушайте, если вы промолвите хоть одно слово...

Дюпре. О, своею жизнью я ничуть не дорожу.

Де Верби. Сударь, вы отлично знаете, что Жюль выпутается; если же, по вашему наущению, он будет вести себя недостойно, он лишится руки моей племянницы, наследницы титула, который носит мой брат, камергер двора.

Дюпре. Значит, и этот юноша готов действовать по расчету! Подумайте, генерал, о том, что я вам предлагаю. У вас есть могущественные друзья, это ваш долг.

Де Верби. Долг? Сударь, я вас не понимаю.

Дюпре. Вы сумели его погубить, так неужели же не сумеете спасти? *(В сторону.)* Он у меня в руках.

Де Верби. Я подумаю, сударь.

Дюпре. Не рассчитывайте, что вам удастся от меня отделаться.

Де Верби. Генерал, не дрогнувший в минуту опасности, не дрогнет перед каким-то адвокатом.

Дюпре. Как вам будет угодно.

Де Верби уходит и в дверях встречается с Жозефом.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дюпре и Жозеф.

Жозеф. Сударь, я только вчера узнал, что вы — защитник господина Жюля Руссо; я отправился к вам, ждал вас до поздней ночи, но не дождался; сегодня утром вас не было дома; но я работаю на господина Руссо, и мне пришла в голову счастливая мысль зайти сюда: я подумал, что вы непременно должны приехать, и подкараулил вас.

Дюпре. Что вам от меня нужно?

Жозеф. Я Жозеф Бине.

Дюпре. Ну и что же?

Жозеф. Сударь,— не в обиду вам будь сказано,— у меня накоплено тысяча четыреста франков... О! Моих кровных, я откладывал каждый грош; я мастер-обой-

щик, и у моего дядюшки Дюмушеля, бывшего винотор-говца, водятся деньжата.

Дюпре. Нельзя ли попроще? Что означает это таинственное вступление?

Жозеф. Тысяча четыреста франков — это немалые деньги, но, говорят, адвокатам надо много платить, и потому-то их такая пропасть и развелась, что им помногу платят. Лучше бы мне сделаться адвокатом, тогда она сразу вышла бы за меня.

Дюпре. Да вы сумасшедший, что ли?

Жозеф. Вовсе нет. Денежки мои при мне: смотрите, сударь, я не вру. Это вам.

Дюпре. То есть?..

Жозеф. Если только вы спасете господина Жюля... от смерти, разумеется... и если вы добьетесь, чтобы его выслали... Я не хочу его погибели; но пусть он попутешествует... Он богат, будет развлекаться... Словом, спасите ему жизнь... сделайте так, чтобы его приговорили к обыкновенной высылке, лет, скажем, на пятнадцать, и тогда эти тысяча четыреста франков — ваши; я отдам их вам от чистого сердца, а сверх того еще сделаю вам кресло для кабинета. Вот!

Дюпре. Зачем вы все это говорите?

Жозеф. Зачем? Я женюсь на Памеле... Милочка Памела будет моею.

Дюпре. Какая Памела?!

Жозеф. Памела Жиро.

Дюпре. А что общего между Памелой Жиро и Жюлем Руссо?

Жозеф. Вот как! А я-то думал, что адвокатам платят за то, что они образованные и все знают... А вы, оказывается, ничего не понимаете? Теперь я не удивляюсь, что некоторые называют адвокатов неучами. Беру свои тысяча четыреста франков назад. Памела винит себя, то есть меня винит в том, что я предал его в руки палача, а если он будет спасен, в особенности, если его вышлют, сами понимаете, я женюсь на Памеле, и так как высланные живут не во Франции, то я смогу не тревожиться за свою семейную жизнь. Добейтесь, чтобы на пятнадцать лет; ведь это пустяк, пятнадцать лет, если путешествовать, а тем временем дети мои уже подрастут и жена будет уже в таком возрасте... Понимаете?

Дюпре *(в сторону)*. Этот по крайней мере не кривит

душой. Когда человек рассказывает вслух о своих планах и руководится страстью, то это не самый плохой человек.

Жозеф *(в сторону)*. Чего он там бормочет? Адвокат, говорящий сам с собой, это все равно, что булочник, который сам поедает всю выпечку. *(Вслух.)* Сударь!..

Дюпре. Значит, Памела влюблена в господина Жюля?

Жозеф. Черт возьми, сами понимаете: в таких обстоятельствах он особенно интересен ей.

Дюпре. А они часто виделись?

Жозеф. Даже слишком часто. Ах, если б я только знал, я бы помог ему удрать.

Дюпре. Она хороша собою?

Жозеф. Кто? Памела? Нашли о чем спрашивать! Моя Памела, да она как Аполлон Бельведерский.

Дюпре. Оставьте при себе ваши тысяча четыреста франков, друг мой; если у вас и у вашей Памелы доброе сердце, вы поможете мне спасти его; а речь идет о том — отдать ли его в руки палача или избавить от казни.

Жозеф. Сударь, только не говорите об этом ни слова Памеле; она в отчаянии.

Дюпре. Тем не менее мне надо повидать ее сегодня же.

Жозеф. Я поговорю с ее родителями.

Дюпре. Ах, так у нее есть родители? *(В сторону.)* Это дорого обойдется. *(Вслух.)* Кто они такие?

Жозеф. Почтенные привратники.

Дюпре. Прекрасно!

Жозеф. Папаша Жиро был портным, да прогорел.

Дюпре. Отлично. Предупредите их о моем посещении. Только никому ни единого слова, иначе вы погубите господина Жюля.

Жозеф. Я нем, как рыба.

Дюпре. Мы с вами никогда друг друга не видели.

Жозеф. Никогда.

Дюпре. Ступайте.

Жозеф. Иду. *(Идет не в ту дверь.)*

Дюпре. Сюда.

Жозеф. Сюда, великий адвокат... Только позвольте мне дать вам один совет: годочек-другой ссылки ему не повредят; это отучит его задевать правительство.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дюпре, Руссо, г-жа Руссо, г-жа дю Брокар, которую поддерживает Жюстина.

Г-жа Руссо. Несчастное дитя! Сколько мужества!

Дюпре. Я надеюсь вернуть его вам, сударыня. Но тут не обойтись без больших жертв.

Руссо. Сударь, половина нашего состояния — ваша.

Г-жа дю Брокар. И половина моего.

Дюпре. Опять «половина состояния»... Я постараюсь исполнить свой долг, потом вы исполните ваш; мы покажем себя на деле. Приободритесь, сударыня: я твердо надеюсь.

Г-жа Руссо. Ах, сударь, правда?

Дюпре. Час тому назад у меня не было никакой надежды, теперь же я думаю, что его можно спасти.

Г-жа Руссо. Чего вы требуете?

Руссо. Рассчитывайте на нас, мы согласны на любые условия.

Дюпре. Там видно будет. Вот мой план. Я уверен в полном его успехе у присяжных. У вашего сына, как у всякого молодого человека, была интрижка с одной гризеткой, некоею Памелой Жиро, цветочницей, дочерью привратника.

Г-жа дю Брокар. Мелкие людишки!

Дюпре. И к их-то ногам вам придется пасть, ибо ваш сын неотлучно находился у этой девушки, и в этом обстоятельстве я вижу единственное средство спасти его. Быть может, в тот самый вечер, когда он, как утверждает прокуратура, готовил покушение, он находился у нее. Если это так, если она покажет, что он был у нее, если во время допроса ее родители и другой ее поклонник, соперник Жюля, подтвердят это... тогда есть надежда. Присяжные охотнее признают алиби, чем осудят его.

Г-жа Руссо. Ах, вы возвращаете меня к жизни.

Руссо. Сударь, мы будем вечно благодарить вас.

Дюпре *(смотрит на них)*. Сколько же я могу предложить девушке и ее родителям?

Г-жа дю Брокар. Они бедные?

Дюпре. Как бы то ни было, речь идет об их чести.

Г-жа дю Брокар. Цветочница...

Дюпре *(с иронией)*. Будет стоить недорого.

Руссо. А вам кажется, что...

Дюпре. Мне кажется, что вы уже начинаете торговаться о голове вашего сына.

Г-жа дю Брокар. Ну, сударь, вы можете дойти до...

Г-жа Руссо. До...

Дюпре. До?..

Руссо. Я не понимаю, что тут колебаться... Сударь, предложите столько, сколько найдете нужным.

Дюпре. Итак, вы даете мне неограниченные полномочия... Но чем вознаградите вы эту девушку, если она пожертвует своею честью, чтобы спасти вашего сына, который, быть может, признавался ей в любви?

Г-жа Руссо. Он женится на ней. Я сама из народа, я не маркиза какая-нибудь, и...

Г-жа дю Брокар. Ах, ну что вы говорите? А мадмуазель де Верби?

Г-жа Руссо. Сестра! Надо спасти его!

Дюпре *(в сторону)*. Ну вот, начинается другая комедия; и уж от этой меня увольте! Впутаем их покрепче в это дело. *(Вслух.)* Может быть, вам следовало бы негласно повидаться с этой девушкой?

Г-жа Руссо. Ну разумеется, сударь, я повидаюсь с нею... буду умолять ее. *(Звонит.)* Жюстина! Антуан!

Антуан входит.

Скорее! Велите подать карету... Поскорее!

Антуан. Слушаю-с.

Г-жа Руссо. Сестра, поедем со мною! О Жюль, несчастный мой Жюль!

Г-жа дю Брокар. Его ведут сюда.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, Жюль, следователь, потом де Верби.

Жюль *(сопровождаемый полицейскими)*. Мама! Прощ... Нет, до свидания! До скорого свидания!

Руссо и г-жа дю Брокар обнимают его.

Де Верби *(подходит к Дюпре)*. Я исполню то, о чем вы меня просили. Мой друг, Адольф Дюран, пытавшийся устроить побег нашего милого Жюля, заявит, что Жюль просто собирался бежать с гризеткой, в которую он страстно влюблен.

Дюпре. Этого вполне достаточно; дальнейший успех зависит всецело от наших хлопот.

Следователь *(Жюлю)*. Пойдемте, сударь.

Жюль. Иду. Мужайся, мама! *(Шлет рукою привет Руссо и Дюпре; де Верби незаметно делает ему знак — не выдавать.)*

Г-жа Руссо *(Жюлю, которого уводят)*. Жюль! Жюль! Не теряй надежды! Мы спасем тебя.

Полицейские уводят Жюля; в дверях он шлет матери последний привет.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната Памелы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Памела, Жиро и г-жа Жиро.

Г-жа Жиро вяжет; Памела стоит около нее; дядюшка Жиро работает за столом слева.

Г-жа Жиро. Как бы то ни было, дочка, а, не в упрек тебе будь сказано, ты причиною всего, что с нами приключилось.

Жиро. Да, прости господи, это верно. Мы переехали в Париж потому, что в деревне портновским ремеслом не проживешь, а для тебя, нашей Памелы, такой маленькой, такой славненькой, нам хотелось что-нибудь получше, вот мы и решили: «Ну, что ж, в городе мы с женою наймемся куда-нибудь, я буду сверх того еще прирабатывать, и наша девочка ни в чем нуждаться не будет: она у нас умница, труженица, красавица, и мы ей подыщем хорошего мужа».

Памела. Папенька!

Г-жа Жиро. И уж полдела было сделано.

Жиро. Еще бы! У нас было приличное место; ты делала цветы, ни дать ни взять — садовник... А насчет замужества, что ж, Жозеф Бине, наш сосед, чем не муж?

Г-жа Жиро. А что получилось? В доме вышел такой скандал, что хозяин рассчитал нас и во всем околотке только об нас и судачат, а всему причиной, что этого молодого барина задержали у тебя.

Памела. Ах, боже, ну не все ли равно, ведь на самом деле я ни в чем не виновата!

Жиро. Это-то мы знаем! Да если бы ты была виновата, разве мы остались бы тут, с тобой? Разве я стал бы по-прежнему целовать тебя? Что ни говори, Памела, а отец с матерью — это все. И пусть даже весь свет будет против девушки, лишь бы она могла смотреть в глаза родителям не краснея,— больше и желать нечего.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Жозеф.

Г-жа Жиро. Вот как! Жозеф Бине.

Памела. Господин Бине, что вам угодно? Если бы не вы, если бы не ваша болтовня, господина Жюля не нашли бы здесь. Оставьте меня...

Жозеф. Я пришел поговорить с вами о нем.

Памела. О нем?! Правда? Так что же, Жозеф?

Жозеф. Вот теперь вы меня не гоните! Я виделся с адвокатом господина Жюля и предложил ему все свои сбережения, чтобы он его спас.

Памела. Правда?

Жозеф. Да. Если его всего-навсего вышлют, вы будете довольны?

Памела. Ах, вы такой добрый, такой хороший, Жозеф. И я вижу, вы меня любите! Отныне мы друзья!

Жозеф *(в сторону)*. Надеюсь!

Стук в заднюю дверь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, де Верби и г-жа дю Брокар.

Г-жа Жиро *(отворяет дверь)*. Кто-то идет.

Жиро. Какой-то господин с барыней.

Жозеф. Что это такое?

Памела встает, делает шаг к де Верби, тот ей кланяется.

Г-жа дю Брокар. Мадмуазель Памела Жиро?

Памела. Я самая, сударыня.

Де Верби. Простите, что мы явились к вам без предупреждения.

Памела. Это ничего. Но чем я обязана...

Г-жа дю Брокар. А вы, почтенные,— ее родители?

Г-жа Жиро. Родители, сударыня.

Жозеф *(в сторону)*. Просто «почтенными» называет. Видно, важная птица!

Памела. Не угодно ли вам присесть?

Г-жа Жиро подает стулья.

Жозеф *(обращается к Жиро)*. Смотрите, у него орден; это люди знатные.

Жиро *(оглядывает пришедших)*. Пожалуй, что и так.

Г-жа дю Брокар. Я тетка господина Жюля Руссо.

Памела. Вы, сударыня? А вы уж не отец ли?

Г-жа дю Брокар. Это друг их семьи. Мы пришли просить мадемуазель об одной услуге. *(Смотрит на Жозефа; видно, что его присутствие смущает ее. Обращается к Памеле, указывая на Жозефа.)* Ваш брат?

Жиро. Нет, сударыня, это сосед.

Г-жа дю Брокар *(Памеле)*. Удалите его!

Жозеф *(в сторону)*. Удалите его! Вот как! Не понимаю, в чем тут дело, однако...

Памела делает ему знак удалиться.

Жиро *(Жозефу)*. Ну, ступай, ступай! Видно, дело секретное.

Жозеф. Ладно, ладно, ухожу! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, кроме Жозефа.

Г-жа дю Брокар. Вы знакомы с моим племянником. Я не упрекаю вас за это... одни только ваши родители вправе...

Г-жа Жиро. Да ей, слава богу, не в чем виниться.

Жиро. Племянничек ваш виноват в том, что об ней разное болтают... Но она-то ни в чем не повинна.

Де Верби *(прерывая его)*. Охотно верю... Ну, а что, если нам надо, чтобы она была повинна?

Памела. Что вы хотите сказать, сударь?

Жиро и г-жа Жиро. Ну и ну!

Г-жа дю Брокар *(подхватывая мысль де Верби)*. Да, если бы ради спасения жизни несчастного юноши...

Де Верби. ...пришлось бы заявить, что Жюль Руссо провел бóльшую часть ночи на двадцать четвертое августа здесь, у вас?

Памела. О сударь!

Де Верби *(к Жиро и его жене)*. Если бы вам пришлось дать показания, порочащие вашу дочь, и подтвердить, что это правда?

Г-жа Жиро. Ни за что я этого не скажу.

Жиро. Позорить мою дочь! Сударь, я уже пережил все несчастья, какие только возможны! Я был портным и стал ничем... привратником стал. Но я был и остался отцом. Дочь моя — сокровище наше, наше последнее утешение, а вы хотите, чтобы мы сами опозорили ее!

Г-жа дю Брокар. Выслушайте меня, сударь.

Жиро. Нет, сударыня... дочь моя — это надежда нашей старости.

Памела. Папенька, успокойтесь, прошу вас.

Г-жа Жиро. Слушай, Жиро. Дай же сказать господам.

Г-жа дю Брокар. Безутешное семейство умоляет вас о помощи.

Памела *(в сторону)*. Бедный Жюль!

Де Верби *(шепотом Памеле)*. Его судьба в ваших руках.

Г-жа Жиро. Мы не злые, не думайте. Мы понимаем, что такое родительские чувства, мать в отчаянии... но то, что вы требуете, невозможно.

Памела подносит к глазам платок.

Жиро. Ну вот, она плачет.

Г-жа Жиро. Да она уже несколько дней только и делает, что плачет.

Жиро. Я свою дочь знаю; она, чего доброго, пойдет и скажет так. И с нами не посчитается.

Г-жа Жиро. Что верно, то верно. Она ведь, знаете ли, любит его, племянника-то вашего. И чтобы спасти ему жизнь... да что говорить, я бы и сама так поступила на ее месте.

Г-жа дю Брокар. О, сжальтесь!

Де Верби. Уступите нашим мольбам.

Г-жа дю Брокар *(Памеле)*. Если правда, что Жюль вам дорог...

Г-жа Жиро *(подводит мужа к дочери)*. Послушай, в конце концов... Она его любит... он, наверно, тоже ее любит. Если она принесет ради него такую жертву, значит, она вполне достойна того, чтобы он на ней женился.

Памела *(живо)*. Ни за что. *(В сторону.)* Они-то ведь никогда не согласятся на наш брак.

Де Верби *(обращаясь к г-же дю Брокар)*. Советуются.

Г-жа дю Брокар *(шепотом к де Верби)*. Тут не обойдется без жертв с нашей стороны. Сыграйте на их корыстолюбии. Иного средства нет.

Де Верби. Собираясь просить вас о такой огромной жертве, мы ясно сознавали, что она заслуживает нашей глубокой признательности. Семья Жюля не только не осуждает ваши отношения с ним — хотя и могла бы,— а намерена, наоборот, выполнить все свои обязательства относительно вас.

Г-жа Жиро. Ну, что! Говорила же я тебе!

Памела *(радостно)*. Жюль! Да возможно ли это?

Де Верби. Я уполномочен кое-что обещать вам...

Памела *(просияв от счастья)*. О боже мой!

Де Верби. Скажите, сколько вы хотите получить за жертву, которую вы принесете?

Памела *(в недоумении)*. Как это сколько? Сколько я хочу... за спасение Жюля? Вы собираетесь, значит, толкнуть меня на подлость?

Г-жа дю Брокар. Ах, мадемуазель!

Де Верби. Вы ошибаетесь...

Памела. Нет, это вы ошибаетесь. Вы явились сюда к бедным людям и даже не понимаете, чего вы у них просите. А вы-то, сударыня, должны бы знать: честь женщины — это ее сокровище, каково бы ни было ее положение или воспитание. Вы думаете, что здесь, в мансарде, продается за деньги то, что в ваших семьях охраняется с такой заботой и уважением. Вот вы и решили: «Предложим денег! А взамен получим честь какой-то гризетки!»

Жиро. Хорошо сказано! Узнаю свою кровь.

Г-жа дю Брокар. Милое дитя, не оскорбляйтесь. В конце концов деньги — это деньги.

Де Верби *(обращается к Жиро)*. Конечно! А шесть добрых тысяч франков ренты за... за...

Памела. За ложь. Вы можете купить ее и дешевле. Но я, слава богу, уважаю себя. Прощайте, сударь. *(Делает глубокий реверанс г-же дю Брокар и уходит в свою комнату.)*

Де Верби. Как быть?

Г-жа дю Брокар. Ничего не понимаю!

Жиро. Мы-то отлично понимаем, что такое шесть тысяч франков ренты... Но, видите ли, дочка наша — гордая, вся в меня...

Г-жа Жиро. И она не уступит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Жозеф, Дюпре и г-жа Руссо.

Жозеф. Сюда, сударь. Сударыня, сюда.

Входят Дюпре и г-жа Руссо.

Вот дядюшка Жиро и его супруга.

Дюпре *(к де Вербу)*. Очень сожалею, сударь, что вы опередили нас.

Г-жа Руссо. Сестра моя, наверно, сказала вам, сударыня, о том, какой жертвы ждем мы от вашей дочки... Я знаю, только ангел согласится на это.

Жозеф. Какой жертвы?

Г-жа Жиро. Это тебя не касается.

Де Вербу. Мы только что говорили с мадемуазель Памелой.

Г-жа дю Брокар. Она отказалась!

Г-жа Руссо. О боже!

Дюпре. Отказалась от чего?

Г-жа дю Брокар. Отказалась от ренты в шесть тысяч франков.

Дюпре. Я в этом и не сомневался. Предложить денег!

Г-жа дю Брокар. Этим средством можно...

Дюпре. ...только все испортить. *(Г-же Жиро.)* Сударыня, скажите вашей дочери, что здесь адвокат господина Жюля Руссо; упросите ее выйти.

Г-жа Жиро. Ох, ничего-то вы не добьетесь.

Жиро. Ни от нее, ни от нас.

Жозеф *(обращается к Жиро)*. Но чего же они хотят?

Жиро. Помолчи.

Г-жа дю Брокар *(г-же Жиро)*. Предложите ей...

Дюпре. Ах, сударыня, прошу вас... *(Г-же Жиро.)* От имени госпожи... от имени матери Жюля обращаюсь к вам с просьбой... Позвольте мне повидаться с вашей дочерью.

Г-жа Жиро. Да это ни к чему, сударь. Подумайте только! Ни с того ни с сего предложить ей денег, когда молодой человек в свое время поговаривал о женитьбе!

Г-жа Руссо *(порывисто)*. И что же?

Г-жа Жиро *(резко)*. И что же, сударыня?

Дюпре *(пожимая руку г-же Жиро)*. Ступайте же, ступайте. Приведите дочь.

Г-жа Жиро уходит.

Де Вербуа и г-жа дю Брокар. Уговорили?

Дюпре. Не я, а госпожа Руссо.

Де Вербуа *(г-же дю Брокар)*. Что они ей пообещали?

Дюпре *(замечает насторожившегося Жозефа)*. Молчите, генерал; побудьте, прошу вас, минутку с дамами. Вот она. Прошу, оставьте нас.

Г-жа Жиро вводит дочь; Памела делает реверанс г-же Руссо; та в волнении смотрит на нее. Дюпре выпроваживает всех в левую дверь; остается один Жозеф.

Жозеф *(в сторону)*. Чего же это они добиваются? Все говорят о жертве. А дядюшка Жиро словно воды в рот набрал. Позвольте, позвольте! Я обещал адвокату свои денежки, но посмотрю сначала — не забудет ли он о моей просьбе.

Дюпре *(подходит к Жозефу)*. Жозеф Бине, оставьте нас вдвоем.

Жозеф. Да ведь вы будете говорить с нею обо мне!

Дюпре. Уходите.

Жозеф *(в сторону)*. Как-никак, а от меня что-то скрывают. *(Обращается к Дюпре.)* Я ее подготовил; она уже свыклась с мыслью о ссылке. По этой дорожке и ведите ее!

Дюпре. Хорошо, хорошо! Ступайте!

Жозеф *(в сторону)*. Ну нет, извините! *(Делает вид, что уходит, затем потихоньку возвращается и прячется в чулан справа.)*

Дюпре *(Памеле)*. Вы согласились переговорить со мною, благодарю вас. Мне известно, что́ тут произошло, и от меня вы не услышите предложений такого рода, какие вам пришлось выслушать от них

Памела. Как только я вас увидела, сударь, я поняла это.

Дюпре. Вы любите этого славного юношу Жозефа?

Памела. Сударь, я слыхала, что адвокаты вроде духовников.

Дюпре. Дитя мое, они обязаны так же свято хранить тайны, как хранят их духовники. Вы можете вполне открыться мне.

Памела. Так вот, сударь, я его любила. То есть мне казалось, что я люблю его, и я охотно вышла бы за него замуж. Я надеялась, что благодаря своей расторопности Жозеф обзаведется собственной мастерской и что мы будем жить в согласии и честно трудиться. А добившись достатка, мы взяли бы к себе моих родителей; все складывалось очень просто, нам предстояла скромная, тихая жизнь.

Дюпре *(в сторону)*. Внешность этой девушки располагает в ее пользу. Посмотрим, насколько она искренна. *(Вслух.)* О чем вы задумались?

Памела. О прошлом. Право, оно кажется мне таким радужным в сравнении с настоящим. За эти две недели я совсем потеряла голову; я встретилась с господином Жюлем, и я полюбила его так, как умеем любить мы, девушки. Я знаю, как влюблялись мои подруги! О, любить, но так, чтобы согласиться на любую муку ради любимого! И я думала: «Неужели и мне придется когда-нибудь испытать это?» И вот теперь я не знаю, чего бы только я не сделала для господина Жюля. Сейчас они предложили мне денег,— они, от которых я ожидала столько благородства, столько великодушия, и я возмутилась! Деньги! У меня достаточно денег. У меня двадцать тысяч франков! Они здесь, они ваши! То есть они Жюля! Я берегу их, чтобы спасти его; ведь это я его выдала и все потому, что усомнилась в нем, в то время как он всецело положился на меня и доверился мне... такой недоверчивой.

Дюпре. Он дал вам двадцать тысяч франков?

Памела. Ах, сударь, он дал их мне на сохранение. Они здесь. Я верну деньги его семье, если он умрет. Но ведь он не умрет, скажите? Вы, вероятно, знаете.

Дюпре. Дитя мое, помните, что вся ваша жизнь, быть может, ваше счастье, будет зависеть от того, ответите ли вы мне сейчас откровенно. Отвечайте мне как перед богом.

Памела. Хорошо, сударь.

Дюпре. Вы никогда никого не любили?

Памела. Никого.

Дюпре. Вы боитесь. Я смущаю вас... Вы не доверяете мне.

Памела. Доверяю, сударь, клянусь вам. С тех самых пор, как мы живем в Париже, я никогда не расставалась с матушкой и только и думала, что о работе да о своих обязанностях. Минуту тому назад я была растеряна, дрожала... но вам, сударь... сама не понимаю, почему... вам я все могу сказать. Так вот: да, я люблю Жюля, я никого не любила, кроме него, и за ним я последую хоть на край света! Вы велели мне говорить как перед богом...

Дюпре. Ну так вот, я обращаюсь к вашему сердцу. Дайте мне согласие на то, в чем вы отказали другим. Только вы одна можете спасти его перед лицом правосудия. Вы любите его, Памела, я понимаю, как трудно вам признаться...

Памела. В моей любви к нему? А если я соглашусь — он будет спасен?

Дюпре. Да, ручаюсь.

Памела. Так, значит...

Дюпре. Дитя мое...

Памела. Так, значит... он спасен!

Дюпре *(испытующе)*. Но... это бросит на вас тень.

Памела. Но... ведь ради него же!

Дюпре *(в сторону)*. Итак, мне еще суждено в этой жизни увидеть искренность и благородство, свободное от расчета и задних мыслей. *(Вслух.)* Памела, вы хорошая, великодушная девушка.

Памела. Да я и сама это знаю. Верьте, сударь, так легче переносить житейские невзгоды.

Дюпре. Дитя мое, этого еще мало. Вы кристально чисты сердцем, вы горячи, а для успеха... нужна еще решительность, воля...

Памела. О сударь, вы сами увидите!

Дюпре. Не смутитесь тогда, не бойтесь во всем признаться. Будьте смелее. Представьте себе заранее суд, председателя, прокурора, подсудимого, меня за адвокатским столиком; сидят присяжные заседатели... Не испугайтесь. Народу будет много.

Памела. Положитесь на меня.

Дюпре. Вот вас вводит судебный пристав; вы называете свое имя и фамилию... Наконец, председатель спра-

шивает вас: с какого времени вы знакомы с обвиняемым Руссо. Что вы ответите?

Памела. Правду... Я встретилась с ним приблизительно за месяц до его ареста на «Острове любви» в Бельвиле.

Дюпре. С кем он там был?

Памела. Я обратила внимание только на него.

Дюпре. Слышали ли вы там разговоры на политические темы?

Памела *(удивленно)*. Но ведь судьи, вероятно, знают, что «Остров любви» не имеет ничего общего с политикой.

Дюпре. Хорошо, дитя мое; как бы ни было, вам придется рассказать все, что вы знаете о Жюле Руссо.

Памела. Ну что ж, я и тут скажу всю правду, все, что сказала следователю; о заговоре я ничего не слыхала и была очень удивлена, когда ко мне явилась полиция, чтобы арестовать Жюля; я даже подумала: «Уж не вор ли он», за что прошу у него теперь прощения.

Дюпре. Надо подтвердить, что со времени вашего знакомства он постоянно бывал у вас... придется заявить...

Памела. И это опять-таки правда. Мы почти не расставались. Он приходил сюда из любви ко мне, я принимала его из дружбы и сопротивлялась из чувства долга.

Дюпре. А потом?

Памела *(смущаясь)*. Потом...

Дюпре. Вы побледнели! Смотрите! Ведь вы только что обещали мне говорить правду.

Памела *(в сторону)*. Правду! Боже мой!

Дюпре. Я ведь тоже сочувствую этому юноше; но я все же не решился бы на обман. Если он виновен, я буду защищать его по обязанности; если он невиновен, я считаю его защиту своим кровным делом. Да, конечно, Памела, я требую от вас большой жертвы, но она необходима. Жюль бывал у вас по вечерам, тайком от ваших родителей?

Памела. Ах, нет, ни разу, ни разу.

Дюпре. Как?! В таком случае — никакой надежды.

Памела *(в сторону)*. Никакой надежды! Пропадать либо мне, либо ему! *(Вслух.)* Сударь, успокойтесь; я робею потому, что опасность далека. Когда же я предстану перед судьями... когда увижу Жюля... когда его спасение будет зависеть от меня...

Дюпре. Ну, хорошо, хорошо. Но особенно важно настаивать на том, что двадцать четвертого вечером он был здесь. О, тогда победа за мною, тогда я спасу его; в противном случае я ни за что не ручаюсь; он погибнет.

Памела *(в сторону в сильном волнении)*. Жюль! Погибнет! О нет, пусть лучше погибну я. Боже, прости меня! *(Вслух, восторженно.)* Ну, конечно же; он пришел двадцать четвертого, это был день моего ангела... Меня зовут Луиза-Памела... Он мне принес тайком от моих родителей букет цветов: он пришел вечером, поздно, и у меня... О, не беспокойтесь, сударь... видите, я скажу все... *(В сторону.)* Все, чего не было.

Дюпре. Он будет спасен...

На пороге показывается Руссо.

А, господин Руссо. *(Направляется к левой двери.)* Идите, идите благодарить свою избавительницу.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дюпре, Руссо, де Вербн, г-жа дю Брокар, г-жа Руссо, Жиро, г-жа Жиро; потом Жозеф и судебный пристав.

Все. Она согласна?

Руссо. Вы спасаете моего сына. Я этого никогда не забуду.

Г-жа дю Брокар. Мы всею душою, навек, будем преданы вам, дитя мое.

Руссо. Мое состояние будет к вашим услугам.

Дюпре. Я пока ничего не скажу вам, дитя мое. Мы еще увидимся.

Жозеф *(быстро выходит из чулана)*. Минутку! Одну минутку. Я все слышал... и вы думаете, что я потерплю это? Я спрятался вот тут. Вы хотите заставить Памелу, которую я любил так, что собирался жениться на ней, вы хотите заставить ее сказать... *(Обращается к Дюпре.)* И это так-то вы зарабатываете мои тысяча четыреста франков? Я тоже пойду в суд и заявлю, что все это ложь.

Все. Боже!

Дюпре. Безумец!

Де Вербн. Если ты скажешь хоть одно слово...

Жозеф. Меня не запугаете!

Де Вербй *(обращается к Руссо и г-же дю Брокар)*. В суд он не попадет! Если понадобится, я приставлю к нему людей, которые будут за ним следить и не пустят его на суд!

Входит судебный пристав.

Судебный пристав. Я судебный пристав окружного суда. Мадемуазель Памела Жиро!

Памела выступает вперед.

Господин председатель, на основании предоставленных ему полномочий, предлагает вам явиться в суд завтра, к десяти часам утра.

Жозеф *(к де Верби)*. О-о! Я тоже пойду.

Судебный пристав. Привратник сказал мне, что тут находится также господин Жозеф Бине.

Жозеф. Вот я!

Судебный пристав. Примите повестку.

Жозеф. Говорил же я вам, что буду на суде!

Судебный пристав уходит; все встревожены угрозами Жозефа. Дюпре пытается переговорить с ним, убедить его, но тот выходит, не слушая.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гостиная г-жи дю Брокар, живущей во дворе суда Сент-Шапель.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г-жа дю Брокар, г-жа Руссо, Руссо, Жозеф, Дюпре и Жюстина.

Дюпре сидит и просматривает дело.

Г-жа Руссо. Господин Дюпре!

Дюпре. Да, это я, сударыня. Я считал своим долгом лично ободрить вас и поэтому оставил на минуту вашего сына.

Г-жа дю Брокар. Ну вот, сестра, я ведь говорила, что нас не будут долго томить неизвестностью... Здание суда у меня под боком, и дома мы немедленно узнаем обо всем, что там происходит. Но присядьте же, господин Дюпре. *(Жюстине.)* Жюстина, подайте поскорее воды с сахаром! *(К Дюпре.)* Ах, сударь, мы вам так благодарны.

Руссо. Сударь, ваша речь... *(Жене.)* Господин Дюпре был просто великолепен.

Дюпре. Сударь...

Жозеф *(плачет)*. Да, вы были великолепны. Он был великолепен!

Дюпре. Не меня надо благодарить, а это милое дитя, Памелу, которая проявила столько мужества.

Жозеф. А я-то?

Г-жа Руссо *(к Дюпре, указывая на Жозефа)*. Значит, он не привел в исполнение свою угрозу?

Дюпре. Нет, Жозеф оказал вам услугу.

Жозеф. По вашей милости! Не будь вас... Да что! Я шел с твердым намерением спутать все ваши планы; но как увидел весь народ, председателя, присяжных, толпу, да и тишина жуткая... Я весь трепещу... однако решаю стоять на своем. Меня вызывают, я выхожу, чтобы отвечать, и тут вдруг встречаю взгляд мадемуазель Памелы... а глаза у нее полны слез. Чувствую, что у меня вот сюда подступило. С другой стороны, вижу господина Жюля... Красавец собою, держится гордо, хоть и стоит под ударом. С виду спокоен, будто из любопытства пришел. Вот я и расстроился... «Не бойтесь,— сказал мне председатель,— говорите». А я и сам не свой. А тут еще боюсь себя впутать... да ведь, кроме того, я дал присягу говорить правду... Как бы то ни было — вот господин Дюпре впивается в меня глазами, словно... словно хочет сказать... Не могу даже выразить... язык заплетается; меня бросает в пот, сердце щемит, и я, как болван, пускаюсь плакать. Вы были великолепны! Тут уж деваться некуда, сами понимаете... Он меня совершенно сбил с толку. Вот я и запутался. Я сказал, что вечером двадцать четвертого, в неурочный час, застал господина Жюля у Памелы... У Памелы, на которой я собирался жениться, которую я все еще люблю, так что если я теперь на ней женюсь, во всем околотке станут болтать... такое... А мне все равно, великий адвокат, мне все равно! *(Жюстине.)* Дайте мне воды с сахаром!

Руссо, г-жа Руссо и г-жа дю Брокар *(Жозефу)*. Друг мой! Молодчина!

Дюпре. Памела в своих показаниях так упорствует, что это дает мне надежду... Во время ее допроса была тяжелая минута; прокурор повел дело круто и

не желал верить в правдивость ее слов: она побледнела, я думал, она вот-вот упадет в обморок.

Жозеф. А я-то!

Дюпре. Она проявила редкую, величайшую самоотверженность. Вы и представить себе не можете, что она для вас сделала; она даже и меня ввела в заблужденье... она наговорила на себя, а ведь в действительности она невинна. О, я все это понял! Один только миг она словно заколебалась, но стоило ей бросить взгляд в сторону Жюля, и бледность ее сменилась внезапно румянцем, тут мы поняли, что она спасет его! Несмотря на грозившую ей опасность, она еще раз во всеуслышание повторила свое признание и, рыдая, упала на руки матери.

Жозеф. Да, золотое сердце, что и говорить!

Дюпре. Однако мне пора; заседание, вероятно, возобновилось: сейчас председатель должен делать резюме.

Руссо. Пойдемте.

Дюпре. Минуточку! Не забывайте Памелы, эта девушка пожертвовала честью ради вас, ради него!

Жозеф. Что касается меня — я ничего не прошу. Но как-никак мне кое-что было обещано...

Г-жа дю Брокар и г-жа Руссо. Ах, мы ваши неоплатные должники.

Дюпре. Отлично. Пойдемте, господа, пойдемте!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, кроме Дюпре и Руссо.

Г-жа дю Брокар *(останавливает уходящего Жозефа)*. Послушай!

Жозеф. Что прикажете?

Г-жа дю Брокар. Ты видишь, в какой мы тревоге, так дай же нам знать, как только появится малейшая надежда.

Г-жа Руссо. Да, сообщайте нам обо всем.

Жозеф. Будьте покойны... Я непременно хочу все видеть, все слышать. Но я могу общаться с вами, не уходя из суда: я сижу как раз вон у того окна, которое видно отсюда... Вы и смотрите все время на это окно, и если его помилуют — я помашу вам платком.

Г-жа Руссо. Смотрите не забудьте!

Жозеф. Не беспокойтесь; я малый простой, но хорошо понимаю, что значит мать. Я жалею вас, право. Ради вас, ради Памелы я таких вещей наговорил... Но что ж поделаешь, когда людей жалко... Да и... обещано мне кое-что было... Положитесь на меня. *(Убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г-жа Руссо, г-жа дю Брокар и Жюстина.

Г-жа Руссо. Жюстина, откройте окно и внимательно смотрите, не подаст ли этот молодой человек знак, как он нам обещал... Боже мой, а вдруг его осудят?

Г-жа дю Брокар. Господин Дюпре сказал, чтобы мы не теряли надежды.

Г-жа Руссо. Добрая, милая Памела... как нам отблагодарить ее?

Г-жа дю Брокар. Надо устроить ей счастливое будущее. Право, эта девушка послана нам самим небом. Только повинуясь сердцу, можно пойти на такую жертву. Мы должны обеспечить ее! Тридцать тысяч франков! Тридцать тысяч! Мы обязаны ей жизнью Жюля. *(В сторону.)* Останется ли он в живых, бедный мальчик? *(Оборачивается к окну.)*

Г-жа Руссо. Ну что, Жюстина?

Жюстина. Ничего нет, барыня.

Г-жа Руссо. Все еще ничего... О, ты права, сестра, только сердце может подсказать такой поступок. Не знаю, как мой муж и ты посмотрите на это... но чистая совесть и счастье Жюля должны быть на первом месте... И, несмотря на блестящую перспективу породниться с семейством де Верби, если Памела любит Жюля, если Жюль любит ее... Мне показалось, словно что-то мелькнуло...

Г-жа дю Брокар и Жюстина. Нет, нет.

Г-жа Руссо. Ах, что ж ты не отвечаешь, сестра? Она ведь вполне заслужила это, не правда ли? Постой, кажется, это она!

Обе женщины застывают на месте и, дрожа, берут друг друга за руки.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и де Верби.

Жюстина *(в глубине сцены)*. Господин де Верби.

Г-жа Руссо и г-жа дю Брокар. А!

Де Верби. Все идет хорошо! Мое присутствие там теперь не обязательно, и я решил побыть с вами. Все надеются, что ваш сын будет оправдан. В своем резюме председатель, видимо, склоняется к смягчению участи.

Г-жа Руссо *(радостно)*. О господи!

Де Верби. Жюль держался прекрасно! Мой брат, граф де Верби, весьма к нему расположен. Племянница моя считает его героем, а я... что и говорить, я умею ценить мужество и чувство чести... Как только это дело решится, мы поспешим со свадьбой.

Г-жа Руссо. Однако вы должны знать, сударь, что мы дали кое-какие обещания этой девушке.

Г-жа дю Брокар. Ах, оставь, сестра.

Де Верби. Разумеется, она заслуживает... Придется заплатить ей каких-нибудь тысяч пятнадцать — двадцать... Это вполне справедливо.

Г-жа дю Брокар. Вот видишь, сестра, раз господин де Верби, такой благородный, такой великодушный, думает, что эта сумма... Я считаю, что этого вполне достаточно.

Жюстина *(в глубине сцены)*. Вот барин.

Г-жа дю Брокар. Идет!

Г-жа Руссо. Муж идет!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Руссо.

Де Верби *(к Руссо)*. С добрыми вестями?

Г-жа Руссо. Оправдали?

Руссо. Нет... но говорят, что оправдают... Присяжные совещаются... Я не мог усидеть там, не хватает мужества... Я велел Антуану прибежать, как только приговор будет вынесен.

Г-жа Руссо. Мы и так обо всем немедленно узнаем; мы условились с этим... с Жозефом — он подаст нам условный знак в окно.

Руссо. А! Так смотрите же внимательней, Жюстина...

Г-жа Руссо. Но как Жюль? Он, верно, совсем исстрадался?

Руссо. О нет! Бедняга проявляет такую твердость, что я просто изумлен; жаль, что он не нашел своему мужеству лучшего применения, чем заговор. Поставить нас в такое положение! Я надеялся со временем стать председателем коммерческого суда!

Де Верби. Вы забываете, что скоро мы с вами породнимся, и это все же послужит для вас возмещением.

Руссо *(вспомнив.)* Ах, генерал! Когда я уходил, Жюля окружили все его друзья, а с ними господин Дюпре и эта девушка, Памела. Ваша племянница и госпожа де Верби, вероятно, заметили... Я рассчитываю, что вы, генерал, сумеете сгладить это впечатление.

Пока Руссо и генерал разговаривают, женщины стоят у окна, ожидая сигнала.

Де Верби. Будьте покойны! Жюль выйдет белее снега! Но очень важно найти приличное объяснение его истории с гризеткой... а то графиня де Верби, пожалуй, воспротивится браку. Надо сделать так, чтобы всякая видимость интрижки исчезла... чтоб осталась одна самоотверженность, купленная ценою золота.

Руссо. Разумеется, я исполню свой долг по отношению к этой девушке. Я дам ей тысяч восемь—десять. Мне кажется, это неплохо! Даже очень неплохо!

Г-жа Руссо *(ее успокаивает г-жа дю Брокар, но при последних словах мужа она вскрикивает)*. Ах, что вы! А ее честь?

Руссо. Ну, хорошо; мы ее выдадим замуж.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Жозеф.

Жозеф (*вбегает*). Сударь! Сударыня! Одеколона! Чего-нибудь! Пожалуйста!

Все. Что такое? Что случилось?

Жозеф. Ваш лакей ведет сюда мадемуазель Памелу!

Руссо. Но что случилось?

Жозеф. Когда вышли присяжные, с ней сделалось дурно. Родители ее стояли в толпе, в другом конце зала, и не могли к ней подойти... а я закричал так, что председатель выставил меня за дверь.

Г-жа Руссо. Но что же Жюль? Мой сын! Что решили присяжные?

Жозеф. Ничего не знаю. Я смотрел только на Памелу. Ваш сын — все это отлично, я ничего не говорю, но послушайте, я-то... Памела-то...

Де Верби. Однако по лицам присяжных ты мог бы понять.

Жозеф. А, да! У господина... У старшины присяжных... был такой печальный вид... такой строгий, что, думается мне...

Все в ужасе.

Г-жа Руссо. Мой бедный Жюль!..

Жозеф. Вот господин Антуан и мадемуазель Памела.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Антуан и Памела.

Памелу усаживают, все окружают ее, ей дают нюхать соль.

Г-жа дю Брокар. Милое дитя!

Г-жа Руссо. Дочь моя!

Руссо. Мадемуазель!

Памела. Я не выдержала. Столько переживаний!.. Жестокая неизвестность! Пока разбиралось дело, я черпала у господина Жюля его уверенность, его спокойствие. Я видела улыбку на его губах, и его надежды на счастливое будущее передавались мне. Но стоило мне только взглянуть на господина Дюпре, на его угрюмое, бесстрастное лицо... И сердце у меня сжималось... А когда раздался колокольчик, извещающий о выходе присяжных, когда я услышала, как по залу пронесся тревожный шепот... у меня уже не хватило сил, я покрылась холодным потом и упала.

Жозеф. А я закричал, и меня вытолкали за дверь.

Де Верби *(к Руссо)*. В случае неблагоприятного...

Руссо. Генерал!

Де Верби *(к Руссо и женщинам)*. Если явится

необходимость подать кассацию — можно ли опять рассчитывать на нее? *(Указывает на Памелу.)*

Г-жа Руссо. На нее? Конечно, я в этом вполне уверена.

Г-жа дю Брокар. Памела!

Руссо. Скажите... Вы проявили столько доброты, столько великодушия... Если нам еще раз понадобится ваша самоотверженность — подтвердите ли вы?..

Памела. Все до последнего слова, сударь! У меня только одна цель, одна-единственная мысль: спасти господина Жюля.

Жозеф *(в сторону)*. Ну и любит же она его! Ну и любит!

Руссо. Ах, все, чем я располагаю,— ваше.

Слышатся шум, крики. Все в ужасе.

Все. Что за шум? Какой крик!

Памела встает, дрожа. Жозеф подбегает к окну, где стоит Жюстина.

Жозеф. Целая толпа высыпала на подъезд. Бегут сюда.

Жюстина и Жозеф. Господин Жюль! Господин Жюль!

Руссо и г-жа Руссо. Сын мой!

Г-жа дю Брокар и Памела. Жюль! *(Бросаются ему навстречу.)*

Де Вербуа. Спасен!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Жюль, потом Дюпре; Жюля ведут мать и тетка; вслед за ними входят друзья Жюля.

Жюль *(бросается в объятия матери; сначала он не замечает Памелы, стоящей в углу рядом с Жозефом)*. Мама! Тетя! Милый папа! Вот я опять на свободе. *(К де Вербуа и друзьям, которые пришли вместе с ним.)* Господин де Вербуа и вы, друзья мои! Благодарю вас всех за участие!

Г-жа Руссо. Наконец-то он с нами, дитя мое! Я все еще не приду в себя от тревоги и от радости.

Жозеф *(Памеле)*. Ну, а вы? Он вам ничего не сказал! Он даже не замечает вас!

Памела. Замолчи, Жозеф, замолчи. *(Отступает в глубь сцены).*

Де Верби. Вы не только спасены, но вы еще поднялись во мнении всех, кто заинтересован этим делом. Вы проявили такое мужество, такую сдержанность... все это будет достойным образом оценено.

Руссо. Все вели себя превосходно! Антуан, ты просто молодец. Будешь служить у нас до конца своих дней.

Г-жа Руссо *(Жюлю).* Дай мне возможность поблагодарить твоего друга, господина Адольфа Дюранз.

Жюль представляет своего товарища.

Жюль. Да, но спасительница моя, мой ангел-хранитель,— это милая Памела! Как она прекрасно поняла и мое и свое положение! Какая самоотверженность! Ах, как забыть ее волнение, страх... она упала в обморок. Побегу...

Г-жа Руссо, которая с самого прихода Жюля не обращала ни на кого внимания, ищет глазами Памелу, замечает ее и подводит к сыну; тот вскрикивает.

О! Памела! Памела! Благодарность моя будет вечной!..

Памела. Господин Жюль! Я так счастлива!

Жюль. Теперь мы уж никогда не разлучимся! Не правда ли, мама? Она станет вашей дочерью.

Де Верби *(к Руссо, резко).* Моя невестка и племянница ждут ответа, вам нужно вмешаться, сударь... У этого юноши слишком восторженное, пылкое воображение. Так можно испортить всю карьеру... Это излишняя щепетильность... нелепое благородство...

Руссо *(в смущении).* Но ведь дело в том, что..

Де Верби. Вы дали мне слово.

Г-жа дю Брокар *(к Руссо).* Скажите же...

Жюль. Ах, ответьте, мама, и поддержите меня.

Руссо *(берет руку Жюля).* Жюль... Я никогда не забуду, что́ за услугу оказала нам эта девушка. Я понимаю, какие мысли подсказывает тебе чувство признательности; но, как тебе известно, мы дали графу де Верби слово: ты не должен легкомысленно жертвовать своим будущим. Тебя нельзя упрекнуть в недостатке решимости... ты доказал это... Юноше, который отважился

принять участие в заговоре, не так уж трудно выйти из создавшегося положения.

Де Верби (*стоя по другую сторону Жюля, обращается к нему*). Разумеется! Будущему дипломату не подобает такая нерешительность...

Руссо. К тому же моя воля...

Жюль. Отец!

Дюпре (*входя*). Жюль, мне и тут придется защищать вас.

Памела и Жозеф. Господин Дюпре!

Жюль. Друг мой!

Г-жа дю Брокар. Господин адвокат!

Дюпре. Так! Я уже перестал быть для вас «дорогим Дюпре».

Г-жа дю Брокар. Ах, нет, зачем же! Но прежде чем рассчитаться с вами, мы должны решить, как поступить с этой девушкой... и...

Дюпре (*сухо, прерывая ее*). Простите, сударыня...

Де Верби. Он все испортит!

Дюпре (*к Руссо*). Я все понял... Несмотря на свою опытность, я ошибся. Я никак не думал, что неблагодарность так близко следует за благодеянием... Может ли быть у людей столь богатых, каким будет ваш сын, может ли у таких людей быть иное желание, как только удовлетворить требованиям совести? Спасая Жюля, эта девушка покрыла себя позором. Сударь, тут честолюбивые замыслы должны отступить! Неужели состояние, которое вы приобрели столь достойным путем, сковало все ваши чувства, и один лишь расчет...(*Видит, что г-жа дю Брокар делает знаки Руссо.*) Прекрасно, сударыня. Здесь вы задаете тон. Убеждая господина Руссо, я совсем упустил из виду, что я уйду, а вы останетесь.

Г-жа дю Брокар. Мы связаны словом, которое дали графу де Верби и его супруге! Эта девушка на всю жизнь может рассчитывать на мою признательность; но не для того же она спасла моего племянника, чтобы испортить всю его будущность?

Руссо. В браке необходимо некоторое равенство. Со временем у сына моего будет восемьдесят тысяч ливров ренты.

Жозеф (*в сторону*). Это мне на руку,— я на ней женюсь. Но это не отец, а меняла какой-то.

Де Верби *(к Дюпре)*. Мне кажется, сударь, что нет слов выразить весь восторг перед вашим талантом и все уважение к вашему характеру. Память о вас будет свято храниться в семействе Руссо; но семейные дела должны обсуждаться без посторонних свидетелей... А что до меня, то я имею слово господина Руссо и требую, чтобы оно было выполнено. *(Жюлю.)* Поедемте, молодой друг, поедемте к моему брату! Племянница ждет вас. Завтра мы подпишем брачный контракт.

Памела без сил опускается в кресло.

Жозеф. Что с вами? Что с вами, мадемуазель Памела?

Дюпре и Жюль *(бросаются к ней)*. Боже!

Де Верби *(берет Жюля за руку)*. Едемте! Едемте!

Дюпре. Подождите. А то я останусь единственным ее защитником! Ведь еще не все кончено! Памела, наверно, будет арестована как лжесвидетельница. *(Хватает де Верби за руку.)* И всем вам тогда конец! *(Уводит Памелу.)*

Жозеф *(прячется за диван)*. Не говорите, что я здесь.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Кабинет Дюпре; книжные шкафы, по сторонам два письменных стола; окно с раздвигающимися шторами.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дюпре, Памела, Жиро и г-жа Жиро.

При поднятии занавеса Памела сидит в кресле и читает, мать ее стоит возле нее. Жиро разглядывает по стенам картины; Дюпре ходит взад и вперед крупными шагами; вдруг он останавливается.

Дюпре *(к Жиро)*. А когда вы шли сюда сегодня утром, приняли вы обычные меры предосторожности?

Жиро. О сударь, можете быть совершенно спокойны; идя сюда, я все время оглядываюсь. Ведь малейшая неосторожность может навлечь беду. Ты поддалась голосу сердца, дочка; но ложное показание — дело нехорошее, этим не шутят.

Г-жа Жиро. Еще бы! Смотри, Жиро: вдруг выследят тебя и догадаются, что наша бедная девочка находится здесь, что ее тут скрывает наш добрый господин Дюпре...

Дюпре *(в сторону)*. Так! Так! *(Продолжает быстро шагать по комнате.)* Что за неблагодарность! Ведь семейство Руссо не знает того, что я сделал... Все уверены, что Памела арестована, но никто и не думает побеспокоиться о ней... Жюля отослали в Брюссель... Генерал де Верби живет в деревне, а господин Руссо как ни в чем не бывало делает дела на бирже... Деньги, честолюбие... вот что ими движет... У них чувства не ценятся ни во что... Все они рвутся к золотому тельцу... и за деньги готовы плясать перед этим кумиром... они слепнут, как только завидят его.

Памела *(следившая за ним взглядом, встает и подходит к нему)*. Господин Дюпре, вы взволнованы... вы чем-то огорчены? Боюсь, не из-за меня ли опять?

Дюпре. Неужели вы сами не возмущены, как я, отвратительным себялюбием этих людей? Ведь они отбросили вас, словно уже ненужное орудие, как только сын их оказался вне опасности...

Памела. Но что поделаешь, сударь?

Дюпре. Милое дитя! И вы совсем не чувствуете горечи в душе?

Памела. Нет, сударь. Я счастливее их всех; я сделала, думается мне, доброе дело.

Г-жа Жиро *(целует Памелу)*. Бедная добрая моя девочка!

Жиро. Я горжусь ею!

Дюпре *(быстро подходит к Памеле)*. Мадмуазель, вы — безупречная девушка. Я знаю это лучше, чем кто-либо. Именно я пришел к вам просить, чтобы вы сказали всю правду, и вы, такая благородная, такая чистая, согласились запятнать себя. А теперь от вас отворачиваются, вас не признают. Зато я восхищаюсь вами. И вы будете счастливы, ибо я все исправлю, Памела! Мне сорок восемь лет, я пользуюсь некоторой известностью, располагаю большим состоянием; я всю жизнь был честным человеком и не сойду с этого пути. Хотите стать моей женою?

Памела *(в сильном волнении)*. Я, сударь?

Жиро. Его женою! Наша дочка! Слышишь, старуха?

Г-жа Жиро. Статочное ли это дело?

Дюпре. Чему вы удивляетесь? О, не нужно лишних слов. Вы только прислушайтесь к тому, что подскажет вам сердце... Скажите прямо: «да» или «нет». Хотите стать моею женой?

Памела. Какой вы чудесный человек, господин Дюпре! Ведь это я обязана вам всем... а вдруг вы сами пожелали... О, моя признательность...

Дюпре. Не произносите этого слова, оно все испортит. Свет я презираю. Я отнюдь не обязан отдавать ему отчет в моем поведении, в моих чувствах. С тех пор как я стал свидетелем вашего мужества, вашей покорности судьбе, я полюбил вас. Постарайтесь и вы полюбить меня.

Памела. О да, да, сударь!

Г-жа Жиро. Как не полюбить вас?

Жиро. Сударь, я всего лишь бедный привратник... да теперь я даже и того места лишился. Вы любите нашу дочь, вы сами сказали это сейчас... Простите меня... у меня слезы на глазах... голос прерывается... *(Утирает слезы.)* Так вот, это очень хорошо, что вы полюбили ее... значит, вы человек умный... потому что Памела... И среди домовладельцев немногие могут похвастаться этакою дочкой. Только вот зазорно ей иметь таких родителей, как мы с женой.

Памела. Папа!

Жиро. Вы лучший в мире человек. Ну, так уж мы с женою куда-нибудь схоронимся, правда ведь, старуха? Где-нибудь в деревне. А по воскресеньям, когда зазвонят к обедне, вы вспомните о нас и подумаете: «Они там молят господа бога за меня... и за свою дочь».

Памела обнимает родителей.

Дюпре. Славные люди! Вот у таких-то не бывает ни титулов, ни состояний... Вы скучаете по своей деревне... Ну что ж, вы вернетесь туда, будете жить там счастливо, спокойно... Я все устрою

Жиро и г-жа Жиро. О, мы так благодарны...

Дюпре. Опять... Этим словом вы накличете беду... Я вычеркиваю его из словаря! А пока что вы поедете ко мне в поместье. Идите... и приготовьтесь.

Ж и р о. Господин адвокат!

Д ю п р е. Что такое?

Ж и р о. Да ведь бедняге Жозефу Бине тоже угрожает опасность. Он не знает, что мы с дочерью здесь; дня три тому назад он пришел к вашему лакею и пришел в таком виде, что на него страшно смотреть было, а так как здешний дом сам бог охраняет, то Жозефа и спрятали тут на чердаке.

Д ю п р е. Позовите его!

Ж и р о. Он, сударь, не выйдет, очень уж он боится, что его заберут... Ему даже еду в щелку просовывают.

Д ю п р е. Скоро, надеюсь, он сможет выйти на свободу... Я жду одного письма, которое всех нас, вероятно, успокоит.

Ж и р о. Что ж, значит, можно его успокоить?

Жена провожает его и о чем-то говорит, видно, дает ему советы; затем она выходит в левую дверь. Памела направляется вслед за нею.

Д ю п р е. Нет, подождите... до вечера.

Ж и р о *(жене)*. Пойду домой; да ты не бойся, я аккуратно.

Д ю п р е *(останавливая Памелу)*. А этого... Жозефа... вы не любите?

П а м е л а. О нет, ничуть!

Д ю п р е. А того?

П а м е л а *(сдерживает мимолетное волнение)*. Я буду любить только вас... *(Направляется к двери.)*

Из передней слышится шум. Появляется Ж ю л ь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

П а м е л а, Д ю п р е и Ж ю л ь.

Ж ю л ь *(слугам)*. Говорю вам, пустите! Мне надо с ним повидаться. *(Заметив Дюпре.)* Ах, сударь! Скажите, что с Памелой? На свободе ли она, спасена ли?

П а м е л а *(стоя в дверях)*. Жюль!

Ж ю л ь. Боже! Вы здесь мадмуазель?

Д ю п р е. А я считал, что вы в Брюсселе!

Ж ю л ь. Да, они насильно заставили меня уехать, и я подчинился! Я воспитан в повиновении и трепещу

перед родителями. Но я увез с собою воспоминания. Полгода тому назад, сударь, когда я еще не знал ее... я поставил на карту свою жизнь, чтобы добиться руки мадмуазель де Верби, я хотел удовлетворить их честолюбие, да, если хотите, и свое собственное тщеславие. Я, сын разбогатевшего коммерсанта, надеялся в один прекрасный день стать дворянином. Но я встретился вот с нею и полюбил ее. Остальное вам известно. То, что было просто чувством, стало теперь долгом, и, по мере того как я удалялся от нее, я сознавал, что послушание мое — низость, а когда они успокоились, думая, что я далеко, я вернулся. Она была арестована, вы же сами говорили,— а я бы вдруг уехал! *(Обращается к обоим.)* И даже не попрощавшись с вами, моим спасителем, который теперь спасет ее!

Дюпре *(смотрит на них)*. Хорошо! Отлично! Вот это порядочный человек! Наконец-то нашелся хоть один!

Памела *(в сторону, утирая слезы)*. Благодарю тебя, боже!

Дюпре. На что же вы надеетесь? Чего хотите?

Жюль. Чего хочу? Я хочу разделить ее судьбу. Погибнуть вместе с нею, если надо. А если господь нам поможет, сказать ей: «Памела, хочешь быть моею?»

Дюпре. Ах, черт возьми, черт возьми!.. Тут только одно маленькое затруднение: дело в том, что я женюсь на ней.

Жюль *(очень удивлен)*. Вы?

Дюпре. Да, я.

Памела стоит, потупившись.

У меня нет семьи, и никто противиться не будет.

Жюль. Я уговорю своих.

Дюпре. Вас отошлют в Брюссель.

Жюль. Побегу сейчас к матери. Я буду решителен! Пусть я лишусь отцовского благоволения, пусть тетка лишит меня наследства — я не уступлю. В противном случае я буду недостойным, бездушным человеком. Но тогда... могу ли я рассчитывать?..

Дюпре. Вы это у меня спрашиваете?

Жюль. Памела, ответьте, умоляю вас.

Памела *(к Дюпре)*. Я дала вам слово, сударь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и слуга; он подает Дюпре визитную карточку.

Дюпре *(смотрит на карточку; очень удивлен)*. Как? *(Жюлю.)* Где сейчас находится генерал де Верби? Вам это известно?

Жюль. В Нормандии, у своего брата, графа де Верби.

Дюпре *(смотрит на карточку)*. Хорошо... Попросите свою мать прийти сюда.

Жюль. Итак, вы мне обещаете?..

Дюпре. Ничего не обещаю.

Жюль. Прощайте, Памела. *(В сторону, уходя.)* Я еще вернусь!

Дюпре. *(после ухода Жюля оборачивается к Памеле)*. А вы хотите, чтобы он вернулся?

Памела *(в сильном волнении бросается в его объятия)*. Ах, сударь!.. *(Уходит.)*

Дюпре *(смотрит ей вслед и смахивает слезу)*. Признательность... вот и верь в нее! *(Отворяет потайную дверцу.)* Входите, сударь, входите.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дюпре и де Верби.

Дюпре. Как, генерал, вы здесь? А мы-то думали, что вы за триста лье от Парижа?

Де Верби. Я приехал сегодня утром.

Дюпре. По-видимому, какое-нибудь неотложное дело?..

Де Верби. Оно не касается меня непосредственно, но все же я не мог остаться безучастным... Надеюсь, вы мне поможете.

Дюпре. Чрезвычайно рад, генерал, услужить вам.

Де Верби. Господин Дюпре, обстоятельства при которых мы столкнулись, позволили мне оценить вас. Я лишь очень немногих уважаю за талант и за душевные качества, и среди этих немногих вы занимаете одно из первых мест...

Дюпре. Ах, сударь, в ответ на это мне придется заявить вам, что вы, бывший офицер императорской армии, являетесь для меня воплощением той славной эпохи

благодаря своей честности, храбрости, независимости... *(В сторону.)* Надеюсь, теперь мы квиты!

Де Верби. Итак, я могу рассчитывать на вас?

Дюпре. Вполне.

Де Верби. Мне нужны кое-какие сведения о девице Памеле Жиро.

Дюпре. Я так и знал!

Де Верби. Семейство Руссо вело себя недостойно.

Дюпре. А вы поступили бы лучше?

Де Верби. Я хотел бы помочь ей. Кажется, ее обвиняют в лжесвидетельстве?

Дюпре. Но ведь это имеет для вас так мало значения.

Де Верби. Разумеется... Однако...

Дюпре *(в сторону)*. Он думает, что я проболтаюсь, и надеется таким путем выведать, не будет ли он сам замешан. *(Вслух.)* Генерал! Есть люди, в намерения и мысли коих проникнуть невозможно. Только поступки этих людей, только события могут раскрыть или объяснить их; это люди сильные. Простите меня за откровенность, но я не причисляю вас к ним.

Де Верби. Сударь, ваши слова... Странный вы человек!

Дюпре. Больше того! Я считаю себя человеком оригинальным. Послушайте... Вы говорите тут намеками и как будущий посланник хотите поупражняться на мне в дипломатических тонкостях; вы выбрали для этого неудачный объект, и я вам сейчас сам скажу то, что вы рассчитываете от меня скрыть. Будучи человеком тщеславным, но осторожным, вы стали во главе заговора. Когда заговор не удался, то, не заботясь о тех, за чью спину вы спрятались, и торопясь сделать карьеру, вы перешли на другую дорожку. Это доказывает вашу храбрость. Став ренегатом, вы признали и начали славословить новую власть,— это доказывает вашу независимость. Теперь вы ждете награды. Вы назначены послом в Турин. Через месяц вы получите верительные грамоты. Но Памела арестована, вас видели у нее, вы можете быть замешаны в процессе о даче ложных показаний. И вот вы бежите ко мне, дрожа перед разоблачением, боясь утратить благоволение высших сфер, стоившее вам стольких усилий. Вы являетесь ко мне с заискива-

ющим видом, с медоточивыми речами и рассчитываете одурачить меня,— и это доказывает вашу честность. Ну что ж, ваши опасения вполне основательны... Памела находится в руках правосудия, она во всем созналась.

Де Верби. Как же быть?

Дюпре. Выход есть. Напишите Жюлю, что вы освобождаете его от данного им слова. Пусть и мадмуазель де Верби откажется от своего обещания.

Де Верби. Мыслимо ли это?

Дюпре. Вы ведь считаете, что семейство Руссо вело себя непорядочно... Значит, вы должны презирать их.

Де Верби. Да, но, знаете ли... Обязательства...

Дюпре. Я знаю другое: ваше личное состояние не соответствует тому положению, которого вы добиваетесь. Госпожа дю Брокар, женщина тщеславная и богатая, должна прийти вам на помощь, если этот брак...

Де Верби. Сударь... подобное оскорбление...

Дюпре. Так ли это или нет — исполните то, о чем я вас прошу! При этом условии я постараюсь устроить, чтобы вы не были замешаны... Но только — напишите. А то выпутывайтесь как знаете... Простите... сюда идут клиенты.

Де Верби. Я не хочу ни с кем встречаться. Я считаюсь в отъезде... Даже семейство Жюля...

Слуга (*докладывает*). Госпожа дю Брокар.

Де Верби. О, боже! (*Быстро проходит в комнату направо.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дюпре и г-жа дю Брокар, входит под густою вуалью, которую затем осторожно приподымает.

Г-жа дю Брокар. Я уже несколько раз приезжала к вам, но мне все не удавалось застать вас дома... Мы одни, не правда ли?

Дюпре (*улыбаясь*). Совершенно одни.

Г-жа дю Брокар. Итак, сударь... это ужасное дело начинается сызнова?

Дюпре. К сожалению.

Г-жа дю Брокар. Злосчастный юноша! Если бы я не потратила столько сил на его воспитание, я лиши-

ла бы его наследства. Я совершенно потеряла покой, сударь. Представьте себе только: мне, заслужившей всеобщее уважение своими взглядами, своим образом жизни,— и мне быть вновь запутанной в это дело? На сей раз меня могут привлечь за то, что я вела переговоры с этими Жиро...

Дюпре. Что ж тут удивительного? Именно вы соблазняли, подговаривали Памелу!

Г-жа дю Брокар. Ах, сударь, вот уж правда, что есть люди, с которыми лучше не иметь никаких дел. Бонапартист... человек без совести!.. Без чести!

Подслушивающий де Верби делает негодующий жест и снова прячется.

Дюпре. А вы, кажется, относились к нему с таким уважением.

Г-жа дю Брокар. Его семья — семья почтенная. Это превосходная партия... И я мечтала о блестящем будущем для моего племянника...

Дюпре. Вы забываете привязанность генерала к вам, его бескорыстие.

Г-жа дю Брокар. Его привязанность! Его бескорыстие! У генерала не осталось ни гроша, а я обещала ему сто тысяч франков, как только брачный договор будет подписан.

Дюпре (*громко покашливает, обернувшись в сторону де Верби*). Гм, гм.

Г-жа дю Брокар. Я и пришла к вам по секрету. Я доверяю вам, хоть господин де Верби и утверждает, что вы человек бездарный... Он говорил мне о вас бог знает что... А все же я пришла просить вас выручить меня... Я заплачу вам... сколько хотите.

Дюпре. Прежде всего я хочу, чтобы вы обещали своему племяннику, на ком бы он ни женился, ту сумму, которая ему предназначалась в случае его брака с мадмуазель де Верби.

Г-жа дю Брокар. Позвольте! Как это — на ком бы он ни женился?

Дюпре. Дело ваше — решайте!

Г-жа дю Брокар. Но я должна знать...

Дюпре. В таком случае — выпутывайтесь сами.

Г-жа дю Брокар. Но это значит воспользоваться моим трудным положением! Ах, боже мой! Кто-то идет.

Дюпре (*смотрит в другую комнату*). Это кто-то из ваших родственников.

Г-жа дю Брокар (*осторожно заглядывает*). Господин Руссо. Зять. Зачем он пришел? Он обещал мне, что будет держаться стойко...

Дюпре. Ведь и вы обещали! В вашей семье много обещают, но обещаний не сдерживают.

Г-жа дю Брокар. Хорошо бы послушать их разговор.

Входят супруги Руссо; г-жа дю Брокар прячется за портьеру слева.

Дюпре (*смотрит ей вслед*). Так, так! Если и эти вздумают прятаться — уж не знаю, куда их деть.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дюпре, Руссо и г-жа Руссо.

Руссо. Сударь, мы в отчаянии. Госпожа дю Брокар, моя свояченица, явилась сегодня к моей жене и наговорила ей таких вещей...

Г-жа Руссо. Господин Дюпре, я в ужасе...

Дюпре (*пододвигает ей кресло*). Позвольте, сударыня...

Руссо. По ее словам, наш сын снова в опасности.

Дюпре. Так оно и есть.

Руссо. Я больше не могу. За три месяца, пока длилось это злополучное дело, я постарел на десять лет. Я пожертвовал прекрасными спекуляциями, выгоднейшими сделками — все это ушло в другие руки... Наконец дело уладилось... Теперь, когда я уже считал, что все позади, мне опять приходится бросать дела и тратить драгоценное время на хлопоты, ходатайства...

Дюпре. Мне вас искренне жаль! Ах, как мне вас жаль!

Г-жа Руссо. Однако не могу же я...

Руссо. Во всем этом виноваты вы! Ваше семейство! Госпожа дю Брокар, столь гордая своею дворянской фамилией, вначале звала меня просто «дорогой Руссо», а когда мое состояние достигло ста тысяч капиталу...

Дюпре. Что ж, это — неплохое украшение!

Руссо. Из тщеславия, из гордости она бросилась на шею господину де Верби.

Де Верби и г-жа дю Брокар подслушивают.

Хороша пара, нечего сказать! Прекрасные люди! Генерал, обивающий пороги приемных...

Де Верби поспешно прячет голову.

и старая ханжа.

Г-жа дю Брокар тоже прячет голову.

Г-жа Руссо. Сударь, ведь она мне все-таки сестра.

Дюпре. Вы заходите уж слишком далеко!

Руссо. Да вы их не знаете! Господин Дюпре, я еще раз обращаюсь к вашей помощи... Вероятно, начнется новое следствие. Что сталось с этой девчонкой?

Дюпре. Эта девчонка — моя жена.

Руссо и г-жа Руссо. Ваша жена!

Де Верби и г-жа дю Брокар. Его жена!

Дюпре. Да, я женюсь на ней, как только ее освободят... Если, конечно, она не станет женою вашего сына...

Руссо. Женою моего сына!

Г-жа Руссо. Что он говорит?

Дюпре. А что же тут такого? Это вас удивляет? Вам все-таки следует свыкнуться с этой мыслью... Ибо этого-то я и требую.

Руссо (*насмешливо*). Ах, господин Дюпре. Не то чтоб я так уж дорожил мадмуазель де Верби... племянницей человека с подмоченной репутацией.... Это дура госпожа дю Брокар ратовала за мадмуазель де Верби... Но дочь привратника — это уж слишком.

Дюпре. Он уже не привратник, господин Руссо.

Руссо. Как так?

Дюпре. Из-за вашего сына он лишился места и уезжает теперь в деревню, где будет жить на ренту...

Руссо настораживается.

которую вы ему определите...

Руссо. А, вы все шутите!

Дюпре. Ничуть. Ваш сын женится на их дочери. И вы дадите им пенсию.

Руссо. Сударь!..

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Жозеф, входит бледный, растрепанный.

Жозеф. Господин Дюпре! Господин Дюпре! Спасите меня!

Все трое. Что такое? Что случилось?

Жозеф. Солдаты! Солдаты верхом! Приехали за мною!

Дюпре. Замолчи! Замолчи!

Все в ужасе; Дюпре в тревоге смотрит на дверь комнаты, где спрятана Памела. Обращается к Жозефу.

За тобою?

Жозеф. Я собственными глазами видел солдата! Слышите? Идут сюда! Спрячьте меня! Спрячьте меня! *(Направляется к комнате направо.)*

Оттуда с возгласом «А!» выходит де Верби, Жозеф бежит к портьере; из-за нее с криком «Боже!» выскакивает г-жа дю Брокар.

Г-жа Руссо. Сестра!

Руссо. Генерал!

Отворяется дверь.

Жозеф *(падая на стул, в глубине сцены)*. Все мы попались.

Слуга *(входит и докладывает Дюпре)*. Нарочный от министра юстиции.

Жозеф. Юстиции? Это насчет меня!

Дюпре (*со значительным видом подходит к супругам Руссо, к г-же дю Брокар и к де Верби, стоящим на авансцене)*. Теперь побудьте вчетвером, без посторонних свидетелей. Вы так любите друг друга, так друг друга уважаете... Подумайте о моих словах: вы не оценили той, кого вы принесли в жертву. Она унижена ради вас, унижена вами... Ваша обязанность загладить вину... Сегодня... сейчас же... тут же... И тогда мы спасем вас всех... если вы того заслуживаете.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, кроме Дюпре.

Некоторое время стоят в замешательстве, не зная, как выйти из положения.

Жозеф (*приближаясь*). Попались мы, голубчики! *(К де Верби.)* Послушайте... когда нас посадят в тюрьму, вы позаботитесь обо мне?.. На сердце у меня тяжело, а в кармане пусто. *(Де Верби повертывается к нему*

спиною. *Обращается к Руссо.)* Послушайте... ведь мне было кое-что обещано... *(Руссо, не отвечая, отходит от него. Жозеф обращается к г-же дю Брокар.)* Послушайте, ведь мне было кое-что обещано.

Г-жа дю Брокар. Хорошо!

Г-жа Руссо. Но почему вы в таком страхе? И почему вы здесь?.. Значит, вас разыскивают?

Жозеф. Вовсе нет! Вот уже четыре дня я в этом доме прячусь на чердаке, словно какая-то букашка.. Я пришел оттого, что дядюшка Жиро с женою исчезли из дому, их забрали... Памела тоже сгинула... Она, как видно, сидит в тюрьме. Что и говорить, мне совсем не хочется подвергать себя опасности: я наврал правосудию, это правда. Если меня осудят, я все расскажу, как было, лишь бы оправдаться; я всех выдам!

Де Верби *(резко)*. Ничего не поделаешь! *(Садится за стол и начинает писать.)*

Г-жа дю Брокар. О Жюль! Жюль! Злосчастный ребенок! Он всему виною!

Г-жа Руссо *(мужу)*. Разве вы не видите? Все вы в руках этого человека! Надо соглашаться.

Де Верби встает; его место занимает г-жа дю Брокар и тоже пишет.

Г-жа Руссо *(мужу)*. Друг мой, умоляю вас!

Руссо *(решившись)*. Черт возьми! Почему не пообещать этому проклятому адвокату все, что ему будет угодно; ведь Жюль-то в Брюсселе.

Отворяется дверь, Жозеф вскрикивает; входит Дюпре.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Дюпре; потом Жиро и г-жа Жиро.

Дюпре. Так как же?

Г-жа дю Брокар вручает ему письмо, которое он требовал; то же делает де Верби; Руссо смотрит на него.

Наконец-то!

Де Верби бросает на Дюпре и на родственников Жюля яростный взгляд и поспешно уходит.

Дюпре *(обращаясь к Руссо)*. А вы, сударь?

Руссо. Я предоставляю своему сыну полную свободу.

Г-жа Руссо. О друг мой!

Дюпре *(в сторону)*. Он думает, что Жюль за границей.

Руссо. Но ведь Жюль в Брюсселе, его еще надо вызвать.

Дюпре. Совершенно верно! Разумеется, я не могу требовать, чтобы сию же минуту... здесь... раз он там... Это было бы бессмысленно.

Руссо. Конечно! Надо подождать.

Дюпре. Пока он не вернется.

Руссо. Конечно, пока не вернется. *(В сторону.)* А уж я позабочусь о том, чтобы он там задержался.

Дюпре *(направляется к двери налево)*. Выходите... выходите, молодой человек, и благодарите ваших родственников. Они на все согласны.

Г-жа Руссо. Жюль!

Г-жа дю Брокар. Племянник!

Жюль. Возможно ли?

Дюпре *(бежит к другой комнате)*. Выходите и вы, Памела... Дитя мое... Дочка моя... Поцелуйте вашего жениха.

Жюль бросается к ней.

Г-жа дю Брокар *(к Руссо)*. Как же это так?

Дюпре. Она не была арестована. И не будет! У меня нет титула. У меня нет брата камергера... зато я пользуюсь некоторым влиянием. Ее самопожертвование возбудило участие к ней... дело прекращено... Об этом-то и сообщил мне сейчас министр юстиции, а этот простофиля принял курьера за целый полк солдат.

Жозеф. Из слухового окна не очень-то разглядишь.

Г-жа дю Брокар. Сударь, вы поймали нас в ловушку; я беру свое обещание назад.

Дюпре. А я оставлю при себе ваше письмо. Желаете затеять судебный процесс? Хорошо, я выступлю на суде.

Жиро и г-жа Жиро *(подходят)*. Господин Дюпре!

Дюпре. Довольны вы мною?

Тем временем Жюль и его мать уговаривают Руссо согласиться; Руссо колеблется, но в конце концов целует в лоб Памелу, которая, дрожа, приблизилась к нему.

Дюпре подходит к Руссо и, видя, что тот целует Памелу, протягивает ему руку.

Вот и хорошо! *(Жюлю вопросительно.)* Надеюсь, она будет счастлива?

Жюль. Ах, друг мой!

Памела целует руку Дюпре.

Жозеф *(к Дюпре)*. Послушайте, сударь, а ведь какой же я дурак! И не говорите! Он на ней женится... а я расчувствовался... Неужели на мою долю так-таки ничего и не достанется?

Дюпре. Как можно! Я дарю тебе весь мой гонорар за ведение этого дела.

Жозеф. О! Можете рассчитывать на мою признательность!

Дюпре. Я предпочел бы расписку.

ДЕЛЕЦ

Комедия в пяти действиях.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Огюст Меркаде, делец.
Г-жа Меркаде.
Жюли, их дочь.
Адольф Минар, бухгалтер.
Мишонен де ла Брив, молодой франт.
Де Мерикур, молодой человек.
Бредиф, домовладелец.
Бершю, биржевой заяц.
Верделен, друг Меркаде.
Гуляр, коммерсант, кредитор Меркаде.
Пьеркен, ростовщик, кредитор Меркаде.
Виолет, деловой посредник, кредитор Меркаде.
Жюстен, лакей.
Тереза, горничная.
Виржини, кухарка.

Действие происходит в 1839 году. Сцена представляет гостиную Меркаде.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бредиф, потом Меркаде.

Бредиф. Квартира в одиннадцать комнат, в самом центре Парижа, на улице Грамон! И всего за две с половиной тысячи! На этом деле я теряю по три тысячи в год... И так с самой Июльской революции! Ах, главное неудобство революций — это резкое падение квартирной

платы, которая... Нет, не следовало мне заключать контракта в тысяча восемьсот тридцатом году! К счастью, Меркаде не платит за квартиру уже полтора года, мебель описана, а если продать ее...

Меркаде (*слышавший последние слова*). Продать мою мебель! Вы и встали-то, должно быть, спозаранку только для того, чтобы насолить своему ближнему?

Бредиф. Боже упаси, какой же вы мне ближний, господин Меркаде? Вы весь в долгах, а я никому ни гроша не должен. Я в своем собственном доме, а вы — мой жилец.

Меркаде. Да, равенство было и останется пустым звуком! Мы так и будем вечно разбиты на две касты: на должников и кредиторов, которых так остроумно прозвали англичанами. Ну, будьте же французом, дорогой господин Бредиф,— и помиримся на этом!

Бредиф. Я предпочел бы помириться на получении денег, дорогой господин Меркаде.

Меркаде. Из всех моих кредиторов вы один располагаете залогом... так сказать, реальным залогом. В течение полутора лет вы тщательнейшим образом, вещь за вещью, описали всю мою обстановку. Она даст вам не менее пятнадцати тысяч, а посему квартирную плату за два года я буду должен лишь... через четыре месяца.

Бредиф. А проценты? Значит, пропадают?

Меркаде. Добивайтесь через суд. Я не буду противодействовать.

Бредиф. Дорогой мой господин Меркаде, я ведь спекуляциями не занимаюсь. Я довольствуюсь своими доходами; подумайте-ка, если бы все жильцы мои были вроде вас... Да что тут толковать. Довольно я терпел...

Меркаде. Как, дорогой господин Бредиф? Неужели у вас действительно хватит жестокости выгнать меня? Я живу у вас уже одиннадцать лет! Вы знаете все мои горести, вы видели, как я бился... Наконец, для вас не секрет, что я стал жертвой мошенничества, что Годо...

Бредиф. Уж не собираетесь ли вы еще раз изложить историю бегства вашего компаньона? Мне она известна и всем вашим кредиторам тоже. Кроме того, господин Годо...

Меркаде. Годо! Ах, когда стали выводить в романах знаменитого Робера Макэра, я было подумал, уж не списали ли его авторы с Годо.

Бредиф. Не оговаривайте зря своего компаньона! Годо был человек редкостной энергии и к тому же умел пожить! Состоял в связи с милой женщиной... просто прелестной...

Меркаде. Прижил от нее ребенка и бросил его...

Бредиф. Так ведь Дюваль, ваш бывший кассир, внял мольбам очаровательной дамы и взял юношу к себе.

Меркаде. А Годо взял себе нашу кассу.

Бредиф. Он позаимствовал у вас полтораста тысяч франков... силою, правда, но зато оставил вам все прочие ценности... и вы могли продолжать дела... А за восемь лет вы добились многого. На вашей стороне победа...

Меркаде. Пиррова победа! Для нас, деловых людей, это не в диковинку.

Бредиф. Но ведь господин Годо обещал принять вас равноправным компаньоном в дело, которое он намерен основать в Индии. Он вернется...

Меркаде. В таком случае подождите. Ведь сверх квартирной платы вы получите еще и проценты,— чем же плохое помещение капитала?

Бредиф. Ваши доводы весьма убедительны. Но если бы домовладельцы стали слушать своих жильцов, то жильцы расплачивались бы одними посулами, однако правительство...

Меркаде. При чем тут правительство?

Бредиф. Правительство требует уплаты налогов, от него посулами не отделаешься. А потому я, к великому моему сожалению, вынужден действовать решительно.

Меркаде. Не может быть! А я-то считал вас таким добряком! Разве вы не знаете, что я выдаю дочь замуж? Дайте устроить свадьбу, я вас приглашу... хорошо? Супруга ваша потанцует... Может быть, я завтра же рассчитаюсь с вами!

Бредиф. То завтра, а то сегодня. Мне отнюдь не хочется вспугнуть вашего зятька... Однако третьего дня вы, кажется, получили некоторую сумму, и если вы не заплатите мне нынче же,— завтра будут назначены торги...

Меркаде. Значит, вы намерены продать мне свое благодеяние, ибо с помощью этой описи вы обезвреживаете остальных моих кредиторов. Так сколько же вы желаете за трехмесячную отсрочку?

Бредиф. Строгая щепетильность, пожалуй, возроптала бы против такого сообщничества, пусть невольного, ибо я помогаю вам вводить в заблуждение...

Меркаде. Кого?

Бредиф. Вашего будущего зятя.

Меркаде *(в сторону)*. Экий плут!

Бредиф. Но я человек добрый, откажитесь от права сдавать квартиру от себя — и я на три месяца оставлю вас в покое.

Меркаде. Человек в беде, словно ломоть хлеба, брошенный в рыбный садок: каждая рыба норовит урвать себе кус. А кредиторы — настоящие щуки. И угомонятся они только тогда, когда сам должник исчезнет, как кусочек хлебца. Сейчас как будто тысяча восемьсот тридцать девятый год. Следовательно, контракту моему осталось еще семь лет; квартирная плата теперь удвоилась...

Бредиф. К счастью для нас.

Меркаде. Итак, через три месяца вы меня выгоните, и жена моя лишится права сдать квартиру, на что она рассчитывает в случае...

Бредиф. Банкротства!

Меркаде. Что за выражение! Порядочные люди его просто слышать не могут! Знаете ли вы, господин Бредиф, что́ развращает даже самых честных должников? Сейчас скажу: развращает их коварная ловкость иных кредиторов, которые готовы всячески обходить законы, чуть ли не воровать, лишь бы вернуть хоть жалкие гроши...

Бредиф. Сударь, я явился к вам за деньгами, а не за рассуждениями, нестерпимыми для человека честного.

Меркаде. О, долги! Люди считают, что долги чуть ли не хуже преступления... Но преступление хоть дает вам казенный кров, а долг выкидывает вас вон, на улицу. Я заблуждался, сударь. Действуйте, как знаете. Я откажусь от права сдавать комнаты.

Бредиф *(в сторону)*. Согласись он по доброй воле, я пощадил бы его. Но заявить прямо в глаза, что я ему

продаю... *(Вслух.)* Сударь, подобное согласие меня не удовлетворяет... Не такой я человек, чтобы мучить других.

Меркаде. Вы хотите, чтобы я вас еще и благодарил? *(В сторону.)* Не стоит его сердить. *(Вслух.)* Быть может, я погорячился, дорогой господин Бредиф, но меня так жестоко преследуют! И ни один из моих кредиторов не желает понять, что борюсь я именно для того, чтобы иметь возможность расплатиться с ним.

Бредиф. То есть чтобы иметь возможность вести дела...

Меркаде. Не спорю, сударь! Что сталось бы со мною, если бы я лишился права бывать на бирже?

В дверях показывается Жюстен.

Бредиф. Покончим же с делом...

Меркаде. Ради бога ни слова при слугах. Я и так с трудом поддерживаю порядок в доме... Спустимся к вам.

Бредиф *(в сторону)*. Итак, через три месяца квартира моя.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жюстен, потом Виржини и Тереза.

Жюстен. Экий бедняга господин Меркаде! Как ни барахтайся — все равно потонет! Хоть и прибыльно служить у господ, попавших в беду, однако теперь самое время уходить, то есть добиться, чтобы тебя выгнали вон; ведь мне не платят жалованье целый год. А домовладелец, кажется, собирается вытурить нас всех на улицу. Неуважение к хозяину распространяется и на слуг. Теперь хочешь не хочешь, а рассчитывайся за все покупки наличными. Это мне совсем не с руки.

Тереза. А когда же этому конец, господин Жюстен?

Виржини. Приходилось мне служить у разных господ, а такой семейки я еще не видывала. Брошу-ка я сковороды да кастрюли и пойду в театр комедии представлять.

Жюстен. А здесь чем не театр? С утра до вечера комедии разыгрываем...

Виржини. И то правда! То кредитор явится. Изволь тогда изображать удивление, словно ты с луны свалилась: «Как, сударь, да разве вы не знаете?» «Чего не знаю?» «Что господин Меркаде уехали в Лион». «Уехал?» «Да, у них там очень выгодное дело; они открыли залежи каменного угля». «Тем лучше, тем лучше! А когда же он вернется?» «Вот этого мы не знаем». То прикинешься, будто потеряла самое дорогое на свете...

Жюстен *(в сторону)*. То есть деньги.

Виржини. «Хозяин и дочка в большом горе. Говорят, барыня долго не протянет, ее повезли на воды...» «Ах, вот как?»

Тереза. А у меня для всех одна песенка: «Вам нужен господин Меркаде?» «Да, мадемуазель». «Нет его!» «Как нет?» «Так вот и нет, а если вы к мадемуазель,— так она одна». И кредитор наш наутек! Бедняжка барышня. Будь она у нас покрасивее, из нее можно бы сделать... кое-что.

Жюстен. Беда в том, что иной кредитор говорит с нами так, словно мы хозяева.

Виржини. Не пойму, какая такая выгода быть кредитором? Как посмотришь — ходят они, ходят, бегают, горемычные, высуня язык, караулят барина по целым часам не шелохнувшись, слушают, что он им говорит.

Жюстен. Нет, не скажите. Ремесло неплохое! Все они богачи!

Тереза. Как же так? Ведь они дали свои денежки господину Меркаде, а он их не возвращает.

Виржини. Так это же — воровство!

Жюстен. Брать взаймы еще не значит воровать, Виржини. Это выражение грубое. Слушайте! Скажем, я залезу к вам в карман без вашего ведома — вот это будет воровство. Но если я прямо скажу: «Виржини, мне нужно пять франков; одолжите их мне». Вы их мне дадите, а я вам не возвращаю денег, я нахожусь в стесненных обстоятельствах и отдам их вам позже; вот вы и становитесь моей кредиторшей. Поняли, красавица?

Виржини. Нет. Что хотите говорите, а денежки мои вы все равно у меня отобрали. Вот мне причитается жалованье — пойду сейчас и потребую его, да кстати и по заборной книжке счет подведу. Теперь уж и лавочни-

ки не хотят товар отпускать без денег. А своих я не одолжу, держи карман шире.

Тереза. Я тут разок-другой надерзила барыне, а она будто и не слышит.

Жюстен. Давайте потребуем, чтобы нам заплатили жалованье.

Виржини. Да разве это господа? Настоящие господа на стол много тратят.

Жюстен. И к слугам своим привязаны.

Виржини. И назначают им по завещанию пенсию. Вот какие бывают настоящие господа... в отношении слуг...

Тереза. Здорово сказано, кума. Ну, а я отсюда пока уходить не собираюсь. Хочу узнать, чем все это кончится,— больно уж занятно. Барышнины письма я все читаю, милого ее подзадориваю — она, небось, выйдет за него, за Минара-то. И отец, небось, уж знает. Недаром заказали платья, чепцы, шляпки — словом, всяких нарядов и для барыни и для дочки, а купцы-то ничего в долг и не отпускают.

Виржини. Если будет свадьба, так все мы получим наградные; значит, уходить до свадьбы расчета нет.

Жюстен. Неужто вы думаете, что господин Меркаде выдаст дочку за этого счетоводишку? Хорош жених, получает-то каких-нибудь полтораста франков в месяц! *(Читает газету.)*

Тереза. Как бог свят выдаст. Уж так они обожают друг дружку. Барыня вечерами дома не сидит, так она и знать ничего не знает. Минар приходит, когда барышня остается одна, а как они меня в свои дела не посвятили, я норовлю войти к ним, нарочно мешаю, подслушиваю. Ну, они настоящие паиньки! Барышня-то у нас дурнушка, вот ей и хочется, чтобы ее любили ради ее самой. Сидит, фарфор расписывает, а кавалер ей в это время книжку читает, третий месяц одну и ту же. Зато барышня всегда вправе сказать: «Мамаша, господин Минар, мол, приходил вас проведать; а я его вместо вас приняла».

Виржини. Ты слышала, о чем они говорят?

Тереза. Еще бы не слышать! Барышня боится, как бы чего не вышло, и поэтому дверей не затворяет.

Виржини. Хотелось бы мне знать, о чем это говорят господа, когда ухаживают.

Тереза. Всякий вздор мелют! Все больше о возвышенном.

Жюстен. Ловко сказано!

Тереза. Я вот списала одно его письмо... может, и мне когда пригодится.

Виржини. А ну-ка прочти.

Тереза. «Ангел мой...»

Виржини. Поди ж ты — «ангел»!

Тереза. Ох, как обнимут вас да как скажут: «Ангел мой»,— вот приятно!.. «Ангел мой, да, я люблю вас; но любите ли вы меня, можете ли любить такое обездоленное существо, как я? Вы полюбили бы меня, если бы знали, сколько любви таится в душе отверженного до сей поры юноши, для коего любовь — единственное его достояние. Вчера я прочел на вашем челе лучезарную надежду: я поверил в грядущее счастье; мои сомнения вы превратили в уверенность, мою слабость — в силу — словом, взоры ваши излечили меня от недуга сомнений!..»

Виржини. Прямо в голове путается, ничего и не поймешь. Да разве влюбленные так мямлят. Влюбленный без обиняков выражается. Вот, скажем, я получила письмецо от одного красавчика; должно быть, он студент из Латинского квартала. Тут таинственности никакой нет, все ясно, так что и обидеться нельзя. Я его наизусть выучила: «Очаровательница! (Это почище вашего «ангела»!) Очаровательница! Не откажите мне в свидании, заклинаю вас! Любой на моем месте написал бы, что ему нужно сказать вам тысячу разных разностей. Я же скажу лишь одно, зато скажу тысячу раз, если вы только не остановите меня на первом же разе». И подписано: «Ипполит».

Жюстен. Ну, и что же он говорил? Остановили вы его?

Виржини. Да я его больше и не видела. Он меня поджидал в «Хижине», узнал, кто я такая, и, дурак эдакий, посовестился моего хвартука.

Жюстен. А вот послушайте, что рассказал мне папаша Грюмо! Вчера, пока мы бегали по поручениям, сюда в кабриолете приехали два каких-то вертопраха; их грум сообщил папаше Грюмо, что один из этих господ соби-

рается жениться на мадемуазель Меркаде. А наш-то барин дал папаше Грюмо на чай сто франков!

Виржини и Тереза *(в изумлении)*. Сто франков!

Жюстен. Да, сто франков, не пообещал, а дал наличными! Ну, понятно, у папаши Грюмо язык развязался, он и сообщи груму-то, будто случайно проболтался, что хозяин наш до того богат, что даже сам не знает, сколько у него капиталу.

Виржини. Это, надо полагать, те самые молодые люди в желтых перчатках и в шелковых жилетах с цветочками, нарядные этакие жилеты; кабриолет блестит, словно атлас, а у лошади вот тут *(показывает на ухо)* нацеплены розы. Вожжи держал мальчонка лет восьми, белокурый такой, кудрявенький, в сапожках с отворотами; этакий пострелёнок, и уж избалованный же... Чистый херувимчик, белье на нем белоснежное, а ругается, что твой извозчик. А хозяин его — уж такой прекрасный молодой человек, в галстуке вот какие большущие бриллианты,— так он тебе и женится на нашей барышне! Да подите вы!..

Тереза. Ни в жизнь не женится! Да у нее на лице написано: я, мол, бесприданница! Подите вы!

Виржини. Зато поет хорошо. Иной раз слушаешь ее, и так приятно становится. Хотелось бы мне научиться петь, как она: «Тяготит меня богатство».

Жюстен. Вы не знаете господина Меркаде!.. Я служу у него уже шесть лет, видел я, как он, разорившись, отбивается от кредиторов, и считаю, что он способен на все, даже разбогатеть может... Только подумаю: «Ну, пропал!» — на всех дверях объявления о торгах; повесток пришлют столько, что выкинь я половину, он бы и не заметил, а он, гляди, опять вынырнул, всех одолел. Уж очень горазд на выдумки! Вы-то газет не читаете! А он там каждый день новое пишет: то деревянные мостовые, то еще какие-то; герцогства, мельницы и даже прачечные — и все на паях... Ловкач, доложу вам! Никак не пойму, где в его суме прореха. Уж сколько он ее ни наполняет,— а она ничего не держит, словно треснутый стакан. С вечеру ложится спать, так ровно мертвец, а наутро, глядишь, просыпается миллионером, если только он вообще ночью спал; ведь он страсть сколько работает!

считает, высчитывает, пишет разные объявления,— ну пайщики и попадаются вроде как в волчий капкан; но сколько дел он ни заводи — кредиторы у нас не переводятся, он их за нос водит, он ими как хочет вертит. Иной раз видишь: пришли. Ну, кажется, все с собой унесут, самого его в тюрьму засадят. А он поговорит с ними... и под конец вместе хохочут и расходятся закадычными друзьями. Сначала кредитор вопит не своим голосом, грубит, а уходит, так барина «дорогой мой Меркаде» называет, руку ему жмет. Уж если человек умеет усмирить такого, как Пьеркен...

Тереза. Прямо тигр, одни тысячефранковые кредитки жрет.

Жюстен. Несчастного дядюшку Виолета...

Виржини. Ах, горемыка! Каждый раз думаю, надо бы его тарелкой супа попотчевать.

Жюстен. Гуляра!

Тереза. Гуляра? Да Гуляр и с меня не прочь бы процент получить.

Жюстен. Что ж, он мужчина богатый, холостой! Так почему бы вам...

Виржини. Барыня идет!

Жюстен. А ну, постараемся осторожненько разузнать что-нибудь о сватовстве.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и г-жа Меркаде.

Г-жа Меркаде. Где барин?

Тереза. Вы, барыня, сами оделись и мне не позвонили?

Г-жа Меркаде. Я увидела, что господина Меркаде нет, взволновалась и... Жюстен, вы не знаете, где барин?

Жюстен. Я вошел в комнату, когда барин разговаривал с господином Бредифом и они...

Г-жа Меркаде. Хорошо, хорошо.

Жюстен. Барин еще не выходил из дому.

Г-жа Меркаде. Спасибо.

Тереза. Вы, барыня, видно, убиваетесь, что торговцы ваших заказов не исполняют?

Виржини. А знаете ли вы, барыня, лавочники-то больше не...

Г-жа Меркаде. Да, да, понимаю.

Жюстен. Всему виною кредиторы. Ах, кабы знал я, какую с ними шутку сыграть!

Г-жа Меркаде. Самое остроумное — с ними рассчитаться.

Жюстен. Вот бы они удивились!

Тереза. И огорчились бы! Не знали бы, как время убить.

Г-жа Меркаде. Я не хочу скрывать от вас, что дела моего мужа очень меня беспокоят. Нам, несомненно, понадобятся люди преданные. Надеюсь, мы можем рассчитывать на вас?

Все. Ах, барыня...

Г-жа Меркаде. Барину необходимо выиграть время; в голове у него множество проектов... Исполняйте в точности все его приказания.

Тереза. Еще бы, барыня! Мы с Виржини готовы для вас и в огонь и в воду...

Виржини. Я тут только что говорила, какие, говорю, хорошие у нас господа; вот только бы они разбогатели, а тогда, небось, не забудут, как мы помогали им в беде.

Жюстен. А я говорил, что, пока у меня будет чем жить, никуда я отсюда не уйду; я предан барину всей душой, и я уверен: когда ему подвернется настоящее выгодное дельце, он нас не обойдет.

Показывается Меркаде.

Г-жа Меркаде. Он даст вам место в первом же своем солидном предприятии; нужно только еще одно последнее усилие. Но сейчас нам ни в коем случае нельзя показывать, что мы без денег; барышне представляется богатая партия.

Тереза. Барышня наша заслужила счастье. Бедняжка! Уж такая она добрая, уж такая ученая, такая воспитанная.

Виржини. А талант-то какой. Соловей, да и только!

Жюстен. Прямо-таки злодейство, так обездоливать девушку, отказывать ей в лишнем платье и лишней

шляпке. Вам тут, Тереза, не помочь! Вот если барыня скажет мне имя жениха, я обойду всех наших поставщиков и ловко намекну им, что направлю к ним господина... господина...

Г-жа Меркаде. Де ла Брива.

Жюстен. Господина де ла Брива насчет свадебных подарков, и они дадут.

Тереза. А ведь вы, барыня, ничего мне об этом сватовстве не говорили; я бы всего добилась,— Жюстен дело говорит.

Виржини. Что и толковать! На эту удочку все попадутся.

Г-жа Меркаде. Они и получат всё до последнего гроша.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Меркаде.

Меркаде *(шепотом жене)*. Так вот как вы разговариваете с прислугой! Да они завтра же начнут вам грубить! *(Жюстену.)* Жюстен, немедленно отправляйтесь к господину Верделену и попросите его прийти ко мне по делу, не терпящему отлагательства. Скажите это потуманнее, мне непременно нужно, чтобы он пришел. А вы, Тереза, сходите-ка еще раз ко всем барыниным поставщикам и скажите, да построже, чтобы они доставили все заказы... Мы с ними рассчитаемся... да, наличными. Ступайте!

Жюстен и Тереза уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Г-жа Меркаде, Виржини и Меркаде.

Меркаде *(Виржини)*. А вам барыня дала распоряжения?

Виржини. Нет еще, сударь, не давали.

Меркаде. Сегодня постарайтесь не ударить лицом в грязь. К обеду мы ждем четырех человек: Верделена с супругой, господина де Мерикура и господина де ла Брива. Итого нас будет семеро. Такой обед — радость для настоящей поварихи. После супа подадите рыбу,— да получше, затем четыре легких блюда, но приготовьте их на славу!

Виржини. Барин...

Меркаде. На жаркое...

Виржини. Барин, лавочники...

Меркаде. Что такое? Вы толкуете мне о каких-то лавочниках в день смотрин моей дочери!

Виржини. Да они не желают больше ничего отпускать.

Меркаде. Обратитесь тогда к их конкурентам, скажите, что отныне они будут моими поставщиками,— и вы еще сами получите от них подарки.

Виржини. А с прежними-то как же быть?

Меркаде. Об этом не беспокойтесь. Пусть пеняют на себя.

Виржини. Ну, а если они потребуют уплаты... А впрочем, мое дело — сторона...

Меркаде *(про себя)*. У нее денежки водятся. *(Вслух.)* В наши дни, Виржини, кредит — единственное достояние правительств. Если кредиторы не оставят меня в покое, они тем самым докажут, что не знают законов своей собственной страны, что они просто заядлые радикалы. Не говорите мне об этих людях, они подрывают жизненную основу всех... благоустроенных государств. Вот вам случай показать товар лицом: докажите, что вы искусная повариха. Когда же после свадьбы моей дочери вы будете проверять счета и окажется, что барыня должна вам, я сам оплачу все.

Виржини. Барин...

Меркаде. Ступайте! И в накладе вы не останетесь — даю вам десять процентов за шесть месяцев. Это получше сберегательной кассы.

Виржини. Да она и пяти на сто в год не дает.

Меркаде *(жене)*. Говорил же я вам! *(Виржини.)* Как! Вы вверяете свои деньги в чужие руки? Разве у вас не хватит сметки самой пустить их в оборот? К тому же здесь ваша кубышка всегда была бы у вас под руками.

Виржини *(про себя)*. Десять франков каждые полгода! *(Вслух.)* Ну, о жарком барыня мне еще скажут. Пойду завтрак готовить. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Меркаде и г-жа Меркаде.

Меркаде *(глядя вслед Виржини)*. У этой девицы в сберегательной кассе по меньшей мере тысяча экю... украденных у нас; а потому на сей счет мы теперь можем быть совершенно спокойны...

Г-жа Меркаде. Сударь, до чего же вы дошли?

Меркаде. Я просто диву даюсь! Вам живется совсем не плохо, чуть ли не ежедневно бываете в театре или в свете с вашим другом Мерикуром, и вы еще...

Г-жа Меркаде. Но ведь вы сами просили его сопровождать меня.

Меркаде. Не могу же я заниматься одновременно и женою и делами. Короче говоря, вы разыгрываете из себя светскую женщину, красавицу...

Г-жа Меркаде. Вы сами так велели.

Меркаде. Конечно. Так нужно. Для дельца жена — вывеска... Когда вы появляетесь в опере в новом ожерелье, публика говорит: «Ага, с «Асфальтовыми» крепко», или же: «Хранитель семей» идет на повышение, смотрите, как изящно одета госпожа Меркаде. Вот-то счастливцы!» Если с божьей милостью военный министр одобрит мой проект о замещении должностей — вы получите выезд.

Г-жа Меркаде. Неужели вы думаете, Огюст, что мне безразличны ваши волнения, ваша борьба, ваша честь?

Меркаде. Ну, в таком случае, не осуждайте средств, к которым я прибегаю. Вот только что вы пробовали подействовать на прислугу лаской, а людям надо приказывать... кратко, по-наполеоновски.

Г-жа Меркаде. Приказывать, когда не платишь!

Меркаде. Вот именно! Расплачивайтесь смелостью.

Г-жа Меркаде. Лаской можно добиться услуг, которых не добьешься строгостью...

Меркаде. Лаской! Хорошо же вы знаете наше время! Ныне, сударыня, чувства упразднены, их вытеснили деньги. Остается одна лишь корысть, ибо семьи больше нет, существуют только отдельные личности. Судите сами. Будущность каждого — в той или иной общественной кассе. Дочь обращается теперь за приданым не к родителям, а просит ссуду в кассе взаимного вспомо-

ществования. Наследство английского короля было помещено в страховое общество. Жена уже рассчитывает не на мужа, а на сберегательную кассу! Свой долг отечеству выплачивают при посредстве контор, занимающихся банковскими операциями. Словом, все наши обязанности сводятся к купонам. Слуги, которых сменяют, как хартии, не привязываются ныне к господам: они будут вам преданы, только если вы держите у себя их деньги!

Г-жа Меркаде. Ах, сударь, вы — такой честный, такой достойный человек, а говорите иногда вещи, которые...

Меркаде. Кто осмеливается говорить, тот осмеливается и действовать, вы это имели в виду? Что ж, я сделаю все, что может меня спасти, ибо *(вынимает из кармана монету в пять франков)* вот она, нынешняя честь! Сумейте уверить покупателя, что ваша известь — сахар, и, если вам удастся при том разбогатеть, не возбудив нареканий, вы станете депутатом, пэром Франции, министром. Знаете, почему драмы, героями которых являются преступники, привлекают столько зрителей? Да потому, что зрителю лестно, зритель думает: «А я все же лучше этих негодяев». Но мне, мне лично, это простительно. Я несу бремя преступления Годо. Да разве позорно быть должником? Найдется ли хоть одно государство в Европе, не имеющее долгов? Найдется ли хоть один человек, который не сошел бы в могилу неоплатным должником собственного своего отца? Ведь отцу он обязан жизнью, а расплатиться с ним тем же он не может. Земля — постоянный банкрот перед солнцем. Жизнь, сударыня, это вечный заем. Но не всякий умеет занимать. Разве я не выше своих кредиторов? Их деньги у меня, а моих они еще ждут; я ничего у них не прошу, а они ко мне пристают. О человеке, который никому не должен, никто и не думает, а мои кредиторы ежечасно помнят обо мне.

Г-жа Меркаде. Слишком даже помнят! Брать в долг и расплачиваться — еще куда ни шло, но брать в долг и не быть в состоянии расплатиться, занимать, когда знаешь, что не имеешь возможности отдать... Не решаюсь даже сказать, что́ я об этом думаю.

Меркаде. Вы думаете, что здесь уже начинается...

Г-жа Меркаде. Боюсь, что так.

Меркаде. Значит, вы перестали уважать меня, своего...

Г-жа Меркаде. Я уважаю вас по-прежнему, но я не могу спокойно видеть, как вы изнуряете себя тщетными усилиями. Я восхищаюсь широтой ваших замыслов, но мне больно слушать шутки, которыми вы стараетесь заглушить голос совести.

Меркаде. Нытик на моем месте давно бы уж утопился. Но ведь целым коробом печали нельзя оплатить и грошового долга. А ну-ка скажите мне, где в коммерческом мире начало и где конец честности? Вот мы сейчас без средств... неужели всем и каждому объявлять об этом?

Г-жа Меркаде. Разумеется, нет.

Меркаде. Так разве это не обман? Знай люди о наших обстоятельствах, никто бы не дал нам ни гроша. Так не осуждайте те средства, к которым я прибегаю. Я хочу сохранить свое место за зеленым столом спекуляции, уверить всех в своей финансовой мощи. Доверие всегда предполагает обман. Вы должны помочь мне скрыть нашу нищету под блеском внешней роскоши. Декорации всегда требуют машин, а ведь машины всегда чем-нибудь да измазаны. Будьте покойны — многие из тех, кто имеет основания быть недовольными мною, сами поступали куда хуже меня. В минуту отчаяния Людовик Четырнадцатый показал «Марли» Самюэлю Бернару, лишь бы выудить у него несколько миллионов; а в наши дни, при новейших законах, каждый из нас говорит, подобно Людовику Четырнадцатому: «Государство — это я».

Г-жа Меркаде. Лишь бы в такую минуту не была запятнана ваша честь! А передо мною, сударь, вы сами знаете, вам незачем оправдываться.

Меркаде. Вы жалеете моих кредиторов... Так запомните же, что мы получили их деньги лишь благодаря...

Г-жа Меркаде. Их доверчивости, сударь?

Меркаде. Их жадности, сударыня! Делец и акционер, снабжающий его деньгами, стоят друг дружки! Оба хотят разбогатеть в один миг. Я сослужил хорошую службу своим кредиторам; они еще надеются выжать из меня что-нибудь. Я пропал бы, если б не разглядел подоплеки их расчетов и страстей; а потому перед каждым из них я разыгрываю комедию сообразно с его вкусом.

Г-жа Меркаде. Но меня страшит развязка! Многие уже устали от вашей игры. Возьмите Гуляра, ведь он нас не пожалеет. Он принудит вас объявить себя банкротом...

Меркаде. Пока я жив — тому не бывать. Теперь ведь золотые прииски находятся не в Мексике, а на Биржевой площади. И я не уйду оттуда, пока не нападу на свою золотоносную жилу.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Гуляр.

Гуляр. Очень рад, что застал вас, дорогой мой!

Г-жа Меркаде *(в сторону)*. Гуляр! Как-то он вывернется? *(Мужу.)* Огюст!

Меркаде жестом успокаивает жену.

Гуляр. Редкостный случай! Видно, и впрямь надо приниматься за дело спозаранку и пользоваться временем, пока у вас дверь отперта и нет сторожей...

Меркаде. Сторожей! Что мы — диковинные звери, что ли? Вы поистине неподражаемы.

Гуляр. Отнюдь! Пожалуйста, подражайте мне и платите долги.

Меркаде. Господин Гуляр!

Гуляр. Словами от меня не отделаешься.

Меркаде. Вам нужны действия — прекрасно, могу предложить вам, если хотите, для расчета немало акций. Я — учредитель общества...

Гуляр. Бросьте шутки, я явился сюда с намерением покончить...

Г-жа Меркаде. Покончить? Сударь, я предлагаю вам...

Меркаде. Дорогая, дайте господину Гуляру высказаться.

Гуляр здоровается с г-жой Меркаде.

Как хозяйка дома, выслушайте его.

Гуляр. Простите, сударыня. Я весьма рад видеть вас, ибо ваша подпись могла бы...

Меркаде. Жена зря вмешивается в наш разговор: женщины в делах ничего не смыслят. *(Жене.)* Господин

Гуляр — мой кредитор, душенька, он требует с меня свой капитал, проценты и издержки. И вы не пощадили меня, Гуляр! Вы жестоко преследуете человека, с которым делали немалые дела!

Гуляр. Дела, не всегда приносившие доход!

Меркаде. Риск есть риск! Если бы дела приносили только доход — все бы делали дела.

Гуляр. Я не за тем пришел, чтобы лишний раз убедиться в вашем остроумии. Я и без того знаю, что по этой части вы меня за пояс заткнете, ибо мои деньги у вас, а не...

Меркаде. Так ведь нужно же деньгам находиться где-нибудь. *(Жене.)* Видишь его? Травил меня, как зайца. Ну, согласитесь сами, милейший мой Гуляр, что вы поступали дурно, другой на моем месте отомстил бы вам, ведь я могу устроить так, что вы потерпите довольно чувствительный убыток...

Гуляр. Охотно верю — это если вы мне не заплатите. Но вы заплатите, в противном случае векселя будут предъявлены приставу торгового суда.

Меркаде. Ах, речь не о том, что́ я вам должен. Ни вам, ни мне об этом беспокоиться нечего. Я имею в виду значительно больший капитал. Меня поразило, что вы, человек столь проницательный, человек, к которому я сам охотно обратился бы за советом, впутались в такое дело! И это вы! Видно, у всякого бывают минуты затмения.

Гуляр. Ничего не понимаю!

Меркаде *(жене)*. Ты просто не поверишь! *(Гуляру.)* Моя жена с годами научилась разбираться во всех тонкостях спекуляций, у нее на этот счет особое чутье! *(Жене.)* Так вот, душенька, Гуляр попался на очень крупную сумму.

Г-жа Меркаде. Сударь!

Гуляр *(в сторону)*. Этот Меркаде — гений по части спекуляций; но уж не задумал ли он опять провести меня? *(Меркаде.)* Что вы имеете в виду? О чем речь?

Меркаде. Да вы сами отлично знаете, о чем! Каждый владелец акций знает, где он может поскользнуться.

Гуляр. Неужели копи «Нижней Эндры»? Так это же превосходное дело!

Меркаде. Превосходное! Только для тех, кто вчера продал...

Гуляр. Разве их продавали?

Меркаде. Тайно, без огласки. Вот увидите: сегодня эти акции станут понижаться, а завтра... О, завтра, когда все узнают, что́ там обнаружилось...

Гуляр. Благодарю вас, Меркаде! О наших делишках мы потолкуем после. Сударыня, честь имею кланяться...

Меркаде. Подождите, дорогой Гуляр. *(Удерживает Гуляра за руку.)* Могу сообщить вам новость, которая успокоит вас насчет...

Гуляр. Насчет чего?

Меркаде. Насчет моего долга. Я выдаю дочь замуж...

Гуляр *(освобождаясь из рук Меркаде)*. После, после.

Меркаде *(опять берет Гуляра за руку)*. Нет, не после. Жених-то миллионер.

Гуляр. Поздравляю вас... Ах, копи... Желаю ей счастья! Можете рассчитывать на меня!

Г-жа Меркаде. В отношении свадьбы?

Гуляр *(вновь высвобождает руку из руки Меркаде)*. В любых отношениях.

Меркаде. Послушайте, Гуляр! Еще словечко!

Гуляр. Нет, прощайте! Желаю вам полного успеха в этом деле.

Меркаде *(знаком подзывает Гуляра)*. Если вы согласитесь вернуть мне несколько векселей, я сообщу вам, кому можно продать акции.

Гуляр. Дорогой мой Меркаде! Я не сомневаюсь, что мы с вами сговоримся.

Меркаде *(шепотом жене)*. Видите, он уже готов обокрасть ближнего! Что же, по-вашему, честный это человек?

Гуляр. Ну, так как же?

Меркаде. Мои векселя при вас?

Гуляр. Нет.

Меркаде. Зачем же вы приходили?

Гуляр. Да я зашел узнать, как вы поживаете.

Меркаде. Слава богу, как нельзя лучше!

Гуляр. Очень рад. До свиданья.

Меркаде следует за Гуляром и пытается его удержать.

Г-жа Меркаде *(одна)*. Чудо, просто чудо!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Меркаде и г-жа Меркаде.

Меркаде *(возвращается смеясь)*. Никакими силами не удержишь. Бежит, как черт от ладана.

Г-жа Меркаде *(тоже смеется)*. А вы правду ему сказали? Я уж не разбираюсь, где у вас правда, где ложь...

Меркаде. В интересах моего друга Верделена — посеять панику насчет акций «Нижней Эндры»; предприятие это до сего времени считалось сомнительным, но нежданно-негаданно оказалось превосходным. *(В сторону.)* Если Верделену удастся сорвать это дело — мне кое-что перепадет... *(Вслух.)* Вернемся же к самому важному делу: к замужеству Жюли. Чтобы пожать все, что я посеял, требуется второй Меркаде.

Г-жа Меркаде. Ах, сударь, если бы вы взяли меня в казначеи, у вас было бы уже тысяч тридцать ренты!

Меркаде. Как только у меня появятся тридцать тысяч ренты, я разорен. Судите сами: если бы мы по вашему совету забились куда-нибудь в провинцию с жалкими грошами, которые нам остались после того, как это чудовище Годо облегчил нашу кассу, что бы с нами сталось? Уж не там ли вы познакомились с Меркуром, который вам так нравится и которого вы сделали своим рыцарем? Этот лев (а он действительно лев) поможет нам сбыть с рук Жюли! Бедная девочка, ее в актив никак не запишешь.

Г-жа Меркаде. Есть же разумные мужчины, они понимают, что красота недолговечна.

Меркаде. А есть еще более разумные: те понимают, что безобразие весьма долговечно.

Г-жа Меркаде. Жюли — сердечная девушка.

Меркаде. Я ведь не господин де ла Брив. Я и без вас знаю, в чем состоят отцовские обязанности. Я даже несколько встревожен внезапной страстью этого юноши; мне очень хотелось бы знать, чем он прельстился в Жюли.

Г-жа Меркаде. У Жюли прелестный голосок, она прекрасная музыкантша.

Меркаде. Может быть, он как раз из тех невежественных дилетантов, которых постоянно видишь в театре «Буфф», хотя они ни слова не понимают по-итальянски.

Г-жа Меркаде. Жюли образованна.

Меркаде. Вы, очевидно, хотите сказать, что она почитывает романы; а доказательством ее ума служит то, что она сама их не сочиняет. Надеюсь, Жюли, хоть и начиталась книг, отнесется к браку так, как должно к нему относиться, то есть по-деловому. Последние два года мы предоставили ей почти полную свободу: теперь она совсем взрослая девица.

Г-жа Меркаде. Бедная крошка, она прекрасно поняла, в каком мы плачевном положении, и решила развить в себе какой-нибудь талант, научилась расписывать фарфор, лишь бы не быть нам в тягость.

Меркаде. Вы не выполнили своих обязанностей по отношению к дочери.

Г-жа Меркаде делает изумленный жест.

Надо было родить ее красивой.

Г-жа Меркаде. Она лучше любой красавицы: она добродетельна!

Меркаде. Умна и добродетельна! Своему мужу она будет очень...

Г-жа Меркаде. Сударь!

Меркаде. Очень приятна. Позовите ее. Надо ей разъяснить, с какой целью мы даем нынче обед, и предложить ей отнестись к господину де ла Бриву вполне серьезно.

Г-жа Меркаде. Из-за неприятностей с лавочниками я вчера не успела поговорить с ней об этом. Сейчас приведу ее к вам; она уже встала,— она ведь встает чуть свет и сразу садится за рисование. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Меркаде один.

Меркаде. Выдать молоденькую, красивую девушку — я разумею, выдать удачно,— по нашим временам труднейшая задача. Но выдать девушку сомнительной красоты и с одними добродетелями взамен приданого... спросите у самой пронырливой мамаши, тут и сам сатана отступится. Меркур, по-видимому, расположен к нам; жена моя пока что вертит им, как ей вздумается,— так что на сей счет я спокоен... Да, он, быть может, считает прямым своим долгом хорошо пристроить Жюли. А что касается господина де ла Брива — стоит только посмот-

реть, как в Елисейских полях он нахлестывает свою лошадь, стоит посмотреть на его грума, на весь его выезд, на его монокль в Опере, и даже самый требовательный отец будет удовлетворен. Мне довелось пообедать у него; прелестная квартира, превосходное серебро, позолоченные вазы с его гербами; и все это — собственное, не взятое напрокат. Кто же может заставить эдакого корифея нашей золотой молодежи жениться?.. Он, несомненно, пользуется большим успехом у женщин. Может быть, он устал от успехов?.. Кроме того, по словам Мерикура, он слышал Жюли у Дюваля, а в тот вечер она пела восхитительно... Как бы то ни было, моей дочери представляется хорошая партия. А он! Н-да-а, он...

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Меркаде, г-жа Меркаде и Жюли.

Г-жа Меркаде. Жюли, мы с отцом должны поговорить с тобой о предмете, всегда приятном для девушки: тебе представляется партия. Возможно, что ты выйдешь замуж, деточка...

Жюли. Возможно?.. Нет, только наверняка.

Меркаде. Девушки на выданье не ведают сомнений.

Жюли. Значит, господин Минар уже говорил с вами, папенька?

Меркаде. Господин Минар?.. А? Что такое господин Минар? Могли ли вы, сударыня, предполагать, что господин Минар завладеет сердцем вашей дочери? Уж не тот ли это мелкий чиновник, Жюли, которого неоднократно рекомендовал мне на разные должности мой бывший кассир, господин Дюваль? Бедный малый, из его родителей известна лишь мать... *(В сторону.)* Незаконный сын Годо... *(Жюли.)* Отвечайте.

Жюли. Да, папенька.

Меркаде. Вы в него влюблены?

Жюли. Да, папенька.

Меркаде. Любить мало, надо быть любимой.

Г-жа Меркаде. Он тебя любит?

Жюли. Да, маменька.

Меркаде. «Да, папенька. Да, маменька». Почему бы вам не говорить «па-ап», «ма-ам». Перезревшие девы всегда присюсюкивают, словно только что вышли из пеле-

нок... Проявите же любезность в отношении матери и называйте ее «сударыней», дабы отметить ее свежесть и красоту.

Жюли. Хорошо, сударь.

Меркаде. Меня можете звать отцом — я-то не обижусь. А какие у вас доказательства, что он вас любит?

Жюли. Но... это само чувствуется...

Меркаде. Какие доказательства?

Жюли. Да лучшее доказательство — что он хочет на мне жениться.

Меркаде. Вот, вот! Девушки, что малые дети, такое ответят, что только руками разводишь.

Г-жа Меркаде. А вы где с ним виделись?

Жюли. Здесь, дома.

Г-жа Меркаде. Когда?

Жюли. По вечерам, когда вас не бывало дома.

Г-жа Меркаде. Он моложе вас...

Жюли. О, всего на несколько месяцев...

Г-жа Меркаде. А я-то считала, что вы достаточно рассудительны и не станете мечтать о двадцатидвухлетнем повесе, который к тому же совершенно не способен оценить ваши достоинства.

Жюли. Он первый обратил на меня внимание: если бы я его полюбила первая, он никогда бы об этом не узнал. Мы виделись с ним как-то вечером у госпожи Дюваль.

Г-жа Меркаде. Только госпожа Дюваль может принимать у себя людей, не имеющих никакого общественного положения.

Меркаде. Она решила создать салон и хочет во что бы то ни стало привлечь танцоров. Но у завзятых танцоров нет будущего. В наше время все честолюбивые юноши напускают на себя важный вид и не танцуют.

Жюли. Адольф...

Меркаде. И зовут к тому же Адольфом! Вот он, наш мир! Топчется на одном месте, а еще находятся дураки, которые верят в прогресс и считают, что любая перемена к лучшему. Дети теперь менее, чем когда-либо, доверяют опытности своих отцов! Знайте же, милая барышня, что чиновник, получающий тысячу двести франков в год, не умеет любить, ибо ему некогда заниматься лю-

бовью, он должен работать. Только собственники. люди, разъезжающие в тильбюри,— словом, только праздные люди могут и умеют любить.

Г-жа Меркаде. Но, бедная девочка...

Меркаде *(жене)*. Позвольте мне докончить. *(Жюли.)* Согласен, Жюли, я выдам тебя за твоего Минара...

Радостное движение Жюли.

Погоди! У тебя, как ты знаешь, нет ни гроша. Что станется с вами наутро после свадьбы? Подумали вы об этом?

Жюли. Да, отец.

Г-жа Меркаде. Она с ума сошла.

Меркаде *(жене)*. Нет, она просто влюблена, бедняжка. Пусть выскажется. *(Жюли.)* Говори, Жюли, перед тобой не отец, а твой наперсник. Слушаю тебя.

Жюли. Мы будем любить друг друга.

Меркаде. Значит, амур пошлет вам на остриях своих стрел купоны ренты?

Жюли. Ах, отец, мы поселимся в маленькой квартирке, в дальнем предместье, где-нибудь на пятом этаже, если потребуется; в крайнем случае я буду его служанкой... Я с радостью стану заниматься хозяйством, ведь любая мелочь в моих глазах будет иметь отношение к Адольфу... Буду работать на него, пока он работает на меня. Избавлю его от многих забот, и никогда он не заметит нашей нужды... у нас будет уютно, даже изящно. Боже мой, ведь изящество зависит от такой малости, оно исходит от души, а счастье — и дитя и матерь изящного. Я могу достаточно заработать, расписывая фарфор, и не буду ему в тягость, а, наоборот, помогу ему в жизни. Да и любовь поможет нам пережить трудные дни. Адольф честолюбив, как и все молодые люди с возвышенной душой, и ему, конечно, удастся...

Меркаде. Удается холостому, а женатый должен из кожи вон лезть, чтобы рассчитаться с лавочником; гоняешься, высуня язык, за какой-нибудь тысячью франков. А он честолюбив?

Жюли. Отец, у Адольфа столько воли и столько способностей, что, я уверена, в один прекрасный день он будет... министром...

Меркаде. Кто теперь не думает о министерском портфеле! Любой юнец, окончив коллеж, мнит себя вели-

ким поэтом, великим оратором, великим министром — подобно тому как во времена Империи каждый достигший чина младшего лейтенанта уже видел себя маршалом Франции. Знаешь, кем будет твой Адольф? Отцом пятерых ребятишек, которые разрушат твои планы касательно труда и сбережений и доведут его превосходительство до улицы Клиши, а тебя ввергнут в страшную нищету. Ты изложила мне тут роман, а не историю действительной жизни.

Г-жа Меркаде. Бедная девочка! В ее возрасте так легко принять надежды за действительность.

Меркаде. Она воображает, будто счастье в браке дается любовью. Она ошибается, подобно всем, кто возлагает вину за свои ошибки на случай — на этого ответственного издателя всех наших бредней; тогда начинают обвинять в своей неудаче общество и потрясают его основы. Словом, все это — пустая любовная интрижка, все это не серьезно.

Жюли. Отец, и с его и с моей стороны это — настоящая любовь, и ради нее мы пожертвуем всем.

Г-жа Меркаде. Как, Жюли, ты не пожертвуешь этой зарождающейся любовью, чтобы спасти отца? Чтобы вернуть ему больше, чем жизнь, которой ты обязана ему,— вернуть честь, которую семья должна хранить незапятнанной?

Меркаде. Какая же польза от твоих обожаемых романов, несчастное дитя, если ты не извлечешь из них желания подражать той самоотверженности, которую в них проповедуют романисты? Ведь нынешние романы — это настоящие проповеди на социальные темы. Знает ли Адольф о размерах твоего приданого? Рисовала ли ты ему прекрасную картину вашей будущей жизни — пятый этаж, парк на подоконнике и одни вишни к ужину? Словом, совсем как жил некогда Жан-Жак с своей трактирной служанкой.

Жюли. Отец, я не способна совершить хотя бы малейшую нескромность, которая может вам повредить.

Меркаде. Значит, он думает, что мы богачи?

Жюли. Он никогда не говорил со мною о деньгах.

Меркаде *(в сторону, жене)*. Все понятно. *(Жюли.)* Напишите ему, Жюли. и немедленно: пусть он придет переговорить со мною.

Жюли. Ах, отец! *(Целует его.)*

Меркаде. Как раз сегодня у нас будет обедать молодой человек, щеголь, ведущий широкий образ жизни, обладатель громкого имени. Так вот этот молодой человек имеет серьезные намерения и ищет вашей руки. Таков мой избранник. Вам не быть госпожою Минар, вы будете госпожою де ла Брив; вы не поселитесь в предместье на пятом этаже, вы будете жить в роскошном особняке на Шоссе д'Антен. Вы наделены талантами, вы образованны. Если вы не станете женою министра, так, возможно, станете супругою пэра Франции. Увы, дочь моя, я не имею возможности предложить вам что-нибудь получше.

Жюли. Не смейтесь над моею любовью, отец, и позвольте мне выбрать счастье и бедность, а не горе и богатство.

Г-жа Меркаде. Жюли, мы с отцом отвечаем за ваше будущее перед вами, и мы не хотим, чтобы в один прекрасный день вы справедливо упрекнули нас, ибо опытность родителей должна служить уроком для детей. Сейчас мы переживаем суровые дни. Послушайся, дочка, выходи за богатого.

Меркаде. В подобных случаях единение — сила, как гласит надпись на монетах Республики.

Г-жа Меркаде. В бедности невозможно никакое счастье, зато нет такого несчастья, которого бы не смягчило богатство.

Жюли. И такие печальные речи мне приходится выслушивать от вас, матушка! Отец, я отвечу вам на вашем же беспощадном и рассудочном языке. Ведь вы же сами рассказывали о людях богатых и праздных и, следовательно, неспособных бороться с невзгодами, о людях, которые разорились вследствие пороков или распущенности и довели свои семьи до полной нищеты. Не лучше ли было родителям в таком случае выдать дочь за человека без состояния, но способного его составить своим трудом? Не спорю, де ла Брив, возможно, богат, умен и полон талантов, но, батюшка, вы сами были не хуже его, однако же разорились, а женились вы на моей матери, девушке богатой и красивой, в то время как я...

Меркаде. Судить о господине де ла Бриве вы можете сами, точно так же как я буду судить о господине Минаре. Но выбирать вам не придется. Господин Минар сам откажется от вас.

Жюли. О, ни за что, отец! Он завоюет ваше сердце...

Г-жа Меркаде. Друг мой... если он действительно любит ее...

Меркаде. Он обманывает ее.

Жюли. Сладостный обман.

Г-жа Меркаде. Звонят, а дверь отворить некому.

Меркаде. Ну и пусть звонят!

Г-жа Меркаде. А мне все кажется, вдруг Годо вернется.

Меркаде. Вернется! Да поймите же, что при его методах сколачивать состояние quibuscumque viis [1] (нашел с кем говорить по-латыни!) Годо давно уже вздернут на грот-рее какого-нибудь фрегата. Целых восемь лет от него ни слуху, ни духу, а вы все надеетесь, что он вернется. Ей-богу, вы напоминаете мне солдата, который по сей день ждет Наполеона.

Г-жа Меркаде. Опять звонок.

Меркаде. Так может звонить лишь кредитор! Сходи посмотреть, Жюли! И о чем бы тебя ни спрашивали — отвечай, что нас с матерью нет дома. А вдруг кредитор попадется совестливый и поверит девушке...

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Г-жа Меркаде и Меркаде.

Г-жа Меркаде. Эта любовь, искренняя по крайней мере с ее стороны, растрогала меня...

Меркаде. Все вы — мечтательницы!

Г-жа Меркаде. Первая любовь придает силы!

Меркаде. Силы залезать в долги. Достаточно и того, что тесть...

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Пьеркен, Жюли, Меркаде и г-жа Меркаде.

Жюли *(входит)*. Папенька, господин Пьеркен.

Меркаде. Ну, вот, юная гвардия разгромлена!

Жюли. Но он говорит, что пришел по делу, выгодному для вас.

Меркаде. То есть для него. Пускай она развешивает уши перед своим Адольфом — это хоть понятно, но

---

1 Любыми путями *(лат.)*.

перед кредитором!.. Ничего, я знаю, как взяться за этого молодца. Оставьте нас.

Женщины уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Пьеркен и Меркаде.

Пьеркен. Я не требую у вас денег, дорогой мой, я знаю, что вы удачно сосватали дочь. Она выходит за миллионера, слух о свадьбе уже разнесся...

Меркаде. Ну, уж за миллионера... Но кое-что у него есть!

Пьеркен. Такая великолепная перспектива, бесспорно, успокоит ваших кредиторов. Да чего там — я сам первый затребовал назад векселя, предъявленные приставу коммерческого суда.

Меркаде. Вы собирались засадить меня?

Пьеркен. О, я терпеливо ждал целых два года. Никогда я не откладывал тяжебных дел так долго, но ради вас отступил от своих правил. Если это сватовство выдумка — поздравляю вас. Басня о возвращении Годо уже изрядно обветшала. А появление зятька даст вам отсрочку. Ах, любезный друг, вы так долго водили нас за нос, маня надеждой, что любой водевилист вам позавидовал бы. Но что ни говори — я вас люблю, вы изобретательны. Бесприданнице — богатого мужа! Смело!

Меркаде *(в сторону)*. Куда он клонит?

Пьеркен. Гуляр клюнул; чем вы его так приманили? Его на мякине не проведешь.

Меркаде. Мой будущий зять — господин де ла Брив, достойный молодой человек...

Пьеркен. Значит, теперь участвует настоящий молодой человек?

Меркаде. Да, я вам его покажу...

Пьеркен. В таком случае, сколько же вы платите этому молодому человеку?

Меркаде. Довольно дерзостей. В противном случае я, сударь, попрошу вас произвести со мною окончательный расчет, а тут вы, уважаемый господин Пьеркен, потеряете много. Вспомните, что вы мне недешево продаете деньги.

Пьеркен. Сударь!

Меркаде. Сударь, скоро я буду достаточно богат, чтобы не сносить чьи-либо шутки, даже кредиторские! Какое дело собрались вы мне предложить?

Пьеркен. Если вы желаете рассчитаться, я не прочь получить свое.

Меркаде. Не верю. Я приношу вам доходу не меньше, чем поместье в Босской долине.

Пьеркен. Я хочу предложить вам обмен векселей и за это даю вам трехмесячную отсрочку.

Меркаде. В этом и заключается ваше выгодное дело?

Пьеркен. Да.

Меркаде *(в сторону)*. Что-то задумала эта лиса? *(Вслух.)* Объяснитесь точнее.

Пьеркен. У меня, знаете ли, все ясно, все прозрачно, все насквозь видно.

Меркаде. Без пышных фраз! Я никогда не упрекал вас в ростовщичестве, ибо рассматриваю повышенный процент как премию за вложенный капитал. Ростовщик — это капиталист, заранее берущий причитающуюся ему прибыль...

Пьеркен. Вот почти на пятьдесят тысяч векселей некоего Мишонена, весьма милого юноши, подававшего надежды...

Меркаде. А подавшего?

Пьеркен. Векселя, вполне оформленные: протест, заочный приговор, окончательный приговор, протокол о несостоятельности, постановление о лишении свободы и т. д. и т. п. Одних судебных издержек на пять тысяч.

Меркаде. И что это стоит?

Пьеркен. Того, что стоит будущность молодого человека, принужденного отныне всячески изворачиваться, чтобы жить...

Меркаде. То есть ничего не стоит.

Пьеркен. Если только он не женится на богатой англичанке, влюбленной...

Меркаде. В него?

Пьеркен. Нет, в титул. Я уж и то подумывал, не купить ли ему титул... но в таких делах интриг не оберешься...

Меркаде. Что же вы хотите от меня?

Пьеркен. Таких же ценностей.

Меркаде. Чего?

Пьеркен. Акций... короче говоря, акций ваших предприятий, не приносящих дивиденда.

Меркаде. И вы предоставите мне отсрочку на пять месяцев?

Пьеркен. Не на пять, а на три.

Меркаде *(в сторону)*. Три месяца! Для дельца это целая вечность! Но что это он задумал? О, не дать ничего, а получить хоть что-нибудь. *(Вслух.)* Пьеркен, несмотря на всю свою сметливость, я ничего не понимаю; но будь по-вашему...

Пьеркен. Я так и рассчитывал. Вот письмо, которым я предоставляю вам отсрочку. Вот папка Мишонена. Должен оговориться: этот молодой человек обскакал всех коммерческих приставов.

Меркаде. Хотите взять акции одной газеты, которая будет иметь огромный успех, если только выйдет в свет? Они розового цвета. Или вот голубые акции копей, которые провалились. Желтые акции общества «Булыжник», который непригоден для баррикад.

Пьеркен. Давайте всех цветов.

Меркаде. Вот вам, дорогой мой учитель, на сорок тысяч франков.

Пьеркен. Спасибо, дорогой мой друг; я ведь в делах ничего не смыслю.

Меркаде *(в сторону)*. Как только проведет кого-нибудь, сразу заводит свою песенку: «не смыслю, не смыслю». Обокрал меня! *(Вслух.)* Вы пустите мои акции в ход?

Пьеркен. Разумеется.

Меркаде. По номинальной цене?

Пьеркен. Если удастся.

Меркаде. Ага, теперь все ясно! Они пойдут на замену ваших паноптикумов, ваших фрегатов из слоновой кости, собольих мехов — словом, всех фантастических товаров...

Пьеркен. Все это так устарело!..

Меркаде. И кроме того, суд нынче находит это слишком легковесным... Вы молодец, вы подымете наш кредит...

Пьеркен. Поверьте, дорогой друг, мне очень бы этого хотелось.

Меркаде. А мне-то! Прощайте!

Пьеркен. Вы, конечно, сами понимаете, чего я в

качестве кредитора желаю вам в деле замужества дочери. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Меркаде один.

Меркаде. Мишонен! Сорок две тысячи да пять тысяч процентов и издержек — итого сорок семь тысяч... Не внесено ни гроша! Ба! Человек, который ничего не стоит сегодня, завтра может стать нам полезным. К тому же я заинтересую некое лицо одним дельцем и выхлопочу Мишонену баронский титул. Постой, постой! Жена моя знакома с одной англичанкой, которая утыкивает себе всю прическу раковинами и водорослями, она дочь пивовара и... Черт возьми, значит, у Мишонена нет определенного местожительства... Не будем осуждать его, бедняжку! Уверен ли я, что у меня через три месяца будет кров? Бедный малый, может быть, и у него, как у меня, был друг! У каждого есть свой Годо, свой Лже-Колумб! А в конце концов... *(Осматривается, нет ли кого в комнате.)* Годо, ей-ей, принес мне барыша больше, нежели украл.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Меркаде, Тереза, Жюстен и Виржини.

Меркаде *(звонит Жюстену)*. Что ответил Верделен, мой друг Верделен?

Жюстен. Сейчас придет. Он сказал, что ему как раз нужно отдать деньги господину Бредифу.

Меркаде. Устрой-ка, чтоб, прежде чем пойти к Бредифу, он переговорил со мною. Я дал дядюшке Грюмо сто франков, и вряд ли в течение одних суток он смог наврать на сто франков.

Жюстен. Тем более, сударь, что я убедил его, будто он говорит чистую правду.

Меркаде. Кончится тем, что я назначу тебя своим секретарем.

Жюстен. Ах, кабы для этого не требовалась грамота!

Меркаде. Секретарям министров приходится мало писать.

Жюстен. Что же они делают?

Меркаде. Занимаются хозяйством. И говорят в тех случаях, когда начальник их вынужден молчать. Устрой так, чтоб дядюшка Грюмо сказал Верделену, что Бредифа нет дома.

Жюстен уходит.

Меркаде *(в сторону)*. Этот малый — полуфронтэн, ибо в наши дни полные Фронтэны сами становятся господами. Наши нынешние выскочки просто безработные Сганарели, поступившие в услужение ко всей Франции. *(Терезе.)* Ну, что, Тереза?

Тереза. Ах, сударь! Как только я пообещала заплатить, все лавочники так и заулыбались.

Меркаде. Хорошо улыбается тот, кто хорошо торгует. *(К Виржини.)* Значит, сегодня у нас будет роскошный обед, Виржини?

Виржини. Да, сударь.

Меркаде. А лавочники?

Виржини. Подождут...

Меркаде *(в сторону)*. Она с ними рассчиталась. *(Вслух.)* Я тебя не забуду. Завтра сведем счеты.

Виржини. Если барышня выйдет замуж, она уж, конечно, вспомнит обо мне.

Меркаде. Ну еще бы! И говорить нечего.

Тереза. А меня, барин?

Меркаде. Ты получишь в мужья одного из будущих чиновников моего Общества страхования от рекрутчины. Но...

Тереза. О сударь, будьте благонадежны. Я знаю, что́ сказать жениху, чтобы он влюбился без ума, знаю также, как охладить его пыл, чтоб он стал холодным, словно ледышка... В отместку своей последней хозяйке я расстроила ее свадьбу...

Меркаде. Язычки горничных... Это наши домашние журналисты...

Тереза. Что вы, сударь... нам с ними не сравняться талантами... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Меркаде один; затем Жюстен.

Меркаде. Иметь в нашем положении на своей стороне прислугу — все равно что министру иметь на своей

стороне прессу. К счастью, наши слуги боятся, как бы не пропало их жалованье. Все зависит теперь от сомнительной дружбы Верделена, хоть благосостояние его и дело моих рук. Но жаловаться на людскую неблагодарность— то же, что желать сделаться Лютером сердец. Каждый, доживший до сорока лет, обязан знать, что мир населен неблагодарными!.. Я, например, не знаю даже, где они, мои благодетели... Мы с Верделеном отлично понимаем друг друга,— я ему оказывал услуги, а он давал мне взаймы,— но о том, чтобы рассчитаться, не может быть и речи. Однако мне надо выдать Жюли замуж, а для этого надо раздобыть тысячу экю — в любом кармане, в который можно запустить руку. Взломать сердце для того, чтобы взломать кассу,— вот задача!.. Такие трюки удаются лишь женщинам, которых любят.

Жюстен *(входит)*. Господин Верделен сейчас придет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Виолет.

Меркаде. Вот он!.. Друг мой... Ах, да это дядюшка Виолет! *(Жюстену.)* Одиннадцать лет служишь, а двери запирать не научился? Ступай и дожидайся Верделена, займи его разговором, да поумней, а я покуда выпровожу этого старого хрыча.

Жюстен. Еще одна его жертва! *(Уходит.)*

Виолет. За эту неделю, уважаемый господин Меркаде, я прихожу к вам уже одиннадцатый раз; если бы не нужда, да разве стал бы я ждать вас вчера три часа на улице, стал бы ноги бить, прохаживаясь отсюда до Биржи и обратно? Значит, думаю, мне празду сказали, что он за городом.

Меркаде. Оба мы, бедный дядюшка Виолет, неудачники: и у вас и у меня на руках семья...

Виолет. Мы заложили все, что только можно заложить в ломбарде...

Меркаде. Совсем, как я..

Виолет. От этого мне не легче... Но у вас еще есть чем жить, а мы без куска хлеба сидим. Я никогда не упрекал вас в том, что вы нас разорили, всегда считал, что намерения у вас самые лучшие, вы обогатить нас хотели... Тут уж вина моя. Задумал приумножить наше маленькое

состояние и погубил его; жена моя и дочки поедом меня ели, упрекали, что я, мол, не делец, всего опасаюсь, а теперь не желают понять, что тот, кто старается много нажить,— сплошь да рядом теряет не меньше того... Но, что тут говорить, беды словами не поправишь. Я пришел умолять вас — уплатите хоть небольшую часть процентов, спасите жизнь целого семейства!

Меркаде *(про себя)*. Жалкий человек! Каждый раз расстроит меня! Поговорю с ним — и потом завтракаю без аппетита. *(Вслух.)* Успокойтесь, я поделюсь с вами. *(Шепотом.)* Во всем доме не больше ста франков... Да и то это деньги дочери.

Виолет. Да как это возможно! Вы, господин Меркаде, такой богач...

Меркаде. Долг неудачников — говорить друг другу чистую правду.

Виолет. Ах, если бы долг заключался только в этом, как быстро можно было бы расплатиться.

Меркаде. Вы ошибаетесь — скоро я выдам дочь замуж...

Виолет. У меня, сударь, две дочки; обе работают и уже перестали надеяться на замужество; ведь порядочные женщины зарабатывают сущие пустяки! Раз вы в таких обстоятельствах — не смею вам докучать... только жена моя и дочки ждут моего возвращения, тревожатся, поди... Я уже старик, я теперь ни на что больше не гожусь... Может... вы подыскали бы мне место?

Меркаде. Вы, дядюшка Виолет, уже намечены в кассиры моего Общества страхования от...

Виолет. Ох, старуха моя и дочки на вас молиться будут.

Меркаде идет за деньгами.

(В сторону.) Тот, кто пристает к нему, как с ножом к горлу,— гроша не получит, а тот, кто жалуется, вроде меня,— хоть проценты свои выцарапает...

Меркаде. Вот, держите шестьдесят франков...

Виолет. Золотом! Давненько я не видел золота... у себя дома!

Меркаде. Но...

Виолет. Будьте покойны: никому ни полсловечка...

Меркаде. Я не о том. Обещайте мне, дядюшка

Виолет, что следующий раз вы придете только... через месяц.

Виолет. Как через месяц? Да разве мы проживем целый месяц на этакие гроши?

Меркаде. У вас совсем ничего нет?

Виолет. Все мое состояние заключается в том, что вы мне должны...

Меркаде *(в сторону)*. Бедняга! По сравнению с ним я просто богач! *(Вслух.)* А я-то думал, что вы делаете кое-какие делишки, ссужаете деньгами обитателей квартала Эстрапад.

Виолет. С тех пор как неоплатных должников перестали сажать в Сент-Пелажи, в этом квартале сильно уменьшилась потребность в ссудах.

Меркаде. Могли бы вы представить залог, чтобы получить должность кассира?

Виолет. Есть у меня несколько друзей, быть может...

Меркаде. Не согласятся ли они купить акций?

Виолет. Ах, сударь, дельцы подорвали всякую охоту создавать товарищества. Теперь никто и слышать не хочет об акциях...

Меркаде. Ну, так прощайте, дядюшка Виолет! Мы рассчитаемся немного попозже... Вам я заплачу в первую очередь!..

Виолет. Желаю вам удачи, сударь. Жена моя и дочки будут бога молить о счастливом замужестве мадемуазель Меркаде.

Меркаде. Прощайте. *(В сторону.)* Если бы все кредиторы были вроде него!.. Но нет, тогда я не устоял бы: этот всегда уходит от меня с деньгами.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Меркаде и Верделен.

Верделен. Здравствуй, друг мой! Что тебе от меня надо?

Меркаде. Ты нарочно спросил прямо в упор, чтобы я не успел подсластить пилюлю. Словом, ты угадал!

Верделен. О старина Меркаде, нет их у меня; поверь совести, да и были бы, все равно я не мог бы ссудить тебя деньгами. Слушай... Я уж и так дал тебе взаймы

все, чем мог располагать, и никогда не требовал обратно. Я твой друг и твой кредитор; так вот, не будь в моем сердце признательности к тебе, будь я обыкновенный человек, кредитор давным-давно убил бы во мне друга! Черт побери! Всему есть границы.

Меркаде. Дружбе — да, но не бедствиям.

Верделен. Будь я достаточно богат, чтобы спасти тебя, раз и навсегда полностью погасить твои долги, я сделал бы это с радостью, ибо мне по душе твоя отвага; но тебе суждено погибнуть!.. Последние твои предприятия, хоть и остроумно задуманные, даже правдоподобные (недаром сколько народу попадалось!), лопнули: ты потерял уважение, более того, ты стал опасен! Ты не сумел воспользоваться мимолетным успехом своих начинаний!.. Когда ты падешь, то тебя ждет в моем доме кусок хлеба!.. Долг друга обязывает говорить правду в лицо.

Меркаде. Во что превратилась бы дружба, если бы она не доставляла человеку удовольствия считать себя разумным, а друга своего — безумцем, самому жить в довольстве, а друга своего видеть в нищете, восхвалять себя, говоря другу своему неприятности? Итак, общественное мнение против меня.

Верделен. Не берусь утверждать. Пока тебя еще считают честным человеком, но в силу необходимости ты прибегаешь к таким средствам...

Меркаде. Которые не оправдываются успехом, как у людей удачливых. Ах, успех! Сейчас скажу тебе, из какого огромного числа подлостей слагается успех... Нынче утром я вызвал желательное тебе снижение акций, дабы погубить общество копей «Нижней Эндры». Ведь ты хочешь завладеть этими акциями, покуда отчет инженеров держат под спудом и не оглашают, за что ты платишь немалые деньги...

Верделен. Тсс! Меркаде, правда? Узнаю тебя... *(Обнимает его за талию.)*

Меркаде. Следовательно, ты понимаешь, что мне нужны не ласки, не нравоучения, а деньги! Увы, друг мой, я прошу их не для себя. Я выдаю замуж дочь, а, между нами говоря, мы разорены вконец... В нашем доме под наружной роскошью царит нищета (обещания, кредит — все исчерпано), и если я не оплачу наличными хотя бы самые необходимые расходы — свадьбе не бывать. Словом,

мне нужно две недели быть богатым, как тебе — держать сутки биржу в заблуждении. Верделен, с такою просьбой я к тебе больше не обращусь — у меня ведь всего одна дочь. Сказать всю правду? У моей жены и Жюли нет ни одного приличного платья. *(В сторону.)* Он колеблется...

Верделен *(в сторону)*. Он столько раз разыгрывал комедию, что не знаю, выходит его дочь замуж или нет... Нет, не может этого быть!

Меркаде. Вот сегодня необходимо дать обед моему будущему зятю, которого представит нам наш общий друг, а у меня нет столового серебра; оно... сам знаешь, где оно. Мне требуется не только тысяча экю, но и столовый сервиз, надеюсь, ты одолжишь его и вместе с женой придешь ко мне обедать?

Верделен. Тысячу экю!.. Меркаде!.. Да кто же может дать в долг тысячу экю?.. У кого найдутся такие деньги? Для себя и то нет! Если постоянно давать в долг, так денег и вовсе никогда не будет...

Меркаде *(в сторону)*. Даст, даст! *(Вслух.)* Хочешь верь, хочешь нет, но как только я выдам дочь, меня уже ничто не будет интересовать. Жена приютится у Жюли, а я пойду искать счастья по свету, ибо ты прав, и я не раз говорил себе: «Для других я полезен, себя же самого гублю. Там, где я разоряюсь, другие наживаются. Я умелый сеятель по части объявлений и проспектов, я разбираюсь во всем и все устраиваю, что нужно для начала дела, но я никудышный жнец...»

Верделен. Хочешь, я скажу, в чем тут дело?

Меркаде. Скажи...

Верделен. Все происходит оттого, что ты в любом положении проявляешь много ума, но мало рассудка. Ум вызывает восторг окружающих, но лишь рассудок приносит нам богатство.

Меркаде *(в сторону)*. Да, у меня не хватает рассудка, чтобы погубить дело ради своей собственной выгоды. *(Вслух.)* Послушай, Верделен. Я люблю свою жену и дочь. И это чувство — единственное утешение в постигших меня бедствиях. Обе они были так ласковы, так терпеливы, мне хочется защитить их от невзгод... О, вот в чем истинные мои муки... не удивляйся, что я плачу... *(Вытирает глаза.)* У тебя прелестная дочка, и тебе тяжко было бы сознавать, что она несчастна, что она ста-

рится в горестях и труде... А ведь таково будущее моей Жюли, нашего кроткого ангела! О милый друг! За последнее время я испил не одну чашу; я споткнулся о деревянные мостовые, я создавал монополии, которые у меня перехватили! И — все это ничто по сравнению с тем горем, которое ты причинишь мне своим отказом в столь тяжелых для меня обстоятельствах. Словом, не будем говорить о том, что произойдет... ибо я вовсе не намерен вызывать в тебе жалость...

Верделен. Тысячу экю! А на что ты собираешься их употребить?

Меркаде *(в сторону)*. Даст! *(Вслух.)* Ах, дорогой мой, жених — это такая птица, которую может вспугнуть любой пустяк... Одной оборочкой на платье меньше — и все пропало! Наряды заказаны, торговцы вот-вот пришлют их... Да, в расчете на тебя, я имел неосторожность сказать, что заплачу наличными... А обед... Нужны первоклассные вина... только в этих условиях влюбленный может потерять голову. Заметь: нас считают богатыми; перед господином де ла Бривом мы должны предстать во всеоружии. Верделен, от тысячи экю ты не умрешь, ведь у тебя шестьдесят тысяч франков ренты, зато ты спасешь жизнь бедной девочки, которую любишь — а ведь ты любишь Жюли! Она без ума от твоей дочери, они забавляются вместе, как два ангелочка. Неужели ты допустишь, чтобы подруга твоей дочери зачахла во цвете лет? Ведь это заразительно, это приносит несчастье!

Верделен. Дорогой мой, нет у меня тысячи экю; столовое серебро могу тебе одолжить, но денег...

Меркаде. Долго ли подписать чек на банк...

Верделен. Я... Нет...

Меркаде. О несчастное дитя! Все кончено. *(В изнеможении падает в кресло.)* О боже мой! Прости мне, что я обрываю тягостный сон своего существования, и дай мне проснуться в лоне твоем!

Верделен. Однако, если ты подыскал жениха...

Меркаде *(порывисто вставая)*. Если я подыскал жениха? Значит, ты сомневаешься в этом? О, будь жестоким, откажи мне, лиши меня возможности составить счастье моей дочери, но не оскорбляй! Ты увидишь господина де ла Брива. Неужели я пал так низко, что даже ты... О Верделен... О, за тысячу экю я не соглашусь

так думать о тебе... тебе простится, если ты одолжишь мне...

Верделен. Пойду соображусь со средствами...

Меркаде. Нет, это скрытый отказ.

Верделен. А что, если замужество сорвется? Об этом я и не подумал; нет, мой друг, я одолжу тебе деньги не раньше чем состоится свадьба...

Меркаде. Да без тысячи экю она не состоится! Подумай только: ты тратил при мне бешеные деньги на пустяки, на какую-нибудь интрижку и не хочешь дать скромную сумму на выгодное дело!

Верделен. Нынче выгодные дела редки.

Меркаде. Ха-ха-ха! Удружил, нечего сказать. Действительно, хороших акций нет, зато реакция есть!

Верделен. Ха-ха-ха! *(Роняет шляпу.)*

Меркаде *(подбирает шляпу и чистит ее рукавом)*. Послушай, дорогой, ведь мы с тобой старые друзья. Мы много повидали на своем веку, вместе в жизнь вступили! Сколько разговоров переговорили, сколько дел переделали! А? Неужели ты забыл славное времечко, когда мы дружили на жизнь и на смерть?

Верделен. А помнишь нашу поездку в Рамбуйе, когда я подрался из-за тебя с гвардейским офицером?

Меркаде. А я уступил тебе Клариссу! Эх, какие мы были сорвиголовы, настоящие зеленые юнцы! А теперь у нас самих дочери, девушки на выданье. Если бы Кларисса была жива, она не простила бы твоих колебаний.

Верделен. Если бы она была жива, разве я женился бы?

Меркаде. Да, ты умеешь любить! Итак, я могу рассчитывать на тебя относительно обеда, и дай мне честное слово, что пришлешь...

Верделен. Серебро...

Меркаде. И тысячу экю...

Верделен. Опять ты за свое. Я же сказал, что не могу...

Меркаде *(в сторону)*. Ну, этот не умрет от разрыва сердца. *(Вслух.)* Значит, мне суждено погибнуть от руки лучшего моего друга? Ах, таков свет. Тебе, видно, безразлична память Клариссы, отчаяние отца? *(Повышает голос до крика.)* Погиб! Застрелюсь...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Жюли и г-жа Меркаде.

Г-жа Меркаде. Друг мой, что с тобою?..

Жюли. Папа, ты напугал меня.

Г-жа Меркаде. Но здесь Верделен, значит, ничего страшного нет.

Жюли. Здравствуйте, сударь. Что произошло у вас с отцом?

Меркаде. Вот видишь, они явились, как два ангела-хранителя, при первом же звуке моего голоса. *(В сторону.)* Они все слыхали! *(Берет жену и дочь за руки.)* Вы растрогали меня. *(Верделену.)* Послушай, Верделен, неужели ты хочешь погубить целую семью? Их нежность, проявляющаяся на каждом шагу, придает мне силы пасть к твоим ногам. *(Делает вид, что собирается стать на колени.)*

Жюли. Ах, сударь! *(Удерживает отца.)* Я буду умолять вас вместо отца. Я отлично вижу, что речь идет о деньгах,— так я могу поручиться своим заработком. Спасите еще раз отца: если он так умоляет — значит, у него безвыходное положение.

Меркаде. Милая деточка! *(В сторону.)* Сколько чувства! У меня никогда не выходит так естественно.

Г-жа Меркаде. Господин Верделен, окажите ему эту услугу, мы сумеем оценить ваш поступок. Я заложу все, что у меня осталось.

Верделен *(Жюли)*. А вы знаете, что́ он у меня просит?

Жюли. Нет.

Верделен. Тысячу экю, чтобы выдать вас замуж.

Жюли. Ах, сударь, в таком случае забудьте мои слова. Я не желаю брака, который куплен ценою унижения моего отца...

Меркаде *(в сторону)*. Неподражаема...

Верделен. Иду за деньгами. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, кроме Верделена.

Меркаде. Ушел...

Жюли. Ах, отец, ведь я не знала...

Меркаде *(целуя дочь)*. Ты спасла нас! Ах, когда

же у меня будут деньги и положение, чтобы заставить его раскаяться в подобном благодеянии?..

Г-жа Меркаде. Но он же одолжит вам сумму, которую вы у него просите...

Меркаде. Он продает ее мне слишком дорого. Разве люди умеют одолжить денег ближнему? О, когда у меня была возможность, я оказывал благодеяния с такой щедростью... (*Делает жест, как бы сыпля деньгами.*) Иной раз неблагодарность является местью! А-а, миленький мой Верделен, ты ломаешься, прежде чем одолжить мне тысячу экю, так уж не взыщи, если я надую тебя на все сто тысяч!..

Г-жа Меркаде. Будьте же справедливы: ведь Верделен уступил.

Меркаде. Не моим мольбам, а слезам Жюли. Ах, дорогая, в Верделене подлости больше, чем на тысячу экю!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Верделен.

Верделен. У меня в карете были деньги для Бредифа, но его нет дома; вот три мешка...

Жюстен вносит два мешка.

Меркаде. Ах!

Г-жа Меркаде. Будьте уверены, что признательная мать...

Верделен. Деньги эти я даю в долг только вам и вашей дочери и попрошу вас обеих подписать расписку, которую сейчас составит Меркаде...

Жюли. Подписаться под собственным несчастьем!

Г-жа Меркаде. Молчи, Жюли.

Меркаде (*пишет*). Добрый мой Верделен, наконец-то я снова узнаю тебя. Проценты приписать?

Верделен. Нет, нет, без процентов... Я хочу выручить вас, а вовсе не дельце сделать...

Меркаде. Дочь моя, вот твой второй отец!..

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Жюстен; потом Тереза.

Жюстен. Господин Минар. (*Уходит.*)

Тереза. Барыня, от торговцев покупки несут...

Г-жа Меркаде *(подает Верделену расписку)*. Иду...

Меркаде *(Верделену)*. Видишь, как раз вовремя.

Верделен. Ну, хорошо. Я пошел...

Г-жа Меркаде уходит с Терезой; Меркаде провожает Верделена и знаком подзывает Минара.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Минар и Жюли; потом Меркаде.

Жюли *(Минару)*. Если вы хотите, Адольф, чтобы наша любовь сияла на виду у всех, на светских празднествах, как сияет она в наших сердцах, то выкажите столько же мужества, сколько выказала я.

Минар. Что случилось?

Жюли. Моей руки просит богатый человек, и отец безжалостен.

Минар. Я его уговорю!

Меркаде *(входит)*. Итак, сударь, вы любите мою дочь?

Минар. Да, сударь.

Меркаде. По крайней мере она так думает. Вам удалось убедить ее в этом...

Минар. В ваших словах слышится недоверие, и в любых других устах это звучало бы оскорблением. Как же не любить мне Жюли? Я был брошен родителями, у меня нет иной поддержки, кроме покровительства доброго господина Дюваля, который с девяти лет заменил мне отца.. Я в вашей дочери, сударь, встретил единственного человека, благодаря которому мне было дано познать благостное чувство привязанности. Жюли — и сестра мне и друг, она — все мое семейство! Только она и улыбалась мне, только она и ободряла меня, и потому нет слов выразить, как я люблю ее.

Жюли. Уйти мне, папенька?

Меркаде *(дочери)*. Кокетка! *(Минару.)* Сударь, насчет любви я придерживаюсь самых положительных воззрений, которые молодыми влюбленными обычно ставятся в упрек старикам. Недоверие мое тем более законно, что я не принадлежу к числу отцов, ослепленных своим отеческим чувством: я вижу Жюли такою, какова она есть. Она не дурнушка, но и не блещет тою красотой, при

виде которой каждый невольно ахнет. Жюли ни хороша, ни уродлива.

Минар. Вы ошибаетесь, сударь. Осмелюсь вам заметить, что вы не знаете своей Жюли...

Меркаде. О, отлично знаю... так же, как...

Минар. Нет, сударь, вы знаете лишь ту Жюли, которую видят и знают все; но любовь преображает ее. Нежность, преданность придают ей дивную красоту, и эта красота создана одним только мною.

Жюли. Отец, я смущена...

Меркаде. Скажи лучше: «польщена»... И если он твердит тебе такие вещи...

Минар. Твержу их сто, тысячу раз и не могу натвердиться! Что худого повторить их в присутствии отца?

Меркаде. Вы льстите мне. А я-то воображал, что я ей отец, но, оказывается, вы — отец некоей Жюли, с которой я сам не прочь бы познакомиться. Послушайте, молодой человек, откройте же глаза! Основательные и прекрасные достоинства души могут — согласен — изменять выражение лица; ну, а цвет кожи? Жюли скромная и непритязательная девушка, она знает, что цвет лица у нее смуглый, а черты, как бы сказать... не совсем того...

Жюли. Папенька!

Минар. Неужели вы никогда не были влюблены?

Меркаде. Очень даже был влюблен! И я, подобно каждому мужчине, достаточно долго тянул эту позолоченную лямку.

Минар. Но когда это было!.. А мы, теперешние, любим иначе, лучше...

Меркаде. Позвольте узнать, в чем же именно?

Минар. Мы привязываемся к душе, к идеалу.

Меркаде. Ах, так вот почему моя дочь вдруг стала такой красавицей... Значит, если женщина чуть кривобока — идеал выпрямит ее! Значит, если у девицы возвышенная душа, то пальчики у нее становятся тонкие, ножки изящные, цвет лица нежный, а если у нее еще к тому же и идеалы, то и глаза начинают гореть, как звезды.

Минар. Разумеется.

Меркаде. Мы, люди, воспитанные во времена Империи, называем это...

Минар. Это любовь. Святая, чистая любовь!

Меркаде. Слепотой.

Жюли. Отец, не смейтесь над детьми...

Меркаде. Вполне взрослыми...

Жюли. Они любят друг друга, как любят в наше время,— со страстью искренней, чистой, верной, ибо она основана на знании характера, на уверенности в том, что каждый будет упорно бороться с житейскими трудностями,— словом, не смейтесь над детьми, которые и вас будут очень любить.

Минар *(обращается к Меркаде)*. Что за ангел!..

Меркаде *(в сторону)*. Я сейчас тебе такого ангела покажу! *(Дочери.)* Помолчи, дочка. *(Минару.)* Итак, сударь, вы обожаете Жюли. Она очаровательна, она возвышенна, умна, сердечна. Короче говоря, она воплощение красоты, как вы ее понимаете, она совершенство, мечта...

Минар. Ах, значит, Жюли — моя?..

Меркаде. Она ангел, который, однако, не лишен материальности...

Минар. К счастью для меня!

Меркаде. И вы любите ее без всякой задней мысли?

Минар. Ну, конечно!

Жюли. Что я вам говорила?

Меркаде *(берет их за руки и привлекает к себе)*. Счастливые дети! Итак, вы любите друг друга? Какой трогательный роман! *(Минару.)* Вы просите ее руки?

Минар. Да, сударь.

Меркаде. Вопреки всем препятствиям?

Минар. Я здесь, дабы преодолеть их.

Меркаде. И ничто вас не охладит?

Минар. Ничто.

Жюли. Я же говорила вам,— он меня любит.

Меркаде. Похоже на то! Где еще сыскать столь прекрасное зрелище? Какая отрада для отца видеть, что дочь его любима, как она того заслуживает, видеть ее счастливою...

Жюли. Разве вы не довольны, папенька, моим выбором: ведь ваш будущий сын полон возвышенных чувств, наделен стойкой душой и...

Минар. Мадемуазель!

Жюли. Нет, сударь, позвольте и мне сказать все, что я думаю!

Меркаде. Дочка, ступай к матери; дай мне поговорить о делах, куда менее возвышенных. Как ни велико влияние идеала на наружность женщины, он, увы, ничуть не влияет на ренту...

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Минар и Меркаде.

Меркаде. Наедине мы можем говорить без обиняков. Господин Минар, вы не любите моей дочери!

Минар. Скажите, сударь, что у вас на виду для мадемуазель Меркаде богатая партия, что вы не желаете считаться с чувствами вашей дочери,— и я пойму вас. Но знайте: я пришел просить ее руки лишь после того, как завоевал ее сердце.

Меркаде. Завоевал ее сердце! Несчастный! На что вы намекаете?

Минар. Сударь, я люблю Жюли почтительной любовью.

Меркаде. А-а! Слава богу, опять идеалы! Но, скажите мне с полной откровенностью, писали вы друг другу?

Минар. Да, сударь, письма, полные любви.

Меркаде *(в сторону)*. Бедняжка! Она читала любовные письма! Значит, будет страдать не сердце, а рассудок... *(Вслух.)* Сударь, у ангелов есть тысяча всяких совершенств, но нет государственной ренты, и Жюли...

Минар. Ах, сударь, я готов на любые жертвы, лишь бы Жюли была моею.

Меркаде. Значит, вы говорите, что вас не устрашит никакое препятствие?

Минар. Да, не устрашит.

Меркаде. В таком случае я открою вам один секрет, от которого зависит счастье и спокойствие семьи, куда вы во что бы то ни стало хотите войти.

Минар *(в сторону)*. Что-то он скажет?

Меркаде. Я в безвыходном положении, сударь, я разорен... разорен окончательно. Вы добиваетесь Жюли— и получите ее руку; как бы бедны вы ни были, ей будет лучше у вас, чем в родительском доме... Она хуже, чем бесприданница: все ее приданое — бедные родители... и даже хуже, чем бедные...

Минар. Хуже, чем бедные?.. Хуже не бывает.

Меркаде. Нет, бывает. У нас долги, много долгов; даже по мелочам и то...

Минар *(в сторону)*. Хитрит! Хочет меня испытать. *(Вслух.)* Ну что же, сударь, я молод, передо мною весь мир, у меня достаточно сил и самолюбия, а по теперешним временам с меня ничего не спросят, кроме моего имени. Я добьюсь своего... Я добьюсь богатства для той, кого люблю, в этом я полагаю свое счастье.

Меркаде. И это мне известно. Я сам разорился ради жены, ради того, чтоб она жила в роскоши, к которой привыкла. В свое время и я приносил жертвы идеалам, зато кредиторы мои не признают ни идеалов, ни фантазии, ни счастья!

Минар *(в сторону)*. Шутит; он богач!

Меркаде. Итак, мое признание не испугало вас?

Минар. Нет, сударь. Ни одна корыстная мысль не омрачает моей любви.

Меркаде. Прекрасно, молодой человек. Лучше не скажешь! *(В сторону.)* Ну и упрямец! *(Вслух.)* Вы любите мою дочь настолько, что готовы любою ценой заплатить за счастье жениться на ней?

Минар. Я предлагаю самое дорогое — всю мою жизнь.

Меркаде. Столь искренняя любовь должна быть вознаграждена.

Минар. Наконец-то!

Меркаде. Я вполне доверяю вам.

Минар. Я того заслуживаю, сударь.

Меркаде. Подождите минутку! *(Выходит.)*

Минар *(один)*. На моем месте. в подобном положении большинство молодых людей заколебалось бы, сдалось бы. Когда у такого богатого отца есть некрасивая дочь (а ведь Жюли только что не дурнушка), то он поступает правильно, стараясь выяснить, не ищут ли ее руки лишь ради приданого! О, в роли застенчивого молодого человека я вел себя превосходно! А батюшка-то не лишен здравого смысла. Жюли, несомненно, влюблена в меня; только я один и говорил ей о любви, и говорил так много, что и сам уверовал под конец. Она будет со мною счастлива, я люблю ее именно так, как должно любить жену; да, я люблю ее. Быть может, когда тщательно изучаешь человека, начинаешь лучше понимать его и сквозь

телесную оболочку тогда видишь его душу. А у Жюли прекрасная душа. И, право же, не красота, а достоинства жены — залог семейного счастья. К тому же женятся и на более уродливых. А любящая женщина всегда умеет быть красивой.

Меркаде (*возвращается*). Вот, зятек, семейные документы, касающиеся нашего состояния...

Минар. Сударь...

Меркаде. О, состояние чисто отрицательное... Читайте. Вот копия протокола о наложении ареста на мебель. Я довольно дорого плачу домовладельцу за пользование ею. Сегодня утром он хотел ее продать. Вот ворох исполнительных листов, вот — увы! — вынесенный вчера приговор о лишении меня свободы за долги... Как видите, дело принимает нешуточный оборот... Вот, наконец, все мои опротестованные векселя, приговоры, счета — все в полном порядке, ибо, милый юноша, заметьте раз навсегда: именно беспорядок и надо держать в порядке. В хорошо налаженном беспорядке всегда можно разобраться, им легко управлять. Любой кредитор промолчит, увидев, что долг ему записан под номером таким-то. Я последовал примеру правительства: все подобрано в алфавитном порядке. Но я еще не расплатился даже с буквою А.

Минар. Еще ничего не уплатили?

Меркаде. Почти ничего; но, по-моему, я действую как порядочный человек.

Минар. Безусловно!..

Меркаде. Теперь вы знаете все мои обязательства, с бухгалтерией вы знакомы... Вот смотрите: итог триста восемьдесят тысяч...

Минар. Да, сударь, около того.

Меркаде. Вы все видели. Пожаловаться вы не можете. Отец, который жаждет сбыть дочку с рук, постарался бы обмануть вас. Посулил бы несуществующее приданое, постоянный доход. Такие штуки проделывают... и весьма часто. Отцы сплошь да рядом используют любовь вроде вашей и эксплуатируют ее! Но вам попался порядочный человек... Иметь долги можно, но оставаться честным человеком обязан каждый... Вы прямо напугали меня, когда в присутствии дочери сами связали себя по рукам и ногам столь прекрасными обещаниями, ибо сочетаться браком с бедной девушкой, имея всего лишь две

тысячи жалованья, равносильно тому, что сочетать протестованный вексель с долговой тюрьмой.

Минар. Вы так полагаете, сударь? Значит, я сделаю несчастной вашу дочь!

Меркаде. Ах, молодой человек! Теперь вы видите, какой цвет лица у Жюли на самом деле.

Минар. Да, сударь!

Меркаде. Значит, по рукам! Вы заслужили мое искреннее уважение. Вы подаете большие надежды, вы лжете с таким апломбом...

Минар. Сударь...

Меркаде. Будь вы министром, вам поверил бы любой парламент.

Минар. Сударь...

Меркаде. Уж не собираетесь ли вы ссориться со мной? А ведь не вы, а я имею право жаловаться, молодой человек. Вы нарушили покой моего семейства, вы внушили моей дочери преувеличенные понятия о любви, которые омрачат ее счастье, ибо она создает себе идеалы... нелепые, конечно. Жюли несколькими месяцами старше вас, ваша притворная любовь раскрыла ей соблазны, перед которыми ни одна девушка не устоит...

Минар. Господин Меркаде, если обоюдная наша нищета и разлучает нас, то меня во всяком случае упрекнуть не в чем. Я люблю мадемуазель Жюли! Может ли бедный юноша, могу ли я, обойденный судьбою, найти что-либо лучшее?

Меркаде. Слова! Слова! Вы причинили зло и его надлежит исправить.

Минар. Поверьте, господин Меркаде...

Меркаде. Довольно! Теперь требуются доказательства! Верните мне письма, которые вам писала Жюли.

Минар. Не премину сегодня же...

Меркаде. И помогите несчастному отцу выдать дочь замуж. Раз вы любите Жюли, посодействуйте мне. Ей необходимо состояние и имя. Если юноша увлечен и не скрывает этого, нет ничего зазорного играть роль несчастного поклонника. Во Франции каждый хочет того, чего добиваются все. Молодая женщина, за которой ухаживают, которой домогаются многие, становится привлекательной, как идеал. Запомните, если наше счастье огорчает кого-нибудь, оно кажется нам оттого во сто раз до-

роже. Зависть таится в сердце человеческом, как змея под колодой. Ну, да вы меня поняли. А что касается дочери (*зовет Жюли*), потрудитесь сами подготовить ее к перемене; если я скажу, что вы от нее отказываетесь, она не поверит.

Минар. Ведь я столько ей говорил и писал, что не знаю, выйдет ли?

Меркаде уходит.

Право, я готов провалиться сквозь землю. Жениться? У меня тысяча восемьсот франков жалованья, мне и одному-то не хватает. А что же станет с нами, если нас будет трое? Вот она... Она словно переменилась. Я привык смотреть на нее сквозь призму приданого в триста тысяч. Однако к делу...

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Минар и Жюли.

Жюли. Так как же, Адольф?

Минар. Что, мадемуазель?

Жюли. Мадемуазель? Я уже не Жюли для вас? Вы сговорились с отцом?

Минар. Да... То есть...

Жюли. О, деньги всегда грязнят любовь; но я надеюсь, что вы одержали победу над отцом...

Минар. Ах, Жюли. Ваш отец прав с точки зрения расч... я хотел сказать, рассудка.

Жюли. Что произошло между вами? Адольф, вы словно разлюбили меня.

Минар. Да нет!

Жюли. А у меня уже сжалось сердце!

Минар. В нашем положении, видите ли, произошла большая перемена.

Жюли. Вам не удалось уговорить батюшку?

Минар. Ваш отец не сообщал вам о своем положении? А оно ужасно, Жюли, ибо обрекает нас на нищету. Есть мужчины, которым нищета придает энергию, а таких, как я,— вы ведь не знаете моего характера,— она подавляет... Да что говорить! Быть причиной вашего несчастья — нет, лучше смерть!

Жюли. У меня хватит твердости на двоих. Вы не увидите моих слез. К тому же я не буду вам в тягость.

Моя живопись приносит мне столько же, сколько вам ваша должность, и, пусть я не богата, ручаюсь, что в нашем уютном гнездышке будет царить достаток.

Минар *(в сторону)*. Только бедные девушки и могут так любить.

Жюли. Что это вы говорите, сударь?

Минар. Вы прекрасны, как никогда... *(В сторону.)* Она помешалась от любви... Надо положить этому конец... *(Вслух.)* Но...

Жюли. «Но», Адольф,— слово коварное.

Минар. Ваш отец воззвал к моей чувствительности. Он убедил меня, что любовь — эгоистическая страсть.

Жюли. Со стороны двух человек.

Минар. Даже трех. Он нарисовал мне картину вашей будущей жизни, и я понял, как велика разница между жалким существованием и богатством. Жюли, ведь есть любовь и любовь.

Жюли. Любовь одна.

Минар. Любовь, обрекающая вас на нищету,— безрассудна; любовь, приносящая себя в жертву ради вашего счастья,— героична...

Жюли. Все мое счастье, Адольф, в том, чтобы принадлежать вам.

Минар. Ах, если бы вы слышали, что́ говорил ваш отец! Он умолял меня отказаться от вас!

Жюли. И вы отказались?

Минар. Пытаюсь, хотел бы, да не могу. Внутренний голос подсказывает мне, что никто не будет меня так любить, как вы...

Жюли. Конечно, сударь, моя любовь... Впрочем, к чему опять говорить о моей любви?

Минар. Уж из одной благодарности я должен принести себя в жертву.

Жюли. Прощайте, прощайте, сударь!

Адольф уходит.

Уходит. Не оборачивается! О боже мой!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Жюли одна, смотрится в зеркало.

Жюли. Красота! Несравненное преимущество, единственное, которое нельзя приобрести за деньги и которое

тем не менее пустой призрак, пустой обман,— тебя, красота, недостает мне! О, я знаю это. Я стараюсь заменить тебя лаской, нежностью, покорностью, бескорыстной преданностью, когда жизнь свою отдаешь, как крупицу ладана на алтарь... И вот все надежды бедной дурнушки разлетелись! Идол, которого я боготворила, в одно мгновение рассыпался в прах. Итак, слова: «Я хороша, я могу очаровать, могу исполнить предначертание женщины, дать счастье и сама насладиться им» — эта опьяняющая мысль, увы, никогда не утешит мое бедное сердце. Мечты рассеялись, все оказалось сном... *(Утирает слезы.)* Никто не осушит моих слез, я проживу всю жизнь в одиночестве! Он не любил меня. Я сама наделила этот призрак своими собственными достоинствами, своими собственными чувствами, но призрак исчез... и горе мое всем покажется столь нелепым, что я должна скрыть его в тайниках души... Ну же, вздохнем в последний раз над первой любовью и покорно примем участь многих женщин — станем игрушкою неведомой жизни! Станем госпожою де ла Брив и спасем отца. Откажемся от прекрасного венка любви, неповторимой, чистой и взаимной любви!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Минар один.

Минар. Будь я хотя бы столоначальником, ни за что бы я не вернул письма. Я их перечитал в последний раз: в каждой строчке видна прекрасная душа, бесконечная нежность. Ох, бедность, бедность! Она сгубила, пожалуй, столько же возвышенных чувств, сколько сгубила великолепных талантов. С каким почтением должны мы приветствовать великих людей, которые сумели преодолеть ее,— они вдвойне велики.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Минар и Жюли.

Жюли. Я видела, как вы входили, и вот — пришла. Как видите, у меня нет гордости...

Минар. А у меня нет сил.

Жюли. Вы любите меня меньше, чем я вас, а ведь вы мужчина. О, услышь я от вас хоть слово сожаления, Адольф!

Минар. Что же было бы тогда?

Жюли. Я расстроила бы сватовство, и отец даже не догадался бы, каким образом.

Минар. А дальше?

Жюли. Дальше будущее принадлежало бы нам, и мы вдвоем сумели бы разбогатеть...

Минар. Наше будущее сулит нам мало хорошего. Выслушайте меня, Жюли. Расставшись с вами, я так много перестрадал, что заслуживаю вашего прощения. Считайте меня алчным или тщеславным, но я хочу быть по крайней мере искренним: я думал, что вы достаточно богаты и ваше приданое помогло бы увенчать труды, которые должны были принести вам счастье. Я одинок во всем мире, и было вполне естественно обратиться за помощью к той, кого я собираюсь сделать подругой своей жизни. Быть может, я даже рассчитывал, что вам будет приятно помочь мне, дабы укрепить наши узы,— так нужна мне была точка опоры. Но, узнав вас ближе, я к вам почувствовал искреннюю привязанность, и слова вашего отца не погасили во мне любви.

Жюли. Правда?

Минар. Да, Жюли, я чувствую, что люблю вас. И если бы я верил в себя так же крепко, как крепко люблю вас, мы с вами рука об руку смело пошли бы навстречу всем жизненным невзгодам!

Жюли. Довольно! Довольно! Этим признанием вы искупили все! Мне тяжело было думать, что вы руководствуетесь корыстными расчетами... Не нужно больше слов. Я счастлива.

Минар. Я, Жюли, много могу выстрадать, ну а вы? Достаточно ли вы закалены, чтобы вынести горе? На первых порах нам пришлось бы делиться только горестями...

Жюли. Прощаю вам ваше тщеславие, ваш расчет, так простите же и вы мне мое упорство. Раз вы меня любите — все мне кажется возможным.

Минар. Итак, значит, я воплощаю сомнение, а вы — надежду.

Жюли. Я постараюсь сохранить свободу еще некоторое время. Внутренний голос твердит мне, что мы будем

счастливы. Вы недавно получили письмо от матери, она пишет, что бросила вас в ваших же интересах, она сулит вам лучшее будущее. Быть может, судьба ваша изменится.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г-жа Меркаде, Жюли и Минар.

Г-жа Меркаде. Отец будет недоволен, если узнает, что вы, вместо того чтобы одеваться, заняты беседою, и с кем, с господином Минаром. Вас могут застать здесь господа де Мерикур и де ла Брив.

Минар. Сударыня, в посещении моем нет ничего худого. Я пришел сюда по желанию господина Меркаде... чтобы вернуть мадемуазель Жюли ее письма и взять у нее свои.

Жюли. Маменька, теперь вы верите, что мы любим друг друга. Неужели вы не защитите свою дочь от беды?..

Г-жа Меркаде. Жюли, отец ваш в таком положении, что ему нужен зять, который был бы ему полезен и помогал бы в делах. Иначе ему конец...

Жюли. А у меня кончена вся жизнь!

Минар. Господин Дюваль, бывший кассир фирмы Меркаде и Годо...

Г-жа Меркаде. Он тоже кредитор моего мужа.

Минар. Да, сударыня. Я только что рассказал ему о положении господина Меркаде.

Г-жа Меркаде вздрагивает.

О, не беспокойтесь, ему и без того все известно, сударыня, и он не считает ваше положение безнадежным, он готов принять на себя ликвидацию дел господина Меркаде.

Г-жа Меркаде. Ликвидацию дел! Да вы не знаете моего мужа! Он, как игрок за роковым столом, никогда не теряет надежды на удачу и решится на все, чтобы сохранить право разбогатеть; вы же сами видите, что он собирается выдать дочь замуж... Ликвидировать дела! Отказаться от спекуляций! Да ведь в этом вся его жизнь! Сударь, я сообщила вам эту тайну, чтобы вы поняли, как мало надежды его переубедить. Как женщина, как мать, я хотела бы видеть вас счастливыми; но могу ли я осуждать господина Меркаде за то, что он желает выдать дочь

за богатого человека, когда мы стоим на пороге нищеты? У господина де ла Брива имя, родственные связи...

Жюли *(матери)*. Перестаньте, мама. Подумайте, каково Адольфу!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Жюстен.

Жюстен. Господин де ла Брив и господин де Мерикур.

Жюли *(Минару)*. Сударь, пойдемте, я верну вам письма.

Г-жа Меркаде *(Жюстену)*. Попросите их подождать здесь, я пришлю сейчас барина. Идемте одеваться, Жюли!

Все, кроме Жюстена, уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Жюстен, Мерикур и де ла Брив.

Жюстен. Барыня и барышня одеваются и просят немного подождать. Барин сейчас выйдет. *(Уходит.)*

Мерикур. Итак, дорогой мой, ты наконец на поле сражения и скоро будешь официально объявлен женихом мадемуазель Меркаде. Действуй половчее, отец ее — большой пройдоха!

Де ла Брив. Это-то меня и пугает. С ним будет трудновато.

Мерикур. Не думаю, ведь Меркаде — спекулянт. Сегодня он богат, а завтра проснется нищим. Судя по словам его жены, а она не распространяется об их делах, он, кажется, весьма рад будет положить часть состояния на имя дочери и приобрести в лице зятя надежного помощника в своих затеях.

Де ла Брив. Мысль превосходная, мне это подходит. А вдруг он слишком рьяно пустится наводить справки?

Мерикур. Я дал госпоже Меркаде самый лучший отзыв. Женщина в сорок лет, дорогой мой, свято верит всему, что говорит ее присяжный поклонник...

Де ла Брив. Тут такое удачное стечение обстоятельств, что...

Меркуцио. Неужели ты, денди, потеряешь свою обычную самоуверенность? Я вполне понимаю, насколько твое положение рискованно. Только человек, вконец отчаявшийся, может принять роковое решение — жениться. Для денди брак — сначала блеск и удача, а потом — самоубийство. *(Понижает голос.)* Скажи, долго ли ты еще продержишься?

Де ла Бриев. Не будь я для судебных исполнителей Мишоненом, а для светского общества — де ла Бривом, не разгуливать бы мне по бульварам. Мы с женщинами взаимно разоряли друг друга; а по нынешним нравам встретить англичанку, аппетитную вдовушку, любовное Эльдорадо — слишком большая редкость; богатые англичанки выродились, как мопсы.

Меркуцио. А игра?

Де ла Бриев. О, игра — верный источник дохода лишь для настоящих шулеров, а я не так глуп, чтобы рисковать честью ради скоропреходящих выигрышей. Гласность, дружок, упразднила все сомнительные дорожки, некогда приводившие к богатству. Если даже выдать на сто тысяч векселей, все равно не получишь и десяти тысяч наличными. Пьеркен переправил меня к Подпьеркену, к некоему дядюшке Виолету, а тот заявил моему посреднику, что не стоит на меня тратить гербовую бумагу... Портной не желает принимать во внимание мою будущность... Лошадь моя, и та ест овес в кредит. А этот злополучный разряженный мальчишка, мой грум,— так я даже не знаю, чем он жив, чем сыт. Просто не решаюсь проникнуть в эту тайну. А так как мы еще недостаточно цивилизованы, чтобы издать закон на манер библейского, по которому каждые пятьдесят лет прощались все долги, приходится расплачиваться собственной шкурой. Обо мне станут говорить всякие гнусности. Молодой человек, известный среди золотой молодежи, довольно удачливый в игре, собою приличный, не достигший еще и двадцати восьми лет, женится на дочери богатого дельца... на уродине, говоришь ты?

Меркуцио. Н-да, до некоторой степени...

Де ла Бриев. Пусть я поступаю легкомысленно, но я устал от праздной жизни... Я теперь понял, что самый быстрый способ сколотить капиталец — это, пожалуй, все-таки работать. Но... беда наша в том, что мы чувствуем себя способными ко всему, а по сути, ни на что не годны.

Человек вроде меня может внушить страсть и не уронить себя, но он ни приказчиком, ни солдатом быть не может. Общество еще не создало для нас подходящих должностей. Ну что ж, будем делать дела вместе с Меркаде. Ведь Меркаде — великий делец. Мы с ним потрясем весь коммерческий мир. Ты уверен, что он даст за дочерью не менее полутораста тысяч?

Мерикур. Дорогой мой, судя по туалетам госпожи Меркаде... словом... ты сам видел ее на всех премьерах — в Буффе, в Опере — и видел, как она изящна.

Дела Брив. Да я и сам изящен, а у меня ни...

Мерикур. Что правда, то правда, но смотри... здесь все свидетельствует о богатстве. Они живут великолепно.

Дела Брив. Это буржуазная роскошь — надежная, многообещающая...

Мерикур. К тому ж у матери твердые правила. В сорок лет она все еще совестится. За все полтора года поведение самое... приличное. Успеешь ты заключить эту сделку?

Дела Брив. Все меры приняты. Вчера в клубе я выиграл достаточно, чтоб сделать приличный свадебный подарок,— немного заплачу, а остальное будет за мною...

Мерикур. Сколько ты всего должен, не считая меня?

Дела Брив. Пустяки. Сто тысяч франков, а тесть мой сведет их к пятидесяти тысячам. Итого у меня останется чистыми сто тысяч, хватит, чтоб начать первое дело. Я всегда говорил, что разбогатею, когда у меня не будет ни гроша.

Мерикур. Меркаде — человек хитрый, он станет расспрашивать тебя о твоем состоянии, ты хоть подготовился?

Дела Брив. А как же: поместье Ла Брив, три тысячи арпанов земли в провинции Ланд, общей стоимостью в тридцать тысяч франков, заложенные по оценке в сорок пять тысяч. Землю эту при желании можно пустить в оборот и получить сто тысяч экю, добывая... неважно что добывая. Ты и представить себе не можешь, сколько принесла мне эта земля!

Мерикур. И имя твое, и поместье, и лошадь — все это не совсем твое.

Дела Брив. Тише!

Мерикур. Итак, ты окончательно решился?

Дела Брив. Тем более что я собираюсь стать политическим деятелем...

Меркур. Что ж, ты достаточно ловок для этого.

Дела Брив. Сначала сделаюсь журналистом.

Меркур. Да ты никогда и двух слов не написал.

Дела Брив. Есть журналисты, которые пишут, а есть и такие, которые не пишут. Одни, сотрудники,— рабочая скотина, которая и тянет на себе воз, другие — хозяева, предприниматели: они дают своим клячам немножко овса, а себе оставляют денежки. Нет, я буду хозяином. Примешь этакий важный вид, скажешь: «Восточный вопрос — вопрос весьма сложный, он может завести нас так далеко, что мы и сами того не подозреваем». А в конце разговора воскликнешь: «Англия, сударь мой, всегда будет водить нас за нос!». Или затянет кто-нибудь беседу, которую ты не слушал, а у тебя уже готов ответ: «Мы катимся в пропасть. Мы еще не прошли всех эволюций революционной фазы». Министерскому деятелю заявишь: «Сударь, я думаю, что в этом отношении можно кое-что сделать». Говоришь мало, много суетишься, стараешься быть полезным, хлопочешь по делу важного лица, когда самому ему хлопотать неудобно. Считаешься вдохновителем нашумевших статей. На худой конец... выпускаешь пухленький томик насчет какой-нибудь утопии, да так написанный, да такой толстый, что никто его и не раскроет, но всякий будет уверять, что прочел! Тогда становишься серьезным человеком и в конце концов делаешься «кем-то», а раньше был неизвестно чем.

Меркур. Увы, в наше время твоя программа сплошь и рядом увенчивается успехом!

Дела Брив. Тому есть блестящие доказательства! Призывая человека к власти, теперь не спрашивают, что он может сделать хорошего, а спрашивают, что он может сделать дурного! Теперь дело не в таланте, а в уменье наводить страх. В политике нынче стали трусливы, ибо у всех по темным уголкам накопилось порядочно грязного белья, а выстирать его нет возможности. Я отлично знаю наш век. Светские обеды, карточная игра, ростовщики — вот где я проходил курс политических наук. Я исследовал все закоулки, а потому наутро после свадьбы приобрету важный, глубокомысленный вид и определенные убеждения. Выбор большой. У нас во Франции меню убеждений столь же разнообразно, как в хорошем ресто-

ране. Я решил стать социалистом. Мне нравится это слово. В любую эпоху, дорогой мой, имеется существительное, которое открывает перед честолюбцами все двери. До тысяча семьсот восемьдесят девятого года объявляли себя экономистами, в тысяча восемьсот пятом — либералами. Партия завтрашнего дня называется социальной, быть может, оттого, что она антисоциальна, ибо во Франции, чтобы понять истинное значение слова, надо вывернуть его наизнанку.

Меркур. Однако твоя расточительность принесла тебе недурные проценты.

Дела Брив. Вот именно.

Меркур. А ведь, между нами, ты самый обыкновенный завсегдатай маскарадов и зарослова можешь сойти лишь в глазах тех, кто сам рта не раскрывает. Как же быть? Ведь нужно кое-какое умение...

Дела Брив. Друг мой, на всяком поприще — в коммерции, в науке ли, в искусствах, литературе — всюду нужен основательный вклад, особые знания, нужно доказать свои способности. В политике же, дорогой мой, всего можно добиться и чем угодно можно стать при помощи одной лишь фразы...

Меркур. А именно?

Дела Брив. Слушай: «Взгляды моих друзей... Убеждения, которые я разделяю...» Попробуй пойми!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Минар, здороваются.

Минар. Вероятно, я имею честь говорить с господином де ла Бривом?

Дела Брив. Да, сударь.

Меркур *(шепотом де ла Бриву)*. Это тот самый молокосос, о котором говорила нам горничная: ухаживает за наследницей...

Дела Брив. За наследством...

Меркур. И ему отказали ради тебя...

Де ла Брив наводит на Минара лорнет.

Минар. Вы — счастливец, сударь, на вашей стороне все преимущества богатства, девушка вам нравится — вы женитесь на ней...

Де ла Брив. Позвольте мне, сударь, надеяться, что, и не располагая состоянием, я все же благодаря личным своим качествам...

Минар. Ах, будь у меня ваше состояние!

Мерикур *(де ла Бриву)*. Бедняжка! Вряд ли бы он очень разбогател...

Минар. Я никому не уступил бы это сокровище, эту прелесть и совершенство, но на вашей стороне — отцовская власть.

Де ла Брив. А на вашей, сударь?

Минар. Ах, к сожалению, только моя любовь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Меркаде. Меркаде прислушивается.

Де ла Брив. В таком случае, сударь, не знаю, чем бы я мог вам быть полезен или приятен.

Минар. Сударь, раз уж случай свел нас, прошу вас, как это мне ни трудно, сделайте ее богатой, сделайте счастливой.

Меркаде *(в сторону)*. Богатой? Что это он говорит? Да он все испортит! *(Выходит.)*

Де ла Брив *(Мерикуру)*. А забавный молодой человек! Надо его подбодрить, на тот случай, если супруга моя окажется уж слишком уродлива...

Меркаде. Здравствуйте, дорогой мой Мерикур. Видели ли вы мою жену? *(Обращается к де ла Бриву.)* Хозяйки заставляют вас ждать? Ох! Уж эти мне наряды!.. *(Смотрит на Минара.)* Господин Минар, я думал, что у вас есть некоторый такт... Мы, кажется, объяснились начистоту...

Минар. Извините, сударь.

Меркаде. Страсть оправдывает многое, но существует некая деликатность, которой не следует поступаться ни при каких обстоятельствах...

Минар. Я понимаю, сударь.

Мерикур *(к Меркаде)*. Ну, этот не опасен.

Меркаде *(шепотом Минару)*. У вас недостаточно огорченный вид. *(Вслух.)* Прощайте, любезнейший. *(Шепотом.)* Ну же, вздыхайте!

Минар *(Мерикуру и де ла Бриву)*. Прощайте, господа. *(Меркаде.)* Будьте снисходительны, сударь... Я ведь расстаюсь со своим счастьем.

Меркаде провожает его до дверей.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, кроме Минара.

Меркаде. Бедный молодой человек! Я, быть может, поступил сурово, мне жаль его, ведь он просто обожает мою дочь! Что же поделаешь? У него всего-навсего десять тысяч франков ренты да должность.

Де ла Брив. С такими деньгами далеко не уйдешь!

Меркаде. Какое там — прозябать будешь! Он по достоинству оценил Жюли и, как человек сметливый, привлек на свою сторону мою жену. Но у него один большой недостаток: он сирота при живых родителях, и думает он о них не больше, чем они о нем. Не понимаю, как в таких условиях можно домогаться дочери человека, который кое-что смыслит в делах.

Де ла Брив. Не такой вы человек, чтобы выдать дочь, девушку большого ума и с хорошим приданым, за первого встречного.

Меркаде. Ну разумеется! Однако, господа, пока дамы еще не вышли, мы можем поговорить о делах.

Де ла Брив *(Мерикуру)*. Начинается!

Меркаде. Значит, вы влюблены в мою дочь?

Де ла Брив. Влюблен безумно!

Меркаде *(в сторону)*. Дело дрянь! *(Вслух.)* Безумно! Для семейного счастья это чересчур много.

Мерикур *(де ла Бриву)*. Главное, не горячись. *(Меркаде.)* Мой друг обожает музыку, а голос мадемуазель Жюли привел его в восторг.

Меркаде. Господин де ла Брив слышал, как поет моя дочь? Где же это?

Де ла Брив. У одного банкира, бывшего...

Меркаде. А, у Верделена?

Де ла Брив. У Верделена.

Мерикур. Да, у Верделена.

Де ла Брив. Мадемуазель Жюли вся — душа!

Меркаде. Ну, разумеется, главное — это душа и идеалы! Я иду в ногу с эпохой. Я все это прекрасно понимаю! Идеал — цвет жизни. Сударь, мы особенно высоко ценим идеалы — по контрасту. Никогда еще не было такой трезвости, такой положительности в делах, как теперь, и поэтому мы особенно устремлены к идеалу в чувствах. Вот, например, я отправляюсь на биржу, а дочь моя устремляется в поднебесье. Она сама поэзия! О, она вся — душа! Вы, по-видимому, почитатель озерной школы...

Де ла Брив. Нет, сударь.

Меркаде. Как же вы любите Жюли, если не поклоняетесь идеалу?

Мерикур *(де ла Бриву)*. Объясняй же скорее!

Де ла Брив *(Мерикуру)*. Погоди! *(Меркаде.)* Сударь, я честолюбив...

Меркаде. Ну, это уж лучше!

Де ла Брив. Я понял, что мадемуазель Жюли — особа хорошо воспитанная, умная, обладает прекрасными манерами, и как бы высоко ни вознесла меня судьба, мадемуазель Жюли всегда и везде будет на своем месте,— а это весьма существенно для политического деятеля.

Меркаде. Понимаю. Жену найти нетрудно, но человеку, стремящемуся стать министром или посланником, очень редко случается встретить... как бы половчее выразиться — впрочем, дам здесь нет... встретить подходящую... бабенку! Вы, сударь, человек большого ума...

Де ла Брив. Сударь, я социалист.

Меркаде. Это что — новое предприятие? Однако поговорим о деле.

Мерикур. Мне кажется, это касается скорее нотариусов.

Де ла Брив. Нет, господин Меркаде прав. Нас это касается гораздо больше.

Меркаде. Конечно.

Де ла Брив. Сударь, я владею только поместьем Ла Брив; земля эта находится во владении нашего рода уже полтораста лет и, надеюсь, и впредь будет нашей.

Меркаде. В наше время, пожалуй, лучше располагать капиталом. Капиталы всегда под рукою. Если приключится революция — а революций мы видели уже не-

мало,— капиталы следуют за нами куда угодно, земля же наоборот — земля расплачивается в таких случаях за всех: она, дурында, остается на месте, смотрит, как ее налогами облагают. Капитал же, тот удирает. Но это не может служить препятствием. А каковы размеры ваших угодий?

Де ла Брив. Три тысячи арпанов в одной меже.

Меркаде. В одной меже?

Мерикур. Ну, что я вам говорил?

Меркаде. Сударь!

Де ла Брив. Замок...

Меркаде. Сударь!

Де ла Брив. Соляные озера, которые можно будет разрабатывать, как только разрешит правительство: они наверняка дадут громадную прибыль...

Меркаде. Сударь! Как жаль, что мы не познакомились с вами раньше! Следовательно, ваше поместье расположено рядом с морем?

Де ла Брив. Всего в полумиле...

Меркаде. Оно находится...

Де ла Брив. Около Бордо.

Меркаде. У вас есть и виноградники?

Де ла Брив. Нет, сударь. К счастью, нет,— ибо сейчас весьма затруднительно сбывать вина; к тому же виноградники требуют крупных затрат. Нет, мое поместье не нуждается в больших расходах. Мой дед засадил всю землю соснами. Дедушка, видите ли, был человек проницательного ума и догадался посвятить себя сколачиванию капитала для детей и внуков... Ну, обстановку мою вы сами видели.

Меркаде. Минуточку, сударь! Деловой человек всегда ставит точки над «и».

Де ла Брив *(Мерикуру)*. Ай, ай!

Меркаде. У вас земля, у вас соляные озера, я уже сейчас представляю себе, что могут дать соляные озера. Можно, например, учредить коммандитное товарищество для разработки соляных озер Ла Брив. Тут, сударь, пахнет не одним миллионом.

Де ла Брив. Я это прекрасно знаю, сударь, стоит только руки приложить.

Меркаде *(в сторону)*. Неплохо сказано: видно, юноша не промах. *(Вслух.)* А есть у вас долги? По-

местье заложено? А то ведь бывает и так: человек по видимости владеет имением, а оно на самом деле принадлежит кредиторам.

Мерикур. Вы первый не уважали бы моего друга, если бы у него не было долгов...

Де ла Брив. Я буду откровенен, сударь. Под землю взята ссуда в сорок пять тысяч франков.

Меркаде *(в сторону)*. Святая невинность! *(Вслух.)* Вы могли бы... *(Берет его за руки.)* Я согласен, вы будете моим зятем, именно такой зять мне и нужен. Вы сами не знаете своих богатств!

Де ла Брив *(Мерикуру)*. Все идет как по маслу.

Мерикур *(де ла Бриву)*. Он почуял выгодное дело и ослеплен.

Меркаде *(в сторону)*. При помощи протекции — а ее можно купить — мы заведем солеварни. Я спасен! *(Вслух.)* Позвольте пожать вам руку. *(Жмет де ла Бриву руку.)* Вы воплощаете в себе все, что я требую от зятя. Я сразу понял, что вы не узколобый провинциальный помещик; мы сговоримся.

Де ла Брив. Сударь, не обессудьте, если я со своей стороны осмелюсь спросить...

Меркаде. Каково приданое моей дочери? О, она принесет мужу немало; мать передает ей свое имение (переходящее по женской линии) — небольшую ферму, всего двести арпанов земли, но зато в провинции Бри; прекрасные строения! Я лично даю дочери двести тысяч франков, проценты с них я буду выплачивать ей сам до тех пор, пока вы не подыщете верного предприятия, чтобы вложить в него капитал Жюли, ибо, молодой человек, имейте в виду, что нам с вами предстоит делать дела. Я полюбил вас, вы мне нравитесь. Честолюбивы ли вы?

Де ла Брив. А как же, сударь.

Меркаде. Вы любите роскошь, тратите много, хотите блистать в Париже?

Де ла Брив. Да, сударь.

Меркаде. Хотите играть известную роль?

Де ла Брив. Да, сударь.

Меркаде. Я понял это с первого взгляда, а я малость разбираюсь в людях. По манерам, по походке сразу

виден человек, который знает, что его ждет большое будущее.

Мерикур *(в сторону)*. И живет за счет этого будущего.

Меркаде. Ну что ж, я уже стар и тщеславие свое отныне полагаю в близком мне человеке; я предоставлю вам блистать, а сам останусь в тени.

Дела Бриев. Сударь, если бы мне пришлось выбирать тестя, то из всех парижан я выбрал бы только вас, вы пришлись мне по сердцу!

Меркаде. Молодость создана для удовольствий. Блистайте же вкупе с моей дочкой. Приобретите себе особняк, экипажи, лощадей — задавайте балы! Жюли девушка умная, она будет прекрасно исполнять свою роль. Только смотрите: не следуйте примеру тех, кто возвышается на неделю-другую и тотчас же снова падает, уподобляясь фейерверку... Пусть состояние вашей жены будет неприкосновенно.

Мерикур. Именно неприкосновенно.

Дела Бриев. В случае неудачи...

Меркаде. Или чрезмерной удачи...

Дела Бриев. Всегда останется верный кусок хлеба.

Меркаде. А в наше время кусок хлеба — это пара лошадей, хорошо обставленный дом; это — обеды в честь приятелей, ложа в театре Буфф.

Дела Бриев. Ах, сударь, позвольте и мне пожать вам руку. *(Опять рукопожатие.)* Вы понимаете жизнь!..

Меркаде *(в сторону)*. Дело идет отлично!

Дела Бриев *(в сторону)*. Он очертя голову бросается в мое соляное озеро.

Меркаде *(в сторону)*. Согласился на одни проценты!

Мерикур *(де ла Бриву)*. Доволен?

Дела Бриев. Нет. Не вижу денег на уплату долгов.

Мерикур. Погоди! *(Меркаде.)* Мой друг не решается вам признаться, но он слишком честен и не желает скрывать от вас, что у него есть кое-какие пустячные долги.

Меркаде. Что вы, сударь! Говорите прямо, я отлично понимаю такие вещи... итак, пустячки... тысяч пятьдесят?

Мерикур. Около того...

Де ла Брив. Около того.

Меркаде. Разыграйте-ка с своею женой маленький водевиль: предоставьте ей удовольствие... да что говорить — долги мы уплатим... *(в сторону)* акциями соляных озер Ла Брив. *(Вслух.)* Это мелочь. *(В сторону.)* Соляные озера мы оценим на сто тысяч дороже. Я спасен!

Де ла Брив *(Мерикуру)*. Я спасен!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, г-жа Меркаде и Жюли.

Меркаде. Вот моя жена и дочь.

Мерикур. Сударыня, разрешите представить вам господина де ла Брива, моего друга, поклонника вашей дочки...

Де ла Брив. Страстного поклонника...

Меркаде *(де ла Бриву)*. Вы, как я вижу, любитель испанок? Ну, что скажете? Каков цвет лица, а? Истинная андалузка! Такая сумеет выдержать житейские бури! Только брюнетки и могут...

Де ла Брив. Я никогда не решился бы жениться на блондинке...

Меркаде. Моя дочь — самая подходящая жена для политического деятеля...

Де ла Брив *(смотрит на Жюли и обращается к Меркаде)*. С каким вкусом одета! *(Г-же Меркаде.)* Какова мать — такова и дочка. Сударыня, отдаю свою судьбу в ваши руки.

Г-жа Меркаде. Друзья господина Мерикура — желанные гости в нашем доме.

Жюли *(матери)*. Что за фат!

Меркаде (дочери). Зато богатый! Мы все станем миллионерами! И к тому же редкий умница! Ну же, будь с ним полюбезнее! Так надо!

Жюли. Что мне сказать франту, которого я вижу впервые? Ведь это вы выбрали мне его в мужья.

Де ла Брив. Могу ли я надеяться, что вы не будете противиться моим намерениям?

Жюли. Мой долг — повиноваться отцу.

Де ла Брив *(в сторону)*. Горда, как истая дурнушка: таких вот приходится умасливать дольше, чем любую герцогиню.

Жюли *(в сторону)*. Хорош собою, богат, зачем я ему? Тут что-то кроется.

Де ла Брив *(в сторону)*. К делу! *(Вслух, обращаясь к Жюли.)* Мадемуазель, девицы не всегда догадываются о тех чувствах, какие они внушают кавалерам. Вот уже два месяца, как я ищу случая выразить вам свое восхищение.

Жюли. Я больше всякой другой должна быть польщена, сударь, вашим вниманием.

Г-жа Меркаде *(на ухо дочери)*. Он очень элегантен.

Жюли. Маменька, позвольте мне выяснить самой, буду ли я счастлива с этим господином.

Меркаде *(Мерикуру)*. Можете рассчитывать на мою признательность, сударь. Мы обязаны вам своим счастьем, ибо счастье дочери — родительское счастье.

Г-жа Меркаде. Надеюсь, господин де ла Брив, как и его друг, не откажут нам в удовольствии пообедать с нами запросто?

Меркаде. Именно запросто — чем бог послал *(де ла Бриву)*. Не взыщите!

Г-жа Меркаде. Господин де Мерикур, не хотите ли взглянуть на картину, которую мы жертвуем для лотереи? *(Жюли.)* Поговори пока с ним.

Жюли. Благодарю вас, маменька.

Г-жа Меркаде *(мужу)*. Огюст!

Меркаде *(де ла Бриву)*. Она мечтательна, как все девушки, наделенные чувствительным сердцем и воображением; итак, смело шествуйте по стези поэзии.

Де ла Брив *(к Меркаде)*. Мечтательность — это грамматика современных чувств; я изучил эту грамматику в совершенстве, она состоит в том, чтобы прикрывать поступки словами...

Меркаде *(уходя)*. Большого ума юноша!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Де ла Брив и Жюли.

Жюли. Сударь, не покажется ли вам странным, что бедная девушка требует от вас доказательств ваших чувств?.. Но недоверие мое обосновано — я достаточно

хорошо изучила себя. Я знаю, что привлекательного во мне мало...

Де ла Брив. Вы привлекательны уже одной своей скромностью, мадемуазель!

Жюли. Если бы я обладала той чудесной красотой, которая способна воспламенить внезапную страсть, мне ваше сватовство было бы понятно, но чтобы полюбить меня, нужно знать мое сердце, а мы с вами видимся в первый раз...

Де ла Брив. Мадемуазель, бывают необъяснимые влечения.

Жюли. Значит, вы любите меня, сами не зная за что?

Де ла Брив. Когда любовь становится понятной, она перестает быть любовью. Любовь — лучшее из всех чувств именно тем, что она возникает непроизвольно. Вот, например, когда я впервые увидел вас...

Жюли. Так сегодня вы видите меня не в первый раз?

Де ла Брив. Конечно, мадемуазель! Да уже целых два месяца, как я влюблен в вас. Я слышал ваше пение на последнем концерте у господина Верделена, и голос ваш открыл мне... всю вашу душу...

Жюли. А что я пела? Вы помните?

Де ла Брив *(в сторону)*. Черт побери! *(Вслух.)* Я помню только свое впечатление. Это было что-то восхитительное...

Жюли. Итак, сударь, вы любите меня? Значит, это правда?

Де ла Брив. Мадемуазель, я знаю, что вы — благороднейшая девушка, что чувства ваши и образ мыслей на редкость возвышенны, что вы прекрасно образованы, что вы можете создать салон в Париже, стать подругою политического деятеля, а ведь — позвольте быть откровенным — не все женщины умеют поддерживать высокое положение в свете. Сколько мужчин, выбившихся в люди, оказались в весьма затруднительном положении именно из-за жен, ибо неудачно женились в самом начале своего поприща; а в политическом океане если жена не буксир, то она — балласт! Я не надеялся найти женщину, которая могла бы понять меня и содействовать устроению моего будущего, но я увидел вас и тут же сказал себе: «Теперь я могу стать посланником. Та, которую я

люблю, будет достойной соперницей тех дипломатов в юбке, что засылает к нам Россия!»

Жюли *(в сторону)*. Ох, какие они все нынче тщеславные. *(Вслух.)* Итак, вы тщеславны и влюблены! Ваши чувства подкреплены рассудком!

Де ла Брив *(в сторону)*. А она не глупа! *(Вслух.)* Мадемуазель, в любви сочетается многое!..

Жюли. В вашей сочетается так много всего, что, верно, в ней есть и самоотверженность...

Де ла Брив. О, прежде всего самоотверженность!

Жюли. Итак, моя семья...

Де ла Брив. Станет моею.

Жюли. И ничто не удержит вас?

Де ла Брив. Ничто.

Жюли. Сударь! Я люблю одного юношу.

Де ла Брив. Я его видел... и, признаюсь, несколько усомнился в вашей рассудительности: ведь этот невзрачный молодой человек совершенно вам не подходит.

Жюли. Вы ошибаетесь, сударь,— я откажусь от него лишь ради человека, способного на подлинное самопожертвование. А потому, если вы спасете моего отца от разорения... я буду любить вас... я забуду ту любовь, которая казалась мне вечной, и стану женою самой преданной, самой любящей, и я... *(В сторону.)* Ох, задыхаюсь...

Де ла Брив *(в сторону)*. Мне страшно! Нет, она просто испытывает меня, вроде того, как испытывают новичка в масонской ложе... *(Вслух.)* Я надеюсь своею любовью заслужить ту привязанность, которую жена должна питать к своему мужу. Не надо подвергать испытаниям мою искреннюю страсть. Мадемуазель, мы с вашим батюшкой пришли к соглашению по всем вопросам, касающимся деловой стороны...

Жюли. Он сказал вам все?

Де ла Брив. Все.

Жюли. Итак, вам известно, что он разорен?

Де ла Брив. Кто разорен?

Жюли *(в сторону)*. Я спасена! *(Вслух.)* Долг его равен приблизительно тремстам тысячам франков.

Де ла Брив. Он... должен... Триста?

Жюли. Вот вам прекрасный случай проявить самопожертвование.

Де ла Брив *(в сторону)*. Жениться на ней — это уже и есть самопожертвование. Неужели она думает, что можно даром согласиться прожить с нею до гробовой доски?

Жюли. Но разве я сама не являюсь наградою?

Де ла Брив. Не может быть, чтобы Мерикур...

Жюли. Ах, вы меня не любите...

Де ла Брив *(в сторону)*. Ох, и попался же я в романическую ловушку! *(Вслух.)* Пусть ваш батюшка должен миллионы, я все равно женюсь, ибо я люблю вас. Вы прекрасно играете роль; я и не подумаю от вас отказаться, вы будете восхитительной посланницей.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, Жюстен и Пьеркен.

Жюстен *(Жюли)*. Барышня, господин Пьеркен желает переговорить с вашим батюшкой. *(Шепотом.)* Кажется, насчет господина де ла Брива.

Жюли. Батюшка там. *(Указывает на противоположную дверь.)*

Пьеркен. Мадемуазель, ваш покорный слуга...

Де ла Брив. Пьеркен здесь! *(Отворачивается и наводит лорнет на картины).*

Пьеркен *(в сторону)*. Ого, да это мой Мишонен! Все пропало! А я-то, узнав, что он женится на богатой наследнице, пришел взять обратно его векселя! Этому чертову Меркаде везет: сумел-таки заманить мошенника к себе в дом!

Жюли *(Пьеркену)*. Вы знакомы?

Пьеркен. Плутовка! Как видно, и вы в заговоре и сторожите молодого человека. *(В сторону.)* Ах, не мешало бы мне иметь хорошенькую племянницу!

Жюли. Да кто он?

Пьеркен. Мишонен, неуловимый должник! Не выпускайте его, я сбегаю за торговым приставом.

Жюли. По поводу господина де ла Брива?

Пьеркен. По поводу Мишонена — по-нашему.

Жюли. Разве он не богач?

Пьеркен. По нем долговая тюрьма плачет, у него и мебель-то вся на чужое имя...

Жюли. А! *(Смеется.)*

Пьеркен *(в сторону)*. Ах, Меркаде меня обокрал! *(Обращается к Жюли.)* Займите его пока что, и ваш папаша сможет уплатить мне сорок семь тысяч долга; ибо, как только этого молодчика засадят, он сумеет устроиться, какая-нибудь красавица его наверняка выручит.

Входит Жюстен.

Жюли *(в сторону)*. Жениться да еще сесть в тюрьму — это уж слишком!

Жюстен *(Пьеркену)*. Барин занят: сами знаете, дочку выдает и просит извинить его...

Пьеркен. За кого выдает?

Жюстен. Да вот за барина. *(Указывает на де ла Брива)*.

Пьеркен. О! *(В сторону.)* Да это значит сочетать два банкротства! Вот-то будет смеху на бирже! Побегу туда. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Жюли и де ла Брив.

Жюли. Сударь, разве ваша фамилия Мишонен?

Де ла Брив. Да, мадемуазель, это наше родовое имя, но мы, подобно многим другим, вот уже лет десять называемся де ла Бривами, а перед новой фамилией ставим только букву «М». Так, видите ли, красивее. Ла Брив — прелестное поместьице, приобретенное еще моим дедом...

Жюли. А правду сказал этот господин, что у вас долги?

Де ла Брив. О, совсем маленькие, сущие пустяки; я уже признался вашему батюшке...

Жюли. Итак, сударь, вы собираетесь жениться на мне по любви? *(В сторону.)* Надо же и мне позабавиться. *(Вслух.)* И ради моего приданого?

Де ла Брив. Мадемуазель, во мне вы найдете самого любящего, самого внимательного мужа. Я социалист, занят исключительно высшими политическими вопросами, всецело поглощен своей карьерой, так что вы будете полной хозяйкой... вашего состояния.

Жюли. Да у меня его нет!

Входит Меркаде.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Меркаде.

Меркаде. Так вот, дочь моя, до чего довела вас любовь к молокососу Минару! Она понуждает вас клеветать на отца, она понуждает вас...

Жюли. Открыть глаза господину Мишонену, который, сам запутавшись в долгах, не может и не должен жениться на бесприданнице...

Меркаде. Разве ваша фамилия Мишонен?

Жюли. Мишонен де ла Брив...

Меркаде. Оставь нас, дочка...

Жюли *(шепотом отцу)*. Пьеркен пошел просить, чтобы Мишонена арестовали; надеюсь, вы этого не допустите. Согласитесь, что моя роль была бы весьма неблаговидной.

Меркаде *(вынимает из кармана часы)*. Солнце зашло. Разве они тут встретились?

Жюли. Да.

Меркаде. Сам черт путает все карты.

Жюли уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Де ла Брив и Меркаде.

Де ла Брив *(в сторону)*. Дело сделано! Я больше, чем социалист, я становлюсь коммунистом!

Меркаде *(в сторону)*. Провели, как на бирже! И кто же? Меркур! Друг моей жены! Господу богу, и тому не поверю.

Де ла Брив *(в сторону)*. Не ударим лицом в грязь!

Меркаде *(в сторону)*. Он действует опрометчиво! Поговорю-ка с ним построже. *(Вслух.)* Господин Мишонен, ваше поведение более чем предосудительно!..

Де ла Брив. Да чем же, сударь? Разве я утаил от вас, что у меня долги?

Меркаде. Не в том дело; долги не беда. Но позвольте спросить, где находится ваше поместье?

Де ла Брив. В провинции Ланд.

Меркаде. Из чего оно состоит?

Де ла Брив. Из песчаной равнины, засаженной соснами.

Меркаде. Величиной с зубочистку!

Де ла Брив. Вроде того!

Меркаде. Какая ему цена?

Де ла Брив. Тридцать тысяч франков.

Меркаде. А заложено?

Де ла Брив. За сорок пять.

Меркаде. Значит, на это у вас хватило ловкости?

Де ла Брив. Хватило!

Меркаде. Недурно, черт подери! А ваши соляные озера?..

Де ла Брив. Примыкают непосредственно к морю.

Меркаде. То есть это, попросту говоря, самый обыкновенный залив?

Де ла Брив. Местные жители имели жестокость пустить такой слух — и мне сразу же перестали давать взаймы...

Меркаде. Да, трудновато превратить море в акции!

Де ла Брив. Ну, все-таки легче, чем море выпить.

Меркаде. Самому выпить еще полбеды, а вот поди других заставь лакать. Между нами говоря, сударь, ваше поведение кажется мне...

Де ла Брив. Довольно!

Меркаде. Смелым.

Де ла Брив. Ну, сударь, если это только между нами...

Меркаде. Судя по одному документу, который мне пришлось видеть, всю свою обстановку вы записали на имя некоего вашего приятеля; векселя вы подписываете как Мишонен, а сами пользуетесь фамилией де ла Брив.

Де ла Брив. Ну и что же дальше?

Меркаде. Что дальше?.. С вами можно сыграть очень плохую шутку.

Де ла Брив. Сударь, вы заходите слишком далеко; я ваш гость...

Меркаде. И при помощи вот этих уловок вы пытались проникнуть в почтенную семью, втереться в доверие отца и матери... Вы притворились влюбленным в мою дочь... *(В сторону.)* Этот малый может еще пригодиться; держится он прекрасно, изящен, умен... *(Вслух.)* Вы — не что иное...

Де ла Брив. Не договаривайте! Это будет вам стоить жизни...

Меркаде. Жизни! Вы мой гость, сударь...

Дела Брив. Хорошо! Господин Меркаде, а есть за вашей дочерью приданое?

Меркаде. Вы еще спрашиваете!..

Дела Брив *(в сторону)*. Чем я хуже его, к тому же я сильнее. *(Вслух.)* Да, сударь, имеются ли у вас двести тысяч?

Меркаде. Добродетели моей дочери...

Дела Брив. Ах, так у вас нет двухсот тысяч? А я-то готов был поступиться своей драгоценной свободой. Разве я сам не капитал? Значит, вы собирались обобрать собственного зятя?

Меркаде. Сильно сказано!

Дела Брив. Вы того заслуживаете..

Меркаде *(в сторону)*. Самоуверенный юноша!

Дела Брив. Я тоже имею причины быть недовольным вами. Совершенно очевидно, что вы хотели воспользоваться моею неопытностью...

Меркаде. Неопытностью человека, который занимает под песок на шестьдесят процентов больше того, что он стоит.

Дела Брив. Из песка делают хрусталь.

Меркаде. Вот это идея.

Дела Брив. Сами видите, сударь, наши нравственные устои тождественны.

Меркаде делает негодующий жест.

О, это только между нами...

Меркаде *(в сторону)*. Сейчас я его изничтожу! *(Вслух.)* Ошибаетесь, сударь: вы — мой должник, и вы у меня в руках. У меня, запомните хорошенько, на сорок восемь тысяч франков ваших векселей, включая проценты и издержки: я получил их от Пьеркена и могу засадить вас лет на пять!

Дела Брив. Что ж, буду вашим гостем.

Меркаде. Ах, так вы обращаете мои слова в шутку! Значит, долг свой, свою подпись вы считаете пустяком?

Дела Брив. А вы?

Меркаде *(в сторону)*. Ишь ты, сдачи дает! *(Вслух.)* В каком же вы, собственно говоря, находитесь положении?

Де ла Брив. В самом отчаянном. Мерикур женит меня потому, что я ему должен на тридцать тысяч франков больше, чем стоит моя обстановка.

Меркаде. Понимаю. Не стану читать вам нравоучения: вы, разумеется, предпочли бы тысячефранковую ассигнацию...

Де ла Брив. О, будьте мне тестем!

Меркаде. Двое нищих, это уже катастрофа, но послушайте-ка, что я вам скажу...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же и г-жа Меркаде.

Г-жа Меркаде *(мужу)*. Господин де ла Брив обедает у нас?

Меркаде. Всенепременно. В трудных обстоятельствах обед — лучший советчик. *(В сторону.)* Надо его подпоить и узнать поближе.

Де ла Брив. Отчаяние возбуждает аппетит...

Меркаде. Итак, прошу к столу.

Г-жа Меркаде. Вот подъехал Верделен!

Меркаде. Что сказать Верделену?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же, Верделен и Жюстен в парадной ливрее.

Жюстен. Господин Верделен.

Верделен *(обращаясь к Меркаде)*. Жену я с собою не взял и не знаю, обедать ли мне самому.

Меркаде *(в сторону)*. Он в бешенстве. *(Вслух.)* Предложите даме руку. *(Жене.)* Оставьте нас вдвоем. *(Верделену.)* Ну, что случилось?

Верделен. Это твой будущий зять?

Меркаде. И да и нет.

Верделен. Это он-то и есть блестящая партия?

Меркаде *(в сторону)*. Ему все известно! *(Вслух.)* Брак этот, дорогой мой Верделен, не состоится; Мерикур обманул меня! Мерикур! Тебе ведь известно, кто он для нас. Но...

Верделен. Никаких «но». Утром ты разыграл со мною очередную комедию, в которой участвовали и твоя

жена и дочь, и выманил у меня тысячу экю. Я так и думал. Знаешь ли, это и непорядочно, и не...

Меркаде. Не договаривай, Верделен! Так вот как судят о человеке в беде... Его подозревают в чем угодно... Зачем же мне было пользоваться твоими услугами, зачем было давать обед? Неужели я стал бы одевать жену и дочь, если бы не надеялся?.. Однако кто тебе сказал, что свадьба Жюли расстроилась?

Верделен. Сказал Пьеркен, которого я встретил...

Меркаде. Так, значит, всем все известно?

Верделен. Все потешаются над тобой. У тебя бумажник набит векселями твоего же собственного зятя. Пьеркен сказал мне, что все твои кредиторы соберутся сегодня вечером у Гуляра и будут действовать сообща.

Меркаде. Сегодня вечером! Завтра! О, я уже слышу похоронный звон банкротства.

Верделен. Мы собираемся по возможности очистить биржу от всех темных дельцов.

Меркаде. Дураки! Итак, завтра меня сцапают?

Верделен. И повезут в Клиши, в карете...

Меркаде. На похоронных дрогах для дельцов!.. Пойдем обедать!

Верделен. Этот обед обошелся мне слишком дорого, у меня наверняка сделается несварение желудка. Благодарю покорно!

Меркаде. Завтра биржа признает в Меркаде одного из своих властелинов. Идем обедать, Верделен, иди без страха! *(В сторону.)* Смелей вперед! *(Вслух.)* Да, все мои долги будут уплачены! И торговый дом Меркаде начнет ворочать миллионами! Я стану Наполеоном среди дельцов...

Верделен. Что за человек!

Меркаде. И никаких Ватерлоо!

Верделен. А где войско-то?

Меркаде. Найму... Что посмеют возразить коммерсанту, который говорит: «Пожалуйте в кассу!»

Верделен. В таком случае остаюсь обедать. Я в восторге. Vivat Mercadetus, speculatorum imperator! [1]

Меркаде *(в сторону)*. Что ж, он сам того хотел. Завтра я буду либо властвовать над миллионами, либо лежать в холодных объятиях Сены.

---

[1] Да здравствует Меркаде, император всех спекулянтов! *(лат.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Меркаде и Жюстен.

Меркаде (*звонит*). Прежде всего разузнаем, какое впечатление произвели принятые мною меры...

Жюстен. Что прикажете?

Меркаде. Жюстен, мне хотелось бы, чтобы приезд господина Годо оставался в тайне...

Жюстен. Нет, барин, дело пропащее. Господин Бредиф уже вышел из дому. Когда карета въехала нынче в два часа ночи к нам во двор, она столько шуму наделала, что весь дом проснулся и в первую очередь господин Бредиф. Сначала он было подумал, что это вы решили бежать в Брюссель...

Меркаде. Ну вот еще! Я ведь плачу́...

Жюстен. Напрасно изволите беспокоиться.

Меркаде. Ты, кажется, уже вообразил себя моим секретарем! Прощаю тебя, Жюстен, ибо ты меня понимаешь...

Жюстен. Карета, барин, была страшно забрызгана, но дядюшка Грюмо приметил, что никакого багажа нет...

Меркаде. Годо очень торопился сюда, желая загладить свою вину передо мною, потому он и оставил все свои пожитки в Гавре. Он привез из Калькутты богатый груз; но жена его осталась там. Да, он в конце концов женился на той особе, с которой прижил сына и которая, как преданная женщина, последовала за ним...

Жюстен. Хорошо еще, что вы не ложились, а занимались всю ночь, потому что таким образом вы смогли...

Меркаде. Принять Годо! Отворить ему дверь вместо вас! Вы загуляли! Вы просто напились, почтеннейший мой Жюстен!

Жюстен. Да мы только остаточки допили.

Меркаде. Если бы тебе удалось распространить слух, что Годо не приезжал, мои кредиторы умерили бы свой пыл, а мне удалось бы добиться от них сносных условий...

Жюстен. Ну и хитер! Если он со временем не разбогатеет, так это будет чертовски несправедливо...

Меркаде. Пошли-ка дядюшку Грюмо к моему маклеру...

Жюстен. К господину Бершю, на улицу Фий-Сен-Тома? А ему-то дядюшка Грюмо может сообщить о приезде господина Годо?

Меркаде. Жюстен, ты выйдешь в люди! Смотри, чтобы никто меня не беспокоил, пока я не позвоню.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Меркаде один.

Меркаде. Когда Магомет отыскал трех праведников (а это дело нелегкое!), он справедливо счел, что весь мир в его руках. У меня уже есть Жюстен. А второй? Вторым злоупотреблять не следует... Если в возвращение Годо поверят, я выгадаю неделю, а в отношении платежей «неделя» равна «двум неделям». Сегодня утром я от имени Годо куплю на триста тысяч франков акций «Нижней Эндры», опередив Верделена. Когда же Верделен... Он, видите ли, считает, что я не могу быть ему конкурентом, и не догадался заинтересовать меня в этом деле... Когда он станет скупать эти акции, он тем самым вызовет их повышение. Вдобавок минувшей ночью я написал письма нескольким акционерам, требуя опубликования отчета, которое задерживается благодаря подкупу Верделена... Бершю тиснет это письмо во всех газетах; в несколько дней акции подымутся на двадцать пять процентов выше номинала; я получу шестьсот тысяч барыша. Триста тысяч пойдут на оплату этой покупки. Остальными деньгами расплачусь с кредиторами. Да, мой друг Годо добьется от них скидки тысяч в восемьдесят. Освободившись от долгов, я становлюсь хозяином положения. *(Величественно прохаживается.)* Смело задумано! Я сам выстребовал дорожную карету от каретника с Елисейских полей, сказал, что хочу, мол, выехать ночью. Только этот чертов кучер, которого я подкарауливал, чуть было не испортил все дело, когда начал рассыпаться в благодарностях... Слишком уж много я дал ему на чай. Ошибка! Ну, а теперь поборемся! *(Отворяет дверь в свою комнату.)* Мишонен! Судейский пристав пришел!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Меркаде и де ла Брив, входит в испуге.

Меркаде. Успокойтесь! Это я только так, чтобы вас разбудить! In vino varietas.

Де ла Брив. Сударь, кутеж для меня то же, что гроза для природы,— все освежается, зеленеет еще ярче! Мысли так и растут, так и цветут.

Меркаде. Вчера, любезный друг мой, нам, к сожалению, помешали докончить наш деловой разговор...

Де ла Брив. Я все прекрасно помню, дорогой тестюшка. Мы установили, что наши фирмы не в состоянии выполнить свои обязательства... В скором времени нас, как говорится у биржевых зайцев, пустят с молотка. Вы имеете несчастье быть моим кредитором, а я имею счастье быть вашим должником, обязанным уплатить вам сорок семь тысяч двести тридцать три франка с сантимами...

Меркаде. Как видно, вы не ощущаете в голове ни малейшей тяжести.

Де ла Брив. Ни малейшей — ни в карманах, ни на совести. В чем же можно меня упрекнуть? Проматывая свое состояние, я давал хороший барыш всем отраслям парижской торговли, даже совсем неведомым. А еще говорят: мы бесполезны, мы — бездельники! Бросьте! Именно мы оживляем денежное обращение...

Меркаде. Путем обращения к денежным займам...

Де ла Брив. Верно, но когда источники иссякли, деньги стали обходиться мне недешево: следовательно, я достойно почтил их. Из них сделали божество, и, служа ему, я не поскупился на расходы.

Меркаде. Да у вас еще остался здравый ум!

Де ла Брив. Увы, ничего другого у меня не осталось.

Меркаде. Это будет нашим Монетным двором. Ну, так вот! Судя по вашему настроению, мне особенно распространяться не придется.

Де ла Брив. В таком случае, папа, я сяду. Мне сдается, что вы, как говорится у нас, у лошадников, запутались в собственных вожжах.

Меркаде. В делах каждый имеет право быть изворотливым.

Де ла Брив жестом выражает согласие.

Излишняя ловкость — еще не неразборчивость, неразборчивость — еще не легкомыслие, легкомыслие — еще не бесчестность, но все эти качества входят одно в другое, как ручка складной лорнетки...

Де ла Брив (*в сторону*). Видно, он поил меня не для моего удовольствия.

Меркаде. Короче говоря, оттенки тут едва уловимы... важно одно, не переступать черты дозволенного Сводом законов, а в случае успеха...

Де ла Брив. Э, черт побери—успех! Я уже сказал как-то, и представьте, все хохотали: успех —великий проходимец!

Меркаде. У нас с вами полнейшая общность взглядов!

Де ла Брив. Сударь! На почве, которую мы с вами избрали, сходится немало великих умов!

Меркаде. Вы уже вступили на наклонную плоскость, а она ведет к той самой ловкости, которую глупцы ставят в упрек дельцам. Вы вкусили от терпких и пьянящих плодов парижских удовольствий. Тщеславие уже впилось своими стальными когтями в ваше сердце. Роскошь стала неразлучной спутницей вашей жизни. Для вас Париж начинается у площади Этуаль и кончается в Жокей-клубе. Для вас Париж — это мир женщин, о которых говорят слишком много или вовсе не говорят...

Де ла Брив. Верно!

Меркаде. Это — дурманящая атмосфера редакций, светского острословия, театральной рампы, политических кулис, это — широкое море, где возможен богатый улов! Либо продолжать эту жизнь, либо пустить себе пулю в лоб...

Де ла Брив. О нет! Лучше продолжать, но отнюдь не...

Меркаде. Чувствуете вы в себе способность удержаться, не забрызгав грязью лакированных башмаков, на высоте ваших пороков и господствовать над умными людьми могуществом капитала, силою изворотливости? Сумеете ли вы лавировать между теми двумя утесами, у подножия коих обычно терпят крушение светские люди: между грошовой кухмистерской и долговой тюрьмой?

Де ла Брив. Но вы, словно тать, забрались мне в

душу: ваши мысли — мои мысли. Что вы от меня хотите?

Меркаде. Хочу спасти вас, введя в деловой мир.

Де ла Брив. Каким путем?

Меркаде. Согласитесь скомпрометировать себя ради моих интересов...

Де ла Брив. Подставное лицо может сгореть как соломенное чучело...

Меркаде. Станьте несгораемым.

Де ла Брив. А в какой доле вы мыслите участие каждого из нас?

Меркаде. Попробуйте. Вырвите меня из отчаянного положения, в котором я нахожусь, и я верну вам... ваши сорок семь тысяч двести тридцать три франка семьдесят девять сантимов... Право же, требуется, между нами говоря, только ловкость.

Де ла Брив. Пистолет, шпага?

Меркаде. Убивать никого не придется. Наоборот...

Де ла Брив. Дело подходящее.

Меркаде. Придется воскресить человека.

Де ла Брив. А это уже дело неподходящее. Неизбежный наследник, шкатулка Гарпагона, мул Сганареля — словом, дорогой мой, все забавное, что смешит нас в старинных комедиях, имеет весьма малый успех в реальной жизни. Теперь в такие дела вмешиваются полицейские, а их со времени отмены дворянских привилегий пороть уже не разрешается.

Меркаде. А пять лет долговой тюрьмы? Это вам нравится?

Де ла Брив. В конце концов все зависит от того, что вы потребуете от вашего подставного лица, ибо честь моя не запятнана и...

Меркаде. И вы хотите продать ее повыгоднее, но нам она крайне необходима, так что мы вынуждены будем выжать из нее все возможное. Видите ли, пока я не сорвусь, за мною остается право основывать новые предприятия, затевать новые дела. Правительственные субсидии для нас потеряны. Коммандитные товарищества болеют чахоткой дивидендов, но ум наш всегда будет сильнее закона. Спекуляцию никогда не удастся убить. Я понял дух нашего времени. Теперь всякое дело, сулящее скорую наживу из любого источника, хотя бы совершен-

но мифического, вполне осуществимо. Теперь торгуют будущим, как в минувшем веке государственная лотерея торговала мечтами и самыми неосуществимыми шансами. Помогите же мне удержать свое место за неоскудевающим столом биржи, и мы оба насытимся до отвала. Имейте в виду, что тот, кто ищет миллионы, весьма редко их находит, но зато тот, кто их не ищет, не находит никогда!

Де ла Брив *(в сторону)*. С ним стоит войти в сделку.

Меркаде. Ну, так как же?

Де ла Брив. А вы вернете мне мои сорок семь тысяч?

Меркаде. Yes, sir [1].

Де ла Брив. Пущу в ход всю свою ловкость.

Меркаде. О, о! Достаточно и гибкости. Но эта гибкость не должна, как говорят англичане, расходиться с законом.

Де ла Брив. О чем же идет речь?

Меркаде. О том, чтобы стать ну вроде американского дядюшки: компаньоном из Индии.

Де ла Брив. И только?

Меркаде. Скупать понижающиеся акции и затем продавать их при повышении.

Де ла Брив. На словах!

Меркаде. Я имею полномочия подписывать бумаги за своего компаньона. Мой компаньон,— мы ведь никогда не действуем в одиночку,— преспокойно воспользовался моей подписью, чтобы обобрать меня в тысяча восемьсот тридцатом году, поэтому я имею полное право воспользоваться его подписью против него...

Де ла Брив. Вишь ты!

Меркаде. Если вас никто не обнаружит, никто не опознает...

Де ла Брив. Но ведь роль моя кончится, как только я вручу вам акции на сорок семь тысяч двести тридцать три франка семьдесят девять сантимов?

Меркаде. Какой-то шорох. Жюстен подслушивает! *(Очень громко.)* Спрячься, Годо, ты меня подводишь! Поди отдохни! *(Выталкивает де ла Брива в комнату.)*

---

[1] Да, сэр *(англ.)*.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Меркаде, Жюстен и Бершю.

Жюстен *(из-за двери)*. Барин, господин Бершю.

Меркаде *(отворяет дверь)*. Здравствуйте, Бершю. Вчера акции «Нижней Эндры» шли на понижение?

Бершю. И очень сильно! Господин Верделен продал некоторое количество на двадцать пять процентов ниже курса. Сегодня паника. Бог знает до чего дойдет.

Меркаде. Если акции сегодня снизятся на черной бирже на пятнадцать процентов против вчерашнего курса, я покупаю две тысячи штук.

Бершю *(вынимает из кармана записную книжку и высчитывает.)* На триста тысяч.

Меркаде. Я тоже так подсчитал. По номиналу выйдет шестьсот тысяч.

Бершю. На какой срок и чем вы обеспечите покупку?

Меркаде. Обеспечение? Вот еще. Сделка чистая. Принесете акции — получите деньги.

Бершю. Принимая во внимание положение ваших личных дел, надо думать, что вы покупаете для Годо.

Меркаде. Как для Годо?

Бершю. Мне известно, что он приехал...

Меркаде. Тс! Если об этом узнают — я пропал... Откуда же вы знаете?

Бершю. От вашего швейцара, а у него выведал мой конторщик.

Меркаде. Эх, забыл сунуть ему в зубы червонец!

Бершю. Вы бы хоть поставили экипаж Годо к какому-нибудь каретнику. Ведь если ваши кредиторы (а вы, насколько понимаю, хотите ликвидировать свои дела)... если кредиторы увидят карету, то вряд ли вам удастся сговориться с ними.

Меркаде. Ну, ради того, чтобы получить деньги немедленно, они охотно пойдут на кое-какие жертвы. Ведь деньги-то наличные!

Бершю. Да, за наличные платят. *(В сторону.)* С этим дьяволом всегда можно подработать... А ну-ка не ударим в грязь лицом! *(Вслух.)* Послушайте, Меркаде, если вы покупаете для Годо...

Меркаде *(в сторону)*. Ого! Ну-ну!

Бершю. Пусть он даст мне письменный приказ — этого с меня достаточно.

Меркаде *(в сторону)*. Спасен! *(Вслух.)* Сейчас он спит, но как только он проснется, вы получите приказ...

Бершю. В таком случае, дело сделано. Гуляр и еще два дельца поручили мне продать акции по любой цене.

Меркаде. Срок платежа?

Бершю. Десять дней.

Меркаде. Так пришлите акции Дювалю; ведь Годо обидел меня, он сделал своим доверенным Дюваля...

Бершю *(в сторону)*. И правильно поступил!

Меркаде. Нехорошо с его стороны, но что я могу поделать? У него такие прекрасные намерения по отношению ко мне!.. Только молчок! Мы с ним вновь примемся за дела. По моим расчетам, к концу года вы заработаете тысяч сто комиссионных...

Бершю. А стоит мне купить «Нижней Эндры» для самого себя?

Меркаде *(в сторону)*. Еще один простачок! *(Вслух.)* Стоит, только старайтесь на черной бирже, чтобы они упали как можно ниже. Держите-ка *(протягивает ему письмо)*, передайте письмо во все газеты для опубликования и после покупки обнародуйте. Между нами говоря, ко времени открытия официальной биржи акции уже поднимутся на пятнадцать процентов. Но никому не говорите о возвращении Годо, наоборот — всячески отрицайте. *(В сторону.)* Теперь он повсюду об этом раструбит!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и г-жа Меркаде.

Меркаде *(в сторону)*. Ну вот—жена! В таких случаях женщины все портят, у них «нервы». *(Вслух.)* Что тебе? У тебя такая похоронная мина...

Г-жа Меркаде. Вы рассчитывали на замужество Жюли, чтобы упрочить свое положение и успокоить кредиторов, но после вчерашних событий вы отданы им на растерзание.

Меркаде. Вы ничего не понимаете!..

Г-жа Меркаде. Может быть, я могу быть чем-нибудь полезна?

Меркаде *(в сторону)*. Придется ей нагрубить, иначе не отделаешься. *(Вслух.)* Полезны? Это вы-то? Полтора года вы разгуливаете с Мерикуром, а не узнали, что он собой представляет: у него есть деньги, он кредитор Мишонена! Из вас хорошей прислуги и то не получится. Полезной! Пожалуйста, погода прекрасная. Закажите шикарный экипаж, разоденьтесь и... поезжайте с дочкой Булонским лесом завтракать в Сен-Клу. Лучшей услуги вы оказать мне не можете.

Г-жа Меркаде *(в сторону)*. Он что-то замышляет против кредиторов. Надо все разузнать...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Жюли; потом Минар.

Меркаде *(обращается к проходящей через сцену Жюли)*. Что это вы носитесь по всему дому? Я хочу побыть наедине с кредиторами.

Жюли *(вновь выходит в сопровождении Минара)*. Папа, дело в том, что... Адольф...

Меркаде. Что, сударь? Уж не собираетесь ли вы опять просить руки моей дочери?

Жюли. Да, папенька.

Минар. Да, сударь. Я открыл свое сердце господину Дювалю, который вот уже девять лет заменяет мне отца; он знает мадемуазель Жюли со дня ее рождения и вполне одобряет мой выбор. «Мадемуазель Меркаде,— сказал он,— пошла в мать, она поистине сокровищница добродетелей и незыблемых достоинств: словом, скромная девушка». И мадемуазель Жюли простила мне, что я испугался нужды, но ведь я боялся за нее.

Меркаде. И были совершенно правы. Я не желаю выдавать дочь за человека без состояния...

Минар. Но, сударь, оказалось, что я, сам того не зная, являюсь обладателем капитала — правда, небольшого.

Меркаде. Смотри-ка.

Минар. Моя мать, вверив меня заботам господина Дюваля, вручила ему некоторую сумму, а наш добрейший Дюваль пустил ее в оборот, вместо того чтобы содержать меня на эти деньги. Теперь капитал возрос до тридцати тысяч франков... Я узнал о постигших вас невзгодах и по-

просил господина Дюваля отдать мне эту сумму,— я принес ее вам, ведь иной раз при помощи рассрочек удается...

Г-жа Меркаде *(утирает слезы)*. Добрый юноша!

Жюли *(жмет руку Минара)*. Так, так, Адольф!

Меркаде. Тридцать тысяч! *(В сторону.)* Эту сумму можно утроить путем покупки акций газового предприятия Верделена и таким образом выпутаться! Нет, ни за что! *(Минару.)* Дитя, вашему возрасту свойственна самоотверженность. Если бы тридцатью тысячами я мог погасить стотысячный долг, то благополучие Франции, мое собственное и благополучие многих других лиц было бы обеспечено... Нет, оставьте свои деньги при себе.

Минар. Как? Вы отказываете мне?

Г-жа Меркаде целует Минара.

Меркаде *(в сторону)*. Пусть потерпит месяц-другой. Несколькими смелыми ходами я мог бы поднять акции, которые уже утратили всякую ценность, но при одной мысли, что я воспользуюсь деньгами этих несчастных детей, я лишусь покоя... Жалость — плохой помощник в делах; только тогда свободно ведешь игру, когда распоряжаешься деньгами пайщиков... Нет, ни за что. *(Вслух.)* Адольф, я отдам вам свою дочь...

Минар. О сударь!.. Жюли, Жюли моя!

Меркаде. Но только когда у нее будет триста тысяч приданого.

Минар. О сударь, сколько же этого придется ждать?

Меркаде *(в сторону)*. Две тысячи акций мне удастся продать не дороже чем на двадцать пять процентов выше номинала. *(Вслух.)* Ждать придется месяц. Если же вы хотите оказать мне услугу...

Минар протягивает ему бумажник.

Да уберите же бумажник! Вот — проводите наших дам. *(В сторону.)* О искушение! Но я устоял. А зря. Впрочем, если я потерплю неудачу, то я сумею извлечь для наших молодоженов хороший доход из маленького капитала Минара... я сам буду управлять их состоянием... Он любит мою дочь... Вот золотое сердце! Милые детки! Я их обогащу... Пойду натаскивать моего Годо! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, кроме Меркаде.

Минар. Я так жажду искупить свою вину!

Г-жа Меркаде. Ах, господин Адольф, в несчастье мы по крайней мере познаем истинных друзей...

Жюли. Я вас не благодарю, Адольф, ибо передо мною еще целая жизнь. Но эта минута, минута, когда я так вами гордилась — да, да, гордилась вами,— будет подобно алмазу сиять в моем сердце и послужит мне отрадой в семейной жизни.

Г-жа Меркаде. О дорогие мои детки! Если бы отец согласился расплатиться с должниками, если бы он отказался от дел и переселился в деревню,— ничто не омрачало бы нашего счастья... Как мне хочется жить в глуши, жить тихо и достойно! Как я устала от этой поддельной роскоши, от вечных переходов то к богатству, то к нищете, от потрясений, связанных со спекуляцией.

Жюли. Не волнуйся, мамочка! Мы с биржей справимся.

Г-жа Меркаде. Чтобы убедить твоего отца, нужны такие события, которых я и сама не смею желать! Ах, вот самый грозный его кредитор, он всегда кричит и угрожает...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Гуляр.

Гуляр. Сударыня, простите за беспокойство и назойливость, я пришел, чтобы предоставить себя в полное распоряжение моего любезного друга Меркаде.

Минар *(г-же Меркаде)*. Да он, наоборот, очень вежлив!

Жюли *(матери)*. Видимо, отец нашел какой-нибудь выход...

Г-жа Меркаде *(в сторону)*. Боюсь, что нашел. *(Гуляру.)* Мой муж сейчас выйдет, сударь.

Гуляр. Я уже уведомлен о счастливом событии, которое совершенно меняет ваше положение.

Жюли. Ах, сударь, скажите хоть вы правду, потому что мы сами ничего не знаем.

Гуляр *(в сторону)*. Ох, и хитра же!

Г-жа Меркаде. Сударь, умоляю вас... что это за событие?

Гуляр. Приезд вашего компаньона Годо.

Г-жа Меркаде. Ах, сударь! Дочь моя! Адольф! Ах, какое счастье! Сударь, вы видели Годо? Разбогател он в чужих краях?

Гуляр. Да вам это отлично известно: ведь остановился он у вас. Вы собирались дать в честь его обед, только приехал он слишком поздно...

Г-жа Меркаде. Годо здесь? Приехал ночью?

Гуляр. Я своими собственными глазами видел его карету.

Жюли. Да, мамочка, ночью во двор действительно въехал какой-то экипаж.

Г-жа Меркаде. Сударь, никто к нам не приезжал ночью, клянусь вам...

Гуляр. Прекрасно, сударыня, вы наилучшим манером входите в интересы вашего супруга... Он научил вас...

Г-жа Меркаде. Сударь...

Гуляр. Но ему не удастся долго скрывать от нас Годо! Мы подождем... хотя бы и месяц, если это потребуется... Впрочем, о приезде Годо уже известно на черной бирже, там сегодня утром состоялась встреча всех кредиторов Меркаде. Годо уже купил две тысячи акций «Нижней Эндры»... Начало неважное... Сразу видно, что он только что прибыл из Индии и еще не знаком с положением вещей!

Г-жа Меркаде. Сударь, я ничего не понимаю.

Гуляр. Ну что ж, скажу попроще. Вот что, сударыня, я готов скинуть известную сумму с долга Меркаде, если вы дадите мне возможность немедленно переговорить с Годо...

Жюли. Сударь, мы с маменькой ничего не понимаем в делах.

Гуляр *(в сторону)*. Однако наш молодец умеет извлечь пользу из жены! И что за невинный вид у дочки и мамаши. Ну и актерки. Женюсь, ей-богу, женюсь.

Г-жа Меркаде *(Гуляру)*. Сударь, я пришлю к вам мужа. *(Дочери.)* Смелость твоего отца меня пугает! Он хочет нас выпроводить — значит, он боится нас. Ну, на сей раз я сама буду наблюдать за ним.

Жюли и г-жа Меркаде уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гуляр и Минар.

Гуляр. Послушайте, сударь, я знаю, что вы женитесь на мадемуазель Меркаде; мне сказал об этом Дюваль. Уж если старик Дюваль посоветовал вам жениться—значит, ему известно о возвращении Годо, ибо Годо доверяется одному только Дювалю. Бершю все разнюхал!

Минар. О возвращении господина Годо я впервые слышу от вас.

Гуляр. Вот как! Впрочем, вы почти что член семьи и участвуете в заговоре молчания! Так слушайте же, я говорю в интересах самого Меркаде — передайте Годо, что если он согласится уплатить мне немедленно, я скину двадцать пять процентов...

Минар. Сударь, я пока еще не имею ни малейшего права входить в дела господина Меркаде, и он счел бы, вероятно, весьма неуместным мое... Да вот и он сам.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Меркаде, потом Жюстен.

Меркаде. Дорогой Адольф, дамы вас ждут. *(Шепотом.)* Увезите их поскорее завтракать за город, в противном случае Жюли вам не видать.

Минар. Хорошо... Слушаю-с. *(Уходит.)*

Меркаде. Итак, Гуляр, как я слышал, вы все решили заставить меня объявить себя банкротом. Вы считаете меня недобросовестным дельцом...

Гуляр. Это вас-то! Одного из самых талантливых людей Парижа! Человека, который как только наживет миллион,— сразу сделает из него десять!

Меркаде. Но ведь вы собрались для того...

Гуляр. Чтобы обсудить, как помочь вам. Мы подождем, дражайший, сколько вам будет угодно...

Меркаде. Запоздалая любезность! Однако, дорогой мой, благодарю вас — считайте, что сказали мне это еще вчера утром...

Входит Жюстен.

Жюстен *(шепотом)*. Барин... Господин Виолет предлагает мне шестьдесят франков за то, чтоб я свел его с господином Годо...

Меркаде. Шестьдесят франков! *(В сторону.)* У меня же их и украл.

Жюстен. Прикажите не отказываться от таких доходов!

Меркаде. Ну, прими — пусть подкупают. Из тебя получится настоящий секретарь... Отдаю тебе и этого: постриги его.

Жюстен. Обстрижем под гребенку, будьте покойны!

Меркаде. Гуляр, разрешите... Мне надо написать несколько слов в связи с тем, что мне сейчас сказал Жюстен. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Гуляр и Жюстен.

Гуляр. Я понял...

Жюстен. Да уж вас, сударь, не проведешь!

Гуляр. Сколько Виолет предлагает тебе сейчас за свидание с господином Годо?

Жюстен. Значит, вам известно, что господин Годо?.. Ничего он мне не предлагал.

Гуляр. А сколько дал?

Жюстен. За измену барину, который наказывал мне скрывать приезд... черт возьми, десять луидоров!

Гуляр. Вот тебе пятнадцать, приятель!

Жюстен *(в сторону)*. Эх, почаще бы приезжал господин Годо!

Гуляр. Но смотри, чтобы я непременно повидался с ним первый! Ведь он мне семьдесят пять тысяч должен.

Жюстен. Если вам угодно будет подождать в чулане вместе с господином Виолетом, то я вызову вас, когда Годо выйдет завтракать: барин распорядились, чтобы ему подали завтрак сюда, в гостиную.

Гуляр. Хорошо. *(Уходит.)*

Жюстен. Ничего, посидят, как рыбы в садке. Я всех их туда засажу, по очереди...

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Жюстен и Меркаде.

Меркаде. Ну как?

Жюстен. Буду ждать ваших распоряжений — когда можно показывать господина Годо.

Меркаде. Иди, любезный, собирай доход! А главное, не подслушивай, о чем мы с Годо будем говорить... *(В сторону.)* Теперь его от замочной скважины силой не оторвешь.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Меркаде, потом де ла Брив.

Меркаде *(один)*. Поразительно, до какой степени он похож на Годо, именно таков Годо и должен быть после десятилетнего пребывания в Индии. *(Зовет де ла Брива.)* Идите-ка сюда...

Де ла Брив *(загримированный под Годо)*. Ах, любезный друг мой, какой ужасный климат здесь у вас в Париже! Не будь у меня тут сына, ни за что не вернулся бы, но давно пора объявить нашему бедному юноше, что его родители обвенчались...

Меркаде *(топочет ногами возле дверей и звонит)*. Уж не были ли вы актером? Вы превосходно загримировались.

Де ла Брив. Моя карьера началась в тысяча восемьсот двадцать седьмом году у одной маркизы, особы уже немолодой; она любила играть роли юных героинь и в своем поместье, в Турени, устроила театр.

Входит Жюстен.

Меркаде. Огня господину Годо! Для кальяна. Да подай-ка барину сюда, на этот столик, чаю.

Жюстен. Барин, Пьеркен пытается подкупить дядюшку Грюмо...

Меркаде. Как только жена и дочь уедут из дому, впустишь его сюда.

Меркаде разжигает кальян.

Жюстен. Он обхаживает Грюмо, словно главного пайщика.

Жюстен подает завтрак.

Меркаде. Напишем же несколько слов Дювалю, пусть-ка он окажет мне содействие. Уж больно он щепетилен! Ну, да раз он заинтересован в Жюли — он меня спасет. *(Пишет стоя на авансцене. Обращается к Жю-*

стену.) Пошли дядюшку Грюмо с этим письмом к Дювалю.

Жюстен уходит.

Какой смелый шаг! А вдруг акции «Нижней Эндры» не поднимутся выше номинала?

Де ла Брив. Да, что с нами тогда станет?

Меркаде. Случай — это пятьдесят из ста «против» и пятьдесят — «за».

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же, Гуляр и Виолет.

Гуляр *(Виолету)*. Что я вам говорил! Он бережет его, как запасный капитал.

Виолет. Дорогой мой господин Меркàде!

Меркаде. Простите, я занят.

Гуляр. Да мы знаем, с кем.

Меркаде. Напрасно вы так думаете.

Виолет. Добрейший господин Годо...

Меркаде. Где это вы такую небылицу слышали? Заявляю вам, папаша Виолет, что этот господин — вовсе не Годо. Слышите, Гуляр? Вы будете свидетелем моего заявления.

Гуляр *(Виолету)*. Врет, как реклама, ну да в делах оно принято.

Виолет. Иначе вся торговля захирела бы...

Гуляр. Что толковать; ведь вот он сам налицо: я его сразу узнал. Бросьте, Меркаде, и не пытайтесь отрицать...

Меркаде. Да я и не отрицаю того, что Годо... *(Возвышает голос.)* Годо, относительно которого я жестоко ошибался — и я с радостью объявил бы это на весь Париж,— честнейший, добросовестнейший, добрейший Годо, человек способный, энергичный, возможно, находится в пути, возможно, приедет со дня на день.

Виолет. Нам уж все известно, он вернулся из Калькутты...

Гуляр. И с капиталом...

Меркаде. Не поддающимся никакой *калькуттации!..*

Гуляр. Вот-то благодать! Говорят, он теперь настоящий набоб!

Виолет. А как у них там полагается обращаться к набобу? *(Направляется к де ла Бриву.)*

Меркаде *(Виолету)*. О! Не обращайтесь к нему... Не могу же я допустить, чтобы его бес... беспокоили мои кредиторы!

Гуляр *(пробравшись к де ла Бриву)*. Ваше превосходительство!

Меркаде. Позвольте, Гуляр... Я не допущу...

Виолет. Настоящий индус!

Меркаде. Да, он сильно изменился. Индия накладывает на людей резкий отпечаток. Сами понимаете: холера, острые приправы, стручковый перец...

Гуляр *(де ла Бриву)*. Уплатите мне долг вашего друга Меркаде — я скину двадцать процентов.

Де ла Брив. У вас векселя?

Меркаде. Ах, Гуляр, Гуляр!

Гуляр. Друг мой, да он охотно соглашается платить...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же и г-жа Меркаде.

Когда г-жа Меркаде отворяет дверь и видит кредиторов, она делает знак сопровождающим ее Жюли и Минару пройти прямо в ее комнату; те повинуются.

Меркаде *(в сторону)*. Ну вот, сейчас жена сделает какую-нибудь честную глупость и погубит меня...

Г-жа Меркаде *(Гуляру и Виолету)*. Господа, перестаньте! Господин Меркаде стал жертвою недостойной шутки... *(Пристально смотрит на де ла Брива.)* Надеюсь, что эта шутка не повредит вашим интересам...

Гуляр. Сударыня...

Г-жа Меркаде. Это вовсе не господин Годо.

Меркаде. Сударыня!

Г-жа Меркаде *(мужу, горячо и уверенно)*. Сударь, вы введены в заблуждение каким-то интриганом...

Виолет. Что такое, сударыня?

Г-жа Меркаде. Господа, если вы согласитесь сохранить в тайне затею, которую я отказываюсь назвать соответствующим образом, вам будет заплачено...

Гуляр. Кем это, скажите-ка, почтеннейшая?

Г-жа Меркаде. Господином Дювалем.

Гуляр и Виолет взволнованно перешептываются.

Меркаде *(в сторону)*. Ну, пошло-поехало!

Г-жа Меркаде. Приходите к нему сегодня вечером, я тоже приду, и все кредиторы господина Меркаде будут удовлетворены.

Виолет. О! В таком случае... *(Уходит вместе с Гуляром.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же, кроме Гуляра и Виолета.

Де ла Брив. Понимаете ли вы, сударыня, что не будь вы женщиной... Я — де ла Брив...

Г-жа Меркаде. Вы — господин де ла Брив? Нет, сударь...

Меркаде. До чего смела! Прямо-таки не узнаю ее.

Де ла Брив. Как? Я — не я?

Г-жа Меркаде. О господине де ла Бриве, сударь, я составила себе полное представление вчера за обедом. Он знает, что долги не позор, если только не отказываешься от них, если стараешься расплатиться с ними; он порядочный молодой человек, он расплатится, впереди у него целая жизнь, и он слишком умен, чтобы ставить ее на карту, участвуя в затее, которую правосудие может...

Де ла Брив. Сударыня, да я в самом деле...

Г-жа Меркаде. И знать не хочу, сударь, кто вы такой! Но, кто бы вы ни были, вы оцените, надеюсь, услугу, которую я только что оказала вам, удержав вас на краю пропасти...

Де ла Брив. Сударыня, в эту пропасть толкает меня ваш супруг; он обещал вернуть векселя, которые преградили мне все пути...

Г-жа Меркаде. Мой муж человек порядочный, он вернет вам векселя. С нас достаточно вашего слова, а рассчитаетесь вы, когда честным путем составите себе состояние.

Де ла Брив. Ах, сударыня, вы открыли мне глаза! Я — де ла Брив! Этим все сказано, и верьте, что с этой минуты я мужественно вступлю на трудовой путь.

Г-жа Меркаде. Прямая дорога, путь чести — тернист, но небо благословит тех, кто вступил на этот путь.

Меркаде *(в сторону)*. Добьешься этим путем кредита, держи карман шире!

Де ла Брив. Как мне благодарить вас! Я буду по-сыновнему предан вам до конца моих дней. *(Почтительно целует ей руку, кланяется Меркаде и уходит в его комнату.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Меркаде и г-жа Меркаде.

Меркаде. Наконец-то мы одни! Вы разорили меня, сударыня. Еще немного, и я, как по мановению волшебной палочки, расплатился бы со всеми. Вы, видно, набрели на золотые горы или в крайнем случае на станок, печатающий ассигнации?

Г-жа Меркаде. Нет, Огюст, я набрела на Честь!

Меркаде. А-а! И что же: разве ее сопровождает Богатство?

Г-жа Меркаде. Ах, не шутите, Огюст. Я бедная женщина, я ничему не училась, кроме того, чему учит нас, женщин, сердце; но предчувствие, которое стоит на страже человека, чье имя мы носим, подсказало моему сердцу, что вы пустились в игру, где возможно либо богатство, либо бесчестье... Простите, но, по-моему, более вероятно бесчестье, чем богатство. А я хочу, чтобы вы остались честным, порядочным, мужественным — словом, таким, каким вы были до сих пор.

Меркаде. До сегодняшнего дня я твердо стоял на ногах, а вы сейчас сбросили меня ниже, чем стоят облигации займа Гаити.

Г-жа Меркаде. Огюст, все это, скажете вы, пустые женские рассуждения, но соблаговолите выслушать меня. У меня осталось еще тысяч двести приданого: возьмите их и расплатитесь с кредиторами.

Меркаде. А дальше что? Мы будем бедны, как Испания.

Г-жа Меркаде. Мы будем богаты всеобщим уважением.

Меркаде. А дальше что?

Г-жа Меркаде. Дочь и зять, я и вы сами — все мы будем работать. Да, мы начнем новую жизнь на маленький капитал Адольфа и заработаем состояние, достаточное, чтобы жить в скромном достатке, без больших надежд, но зато счастливо... Спекулируя, можно нажить деньги тысячью разных способов, но я знаю лишь один верный способ, и его должна держаться почтенная буржуазия: это копить деньги честным трудом, а не всякими уловками. Терпение, благоразумие, бережливость — вот три домашние добродетели, которые никогда не отнимают у человека того, что они ему принесли. Бросьте колебания! Подле вас любящая, уважающая вас жена и любящие дети; дайте же нам возможность всегда уважать того, кого мы любим... Уйдем из этого мира лжи, хитростей, поддельного богатства, которое ни на кого уже не производит впечатления. Пусть у нас будет один только хлеб — мы будем есть хлеб с радостью, он не будет застревать у нас в горле, как тонкие блюда на тех пиршествах, где разоряют людей и смеются над обобранными пайщиками.

Меркаде *(в сторону)*. Дай волю жене хоть раз — и навеки станешь в семье полным нулем. Женщины говорят, что они великодушны, но великодушие у них проявляется приступами, как малярия.

Г-жа Меркаде. Вы колеблетесь?

Меркаде. Намерения у вас самые прекрасные, но вы тем не менее разрушили благополучие, которого я, наконец, добился... и вы еще хотите, чтобы я благодарил вас! И вы беретесь меня судить!

Г-жа Меркаде. Нет, Огюст, я не сужу вас... *(В сторону.)* А, вот идея! *(Вслух.)* Позвольте мне спросить мнение двух честных, чистых душ, еще не запятнанных соприкосновением со светом. Уйдите, прошу вас, минуты на две к себе в кабинет.

Меркаде. Посмотрим! *(В сторону.)* А я тем временем обдумаю, как мне быть.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Г-жа Меркаде, потом Жюли и Минар.

Г-жа Меркаде. Дети, войдите...

Минар. Вот и мы! Что угодно?

Г-жа Меркаде. Положение отца еще ужаснее, чем я предполагала, и на сей раз речь идет о том, чтобы, по его словам, либо победить, либо умереть. Итак, при большой хитрости и смелости он может развязаться с долгами и в короткий срок нажить состояние. Чтобы осуществить этот весьма смелый план, требуются наша помощь и участие. Если все поверят возвращению Годо, если вы, Адольф, переоденетесь и возьметесь изображать его...

Минар вздрагивает.

...господин Меркаде сможет купить на имя Годо акции и добиться рассрочки платежей по долгам... Акции должны подняться и в короткий срок окупить все — и затраченные на них деньги и прежние долги... Нам требуется также помощь господина Дюваля...

Жюли. О маменька! Ваша привязанность к отцу ослепляет вас. Простите, но отец не мог составить такого плана, и я не выйду за Адольфа, если он...

Минар. Вы правы, Жюли!.. *(Целует ей руку.)* Сударыня, просите у меня жизнь и требуйте все, чем я располагаю! Но впутываться в... Я сам буду умолять господина Дюваля поддержать своим влиянием господина Меркаде; но подумайте только, сударыня, о чем вы меня просите? Ведь это...

Г-жа Меркаде (*порывисто*). Мошенничество!

Минар. Хуже того. Даже в случае полнейшего успеха человек будет опозорен. Это...

Жюли. Адольф! Не произносите...

Минар. Во имя всего святого, сударыня, заклинаю вас: откажитесь от этой мысли. Ведь банкротство и то лучше — после него можно оправиться, а тут...

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Те же и Меркаде.

Меркаде. Адольф, и вы согласились бы жениться на дочери банкрота?

Минар. Да, сударь, потому что я сумел бы помочь ему восстановить свое доброе имя...

Меркаде, его жена и дочь окружают Адольфа.

Меркаде *(в сторону)*. Я побежден! *(Жене.)* Ты благородное и доброе создание. *(В сторону.)* Сколько людей ищут подобного сокровища! А раз обладаешь им — безумие не пожертвовать ради него всем... *(Вслух.)* Вы достойны лучшей участи!

Г-жа Меркаде. Ах, сударь, вот вы и опять такой, каким были до отъезда Годо.

Меркаде. Да, ибо я разорен, но честен. О, я погиб. *(В сторону, но так, чтобы его слышали.)* Я знаю, как мне теперь поступить!

Г-жа Меркаде. Я трепещу. Дети, прошу вас, ни на минуту не оставляйте его одного.

Все трое бросаются вслед за Меркаде.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жюстен, Тереза, Виржини и Бредиф.

Жюстен входит первым, он делает знак Терезе, чтобы она вошла. Виржини, с расходными книжками в руках, смело подходит к дивану. Бредиф выходит на середину сцены. Жюстен то подсматривает в замочную скважину, то прикладывает ухо к двери.

Тереза. Уж не думают ли хозяева, что им удастся утаить от нас свои дела?

Виржини. Дядюшка Грюмо сказал, что барина вот-вот арестуют. Я чего хочу? Чтобы мне уплатили все расходы. Слава богу, они мне задолжали немало, не считая жалованья!

Тереза. Будьте спокойны! Плакали наши денежки. Вы, верно, не знаете, что такое банкротство?..

Жюстен. Ничего не слышно; уж очень тихо они говорят. Барин, по обыкновению, опасается нас.

Виржини. Господин Жюстен, а что такое *банколотство*?

Жюстен. Это вроде как бы невольная кража, допускаемая законом, но усложненная разными формальностями. Да не тревожьтесь вы: барин, говорят, начинает ликвидацию своих дел.

Виржини. А это что такое?

Жюстен. Ликвидация — то же банкротство, но осложненное добросовестностью должника... а это устраняет все формальности...

Тереза. Уж наш Жюстен, все-то он знает!

Жюстен. Слыхал, как барин говорит, у него и научился...

Бредиф *(входит незаметно)*. Ну, на сей раз я получу свою квартирку, и не через три месяца, а через две недели! А он тут немало потратился, гостиные позолотил! Как-никак лишняя тысчонка дохода...

Жюстен. Барин идет!

Все отходят в глубь сцены, чтобы их не заметили.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Меркаде, очень удрученный.

Меркаде. Что вам угодно, господин Бредиф? Квартиру? Пожалуйста.

Бредиф *(в сторону)*. Поскорее бы он уехал, а то ведь от этого черта любой уловки жди. *(Вслух.)* Сударь, вы меня поймете. Мне гораздо ближе интересы моего жильца, чем людей вроде ваших кредиторов, которые к тому же все ступеньки в моем доме стоптали.

Меркаде. Увы, меня уже жалеют!

Бредиф. Как вам известно, мне принадлежит также соседний дом на улице Менар. Так вот, в конце здешнего сада имеется калитка, выходящая во двор другого моего дома.

Меркаде. Ну и что же?

Бредиф. Если вы намереваетесь бежать...

Меркаде. А зачем это?

Бредиф. Да ведь ваше положение всем известно... Говорят, что против вас возбуждено дело...

Меркаде. Ах, вот они, ужасы банкротства,— это агония чести коммерсантов! *(Видит прислугу.)* А вы что тут делаете? Вон отсюда!

Жюстен. Мы только того и хотим, барин, да вот ждем...

Меркаде. Чего?

Тереза. Жалованья.

Меркаде. Ступайте к барыне, она с вами рассчитается. *(Бредифу.)* Никуда я не уеду, дорогой мой господин Бредиф.

Бредиф. Значит, вы не сознаете опасности положения?

Меркаде. Опасности?.. Да мое положение превосходно...

Бредиф. С ума сошел, ей-богу...

Меркаде. Сколько вы мне дадите отступного? Сами вы выгадаете на этом деле по три тысячи в год,— за семь лет выходит двадцать одна тысяча. Давайте поторгуемся!

Бредиф *(в сторону)*. Нет, пожалуй, что не сошел. *(Вслух.)* Но, дорогой мой...

Меркаде. Мое состояние отдано на разор, и я вынужден поступать, как поступают банкроты: взять свою часть.

Бредиф. Разве вы не знаете, что в случае суда я являюсь свидетелем?

Меркаде. Свидетелем чего?

Бредиф. Как чего? А пустая карета?

Меркаде. Я теряю рассудок! Ах, жена была права! *(Бредифу.)* А ну-ка, Бредиф, съездите поскорее в Елисейские поля, на Вдовью аллею!

Бредиф. Зачем это?

Меркаде. Там вы увидите не одну пустую карету, а сотни... и все пустые...

Бредиф *(в сторону)*. Ох, и помучаются же с ним кредиторы! *(Вслух.)* Слуга покорный.

Меркаде. К вашим услугам...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Меркаде один, потом Бершю.

Меркаде *(в сторону)*. Что за алчность! Впрочем, это в порядке вещей. Река требует больше воды, чем ручей... А вот и Бершю. Вот оно, возмездие! Что ж, нырнем с головой в тину унижений! Бредиф — лишь первое предупреждение; а Бершю — первый выстрел. *(Вслух.)* Здравствуйте, дорогой мой Бершю.

Бершю. Здравствуйте, дорогой господин Меркаде.

Меркаде. Что это у вас такая похоронная мина? Неужели акции «Нижней Эндры» не поднимаются?

Бершю. Как же, сударь, поднимаются... Сегодня утром в кафе Тортони они достигнут номинала, затем то же произойдет на бирже. Трудно даже представить себе, до чего это дойдет! Во всяком случае начало положено. Ваше письмо творит чудеса! Правление почуяло опасность и собирается огласить на бирже отчет о разведках; Нижне-Эндрские сравняются с Монскими.

Меркаде. Вы купили их для себя, как я вам советовал?

Бершю. Пятьсот штук.

Меркаде (*обнимает его за талию*). И этим вы обязаны мне. Я страшно рад, что положил вам в карман... да, пожалуй, не меньше пятисот тысяч франков. Ваша жена хотела иметь экипаж,— теперь у нее будет экипаж... Дорогой мой, когда я вижу, что хорошенькая женщина идет пешком, я плакать готов... Но как только они поднимутся на двадцать процентов выше номинала — немедля продавайте.

Бершю (*в сторону*). Да это прямо король среди людей и никому никогда вреда не причинит, разве что своим пайщикам!

Меркаде. Дать вам хороший совет? Уходите-ка из биржевых зайцев! Помните великие евангельские слова, вполне применимые к дельцам: «Взявший меч от меча погибнет».

Бершю. Благороднейшее сердце! Послушайте, между нами говоря, ваши враги не останавливаются ни перед чем. (*Вынимает бумагу.*) Мне сказали, что это подлог!

Меркаде. Подлог! Да это же я писал.

Бершю. Значит, Годо нет в Париже?

Меркаде. Послушайте! Вы честный человек; идите к Дювалю, там вы получите деньги, которые вам следуют за две тысячи акций. Ну, что скажете, старина?

Бершю. Если я получу деньги, то оставлю этот документ у господина Дюваля... Но, дорогой господин Меркаде, ради вас самих мне очень хотелось бы, чтобы там оказался и Годо...

Меркаде. Вы славный человек, Бершю. (*В сторону.*) Вот я и избежал главной опасности!

Бершю *(в сторону)*. Право же, пусть вешают его другие. *(Вслух.)* Пойду к Дювалю...

Меркаде *(один)*. Да ведь я разорен, надо послать Адольфа к Дювалю. *(Кричит.)* Адольф! Адольф!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Меркаде и Минар.

Меркаде. Друг мой, бегите скорее к Дювалю. Вам все известно, добейтесь, чтобы он удовлетворил Бершю, и я спасен!

Минар. Бегу!

Меркаде *(видит приближающихся Верделена, Пьеркена и Гуляра; они разговаривают с Виолетом и другими кредиторами.)* Ах, вот и неприятель! Мне следовало бы уехать, погулять в рощах Виль-д'Авре...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Меркаде и Жюстен; потом Виолет, Гуляр, Пьеркен и Верделен.

Меркаде. Прощай, Жюстен, ты теряешь хорошего хозяина.

Жюстен *(в сторону)*. Я еще недостаточно крепко стал на ноги, чтобы с ним расстаться... *(Вслух.)* Я еще послужу вам, барин, дней десять...

Меркаде. Жена моя освободилась?

Жюстен. Наша Виржини уж до того бестолковая, у нее дважды два—пять, и поди втолкуй ей, что дважды два...

Меркаде. Два!

Жюстен. Какой вы, барин, забавник! И в беде все шутите! *(Уходит.)*

Виолет. Ах, сударь...

Меркаде. Ну, дядюшка Виолет, что поделаешь? Все на свете ломается, даже якоря. Ну, да я буду не один, а в довольно многочисленной компании.

Виолет. Нет, нет, такие люди, как вы,—редкость! Вам бы следовало иметь сына... Уплатить все проценты, все издержки до последнего гроша! Я погорячился, простите меня; я, признаться, не верил в возвращение Годо.

Меркаде. А? Что вы такое сказали? Шутка не по времени.

Гуляр. Любезный друг мой, я ошибался в вас... Я предан вам всей душой... Как это чудесно!

Меркаде *(в сторону)*. Они явились свести со мною счеты!

Пьеркен. Что до меня, то я не люблю пустых разглагольствований. И ограничусь всего одним словом: превосходно!

Верделен. Всякому лестно быть твоим другом. Я горжусь тобой.

Пьеркен. Всякому лестно иметь с вами дело!

Виолет. Я охотно предоставил бы свои деньги в ваше распоряжение.

Гуляр. Вы достойный, предостойнейший человек. Ведь мы бы скинули кое-что.

Пьеркен. Достойнейший? Да это прямо античный герой!

Верделен. И какой услужливый!

Меркаде. Ну, господа, не пора ли прекратить издевательство над человеком в беде? Вы смеетесь? Но я принял страшное решение, и я очень рад, что вы все тут собрались. Объявляю вам: если вы не дадите мне срока для расплаты с долгами, я перережу себе горло немедленно, тут же, у вас на глазах. *(Вынимает бритву.)*

Верделен. Спрячь, дорогой мой, этот аргумент: всем нам уже заплатил Годо.

Меркаде. Годо! Да ведь Годо — это миф, это сказка. Годо — это призрак. И вы это отлично знаете.

Все. Он приехал.

Меркаде. Из Калькутты?

Все. Да.

Гуляр. С состоянием, не поддающимся никакой *калькуттации*, как вы сами давеча изволили выразиться.

Меркаде. Какая жестокость смеяться над банкротом!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Бершю; потом Бредиф, затем Минар.

Бершю. Простите, тысяча извинений, дорогой господин Меркаде. Вот вам ваши акции: они оплачены.

Меркаде. Кем?

Бершю. Годо, как вы и говорили.

Меркаде *(отводит его в сторону.)* Бершю, неужели даже вы... вы, которому я дал заработать...

Бершю. Полтораста тысяч франков. Мы достигли номинала!

Меркаде. Вы сами видели Годо?

Бершю. И он сказал, что это ваши акции.

Меркаде. Кто сказал? Годо?

Бершю. Он самый! Приехал из Индии.

Бредиф. Сударь, вот ваши расписки... *(В сторону.)* Не видать мне моей квартиры!

Меркаде. Я словно во сне.

Появляется Минар.

Адольф, ты-то уж не обманешь меня! Скажи, Годо...

Минар. Мой отец, сударь, действительно находится в Париже, и, как вы и говорили, он год тому назад обвенчался с моею матерью. Теперь я признан законным сыном и зовусь Адольфом Годо.

Меркаде. И он расплатился с этими господами?

Минар. Со всеми, до последнего гроша. Он уплатил Бершю и просит вас принять эти акции в счет того, что он вам должен, как своему компаньону по индийским делам...

Меркаде. Привет тебе, королеве королей, герцогине займов, принцессе акций и матери кредита! Привет тебе, столь вожделенная фортуна, вновь, в тысячный раз, грядущая из Индии! О, я и всегда говорил: Годо — это сама энергия! И что за честность! Да позови же их! *(Подталкивает Минара к двери.)* Господа, я бесконечно счастлив...

Бершю. Прошу вас и в будущем не отказывать мне в своем доверии.

Меркаде. Нет, дорогой мой, я навсегда распрощаюсь с делами...

Верделен. Мы уйдем, тебе нужно побыть в семейном кругу. А ту тысячу экю — я дарю Жюли на бриллиантовые серьги.

Меркаде. Какая признательность, просто не признаешь в нем прежнего Верделена!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Меркаде, г-жа Меркаде, Жюли и Минар.

Жюли. Папенька, что это за прекрасная душа! Он миллионер и все-таки женится на мне... Не знаю, могу ли я...

Меркаде. Можешь. Не ломайся!

Г-жа Меркаде. Ах, друг мой! *(Плачет.)*

Меркаде. Как это ты, такая стойкая в бедствиях...

Г-жа Меркаде. Я совсем обессилела от радости, ведь ты спасен... богат.

Меркаде. Богат, но честен... Слушай, жена, слушайте, дети! Скажу откровенно: я выбился из сил, я изнемог от усталости... Ум в постоянном напряжении, всегда в боевой готовности... Этого не выдержал бы и титан... Минутами у меня являлось желание бежать... Лишь бы отдохнуть!

Минар. Сударь, отец мой только что купил поместье в Турени. Поселитесь с ним по соседству. Поступите, как он,— вложите часть вашего состояния в земли.

Г-жа Меркаде. О друг мой! Деревня...

Меркаде. Согласен на все!

Г-жа Меркаде. Но ты, пожалуй, заскучаешь в деревенской тиши.

Меркаде. Нет! После бумажных ценностей — земельные. Вот-то будет чудесно! Займусь сельским хозяйством! Охотно изучу и это дело! Едем! *(Звонит.)*

Жюстен. Что прикажете?

Меркаде. Карету! *(В сторону.)* Я столько раз показывал всем Годо, что имею полное право сам на него посмотреть! *(Вслух.)* Едем к Годо!

МАЧЕХА

Семейная драма в пяти действиях и восьми картинах.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Граф де Граншан, генерал.
Гертруда, его жена.
Наполеон, их сын.
Полина, дочь графа.
Фердинанд Маркандаль, управляющий.
Вернон. доктор.
Эжен Рамель, прокурор.
Годар, коммерсант.
Шампань, мастер.
Бодрильон, аптекарь.
Судебный следователь.
Феликс, лакей.
Маргарита, служанка.
Жандармы, протоколист, священник.

Действие происходит в 1829 году на суконной фабрике около Лувье.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет довольно богато обставленную гостиную, на стенах портреты императора Наполеона и его сына. Из гостиной — дверь на веранду с полотняным навесом. Справа от зрителей дверь в комнаты Полины; слева дверь в комнаты генерала и его жены. Около двери, выходящей на веранду, слева стоит стол, справа — шкафчик в стиле Буль. Возле двери в комнаты Полины, перед большим зеркалом, жардиньерка с цветами; по другую сторону — камин с дорогим прибором. На переднем плане, справа и слева, диваны. Гертруда входит с букетом только что собранных ею цветов и ставит его в жардиньерку.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гертруда и генерал; потом Феликс.

Гертруда. Уверяю тебя, друг мой, что крайне несмотрительно дольше медлить с замужеством твоей

дочери; ей двадцать два года. Полина слишком разборчива; в таких случаях за детей приходится действовать родителям... Впрочем, тут и я лично заинтересована.

Генерал. Каким образом?

Гертруда. Положение мачехи всегда двусмысленно. С некоторых пор весь город говорит о том, будто я с умыслом препятствую замужеству Полины.

Генерал. Уж эти провинциальные сплетницы! Я охотно подрезал бы этим дурам языки! Клеветать на тебя! Да ведь ты вот уже двенадцать лет заменяешь Полине родную мать... ты так хорошо воспитала ее.

Гертруда. Таков уж свет! Нам не прощают того, что, живя поблизости от города, мы не бываем там. Общество наказывает нас за то, что мы прекрасно обходимся без него. Неужели ты думаешь, что нашему счастью не завидуют? Вот, например, наш доктор...

Генерал. Вернон?

Гертруда. Да, Вернон завидует тебе, ему досадно, что он не сумел внушить ни одной женщине такой любви, какую я питаю к тебе. Потому он и считает, что я притворяюсь. Притворяться целых двенадцать лет! Как это правдоподобно!

Генерал. Не может женщина в течение двенадцати лет кривить душой. Не слепые же вокруг нее. Какая глупость! Значит, и Вернон!

Гертруда. Ну он-то шутит. Итак, скоро мы увидим Годара, о котором я говорила. Меня удивляет, что он не едет. Было бы безумием отказаться от такой блестящей партии. Он влюблен в Полину; правда, и у него есть некоторые недостатки, он чуточку провинциален, но он может составить счастье твоей дочери.

Генерал. Я предоставил Полине полную свободу в выборе мужа.

Гертруда. О, на этот счет будь покоен. Такая кроткая, такая благовоспитанная, разумная девушка...

Генерал. Ну, не очень-то кроткая! Она ведь в меня — своенравная...

Гертруда. Она своенравная? Да и ты вовсе уж не такой своенравный — ведь ты исполняешь все мои желания!

Генерал. Ты ангел, и ты никогда не желаешь того,

что мне неприятно. Кстати, сегодня, после вскрытия, Вернон приедет к нам обедать.

Гертруда. Ну само собой разумеется.

Генерал. Я говорю только для того, чтобы к столу подали его любимые вина.

Феликс (*входит*). Господин де Римонвиль.

Генерал. Просите.

Гертруда (*делает Феликсу знак унести жардиньерку*). Я пойду к Полине, а вы тем временем потолкуйте о делах; я с удовольствием сама присмотрю за ее туалетом. Девушки не всегда понимают, что им к лицу.

Генерал. А денег на наряды тратится уйма. За последние полтора года расходы на ее туалеты удвоились по сравнению с прежним. Да что говорить — у бедняжки нет других удовольствий!

Гертруда. Как нет? А жизнь в семье, в такой, как наша? Если бы мне не выпало счастье быть твоей женою, мне хотелось бы быть твоею дочерью! Я никогда не расстанусь с тобою! (*Делает несколько шагов.*) За последние полтора года, говоришь ты? Странно! А ведь правда, за это время она стала носить кружева, драгоценности, особенно следить за своим туалетом.

Генерал. Она достаточно богата, чтобы исполнять свои прихоти.

Гертруда. И к тому же совершеннолетняя! (*В сторону.*) Наряды — это дым! Неужели есть и огонь? (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Генерал один.

Генерал. Что за сокровище! Я участвовал в двадцати шести кампаниях, получил одиннадцать ран, похоронил ангела-жену, но Гертруда заменила ее в моем сердце. Нет, право же, сам бог послал мне мою Гертруду, чтобы хоть немного утешить меня после свержения императора, после его кончины.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Годар и генерал.

Годар (*входит*). Генерал...

Генерал. А, здравствуйте, Годар. Вы, разумеется, к нам на весь день?

Годар. Может быть, даже и на целую неделю, генерал, если только вы отнесетесь благосклонно к просьбе, которую я едва осмеливаюсь высказать.

Генерал. Не смущайтесь! Мне известна ваша просьба. Жена моя за вас. А вы настоящий нормандец! Штурмуете крепость с самой слабой стороны!

Годар. Ваше превосходительство, вы — старый солдат, вы не любите лишних слов и ко всякому делу приступаете так, как прежде шли в атаку...

Генерал. Напрямик и во весь опор.

Годар. Это мне на руку. Ведь я такой застенчивый.

Генерал. Застенчивый? Значит, я перед вами виноват: а я-то считал, что вы отлично знаете себе цену.

Годар. Неужели считали? Так знайте же, генерал, что я женюсь оттого, что не умею ухаживать за женщинами.

Генерал *(в сторону)*. Штафирка! *(Вслух.)* Как! Вы уже давно не младенец, и вдруг... Нет, господин Годар, не видать вам моей дочери.

Годар. О, не беспокойтесь! Вы не так меня поняли. Я мужчина храбрый, даже очень храбрый, но я хочу быть уверен, что не получу отказа.

Генерал. То есть вы храбры, когда неприятель сдается без боя?

Годар. Да нет же, генерал. Вот вы шутите, а я уже смущаюсь.

Генерал. Смелей! Смелей!

Годар. Я ничего не смыслю в женском притворстве. Я не понимаю, ни когда их «нет» означает «да», ни когда их «да» означает «нет», а уж раз я люблю, я хочу, чтобы и меня любили.

Генерал *(в сторону)*. Как же, будут тебя любить при таких-то качествах!

Годар. Многие мужчины, подобно мне, совершенно не выносят всех этих дамских военных хитростей, всяких ужимок и кривляний.

Генерал. Но ведь самое упоительное — это сопротивление. Тут по крайней мере изведаешь счастье победы.

Годар. Нет уж, благодарю покорно. Когда мне хочется есть, я с котлетой не кокетничаю! Я во всем люблю

определенность, и хотя я и нормандец, а тонкости не по мне. Часто в свете видишь, как какой-нибудь молодец увивается вокруг дамы и твердит: «Ах, сударыня, какое на вас красивое платье! Ах, у вас бездна вкуса! Ах, только вы умеете так изящно одеваться!» И дальше — больше, лишь бы добиться своего. Удивительные люди, честное слово! Как это пустою болтовней чего-то добиваются — не понимаю. А я топчусь на месте целую вечность, прежде чем решусь признаться хорошенькой женщине в своих чувствах.

Генерал. Эх, не таковы были мужчины во времена Империи!

Годар. Вот оттого-то я и решил стать храбрым! Напустишь на себя храбрость, да еще знаешь, что у тебя в кармане сорок тысяч ренты, вот тебе повсюду успех и обеспечен, вот и действуешь смелее прочих. Поэтому-то вы и подумали, что я такой самонадеянный. Если владеешь хорошими незаложенными лугами в Ожской долине, если имеешь прелестный замок с полной обстановкой, жене моей, значит, остается только захватить с собою приданое, все же остальное — пожалуйста, к ее услугам, даже кашемировые шали и кружева моей покойной матушки... если обладаешь всем этим, генерал, то ты волен быть, кем хочешь. Вот почему я — господин де Римонвиль.

Генерал. Нет, вы — Годар.

Годар. Годар де Римонвиль

Генерал. Просто Годар.

Годар. Генерал, это всеми допускается.

Генерал. А я не допускаю, чтобы человек, пусть даже мой зять, отрекался от своего отца; ваш же отец — весьма, впрочем, почтенный человек — сам гонял гурты из Кана в Пуасси и по всей округе был известен как Годар, дядюшка Годар.

Годар. Батюшка был человек недюжинный.

Генерал. Да, в своем роде. Но я вас понимаю... Так как его скот наградил вас сорокатысячной рентой, вы рассчитываете теперь на других скотов, которые наградят вас фамилией де Римонвиль.

Годар. Позвольте, генерал, а ну-ка спросите мадемуазель Полину: она-то ведь человек современный. Мы живем в тысяча восемьсот двадцать девятом году, в цар-

ствование Карла Десятого. Она предпочтет, выходя после бала, услышать возглас: «Карету госпожи де Римонвиль!», чем: «Карету госпожи Годар!»

Генерал. Ну что ж, если такие глупости по нраву моей дочери — пожалуйста; ведь смеяться-то будут над вами,— поэтому мне решительно все равно, дорогой мой Годар.

Годар. Де Римонвиль.

Генерал. Годар! Послушайте, вы человек порядочный, вы молоды, богаты, вы говорите, что не будете волочиться за другими женщинами, что моя дочь будет царить в вашем доме... Ну так добейтесь ее согласия, и тем самым вы добьетесь моего. Но имейте в виду, что Полина выйдет замуж только за человека, которого она полюбит, и независимо от того, богат он или беден. Впрочем, есть одно исключение, но оно вас не касается. Я предпочту проводить дочь на кладбище, чем в мэрию, в случае если ее избранник окажется сыном, внуком, братом, племянником, родственником или свойственником одного из четырех-пяти негодяев, которые предали имп... Ибо мой кумир...

Годар. Император! Это всем известно.

Генерал. Прежде всего — бог, затем Франция или император... Для меня это одно и то же. И, наконец, жена моя и дети. Всякий, кто осмелится коснуться моих кумиров,— мне враг! Я убью его, как зайца, без малейших угрызений. Вот мои взгляды на религию, родину, семью. Катехизис мой краток, но хорош. Известно ли вам, почему в тысяча восемьсот шестнадцатом году, после проклятого роспуска Луарской армии, я со своею бедною сироткою удалился сюда? Почему я, гвардейский полковник, раненный при Ватерлоо, здесь, в окрестностях Лувье, открыл суконную фабрику?

Годар. Чтобы не служить *тем*.

Генерал. Чтобы не умереть на эшафоте как убийца!

Годар. О боже!

Генерал. Повстречайся я с одним из этих предателей, я сумел бы рассчитаться с ним по заслугам. Даже теперь, пятнадцать лет спустя, вся кровь закипает в моих жилах, когда мне случается прочесть их имена в газете или услышать их от кого-нибудь. Словом, если бы я очутился с таким молодчиком лицом к лицу, никакая сила не

могла бы удержать меня,— я вцепился бы ему в горло, разорвал бы на клочья, задушил бы его...

Годар. И поступили бы вполне правильно! *(В сторону.)* Буду ему поддакивать.

Генерал. Да, сударь, задушил бы! А если зять мой станет мучить мое дорогое дитя, его ждет та же участь.

Годар. Ого!

Генерал. Я отнюдь не хочу, чтобы она командовала мужем. Мужчина должен быть властелином в своем доме, вот как я — у себя.

Годар *(в сторону)*. Бедняга! Ну и властелин!

Генерал. Что?

Годар. Я говорю, граф, что ваша угроза меня ничуть не страшит. Если любишь только одну женщину, то любишь ее крепко.

Генерал. Прекрасно, дорогой мой Годар. А что до приданого...

Годар. О!..

Генерал. Что до приданого моей дочери, оно состоит...

Годар. Оно состоит?..

Генерал. Из материнского капитала и из наследства, оставленного ей дядей Бонкером... Оно неприкосновенно; я отказываюсь от своих прав на него. Это составляет триста пятьдесят тысяч франков и проценты за год, ибо Полине уже исполнилось двадцать два года.

Годар. Триста шестьдесят семь тысяч пятьсот франков?

Генерал. Нет.

Годар. Как нет?

Генерал. Больше!

Годар. Больше?

Генерал. Четыреста тысяч.

У Годара вырывается удивленный жест.

Разницу я пополняю... Но зато после моей смерти не ждите ничего... Понятно?

Годар. Нет, не понятно.

Генерал. Я обожаю маленького Наполеона.

Годар. Герцога Рейхштадтского?

Генерал. Да нет, моего сына. *Они* согласились

крестить его лишь под именем Леона; но я начертал здесь (*ударяет себя в грудь*) «Наполеон». Итак, все мои сбережения предназначаются для него и для его матери.

Годар (*в сторону*). Особенно для матери. Она — тонкая бестия!

Генерал. Так что же? Если что вам не подходит, скажите прямо.

Годар (*в сторону*). Не миновать-стать судиться! (*Вслух*). Наоборот, я сам помогу вам, генерал!

Генерал. В добрый час! Вот почему, мой дорогой Годар...

Годар. Де Римонвиль.

Генерал. Годар; Годар — лучше. Так вот почему я, генерал, граф де Граншан, бывший командир гвардейских гренадер, поставляю теперь мундиры для *их* пехтуры.

Годар. Что ж, вполне естественно! Копите деньги, граф, не оставаться же вашей вдове без капитала!

Генерал. Она ангел, Годар.

Годар. Де Римонвиль.

Генерал. Годар, она ангел, и именно ей вы обязаны воспитанием вашей будущей жены; она создала ее по своему подобию. Полина — жемчужина, сокровище; она никогда не выходила из-под родительского крова, она чиста, невинна, как дитя в колыбели...

Годар. Генерал, позвольте мне признаться вам... Спору нет, мадемуазель Полина прекрасна...

Генерал. Еще бы!

Годар. Она прекрасна, но в Нормандии есть немало прекрасных девушек и к тому же очень богатых, богаче ее. Ах, если бы вы знали, как папаши и мамаши этих невест охотятся за мною! Прямо-таки неприлично! Но меня это только забавляет,— я разъезжаю по замкам, всюду мне почет и уважение...

Генерал. Хлыщ!

Годар. Не ради меня самого, конечно, нет! Я насчет этого не заблуждаюсь. Все это делается ради моих незаложенных лугов, ради моих сбережений и еще потому, что мое правило — не тратить полностью своих

доходов. А знаете, почему мне хочется породниться именно с вашей семьей?

Генерал. Нет, не знаю.

Годар. Некоторые богачи обещают выхлопотать указ его величества о даровании мне титула пэра Франции и графа де Римонвиль.

Генерал. Вам?

Годар. Да, да, мне!

Генерал. Разве вы одержали какую-нибудь крупную победу? Спасли родину? Прославили ее? Да это курам на смех.

Годар. Курам на смех... *(В сторону.)* Что я такое говорю? *(Вслух.)* У нас с вами на сей счет разные мнения. Короче говоря, знаете, почему я всем предпочел вашу прелестную Полину?

Генерал. Черт возьми! Да потому, что вы в нее влюблены.

Годар. О, разумеется! Но также и потому, что здесь царят покой, согласие, счастье. Так заманчиво вступить в порядочную семью с чистыми, простыми, патриархальными нравами. Я ведь человек очень наблюдательный.

Генерал. То есть просто любопытный.

Годар. Любопытство, сударь,— мать наблюдательности. Я знаю весь наш департамент и с лица и с изнанки.

Генерал. Ну и что же?

Годар. Во всех семьях, о которых я вам говорил, я обнаружил недостатки. Со стороны видишь приличную внешность, превосходных, безупречных матерей семейств, прелестных девушек, добрых отцов, примерных дядюшек. Хоть веди их к причастию без исповеди, хоть доверь любой капитал... А только копните — даже у судебного следователя волосы на голове дыбом встанут.

Генерал. Ах, вот каким вам кажется мир? А я свято храню иллюзии, с которыми прожил жизнь. Копаться в чужой совести — дело священников и судейских; я лично недолюбливаю рясы и черные мантии и надеюсь умереть, так их и не увидев! Но, Годар, чувства, на которых основано ваше предпочтение, подкупают меня больше, нежели ваше богатство. По рукам! Вы

заслужили мое уважение, а я на этот счет не очень-то щедр.

Годар. Генерал, спасибо. *(В сторону.)* Попался, тестюшка!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Полина и Гертруда.

Генерал *(Полине)*. Ах, вот и ты, малютка!

Гертруда. Не правда ли, как мила?

Годар. Графиня...

Гертруда. Ах, извините, сударь; я залюбовалась творением рук своих.

Годар. Мадемуазель просто обворожительна!

Гертруда. К обеду у нас гости, а какая же я мачеха; я так люблю наряжать ее, ведь для меня она родная дочь!

Годар *(в сторону)*. Значит, меня ждали.

Гертруда. Я оставлю вас наедине... Объяснитесь. *(Генералу.)* Друг мой, пойдем на веранду, посмотрим, не едет ли наш милый доктор.

Генерал. Я к вашим услугам, как всегда. *(Полине.)* Прощай, мое сокровище. *(Годару.)* До свиданья!

Гертруда и генерал выходят на веранду, но Гертруда искоса наблюдает за Годаром и Полиной; из комнаты Полины выглядывает Фердинанд, однако по знаку Полины быстро прячется.

Годар *(на авансцене)*. Что бы мне ей сказать потоньше, поделикатнее? А, знаю! *(Полине)*. Какая сегодня приятная погода, мадемуазель.

Полина. Действительно, очень приятная, сударь.

Годар. Мадемуазель!

Полина. Сударь?

Годар. От вас зависит сделать ее для меня еще приятнее.

Полина. Каким же образом?

Годар. Вы не понимаете? Разве графиня, ваша мачеха, ничего не говорила вам обо мне?

Полина. Как же! Одевая меня, вот только что, она наговорила о вас столько хорошего!

Годар. А вы согласны хоть с крупицей того, что ей угодно было...

Полина. О, со всем согласна, сударь!

Годар *(усаживаясь в кресло, в сторону)*. Все идет как по маслу! *(Вслух.)* Неужели она, на мое счастье, выдала меня и сказала, что я влюблен в вас страстно, что я хотел бы видеть вас хозяйкой Римонвильского замка?

Полина. Она лишь намекнула, что вы приехали сюда с намерением, которое должно мне быть бесконечно лестно.

Годар *(становится на колени)*. Я люблю вас, мадемуазель, люблю безумно! Что против вас мадемуазель де Блонвиль, мадемуазель де Клервиль, мадемуазель де Вервиль, мадемуазель де Пон-де-Виль, мад...

Полина. О, довольно, сударь! Я просто смущена таким обилием доказательств столь неожиданной для меня любви. Какое множество жертв! Батюшка ваш довольствовался тем, что гонял свои гурты, вы же их всех готовы отправить прямо на бойню.

Годар встает.

Годар *(в сторону)*. Ай, ай, она, кажется, надо мной смеется. Погоди же ты у меня!

Полина. Следовало бы по крайней мере немного подождать. И признаюсь вам...

Годар. Вы еще не хотите замуж? Вам хорошо живется при родителях, и вы не хотите расстаться с батюшкой?

Полина. Вот именно.

Годар. В таких случаях мамаши обычно говорят, что дочки их еще слишком юны; но так как ваш батюшка сказал мне, что вам уже двадцать два года, я и предположил, что вы, вероятно, не прочь обзавестись своим домом.

Полина. Сударь!

Годар. Понимаю: от вашего решения зависит и ваша собственная и моя судьба; согласием вашего отца и вашей второй матери я заручился; они полагают, что ваше сердце свободно,— так могу ли я надеяться?..

Полина. Сударь, ваше намерение жениться на мне, как бы лестно оно для меня ни было, не дает вам еще права так настойчиво меня расспрашивать.

Годар *(в сторону)*. Уж нет ли у меня соперника?

(Вслух.) Никто, мадемуазель, без боя не отказывается от счастья.

Полина. Вы продолжаете? В таком случае, сударь, я уйду.

Годар. Смилуйтесь, мадемуазель! *(В сторону.)* Вот тебе за насмешки.

Полина. Ах, сударь, вы богаты и столь щедро одарены природой, вы так благовоспитанны, так умны, что легко найдете девушку и богаче и красивее меня.

Годар. Но когда любишь...

Полина. Вот именно, сударь, когда любишь...

Годар *(в сторону)*. Она влюблена! Останусь и разузнаю, в кого именно. *(Вслух.)* Мадемуазель, надеюсь, что, щадя мое самолюбие, вы по крайней мере разрешите мне погостить здесь несколько дней?

Полина. Спросите, сударь, моего батюшку. *(Уходит.)*

Гертруда *(входя, Годару)*. Ну как?

Годар. Отказала наотрез, жестоко и бесповоротно; уж не занято ли ее сердце?

Гертруда *(Годару)*. Занято? Я воспитала эту девочку, мне было бы все известно... К тому же нас никто не посещает. *(В сторону.)* Его слова зарождают во мне подозрение... Они, как кинжал, вонзились в мое сердце. *(Годару.)* Узнайте же у нее...

Годар. Узнать? Да при первом же моем намеке на ревность она прямо-таки взбеленилась.

Гертруда. В таком случае я расспрошу ее сама.

Генерал. Вот и доктор. Сейчас мы узнаем всю правду о смерти жены Шампаня.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Вернон.

Генерал. Ну как?

Вернон. Все, как я и предсказывал! *(Раскланивается.)* Существует непреложное правило: если человек имеет обыкновение бить свою жену, он ни под каким видом не решится ее отравить; это ему может слишком дорого обойтись. В таких случаях свою жертву разумнее щадить...

Генерал *(Годару)*. Он очарователен.

Годар. Очарователен!

Генерал *(представляет Годара доктору)*. Господин Годар.

Годар. Де Римонвиль.

Вернон *(оглядывает его и сморкается. Потом продолжает)*. Если уж и произойдет убийство, так только по ошибке: потому, что человек в пылу ссоры не рассчитает удара. А наш Шампань простодушно радуется, что овдовел, так сказать, естественным образом. И действительно, жена его умерла от холеры. От азиатской холеры; это заболевание редкое, но все же встречается, и я очень рад, что мне довелось стать свидетелем случая, который мне не приходилось наблюдать со времен египетского похода... Если бы меня вовремя пригласили, я бы спас больную...

Гертруда. Ах, какое счастье! Меня ужасала мысль, что в нашей местности, где спокойствие не нарушалось целых двенадцать лет, могло произойти убийство.

Генерал. Вот к чему приводят сплетни! Но уверен ли ты, Вернон?

Вернон. Уверен ли я? И это спрашивают бывшего полкового врача, который пользовал двенадцать французских армий, начиная с тысяча семьсот девяносто третьего по тысяча восемьсот пятнадцатый год... который практиковал в Германии, Испании, Италии, России, Польше, Египте... Это спрашивают у врача-космополита!

Генерал *(хлопает его по животу)*. Ах ты, шарлатан! Он в этих странах уморил больше народу, чем я.

Годар. Однако какие же ходили слухи?

Гертруда. Будто наш мастер, несчастный Шампань, отравил свою жену.

Вернон. Как на грех, накануне ее смерти между ними произошла потасовка. Они, увы, не следовали благому примеру своих хозяев.

Годар. А казалось бы, подобное счастье должно быть заразительным. Но совершенства, которые восхищают нас в графине, столь редкостны!

Гертруда. Какая же заслуга любить превосходного человека и прелестную девушку?

Генерал. Ну, Гертруда, перестань. Нельзя же говорить такие вещи при посторонних.

Вернон *(в сторону)*. Именно для посторонних это и говорится,— чтобы поверили.

Генерал *(Вернону)*. Что ты там бормочешь?

Вернон. Говорю, что мне шестьдесят семь лет, что я моложе вас и хотел бы быть любимым, как вы... *(в сторону)* дабы увериться, что это действительно любовь.

Генерал. Ну, и завистник! *(Жене.)* Дитя мое, вознаградить тебя может только бог; он, я знаю, дарует мне силу любить тебя.

Вернон. Вы забываете, друг мой, что я врач; ваши слова годятся разве что для романса.

Гертруда. Иные романсы, доктор, очень правдивы.

Генерал. Вернон, если ты не перестанешь дразнить жену, мы с тобою поссоримся: сомнение в нашей взаимной любви для меня горшее оскорбление.

Вернон. Да я вовсе и не сомневаюсь. *(Генералу.)* Но с божьей помощью, вы любили столько женщин, что я как врач не могу не восторгаться вами — в семьдесят лет и такой добрый христианин.

Гертруда незаметно направляется к дивану, где сидит доктор.

Генерал. Тсс! Друг мой, последняя любовь всегда самая сильная.

Вернон. Вы правы. В юности мы любим со всею силою,— а она постепенно уменьшается; в старости же мы любим со всею слабостью,— а слабость-то все возрастает.

Генерал. Ах ты, язвительный философ!

Гертруда *(Вернону)*. Доктор, почему вы, человек безусловно добрый, стараетесь посеять сомнение в сердце Граншана? Вы ведь знаете, как он ревнив; он способен убить при малейшем подозрении. Я настолько уважаю это чувство, что теперь не вижусь уже ни с кем, кроме вас, господина мэра и господина кюре. Неужели вы хотите, чтобы я отказалась и от вашего общества, которое нам так мило, так приятно! Ах, вот и Наполеон!

Вернон *(в сторону)*. Война объявлена! Она разогнала всех, прогонит и меня.

Годар. Доктор, вы здесь на правах члена семьи; скажите мне, что вы думаете о мадемуазель Полине?

Доктор встает, оглядывает его, сморкается и молча отходит. Звонят к обеду.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Наполеон и Феликс.

Наполеон *(вбегает)*. Папа, папа! Ведь правда, что ты позволил мне ездить верхом на Коко?

Генерал. Конечно, позволил.

Наполеон *(Феликсу)*. Вот видишь!

Гертруда *(утирает лоб сына)*. Как он разгорячился.

Генерал. Но с условием, чтобы тебя кто-нибудь сопровождал.

Феликс. Значит, господин Наполеон, я был прав. Наш шалунишка, барин, решил один объездить на пони всю окрестность.

Наполеон. Он за меня боится! А я сам ничего не боюсь.

Феликс уходит. Опять звонят к обеду.

Генерал. Поди-ка, я тебя за это поцелую. Настоящий гвардеец растет!

Вернон *(смотря на Гертруду)*. В отца-гвардейца пошел!

Гертруда *(резко)*. Характером он весь в отца, а наружностью похож на меня.

Феликс. Кушать подано.

Гертруда. Однако где же Фердинанд? Он всегда такой точный. Наполеон, сбегай к фабрике, посмотри, не идет ли Фердинанд, и скажи ему, что уже звонили к обеду.

Генерал. Да нам незачем его ждать. Годар, предложите руку Полине.

Вернон предлагает руку Гертруде.

Э, э, Вернон! Тебе бы пора знать, что никто не имеет на это права, кроме меня.

Вернон *(в сторону)*. Ей-богу, он неизлечим.

Наполеон. Фердинанд там, в главной аллее... я его видел.

Вернон. Дай же мне руку, тиран!

Наполеон. Держи, тиран. Вот я сейчас тебя потираню, и здорово... *(Вертит Вернона.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Фердинанд один. Осторожно выходит из комнаты Полины.

Фердинанд. Мальчишка меня спас, но как это его угораздило увидеть меня в аллее? Еще одна такая неосторожность — и мы погибли. Надо во что бы то ни стало выпутаться из этого положения. К Полине сватаются... Годару она отказала. Генерал, а особенно Гертруда постараются узнать причины отказа. Сейчас выйду на веранду и сделаю вид, будто я пришел по аллее, как сказал Леон. Лишь бы не заметили из столовой... *(Наталкивается на Рамеля.)* Эжен Рамель!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Фердинанд и Рамель, потом Феликс.

Рамель. Какими судьбами, Маркандаль...

Фердинанд. Тс!.. Никогда не произноси здесь этого имени. Если генерал узнает, что я — Маркандаль, что это моя фамилия,— он пристрелит меня, как бешеную собаку.

Рамель. Да почему же?

Фердинанд. Потому что я сын генерала Маркандаля.

Рамель. Которому Бурбоны отчасти обязаны тем, что им пришлось совершить вторичное путешествие.

Фердинанд. В глазах генерала Граншана покинуть Наполеона и служить Бурбонам — значит изменить Франции. Увы, мой отец подтвердил, сколь правильно это мнение, ибо умер от горя. Итак, помни, меня здесь зовут Фердинанд Шарни, по фамилии моей матери.

Рамель. А что ты тут делаешь?

Фердинанд. Я на фабрике и директор и кассир; словом, как мэтр Жак,— на все руки мастак.

Рамель. Да что ты? Что же тебя заставило?..

Фердинанд. Многое. Отец все промотал, даже

состояние моей бедной матери; она живет теперь на вдовью пенсию в Бретани.

Рамель. Как! Неужели твой отец, командир королевской гвардии, занимавший такое блестящее положение, умер, ничего тебе не оставив, не оставив даже покровителей?

Фердинанд. Если человек предает своих единомышленников, меняет убеждения,— значит, у него к тому имеются особые основания...

Рамель. Хорошо, хорошо, довольно об этом.

Фердинанд. Мой отец сам был игроком... Вот почему он так снисходительно относился ко всем моим сумасбродствам... Ну, а тебя-то что сюда привело?

Рамель. Две недели тому назад я был назначен прокурором окружного суда в Лувье.

Фердинанд. Мне называли... да, помнится, я сам читал другую фамилию.

Рамель. Де ла Грандьер?

Фердинанд. Вот, вот!

Рамель. Чтобы иметь возможность жениться на мадемуазель де Будвиль, я испросил разрешения присвоить, как и ты, фамилию моей матери. Семейство Будвилей покровительствует мне, и через год я, несомненно, буду назначен товарищем главного прокурора в Руан... А это уже ступень к Парижу...

Фердинанд. А зачем ты явился сюда, в нашу мирную обитель?

Рамель. Наблюдать за следствием по делу об отравлении. Начало удачное!

Входит Феликс.

Феликс. Сударь! Барыня беспокоится.

Фердинанд. Скажи, что я занят.

Феликс уходит.

Дорогой Эжен, в случае, если генерал... А он, как все старые вояки, не у дел, очень любопытен... Так вот, если он спросит, где мы с тобою встретились,— не забудь сказать, что на главной аллее. Это для меня очень важно. Вернемся, однако, к делу. Значит, ты приехал сюда из-за жены нашего старшего мастера, Шампаня? Но ведь он невинен, как младенец.

Рамель. Ты веришь этому? А мы, судейские, за то и получаем жалованье, чтобы не верить. Я вижу, ты все тот же, ничуть не переменился за годы нашей разлуки,— все такой же благородный, восторженный юноша, словом — поэт. Поэт, который вкладывает поэзию в жизнь, вместо того чтобы выкладывать ее на бумагу... который верит в добро, в красоту. Ну, а царица твоих грез, твоя Гертруда,— что с нею сталось?

Фердинанд. Тс! Нет, не министр юстиции, а само небо послало тебя в Лувье,— ибо я поистине в ужасном положении, и сейчас мне особенно нужен друг. Слушай, Эжен, поди сюда. Я обращаюсь к тебе как к школьному товарищу, как к наперснику юности; надеюсь, для меня ты никогда не будешь прокурором? Из моих признаний ты поймешь, что должен хранить их свято в тайне, как духовник.

Рамель. Уж не уголовное ли что-нибудь?

Фердинанд. Брось! Такое преступление охотно совершил бы любой судья.

Рамель. А не то я отказался бы тебя слушать или же, выслушав...

Фердинанд. Что?

Рамель. Просил бы перевести меня.

Фердинанд. Ты все такой же, мой добрый, мой лучший друг. Так вот, уже три года как я люблю мадемуазель Полину де Граншан, и она...

Рамель. Достаточно! Я уже все понял. В нормандской глуши... вы разыгрываете Ромео и Джульетту...

Фердинанд. С тою лишь разницей, что наследственная рознь, разделявшая этих двух влюбленных,— пустяк по сравнению с той ненавистью, какую питает генерал де Граншан к сыну предателя Маркандаля!

Рамель. Но ведь через три года Полина де Граншан будет независима; она сама богата, мне это известно от Будвилей. Вы уедете в Швейцарию и проживете там, пока не уляжется гнев генерала, а в случае надобности — почтительно вынудите его признать ваш брак.

Фердинанд. Неужели я стал бы искать твоей помощи, если бы можно было надеяться на такую обыкновенную, легкую развязку?

Рамель. А, понимаю! Ты женился на Гертруде,

на своем ангеле... который, подобно всем ангелам, превратился в... законную супругу?

Фердинанд. Во сто раз хуже! Гертруда, друг мой, это... госпожа де Граншан.

Рамель. Ого! Как же тебя угораздило попасть в такое осиное гнездо!

Фердинанд. Как вообще попадаешь во всякое осиное гнездо,— в надежде найти там мед.

Рамель. Положение весьма серьезно! В таком случае не скрывай от меня ничего.

Фердинанд. Гертруда де Мейляк, воспитанная в институте Сен-Дени, сначала полюбила меня, несомненно, из тщеславия; она радовалась, что нашла в моем лице богатого жениха, и сделала все возможное, чтобы привязать меня к себе, в надежде выйти за меня замуж.

Рамель. Обычная уловка всех сироток, склонных к интриганству.

Фердинанд. Но каким образом Гертруда в конце концов действительно полюбила меня? Такова уж природа этой страсти... да что я говорю — страсти? Для нее это первая, единственная и всепоглощающая любовь, любовь, которая властвует над всей жизнью и снедает ее. Когда в конце тысяча восемьсот шестнадцатого года Гертруда увидела, что я разорен, а она, как и ты, знала, что я — поэт, люблю роскошь и искусство, легкую и беспечную жизнь,— короче говоря, что я избалованное дитя... когда она узнала, что я разорен, она, ничего мне не сказав, приняла одно из тех возвышенных и постыдных решений, на которые отваживаются женщины под влиянием жгучей страсти, если они к тому же вынуждены таиться. Женщины во имя любви готовы на все, как готовы на все тираны ради сохранения власти; для женщин высшим законом является их любовь...

Рамель. Факты, дорогой мой! Ты выступаешь защитником, а я ведь прокурор.

Фердинанд. Пока я устраивал свою мать в Бретани, Гертруда познакомилась с генералом де Граншаном, который искал воспитательницу для сиротки дочери. Для нее этот старый, израненный в боях ветеран, которому стукнуло в то время пятьдесят восемь

лет, был лишь денежным мешком. Вот она и вообразила, что скоро овдовеет, станет богатой, а тогда вернется к своей любви и к своему рабу. Она решила, что замужество ее пройдет как дурной сон, за которым последует радостное пробуждение. А сон этот длится уже двенадцать лет! Но ты ведь знаешь, как рассуждают женщины!

Рамель. У них свой кодекс законов.

Фердинанд. Гертруда невероятно ревнива. В награду за свою неверность мужу она требует от любовника полной верности, а так как, по ее словам, она страшно мучилась, то ей и захотелось...

Рамель. Иметь тебя под своим кровом, чтобы следить за каждым твоим шагом...

Фердинанд. Ей удалось, дорогой мой, вызвать меня сюда. И я уже четвертый год живу здесь, во флигельке около фабрики. А не уехал я отсюда на второй же день лишь только потому, что сразу же понял, что жить без Полины не могу.

Рамель. Но благодаря этой любви твое положение кажется мне, судейскому чиновнику, уж не таким плохим, как я предполагал.

Фердинанд. Не таким плохим? Да оно просто невыносимо. Ты не знаешь, каково оказаться между трех таких характеров. Полина очень смела, как и все невинные девушки, любящие идеальной любовью; они не способны видеть что-либо дурное в человеке, которого избрали в мужья. Гертруда крайне наблюдательна; нам удается скрываться лишь потому, что Полина трепещет, как бы не открылось мое настоящее имя. И этот страх дает ей силы притворяться. Но Полина только что отказала Годару.

Рамель. Годару? Знаю! Вид у него придурковатый, но это самый хитрый, самый пронырливый человек во всем департаменте. Он здесь?

Фердинанд. Обедает.

Рамель. Остерегайся его!

Фердинанд. Хорошо! Если эти две женщины, которые и без того не особенно долюбливают друг друга, узнают, что они соперницы,— дело может кончиться убийством, и, право, трудно сказать, кто из них первая схватит оружие: одна сильна своею непороч-

ной, законной любовью; другая разъярится, увидев, как гибнут плоды долгого притворства, жертв, даже преступлений...

Входит Наполеон.

Рамель. Ты даже меня, прокурора, испугал. Нет, что и говорить, женщины сплошь да рядом обходятся дороже, чем они того стоят.

Наполеон. Дружочек! Папа и мама беспокоятся о тебе, они говорят, что надо отложить все дела, а Вернон что-то говорит о желудке.

Фердинанд. Ах ты, плут,— пришел подслушивать!

Наполеон. Мама шепнула мне на ухо: «Поди-ка, посмотри, чем занят твой дружочек».

Фердинанд. Ступай, бесенок! Беги, я сейчас приду. *(Рамелю.)* Видишь, она пользуется простодушным ребенком, как шпионом.

Наполеон уходит.

Рамель. Это сын генерала?

Фердинанд. Да.

Рамель. Ему двенадцать лет?

Фердинанд. Да.

Рамель. Больше тебе нечего мне сказать?

Фердинанд. Я и так уже сказал слишком много.

Рамель. Ну так иди обедать. Не говори о моем приезде, ни о том, кто я. Пусть пообедают спокойно. Ступай, друг мой, ступай.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Рамель один.

Рамель. Бедный малый! Если бы молодые люди изучили дела, которые прошли через мои руки за семь лет моей судебной практики, они убедились бы, что единственный возможный в жизни роман — это брак. С другой стороны, если бы страсть стала разумной, она перестала бы быть страстью, а превратилась бы в добродетель.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Рамель и Маргарита, потом Феликс.

Рамель, погруженный в раздумье, сидит в углу дивана, так что его заметишь не сразу. Маргарита вносит свечи и карты. Смеркается.

Маргарита. Четырех колод хватит, даже если придут господин кюре и господин мэр с помощником.

Входит Феликс и зажигает свечи в канделябрах.

Об заклад готова биться, что бедняжка Полина и на этот раз не выйдет замуж. Милая моя девочка! Если бы ее мать, покойница, знала, что не ее дочь тут хозяйка, — она бы в гробу перевернулась. Я только затем и не беру расчета, чтобы утешать ее, ходить за нею.

Феликс *(в сторону)*. Что это старуха там причитает? *(Вслух.)* На кого это вы ворчите, Маргарита? Уж, наверно, на барыню?

Маргарита. Нет, на барина.

Феликс. На генерала? Да что вы! Он ведь святой.

Маргарита. Святой, да слепой.

Феликс. Скажите лучше — ослепленный.

Маргарита. Вот это вы правильно сказали.

Феликс. У генерала только один недостаток: ревнив.

Маргарита. И вспыльчив.

Феликс. И вспыльчив — это одно и то же. Как только у него явится подозрение, он уже рубит сплеча. Поэтому-то он в свое время двух человек уложил сразу на месте. Что и говорить, такой нрав приходится тушить... ласками. Барыня его и тушит. Дело нехитрое! Вот она, ласкаясь, и нацепила ему, как норовистому коню, шоры: что по сторонам делается, он не видит, а она еще твердит: «Друг любезный, смотри только прямо перед собой». Вот оно как!

Маргарита. А, так вы, вроде меня, считаете, что женщина тридцати двух лет от роду может любить мужчину, которому под семьдесят, только с тем расчетом... У нее свои виды!

Рамель *(в сторону)*. А, слуги! Соглядатаи, которых мы сами же оплачиваем!

Ф е л и к с. Какие там виды? Никуда она не выезжает, у себя никого не принимает.

М а р г а р и т а. Ну, такая и на обухе рожь смолотит! Она у меня отняла ключи... А покойница барыня все мне доверяла! А знаете, почему отняла?

Ф е л и к с. Еще бы! Денежки копит!

М а р г а р и т а. Да, целых двенадцать лет копит и барышнины проценты и доходы с фабрики. Вот потому-то она и тянет со свадьбой милой моей девочки, а то, как та выйдет замуж, придется с ее капиталом распроститься.

Ф е л и к с. Да, ничего не поделаешь, таков уж закон.

М а р г а р и т а. Да я бы ей все простила, лишь бы только барышне жилось счастливо. Дня не бывает, чтобы я не застала бедняжку Полину в слезах, спрашиваешь, что с нею, а она: «Ничего, говорит, добрая моя Маргарита, ничего».

Феликс уходит.

Все ли я приготовила? Ломберный стол.... свечи... карты... кресла... *(Замечает Рамеля.)* Боже милостивый! Чужой!

Р а м е л ь. Не пугайтесь, Маргарита.

М а р г а р и т а. Вы все слышали!

Р а м е л ь. Не бойтесь. Хранить тайны — моя обязанность. Я — прокурор.

М а р г а р и т а. Ой!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е, П о л и н а, Г о д а р, В е р н о н, Н а п о л е о н, Ф е р д и н а н д, Г е р т р у д а и г е н е р а л.

Г е р т р у д а *(бросается к Маргарите и вырывает у нее из рук подушку)*. Вы же отлично знаете, Маргарита, что мне неприятно, когда кто-нибудь, кроме меня, заботится о барине, к тому же только я одна умею уложить ему подушки.

М а р г а р и т а *(в сторону)*. Пошла кривляться!

Г о д а р. Ба! Ба! И господин прокурор!

Г е н е р а л. Прокурор? У меня в доме?

Г е р т р у д а. Прокурор?

Г е н е р а л *(Рамелю)*. Сударь, чем я обязан?..

Рамель. Я просил моего друга... господина Фердинанда Мар...

Фердинанд делает ему знак; у Гертруды и Полины вырывается испуганный жест.

Гертруда *(в сторону)*. Это его друг, Эжен Рамель.

Рамель. Фердинанда де Шарни, которому я сказал о причине моего приезда; я просил его не сообщать вам обо мне, чтобы вы спокойно пообедали.

Генерал. Фердинанд — ваш друг?

Рамель. Друг детства; мы с ним встретились тут, в аллее. Когда видишь товарища после одиннадцатилетней разлуки, кажется — век не наговориться, и я виною тому, что он опоздал к обеду.

Генерал. Однако, сударь, чем я обязан вашим посещением?

Рамель. Жану Нико, по прозвищу Шампань, вашему мастеру. Его обвиняют в убийстве.

Гертруда. Но, сударь, наш друг, доктор Вернон, установил, что жена Шампаня умерла естественной смертью.

Вернон. Да, да, от холеры, господин прокурор.

Рамель. Правосудие, граф, доверяет только своим экспертам и своим доказательствам. Напрасно вы опередили нас.

Феликс. Барыня, прикажете подавать кофей?

Гертруда. Погодите. *(В сторону.)* Как он изменился. Теперь он прокурор и стал совсем другим человеком. Мне страшно.

Генерал. Но почему преступление, якобы совершенное Шампанем, бывшим солдатом, за которого я охотно поручусь, привело вас в мой дом?

Рамель. Вы узнаете об этом, когда приедет судебный следователь.

Генерал. Благоволите присесть.

Фердинанд *(Рамелю, указывая на Полину)*. Вот она.

Рамель. Ради такой прелестной девушки можно и жизнью пожертвовать.

Гертруда *(Рамелю)*. Мы с вами не знакомы; вы меня никогда не видали... Сжальтесь надо мною, над ним...

Рамель. Положитесь на меня.

Генерал *(видя, что Рамель разговаривает с Гертрудой)*. Разве моей жене необходимо присутствовать на следствии?

Рамель. Именно необходимо. Я приехал сюда сам для того, чтобы графиню не успели предупредить, о чем ее будут спрашивать.

Генерал. Моя жена в чем-то замешана? Это оскорбление!

Вернон. Спокойствие, мой друг!

Феликс. Господин судебный следователь.

Генерал. Просите!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, следователь, Шампань и Бодрильон.

Следователь *(раскланявшись)*. Господин прокурор, вот господин Бодрильон, аптекарь.

Рамель. Господин Бодрильон не виделся с обвиняемым?

Следователь. Нет, его только что привели, и жандарм не покидал его ни на минуту.

Рамель. Сейчас мы узнаем истину; подведите сюда господина Бодрильона и обвиняемого.

Следователь. Подойдите, господин Бодрильон! *(Шампаню.)* И вы тоже.

Рамель. Господин Бодрильон, признаете вы в этом человеке то лицо, которое два дня тому назад купило у вас мышьяк?

Бодрильон. Да, он самый.

Шампань. Но ведь, господин Бодрильон, я же сказал вам, что покупаю мышьяк по приказанию барыни, чтобы травить мышей, которые завелись в доме.

Следователь. Слышите, сударыня? Он выставляет такую версию: будто бы вы сами послали его за ядом и будто он передал его вам в таком виде, в каком получил от господина Бодрильона.

Гертруда. Совершенно верно.

Рамель. Воспользовались ли вы уже этим мышьяком, сударыня?

Гертруда. Нет еще.

Следователь. Значит, вы можете нам предъявить пакетик, проданный господином Бодрильоном; на пакети-

ке должна быть его печать, и если господин Бодрильон признает, что она цела и невредима, то тяжкие обвинения против вашего мастера частично отпадут. Нам останется только выслушать заключение врача, который производит вскрытие.

Гертруда. Пакет этот, сударь, все время лежал у меня в спальне, в секретере. *(Уходит.)*

Шампань. Ах, генерал, я спасен!

Генерал. Бедняга Шампань!

Рамель. Нам будет очень приятно, генерал, установить невиновность вашего мастера; в отличие от вас, военных, мы счастливы, когда терпим поражение.

Гертруда. Вот, господа.

Следователь, Бодрильон и Рамель рассматривают пакетик.

Бодрильон *(надевает очки)*. Пакетик не тронут, господа, совершенно не тронут; вот обе мои печати в целости и сохранности.

Следователь. Спрячьте его понадежнее, графиня. В последнее время суды только тем и занимаются, что разбирают дела об отравлениях.

Гертруда. Вы же видите, сударь, что он лежал у меня в секретере; ключ от секретера бывает или у меня, или у графа. *(Уходит в свою комнату.)*

Рамель *(генералу)*. Граф, мы не станем дожидаться заключения экспертов. Главное обвинение — и, согласитесь сами, чрезвычайно тяжкое (о нем говорит весь город) — отпало. А так как мы доверяем познаниям и честности доктора Вернона...

Гертруда возвращается.

Шампань, вы свободны.

Все выражают радость.

Но видите, друг мой, какие досадные подозрения могут возникнуть, когда между супругами нет согласия.

Шампань. Господин судейский, да спросите хоть у генерала — не сущий ли я агнец? Уж сварливей моей жены — да простит ей бог — на всем свете не сыскать было... Ангел бы и тот не выдержал. Пусть я ее и учил когда уму-разуму, зато я и наказан — никому не дай бог пережить такие минуты, какие я пережил по ее милости. Шуточное ли дело — обвинили человека в от-

равлении, отдали в руки правосудия, а я ни в чем не повинен. *(Плачет.)*

Генерал. Но ведь ты уже оправдан.

Наполеон. Папа, а из чего делается правосудие?

Генерал. Правосудие, господа, не должно допускать подобных ошибок.

Гертруда. В правосудии всегда есть нечто роковое. После вашего посещения все равно будут дурно говорить об этом бедняге.

Рамель. Сударыня, для невинных в правосудии нет ничего рокового. Вы сами видите: Шампань был немедленно освобожден... *(Пристально смотрит на Гертруду.)* Тот, кто живет безупречно, в ком нет иных страстей, кроме благородных и похвальных, тому нечего опасаться правосудия.

Гертруда. Сударь, вы не знаете здешних жителей. Через десять лет станут говорить, что Шампань отравил свою жену, что явились следователи и что если бы не наше покровительство...

Генерал. Перестань, перестань, Гертруда. Господа судейские исполнили свой долг.

Феликс накрывает для кофея столик в глубине сцены, налево.

Господа, позвольте предложить вам чашку кофея?

Следователь. Благодарю вас, генерал. Но ввиду важности дела мы выехали спешно, и жена ждет меня в Лувье к обеду. *(Уходит на веранду и беседует там с доктором.)*

Генерал *(Рамелю)*. А вы, сударь,— друг Фердинанда?..

Рамель. Ах, генерал, в его лице вы владеете подлинным сокровищем: это благороднейшее сердце, честнейший человек и превосходнейший характер, подобных которому мне не доводилось еще встречать.

Полина. Какой, однако, любезный этот прокурор!

Годар *(в сторону)*. А почему? Уж не потому ли, что хвалит Фердинанда? Ну, ну, ну!..

Гертруда *(Рамелю)*. Когда у вас выпадет свободная минута, сударь, приезжайте навестить господина де Шарни. *(Генералу.)* Не правда ли, друг мой? И нам это будет очень приятно.

Следователь *(возвращается с веранды)*. Госпо-

дин де ла Грандьер, наш врач, признал, как и доктор Вернон, что смерть последовала от азиатской холеры. Мы просим у вас, графиня, и у вас, граф, извинения, что смутили покой вашего прелестного и мирного уголка.

Генерал провожает следователя.

Рамель *(Гертруде на авансцене)*. Берегитесь! Бог не поощряет столь безрассудных намерений, как ваши. Я обо всем догадался. Откажитесь от Фердинанда, предоставьте ему свободу и довольствуйтесь участью счастливой жены и счастливой матери. Дорожка, которую вы избрали, ведет к преступлению.

Гертруда. Отказаться от него! Нет, лучше умереть!

Рамель *(в сторону)*. Видно, придется Фердинанда отсюда увезти! *(Жестом подзывает Фердинанда, берет его под руку и уводит.)*

Генерал. Наконец-то отделались! *(Гертруде.)* Вели подавать кофей.

Гертруда. Полина, позвони, чтобы подали кофей.

Полина звонит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, кроме Фердинанда, Рамеля, следователя и Бодрильона.

Годар *(в сторону)*. Сейчас узнаем, любит ли Полина Фердинанда. Этот мальчишка, который спросил, из чего делается правосудие, по-моему, порядочный проказник. Прибегну к его помощи!

Входит Феликс.

Гертруда. Подайте кофей.

Феликс приносит накрытый столик.

Годар *(отведя Наполеона в сторону)*. Хочешь, сыграем забавную штуку?

Наполеон. Еще бы! А вы умеете?

Годар. Пойдем-ка, я тебя научу.

Годар с Наполеоном уходят на веранду.

Генерал. Полина, передай мне кофей.

Полина подает ему чашку.

Мало сахару.

Полина подает сахарницу.

Спасибо, крошка!

Гертруда. А вам, господин де Римонвиль?

Генерал. Годар!

Гертруда. А вам, господин де Римонвиль?

Генерал. Годар, жена, спрашивает, не хотите ли вы кофея?

Годар. С удовольствием, графиня. *(Садится так, чтобы видеть Полину.)*

Генерал. Как приятно так вот посидеть уютно на диване и выпить чашечку кофея.

Наполеон *(вбегает)*. Мама, мама! Дружочек Фердинанд упал и сломал ногу! Его сюда несут!

Вернон. Да что ты!

Генерал. Экое несчастье!

Полина. Боже мой! *(Падает в кресло.)*

Гертруда. Что ты говоришь?

Наполеон. Да это я нарочно! Я только хотел проверить, любите ли вы моего дружочка!

Гертруда. Ты поступил очень дурно! Не может быть, чтобы ты сам придумал такую гадкую штуку.

Наполеон *(вполголоса)*. Это Годар меня подучил.

Годар *(в сторону)*. Она в него влюблена. Ловушка действует без промаха! Полина попалась!

Гертруда *(Годару, передавая ему чашку)*. Знаете ли, сударь, из вас вышел бы плохой наставник. Как нехорошо учить ребенка таким злым проказам.

Годар. Наоборот, я поступил весьма мудро. Согласитесь же, что стоило пойти на небольшую хитрость, дабы обнаружить своего соперника. *(Указывает на входящего Фердинанда.)*

Гертруда *(роняет сахарницу)*. Он!

Годар *(в сторону)*. Да и она тоже.

Гертруда *(громко)*. Вы испугали меня.

Генерал *(встав с дивана)*. Что с тобою, дитя мое?

Гертруда. Ничего; наш гость пошутил и сказал, что прокурор опять идет сюда. Феликс, уберите сахарницу... Подайте другую.

Вернон. Сколько событий в один день!

Гертруда. Господин Фердинанд, сейчас я вам дам сахару. *(В сторону.)* Он не глядит на нее. *(Громко.)* Что

же ты, Полина, не возьмешь у отца кусочек сахару из кофея?

Наполеон. Куда ей! Она уж больно перепугалась; как закричит: «Ах!»

Полина. Замолчи, врунишка! Ты все время меня дразнишь. *(Садится к отцу на колени и берет из его чашки кусочек сахару.)*

Гертруда. Неужели это правда? А я-то так старалась ее одевать! *(Годару.)* Если вы правы, то ваша свадьба состоится уже через две недели. *(Громко.)* Господин Фердинанд, возьмите чашку.

Годар *(в сторону)*. Итак, в одну ловушку я поймал сразу двоих! А генерал-то наш сидит себе преспокойно, и в доме мир и благоденствие. Да-а, забавно!.. Я, пожалуй, еще тут погощу. Трое игроков здесь уже есть, ну, а я буду четвертым! Теперь я не согласен жениться, дудки! *(Кивает на Фердинанда.)* Вот счастливец! Любим сразу двумя дамами и к тому же прелестными, восхитительными! Вот ловкач! Но чем он лучше меня, ведь у меня сорок тысяч дохода?

Гертруда. Полина, дочка, приготовь карты для виста, скоро уже девять. Если вы, господа, желаете играть — не стоит терять драгоценного времени.

Полина раскладывает колоды.

Ну, Наполеон, пожелай всем спокойной ночи и покажи, какой ты умник, не шали хоть сегодня.

Наполеон. Спокойной ночи, папа. А на что похоже правосудие?

Генерал. На слепца. Спи спокойно, дружок.

Наполеон. Спокойной ночи, господин Вернон! А из чего делается правосудие?

Вернон. Из всех наших преступлений. Когда ты нашалишь, получаешь розги; вот тебе и правосудие.

Наполеон. Меня никогда не наказывали розгами.

Вернон. Значит, тебе правосудия никогда не воздавали.

Наполеон. Спокойной ночи, мой дружочек! Спокойной ночи, Полина. Прощайте, господин Годар...

Годар. Де Римонвиль.

Наполеон *(матери)*. Я умник? Скажи,— да?

Гертруда целует его.

Генерал. У меня — король.

Вернон. У меня — дама.

Фердинанд *(Годару)*. Сударь, мы партнеры.

Гертруда. Молись хорошенько. Не серди Маргариту. Ступай, амурчик.

Наполеон. Ну вот еще, амурчик! А что такое — амурчик? *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, кроме Наполеона.

Генерал. Когда он начнет задавать вопросы, можно умереть со смеху.

Гертруда. Иной раз очень трудно ему ответить. *(Полине.)* Садись сюда, давай докончим вышивку.

Вернон. Генерал, вам сдавать.

Генерал. Мне? Ты бы, Вернон, женился, мы стали бы тоже ездить к тебе в гости; ты наслаждался бы всеми радостями семейной жизни. Ей-богу, Годар, во всем нашем департаменте нет человека счастливее меня.

Вернон. Кто опоздал в погоне за счастьем на целых шестьдесят семь лет — тому уж не поймать его. Я так и умру холостяком.

Женщины на авансцене занялись рукоделием.

Гертруда. Годар сказал мне, дитя мое, что ты встретила его более чем холодно. А между тем это отличная партия.

Полина. Отец предоставил мне, сударыня, полную свободу в выборе мужа.

Гертруда. А знаешь, что будет говорить Годар? Он повсюду станет болтать, что ты отказала ему потому, что уже сделала выбор.

Полина. Если бы это было так, то вы и отец узнали бы об этом первыми. Какие же у меня могут быть основания не доверять вам?

Гертруда. Как знать. Я бы не стала порицать тебя за это. Когда женщина любит, милая Полина, ей иногда приходится героически хранить свою тайну, хранить, несмотря на жесточайшие страдания.

Полина *(в сторону, нагибаясь за упавшими ножни-*

цами). Недаром Фердинанд говорил мне, чтоб я ее остерегалась. До чего же она вкрадчива!

Гертруда. Быть может, и ты таишь в сердце такую любовь. Если тебя постигнет подобное несчастье, смело рассчитывай на меня. Ведь ты знаешь, как я тебя люблю. Я уговорю отца; он как-никак слушается меня, я могу повлиять на его образ мыслей, на его нрав... Поэтому, деточка, открой мне свое сердце.

Полина. Вы и так свободно читаете в нем, сударыня. Я от вас ничего не скрываю.

Генерал. Вернон, да что это с тобою?

Ропот среди играющих. Полина смотрит на них.

Гертруда *(в сторону)*. Прямой допрос не удался. *(Вслух.)* Как ты меня радуешь! А то этот провинциальный остряк, Годар, уверял, будто ты чуть не упала в обморок, когда он подучил Наполеона сказать, что Фердинанд сломал себе ногу. Конечно, Фердинанд — милый молодой человек; вот уже четыре года он пользуется нашим доверием. Он не только происходит из хорошей семьи, но и обладает многими талантами, и склонность к нему была бы вполне естественна.

Полина. Он приказчик моего отца.

Гертруда. Ах, ну слава богу, ты не влюблена в него. А то я уж тревожилась за тебя: ведь он женат.

Полина. Вот как? Женат! Почему же он это скрывает? *(В сторону.)* Женат! Нет, какова низость! Сегодня же вечером спрошу у него; сейчас подам ему условный знак, пусть придет ко мне...

Гертруда *(в сторону.)* Хоть бы бровью повела! Годар ошибся, или же эта девчонка владеет собою не хуже меня. *(Вслух.)* Что с тобою, мой ангел?

Полина. Да ничего!

Гертруда *(кладет руку ей на спину)*. Уж не жарко ли тебе? *(В сторону.)* Она влюблена в него, сомненья нет. Но любит ли ее он? О, я как в аду!

Полина. Уж очень я прилежно вышивала. А с вами что?

Гертруда. Ничего. Ты спрашивала, почему Фердинанд скрывает, что женат?

Полина. Ах, да...

Гертруда *(в сторону)*. Сейчас мы узнаем, посвя-

щена ли она в тайну его происхождения. *(Вслух.)* Потому что жена его очень легкомысленна и может его выдать... Больше я не могу тебе ничего сказать...

Полина. Выдать? А в чем выдать?

Гертруда *(вставая, в сторону)*. Если она его любит, то у нее железный характер. Но где они могут видеться? Днем я не расстаюсь с нею ни на минуту. Шампань говорит, что не отходит от него на фабрике. Нет, это нелепо. Если она и любит его, то любит втайне, ведь часто девушки влюбляются, а мужчина о том и не подозревает. Но если они уже объяснились, я нанесла ей слишком сильный удар, и она непременно заговорит с ним, хотя бы взглядом. О, я не спущу с них глаз!

Годар. Вы выиграли, господин Фердинанд! Прекрасно!

Фердинанд встает из-за карточного стола и подходит к Гертруде.

Полина *(в сторону)*. Я и не знала, что можно вынести такие муки и не умереть.

Фердинанд *(Гертруде)*. Графиня, теперь ваша очередь.

Гертруда. Полина, сядь вместо меня. *(В сторону.)* Я не могу спросить у него прямо, любит ли он Полину. Боюсь — вдруг я сама наведу его на эту мысль. Как быть? *(Фердинанду.)* Она призналась мне во всем.

Фердинанд. В чем?

Гертруда. Во всем.

Фердинанд. Не понимаю. Мадемуазель де Граншан?

Гертруда. Да.

Фердинанд. А что она такое сделала?

Гертруда. Вы не изменили мне? Вы не сговорились с нею убить меня?

Фердинанд. Вас убить? Она!.. Я!..

Гертруда. Неужели Годар подшутил надо мною?

Фердинанд. Гертруда... вы с ума сошли!

Годар *(Полине)*. Ах, мадемуазель, да разве так ходят!

Полина. Вы много потеряли, сударь, что играете не с графиней.

Гертруда. Фердинанд, я не знаю, где обман, где истина; знаю только, что мне легче умереть, чем отказаться от моих надежд.

Фердинанд. Будьте осторожны! Уже несколько дней доктор наблюдает за нами.

Гертруда *(в сторону)*. Она и не взглянула на него. *(Вслух.)* О, она выйдет за Годара; отец заставит ее!

Фердинанд. Что же, Годар — отличная партия.

Генерал. Нет, так играть невозможно! Полина делает ошибку за ошибкой, а ты, Вернон, тоже играешь не думая, вот смотри: опять из-за тебя моего короля убили.

Вернон. Дорогой мой, я стараюсь поддерживать равновесие.

Генерал. Разиня! Уже десять часов; лучше лечь спать, чем играть с такими партнерами. Фердинанд, сделайте одолжение — проводите господина Годара в его комнату. А тебя, Вернон, следовало бы уложить под кровать за то, что ты подвел моего короля.

Годар. Но дело-то все в пяти франках, граф.

Генерал. А честь? *(Вернону.)* Вот тебе, хоть ты и плохо играл, трость и шляпа.

Полина срывает в жардиньерке цветок и играет им.

Гертруда *(в сторону)*. Ага, условный знак! Пусть муж убьет меня, но я всю ночь буду следить за ней.

Фердинанд *(взяв у Феликса свечу)*. Господин де Римонвиль, я к вашим услугам.

Годар. Желаю вам спокойной ночи, графиня. Честь имею кланяться, мадемуазель. Спокойной ночи, генерал.

Генерал. Спокойной ночи, Годар.

Годар. Де Римонвиль... Доктор, я...

Вернон *(смотрит на него и сморкается)*. Будьте здоровы, милостивый государь!

Генерал *(провожая доктора)*. Итак, до завтра, Вернон. Только приезжай пораньше.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гертруда, Полина и генерал.

Гертруда. Друг мой, Полина отказала Годару.

Генерал. А почему, дочка?

Полина. Да он не настолько мне нравится, чтобы стать моим мужем.

Генерал. Ну что ж, поищем другого. Однако мешкать нечего, ведь тебе уже двадцать два года, и могут пойти слухи, не выгодные для тебя, для моей жены, да и для меня самого.

Полина. Но разве мне нельзя остаться в девушках?

Гертруда. Она уже сделала выбор, но, вероятно, хочет признаться в этом только вам. Оставляю вас наедине, расспросите ее. *(Полине.)* Спокойной ночи, дитя мое. Поговори с отцом. *(В сторону.)* А я все услышу. *(Уходит и затворяет за собою дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Генерал и Полина.

Генерал *(в сторону)*. Расспросить дочь! Насчет такого маневра я окончательно пас. Скорее она меня расспросит. *(Вслух.)* Полина, поди-ка сюда. *(Усаживает ее к себе на колени.)* Слушай, моя кошечка! Неужели ты думаешь, что такой старый солдат, как я, не понимает, что означает твое желание остаться в девушках? На любом языке это значит, что девушка хочет выйти замуж, но... только за того, кого она любит.

Полина. Папенька, я охотно призналась бы тебе, но я тебе не доверяю.

Генерал. Почему же, сударыня?

Полина. Ты все рассказываешь своей жене.

Генерал. Значит, у тебя есть такая тайна, которою нельзя поделиться с ангелом, с женщиной, которая тебя воспитала, с твоею второю матерью?

Полина. Ну, если ты будешь сердиться, я пойду спать. Мне думалось, что отцовское сердце — надежный приют для дочери.

Генерал. Ох, баловница! Ну, хорошо, хорошо, ради тебя буду добреньким.

Полина. Ах, какой ты у меня хороший! Так слушай: а что бы ты сказал, если бы я полюбила сына одного из тех, кого ты проклинаешь?

Генерал *(порывисто отталкивает дочь и встает)*. Я проклял бы тебя.

Полина. Вот так добренький!

Гертруда выглядывает.

Генерал. Дитя мое, есть чувства, которых лучше не касаться. Ты знаешь: это — моя жизнь. Неужели ты желаешь смерти своего отца?

Полина. О!

Генерал. Милая детка! Мое время прошло... Всякий бы позавидовал моей жизни возле тебя, возле Гертруды. Так вот, как бы сладостна и прекрасна ни была эта жизнь, я без сожаления расстанусь с нею, если буду знать, что тем самым дарую тебе счастье, ибо мы обязаны дать счастье тем, кому дали жизнь.

Полина (*видит приоткрытую дверь, в сторону*). А, она подслушивает! (*Вслух.*) Папенька, ничего этого нет, успокойтесь. Ну, а все-таки... А если бы это было так, если бы чувство мое было настолько сильно, что могло бы стоить мне жизни?

Генерал. То не следовало бы говорить мне о нем, а еще разумнее было бы подождать моей смерти. Да что я! Если после бога и родины для отца самое святое, самое дорогое — дети, то и для детей в свою очередь должна быть священна воля родителей, и дети никогда не должны нарушать ее, даже после их смерти. Если ты изменишь этой ненависти, я поднимусь из гроба и прокляну тебя.

Полина (*обнимая отца*). Злой, злой! Ну, а теперь я посмотрю, можно ли тебе доверяться. Поклянись мне честью, что не скажешь о нашем разговоре никому ни единого слова.

Генерал. Обещаю. Но что у тебя за причина не доверять Гертруде?

Полина. Ведь если я скажу, ты мне все равно не поверишь.

Генерал. Ты что ж, намерена мучить отца?

Полина. Нет. А что тебе дороже: твоя честь или ненависть к изменникам?

Генерал. Дорого и то и другое. Ведь это одно и то же.

Полина. Значит, если ты не сдержишь клятвы и тем самым поступишься своею честью, то ты можешь поступиться и ненавистью. Вот все, что мне хотелось знать.

Генерал. Женщины — ангелы, но, право же, в них есть нечто и от дьявола. Ну скажите на милость, кто вну-

шает такие мысли неискушенной девушке вроде Полины? Вот так-то они и водят нас за нос...

Полина. Спокойной ночи, папенька.

Генерал. Гм. Противная девчонка!

Полина. Никому ни слова, а не то я тебе приведу такого зятя, что ты ужаснешься. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Генерал один.

Генерал. Да, у этой загадки, несомненно, есть разгадка. Попытаемся же ее разгадать, разгадать с помощью Гертруды.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Декорация меняется. Комната Полины, маленькая, простая; в глубине кровать; слева, возле потайной двери, круглый стол; направо дверь. Полина одна.

Полина. Наконец-то я одна; наконец-то я могу не сдерживаться. Женат! Мой Фердинанд женат! Если это так — значит, он самый подлый, самый низкий, самый презренный человек на свете! Я убила бы его! Убить его... нет! Но если это окажется правдой, я и часа не проживу. Мачеха ненавистна мне. Ах, если она станет моим врагом, объявлю ей войну, жестокую войну. Будь что будет: я расскажу все, что знаю, отцу. *(Смотрит на часы.)* Половина двенадцатого, он может прийти не раньше полуночи, когда весь дом уснет. Бедный Фердинанд! Рисковать жизнью ради краткой беседы с невестой! Разве это не любовь? Не для всякой женщины решатся на такие поступки! Поэтому и я на все готова ради него! Если отец застанет нас, я приму на себя первый удар. О, сомневаться в любимом — пожалуй, горшая мука, нежели лишиться его; в смерти идешь ему вослед, а сомнение... сомнение — это разлука. Чьи-то шаги! Это он!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Фердинанд и Полина; она отворяет дверь.

Полина. Ты женат?

Фердинанд. Что за глупости! Неужели я бы не сказал тебе?

Полина. Ах! *(Падает в кресло, потом становится на колени.)* Пресвятая дева! Как благодарить тебя? *(Целует Фердинанду руку.)* Будь благословен тысячу раз!

Фердинанд. Но кто сказал тебе такую нелепость?

Полина. Мачеха.

Фердинанд. Она все узнала! А если даже и не узнала, то все равно будет следить за нами и все узнает. Ведь для такой женщины, как она, подозрение — та же уверенность. Выслушай меня, Полина, нам дорога каждая минута. Меня вызвала сюда, в имение, госпожа Граншан.

Полина. Зачем?

Фердинанд. Она любит меня.

Полина. Какой ужас. А что же отец?

Фердинанд. Она любила меня еще до замужества.

Полина. Она тебя любит... А ты?

Фердинанд. Разве я мог бы тогда жить в этом доме?

Полина. И она... все еще любит тебя?

Фердинанд. К сожалению, да! Должен тебе признаться, она была моим первым увлечением, но теперь я ненавижу ее всеми силами души и сам не знаю почему. Потому ли, что люблю тебя и что всякая истинная, чистая любовь по самой своей природе поглощает всего человека? Потому ли, что, видя тебя, ангела чистоты, рядом с таким демоном, как она, я чувствую ненависть ко злу, не менее пылкую, чем моя любовь к тебе, моему блаженству, моему сокровищу? Сам не знаю! Но я ненавижу ее, я тебя люблю и не пожалею расстаться с жизнью, если твой отец убьет меня... Достаточно одной нашей беседы, одного часа, проведенного здесь, возле тебя, и позже, когда я вспоминаю их, они кажутся мне целой жизнью.

Полина. О, говори, говори! Ты успокоил меня. За эти слова я прощаю ту боль, которую ты причинил мне, сказав, что я не первая, не единственная твоя любовь, как ты — моя... Что ж, приходится расстаться с этой иллюзией! Не сердись. Девушки безрассудны, все честолюбие их — в любви, и им хочется владеть прошлым любимого человека так же, как они владеют его будущим. Ты ненавидишь ее! В этом — лучшее доказательство любви, хотя ты доказал ее мне не раз за эти два

года. Если бы ты только знал, с каким ожесточением мачеха допрашивала меня! Я отомщу ей!

Фердинанд. Будь осторожна. Это страшная женщина. Она властвует над твоим отцом. Она готова на смертельную борьбу.

Полина. Смертельную борьбу! Иного я и не жду от нее.

Фердинанд. Умоляю, берегись, милая Полина! Мы хотим принадлежать друг другу, не правда ли? Так вот, прокурор, мой товарищ, считает, что, если мы желаем преодолеть разделяющие нас препятствия, нам нужно решиться на временную разлуку.

Полина. Дай мне два дня сроку, и я всего добьюсь от отца.

Фердинанд. Ты не знаешь графини! Она слишком далеко зашла, она не станет щадить тебя и решится на все. Но не бойся, прежде чем уехать, я дам тебе против нее страшное оружие!

Полина. Дай, дай!

Фердинанд. Нет, еще не сейчас. Обещай мне, что прибегнешь к нему только в том случае, если будет угрожать опасность твоей жизни,— иначе это было бы непорядочно с моей стороны. Но раз дело касается тебя...

Полина. Что ж это за оружие?

Фердинанд. Письма, которые она писала мне до замужества, а частично и после. Завтра я тебе их передам. Не читай их, Полина! Поклянись мне нашей любовью, нашим счастьем. В случае надобности просто скажи ей, что письма у тебя, увидишь, как она затрепещет, как будет ползать у твоих ног, потому что все ее козни рухнут. Но помни: это крайнее средство. А главное, спрячь их получше.

Полина. Какой страшный поединок!

Фердинанд. Да, страшный! А теперь, Полина, стойко, как и прежде, храни тайну нашей любви. Не признавайся в ней до последней возможности.

Полина. Ах, зачем твой отец изменил императору! Боже мой, если бы отцы знали, как жестоко страдают дети из-за их ошибок, на свете не было бы плохих людей.

Фердинанд. Это грустное свидание — быть может, наша последняя радость.

Полина *(в сторону)*. Нет, я поеду за ним! *(Вслух.)* Видишь, я уже не плачу, я взяла себя в руки. Скажи, твой товарищ будет знать, где ты остановился?

Фердинанд. Эжен будет нашим посредником.

Полина. А письма?

Фердинанд. Завтра! Завтра! Но где ты их спрячешь?

Полина. Буду носить их при себе.

Фердинанд. Итак, прощай!

Полина. Нет, погоди...

Фердинанд. Одно лишнее мгновенье может погубить нас.

Полина. Или соединить на всю жизнь. Я провожу тебя; я перестаю волноваться, только когда ты уже в саду. Пойдем, пойдем.

Фердинанд. Еще последний взгляд на эту девичью комнатку, где ты будешь вспоминать меня... где все полно тобою...

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Декорация меняется. Сцена представляет гостиную. Полина на веранде и Гертруда в дверях.

Гертруда. Она провожает его в сад... Он обманывал меня! И она тоже! *(Берет Полину за руку и выводит на авансцену.)* Вы и теперь скажете, мадемуазель, что не влюблены в него?

Полина. Сударыня, я ведь никого не обманываю.

Гертруда. Вы обманываете своего отца.

Полина. А вы?

Гертруда. Сговорились! Оба против меня! О, я сейчас же...

Полина. Сударыня, вы ничего не сделаете ни мне, ни ему.

Гертруда. Не заставляйте меня прибегать к моей власти. Вы обязаны подчиняться отцу, а он... подчиняется мне.

Полина. Посмотрим!

Гертруда. Ее хладнокровие разрывает мне сердце. Кровь бурлит у меня в жилах. В глазах темнеет. Знай, что я предпочитаю смерть — жизни без него!

Полина. И я тоже, сударыня. Но я свободна, я ведь

не давала мужу клятвы быть ему верной. А ваш муж — мой отец!..

Гертруда *(становится на колени перед Полиной)*. Что я тебе сделала? Я любила тебя, воспитала, я была тебе хорошей матерью.

Полина. Будьте верной женою — и я не пророню ни слова.

Гертруда. Говори! Ну говори же, чего ты хочешь? Борьба началась.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и генерал.

Генерал. Что тут такое происходит?

Гертруда. Падай скорей в обморок! Ну же! *(Подталкивает ее.)* Да вот, друг мой, я услыхала стоны. Наша крошка звала на помощь, ей стало дурно от запаха цветов в комнате.

Полина. Да, папа. Маргарита забыла вынести жардиньерку, и мне стало нехорошо.

Гертруда. Пойдем, детка, пойдем на свежий воздух.

Генерал. Подождите-ка. Куда вы дели цветы?

Направляются к двери.

Полина *(Гертруде)*. Не знаю, куда вы их вынесли.

Гертруда. Туда, в сад.

Генерал порывисто уходит, предварительно поставив свечу на ломберный стол в глубине сцены, слева.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Полина и Гертруда, потом генерал.

Гертруда. Идите к себе в комнату, заприте на ключ. Я все беру на себя. *(Полина уходит в свою комнату.)* Я подожду его. *(Уходит к себе.)*

Генерал *(вернувшись из сада)*. Никакой жардиньерки там нет. Решительно, здесь происходит что-то странное. Гертруда! Никого!.. А! Госпожа де Граншан, вы сейчас же мне все объясните... Уж не вздумали ли жена и дочь меня дурачить? *(Берет свечу и направляется в комнату Гертруды.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гертруда сначала одна, потом Шампань.

Гертруда (*переносит жардиньерку с балкона в гостиную*). Каких трудов мне стоило усыпить его подозрения! Еще одна-две подобных сцены, и он выйдет из-под моей власти. Но пока что у меня еще развязаны руки... Лишь бы Полина не помешала мне. Она, вероятно, еще спит... Ведь она так поздно легла. Может быть, запереть ее? (*Осматривает дверь в комнату Полины.*) Нет!

Шампань (*входит*). Господин Фердинанд сейчас придет, барыня.

Гертруда. Спасибо, Шампань. А он вчера поздно лег?

Шампань. Господин Фердинанд, как изволите знать, каждую ночь делает обход. Вернулся он в половине второго. Я живу над ним и всегда слышу, когда он возвращается.

Гертруда. А он иногда и позже ложится?

Шампань. Случается. Это зависит от того, сколько времени займет обход.

Гертруда. Хорошо, спасибо.

Шампань уходит.

Я жертвовала собою в течение двенадцати лет, я переживала муки, понять которые может только женщина,— мужчины даже и не подозревают о таких страданиях! И что я просила взамен? Самую малость! Только знать, что он тут, возле меня. Единственная моя радость — хоть изредка обменяться с ним беглым взглядом. Я хотела одного: знать, верить, что меня ждут. Тому, для кого чистая, небесная любовь — неосуществимая греза, достаточно и этой уверенности. Мужчина начинает верить в нашу любовь лишь после того, как втопчет нас в грязь. Вот как он вознаграждает меня! По ночам бегает на свидания с этой девчонкой! Так пусть же он сам произнесет мой смертный приговор. И если у него хватит духу, я немедленно и навсегда разлучу их. Я придумала способ... Ах, вот и он! Силы оставляют меня. Боже, зачем ты заставляешь нас любить человека, который уже разлюбил нас?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Фердинанд и Гертруда.

Гертруда. Вчера вы солгали мне. Нынче ночью вы, подобрав ключ, рискуя погибнуть от руки графа, пробрались через гостиную в спальню Полины. О, не пытайтесь лгать. Я видела вас собственными глазами, я подстерегла Полину, когда она возвращалась с вашей ночной прогулки. Выбор не блестящий. Если бы вы слышали, что говорилось здесь вчера, на этом самом месте, если бы вы видели наглость этой девчонки, выражение ее лица, когда она все отрицала,— вы содрогнулись бы за свое будущее, за будущее, которое принадлежит мне, которое я купила ценой своей души и тела.

Фердинанд *(в сторону)*. Целый поток упреков! *(Вслух.)* Постараемся, Гертруда, быть разумными. А главное — постараемся обойтись без пошлостей. Я никогда не забуду, чем вы были для меня, я все еще привязан к вам, как искренний, преданный старый друг. Но любви уже нет.

Гертруда. И этому полтора года?

Фердинанд. Нет, три.

Гертруда. В таком случае признайте же за мной право ненавидеть и бороться с вашей любовью к Полине, ибо из-за этой любви вы стали подлым и преступным по отношению ко мне.

Фердинанд. Сударыня!

Гертруда. Да, да, вы обманули меня. Живя здесь, возле меня, вы заставили меня носить личину, отнюдь не свойственную мне. Я резка, вам это известно. И резкость всегда откровенна, а я вступила на путь низкого обмана. Вы, верно, не знаете, чего стоит каждый день снова и снова лгать, лгать, не подготовившись, чувствуя у самого сердца острие ножа! О ложь! Да ведь для нас, женщин, это расплата за счастье. Удачная ложь ведет к позору, неудачная — к гибели. А вы? Мужчины завидуют чужим успехам у женщин. И вас ждет похвала там, где я найду одно презрение. А вы еще хотите, чтобы я не защищалась! И для женщины, которая скрывала от вас все: угрызения совести, слезы,— у вас нашлись только жестокие слова! Я готовилась одна принять на себя гнев божий, я одна заглядывала в бездны моей души, подточенной страданиями, и пусть раскаяние снедало мне сердце,

я неизменно обращала к вам нежные взгляды, веселое лицо. О Фердинанд, не пренебрегайте столь покорной рабой!

Ф е р д и н а н д *(в сторону)*. Пора покончить с этим! *(Вслух.)* Послушайте, Гертруда. Когда мы с вами встретились, наш союз оправдывала молодость — и только она. Я поддался, как вам известно, порыву эгоизма, который таится в глубине души каждого мужчины, но скрыт под яркими цветами первых желаний. В двадцать два года чувства так мятежны! Мы опьянены, мы не задумываемся ни над жизнью со всею ее сложностью, ни над суровыми ее требованиями.

Г е р т р у д а *(в сторону)*. Как спокойно он рассуждает! Ах, негодяй!

Ф е р д и н а н д. И я любил вас простодушно, самозабвенно, а потом... потом жизнь для нас обоих совершенно изменила свой облик. Если я продолжал жить под этим кровом, где мне вообще не следовало бы находиться, так лишь потому, что в Полине я нашел ту единственную женщину, с которой мне суждено прожить до конца моих дней. Гертруда, не противьтесь же решению судьбы. Не мучьте двух людей, которые молят вас о счастье и будут любить вас всем сердцем.

Г е р т р у д а. Ах, так вы — мученик? А я... я — палач! Но ведь я была бы теперь вашей женою, если бы сама двенадцать лет тому назад не пожертвовала своей любовью ради вашего счастья!

Ф е р д и н а н д. Так принесите же вновь эту жертву и предоставьте мне свободу.

Г е р т р у д а. Свободу любить другую! Не то вы говорили раньше! Знайте же: я умру.

Ф е р д и н а н д. От любви умирают только в романах, а в обыденной жизни человек находит себе утешение.

Г е р т р у д а. А разве вы, мужчины, не умираете из-за оскорбленной чести, из-за одного слова или жеста? Так вот, и женщины умирают из-за любви, когда эта любовь — единственное их сокровище, куда они вложили все, когда в этой любви вся их жизнь. И я принадлежу к числу таких женщин. С тех пор, как вы живете здесь, Фердинанд, я с минуты на минуту ждала катастрофы. И поэтому в моих руках всегда было верное средство, что-

бы немедленно расстаться с жизнью. Смотрите, как я живу. *(Показывает пузырек.)*

Фердинанд. Ну, вот и слезы!

Гертруда. Я не хотела слез, они душат меня. Вы говорите с тою холодной вежливостью, к какой обычно прибегает мужчина, когда наносит отвергнутой любви последнее оскорбление. У вас нет ко мне ни малейшего сожаления. Вы радовались бы моей смерти, ведь тогда вы были бы свободны. Но ты еще не знаешь меня, Фердинанд. Я напишу письмо генералу, да, я его больше не хочу обманывать, я признаюсь во всем. Я устала от лжи. Я возьму с собою ребенка, приду к тебе, мы уедем вместе. И ты забудешь Полину.

Фердинанд. Если вы это сделаете, я покончу с собой.

Гертруда. И я тоже. Мы соединимся в смерти, но принадлежать ей ты не будешь.

Фердинанд *(в сторону)*. Что за адский характер!

Гертруда. К тому же стена, разделяющая вас с Полиной, быть может, и не рухнет никогда. Как же вы тогда поступите?

Фердинанд. Полина сумеет отстоять свою свободу.

Гертруда. А если отец выдаст ее замуж?

Фердинанд. Тогда я умру.

Гертруда. От любви умирают только в романах, а в обыденной жизни человек находит себе утешение и... исполняет свой долг, не бросая ту, которая отдала ему всю жизнь.

Генерал *(за стеной)*. Гертруда! Гертруда!

Гертруда. Граф!

Генерал входит.

Итак, господин Фердинанд, поскорее кончайте дела и возвращайтесь; я вас жду.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Генерал и Гертруда, потом Полина.

Генерал. Сколь раннее совещание с Фердинандом! О чем же идет речь? О фабрике?

Гертруда. О чем речь? Сейчас я вам все скажу... Вы ведь... совершенно как ваш сын: когда начинаете зада-

вать вопросы, вам обоим приходится давать исчерпывающие ответы. Я подумала, не играет ли Фердинанд известной роли в отказе Полины выйти за Годара.

Генерал. Быть может, ты и права.

Гертруда. Я нарочно вызвала Фердинанда, чтобы выяснить этот вопрос, а вы помешали нашему разговору и как раз в тот момент, когда мне, возможно, удалось бы кое-что узнать.

Полина приоткрывает свою дверь.

Генерал. Но если моя дочь влюблена в Фердинанда...

Полина. Послушаем.

Генерал. То я не понимаю, почему вчера, когда я по-отечески, ласково, расспрашивал ее,— почему она, которой предоставлена полная свобода, скрыла от меня столь естественное чувство?

Гертруда. Очевидно, вы не так взялись за дело или же расспрашивали ее в такой момент, когда она сама еще колебалась. Ведь сердце девушки полно противоречий.

Генерал. Все может быть! Молодой человек, трудолюбивый, вполне порядочный и, по-видимому, из хорошей семьи.

Полина. О! Понимаю! *(Прячется.)*

Генерал. Он расскажет нам о себе. На сей счет он скрытен, но ты, вероятно, знаешь его семью,— ведь именно ты отыскала это сокровище.

Гертруда. Я предложила его по рекомендации госпожи Морэн.

Генерал. Старушка умерла.

Гертруда *(в сторону)*. Поэтому-то я и назвала именно ее. *(Вслух.)* Она говорила мне, что у Фердинанда есть мать, к которой он питает самые благоговейные чувства. Она живет в Бретани и происходит из старинного тамошнего рода Шарни.

Генерал. Шарни! Словом, если Полина его любит и если он любит Полину, я, несмотря на все богатства Годара, предпочел бы в зятья его. Фердинанд знаком с делом; на приданое Полины он может купить у меня фабрику, все и устроится к общему удовольствию. Пусть только расскажет нам, откуда он родом, кто он такой, кем был его отец... Да, впрочем, мы повидаемся с его матерью.

Гертруда. С госпожой Шарни?

Генерал. Да, с госпожой Шарни. Ведь она живет, кажется, где-то близ Сен-Мало. Это не бог весть какая даль.

Гертруда. Пустите в ход немного ловкости, немного военной хитрости, будьте поласковее, и вы узнаете, правда ли, что девочка...

Генерал. А что мне сердиться? Да вот, верно, и сама Полина.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Маргарита; потом Полина.

Генерал. Ах, это вы, Маргарита. Нынешней ночью вы по нерадению чуть было не погубили мою дочь; вы забыли...

Маргарита. Это я-то, барин, погубила мою девочку!

Генерал. Вы забыли вынести жардиньерку с цветами, которые так сильно пахнут. Она чуть не задохнулась...

Маргарита. Да что вы! Я жардиньерку вынесла еще до приезда господина Годара, и графиня, верно, заметила, что, когда мы одевали барышню, в комнате никакой жардиньерки не было.

Гертруда. Вы ошибаетесь, жардиньерка там была.

Маргарита *(в сторону)*. Ишь противная какая! *(Вслух.)* Да как же: графиня хотела вколоть в волосы барышни живые цветы и спохватилась: «Ах, жардиньерки-то уж нет!..»

Гертруда. Не выдумывайте! Скажите тогда, куда вы ее вынесли?

Маргарита. В сад, вот сюда возле веранды.

Гертруда *(генералу)*. Вы ее видели там ночью?

Генерал. Нет.

Гертруда. Я ночью сама вынесла ее и поставила вот сюда. *(Показывает на веранду.)*

Маргарита *(генералу)*. Барин, клянусь вам душою...

Гертруда. Не клянитесь. *(Зовет.)* Полина!

Генерал. Полина!

Полина входит.

Гертруда. Стояла в твоей комнате сегодня ночью жардиньерка?

Полина. Да... Маргарита, милая моя старушка, ты ее, верно, забыла...

Маргарита. Уж лучше скажите, барышня, что ее нарочно кто-то опять внес к вам, чтобы вы заболели.

Гертруда. Что значит «кто-то»?

Генерал. Если ты от старости потеряла память, так по крайней мере не обвиняй других.

Полина *(Маргарите)*. Молчи! *(Вслух.)* Маргарита, жардиньерка у меня стояла... Ты просто забыла...

Маргарита. И то правда, барин. Я спутала, третьего дня она стояла.

Генерал *(в сторону)*. Она служит у меня двадцать лет. Что-то она слишком уж уперлась! *(Отводит Маргариту в сторону.)* Скажи-ка... а как же цветы для прически?..

Маргарита *(Полина делает ей знаки)*. Сударь, верно, я сама про прическу сказала... Что ж поделаешь, все теперь забывать стала...

Генерал. Тогда зачем говорить, что кто-то в доме имеет дурные намерения?

Полина. Оставьте ее, батюшка. Милая моя Маргарита так любит меня, что иной раз сама себя не помнит...

Маргарита *(в сторону)*. Я-то твердо знаю, что убрала жардиньерку.

Генерал. Зачем жене и дочери понадобилось обманывать меня? Старого солдата не проведешь ложной тревогой. Тут что-то кроется...

Гертруда. Маргарита, мы будем пить чай здесь, когда выйдет господин Годар... Скажите Феликсу, чтобы он принес сюда газеты.

Маргарита. Слушаю, барыня.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гертруда, генерал и Полина.

Генерал *(целуя дочь)*. Негодница, ты даже не поздоровалась со мной!

Полина *(целует его)*. Но ведь ты сам начал придираться к мелочам... Объявляю вам, ваше превосходи-

тельство, что с сегодняшнего дня я сама займусь вашим воспитанием. Пора уж в твои годы немного угомониться. Кричишь, кипятишься, как юноша. Напугал ни с того ни с сего Маргариту, а когда женщины пугаются, они немного присочиняют, и тогда уж и подавно никто ничего не разберет.

Генерал *(в сторону)*. Вот тут и пойми! *(Вслух.)* Ваше поведение, дочь моя, не способствует успокоению. Я хочу выдать тебя замуж и предлагаю тебе человека молодого...

Полина. А главное, красивого и отлично воспитанного.

Генерал. Да помолчите, сударыня, когда говорит отец. Человека с прекрасным состоянием, по крайней мере вшестеро превосходящим ваше, а ты ему отказываешь. Твоя воля, предоставляю тебе полную свободу. Но если тебе не нравится Годар, скажи, кто же тебе по душе, тем более что я и без тебя это знаю...

Полина. Ах, папенька... Вы проницательнее меня самой... Кто же это?

Генерал. Человек лет тридцати — тридцати пяти... Он мне и самому нравится больше Годара, хоть он и беден... Он у нас уже вроде родственника...

Полина. По-моему, никаких родственников у нас здесь нет.

Генерал. Чем же тебе не нравится бедняга Фердинанд, что ты не хочешь...

Полина. Ха! Ха! Кто это рассказал вам такую небылицу! Уж наверное, графиня.

Генерал. Небылица! Так это неправда? Ты никогда не думала об этом славном молодом человеке?

Полина. Никогда!

Гертруда *(шепотом генералу)*. Она лжет. Наблюдайте за нею.

Полина. У графини, очевидно, имеются какие-то причины предполагать во мне склонность к приказчику моего отца. Ох, вижу, она заставит тебя сказать: «Если ваше сердце, дочь моя, не занято, выходите за Годара». *(Шепотом Гертруде.)* Это недостойный прием, сударыня. Заставить меня при отце отречься от моей любви! Я вам этого не прощу!

Гертруда. Пожалуйста! Но вы выйдете за Годара.

Генерал *(в сторону)*. Они не в ладах, что ли? Расспрошу-ка Фердинанда. *(Вслух.)* О чем это вы шепчетесь?

Гертруда. Твоя дочь недовольна, что я осмелилась предположить в ней склонность к нашему служащему. Она этим глубоко оскорблена.

Генерал. Значит, ты его совсем не любишь?

Полина. Папенька, я... я ведь не прошу вас выдавать меня замуж. Мне и так хорошо! Единственное, что бог даровал нам, женщинам, в полную собственность,— это наше сердце. Графиня мне не мать, и я не понимаю, почему она вмешивается в мои чувства.

Гертруда. Дитя мое, я забочусь только о вашем счастье. Я вам мачеха, но если бы оказалось, что вы любите Фердинанда, я...

Генерал *(целуя руку жены)*. Какая ты у меня добрая!

Полина *(в сторону)*. Я задыхаюсь. О, до чего же мне хотелось бы причинить ей зло, как можно больше зла!

Гертруда. Да, я бросилась бы в ноги вашему отцу, я вымолила бы у него согласие, если бы он стал противиться.

Генерал. Вот Фердинанд. *(В сторону.)* Расспрошу-ка его по-своему, по-военному; может быть, что-нибудь и выведаю.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Фердинанд.

Генерал *(Фердинанду)*. Подите сюда, друг мой. Вот уже три с половиной года, как мы живем вместе, и благодаря вам я могу спать спокойно, хотя на руках у меня такое хлопотливое дело, как крупная фабрика. Теперь вы почти такой же хозяин фабрики, как я. Вы довольствуетесь жалованьем, правда, немалым, но быть может, все же не соответствующим тем услугам, которые вы мне оказываете. Теперь я понимаю, почему вы так бескорыстны.

Фердинанд. Потому что это у меня в натуре, граф.

Генерал. Допустим. Но разве сердце тут ни при чем, а? Фердинанд, вы знаете мои взгляды на сослов-

ные различия и преимущества. Все мы создали себе положение только собственными трудами: я ведь тоже был когда-то простым солдатом. Доверьтесь же мне. Мне все рассказали. Вы влюблены в одно юное существо... Если вы ей по душе — она ваша. Жена моя ходатайствует за вас и, признаться, много в этом успела — мое сердце на вашей стороне.

Фердинанд. Так это правда, граф? Графиня ходатайствовала за меня! О сударыня! *(Падает к ее ногам.)* Ах, в этом поступке сказалось все величие вашей души! Вы — само совершенство, вы — ангел. *(Бросается к ногам Полины.)* Полина! Моя Полина!

Гертруда *(генералу)*. Видите, я угадала, он влюблен в Полину.

Полина. Сударь, дала ли я вам когда-либо, единым взглядом, единым словом, право называть меня по имени, как вы только что назвали? Я крайне удивлена, что внушила вам чувства, которые, бесспорно, могут быть лестны для кого-нибудь другого, но которых я отнюдь не разделяю. У меня лично более высокие притязания.

Генерал. Полина, дитя мое, слишком уж ты сурова! Быть может, тут какое-то недоразумение? Фердинанд, подойдите сюда поближе.

Фердинанд. Как, мадемуазель... раз графиня, раз отец ваш согласны...

Полина *(шепотом Фердинанду)*. Мы погибли!

Генерал. Ну, придется круто взяться за дело! Скажите-ка, Фердинанд, вы ведь из почтенной семьи?

Полина *(Фердинанду)*. Видите?

Генерал. Мой отец был сержант охраны. Надеюсь, что ваш батюшка занимал положение не ниже?

Гертруда *(в сторону)*. Вот они и разлучены навеки!

Фердинанд *(Гертруде)*. Я понял вас! *(Генералу.)* Генерал! Признаюсь, в мечтах,— о, в мечтах очень отвлеченных, мадемуазель,— в сладостных мечтах, которым охотно предаются бедняки и одинокие... (ведь мечты — единственное их достояние!) признаюсь, я мечтал о безумном счастье принадлежать к вашей семье. Но прием, оказанный мадемуазель этим столь естественным чаяниям,— тайну коих вы так жестоко разоблачили,— прием этот отрезвил меня. Чувства мои, вырвавшись из сердца, уже

не вернутся в него никогда. Я проснулся от сладкого сна, генерал. У бедняков тоже есть гордость, которую не следует задевать так же, как нельзя затрагивать, скажем... вашу преданность Наполеону. *(Гертруде.)* Какую вы играете ужасную роль!

Гертруда. Она выйдет за Годара.

Генерал. Бедняга! *(Полине.)* Он человек порядочный... Мне он полюбился... *(Отводит Фердинанда в сторону.)* На вашем месте, в вашем возрасте я бы... Впрочем, нет, нет, черт возьми... Полина все-таки моя дочь...

Фердинанд. Граф, взываю к вашей чести... Обещайте мне сохранить в строжайшей тайне то, что я сейчас доверю вам, и пусть это останется в тайне даже от графини.

Генерал *(в сторону)*. Однако и он, как Полина, не очень-то доверяет моей жене... А, черт возьми! Сейчас все узнаю! *(Вслух.)* Вот моя рука! Даю вам слово, а я никогда не изменяю своим обещаниям.

Фердинанд. Теперь, когда вы принудили меня открыть тайну, которую я хранил в глубине сердца после того как я был сражен — именно сражен — презрением мадемуазель Полины, мне невозможно оставаться здесь. Я сейчас пойду и составлю отчет, ибо сегодня же вечером покину этот край, а завтра, если только будет пароход, покину Францию и отправлюсь в Америку.

Генерал *(в сторону)*. Пусть едет — все равно вернется! *(Фердинанду.)* А дочери можно это сказать?

Фердинанд. Да, но ей одной.

Генерал. Полина! Вот, дочка... Ты так жестоко унизила его, бедняжку, что наша фабрика останется без управляющего: сегодня вечером Фердинанд уезжает в Америку.

Полина. Он прав, папенька. Он поступает именно так, как вы сами посоветовали бы ему поступить...

Гертруда *(Фердинанду)*. Она выйдет за Годара.

Фердинанд *(Гертруде)*. Не я, так бог накажет вас за такую жестокость.

Генерал *(Полине)*. Америка! Ведь это страшная даль! Да и климат там убийственный.

Полина. Зато люди там богатеют.

Генерал *(в сторону)*. Она его не любит. *(Фердинанду.)* Фердинанд, перед отъездом вы получите от меня

некоторую сумму денег, и пусть она послужит основанием для вашего будущего богатства.

Ф е р д и н а н д. Благодарю вас, граф; но мне вполне хватит того, что мне причитается. К тому же вы даже и не заметите моего отсутствия на фабрике: Шампань теперь достаточно опытный мастер и с успехом заменит меня. Если вам угодно будет пройти со мною на фабрику, вы убедитесь, что...

Г е н е р а л. Охотно! *(В сторону.)* Тут все так запуталось, что вызову-ка я Вернона. Он человек наблюдательный, мой старый друг; советы его будут не лишними, они помогут мне разгадать, что именно смущает наш семейный покой; а тут что-то кроется! *(Фердинанду.)* Я к вашим услугам, Фердинанд. *(Жене и дочери.)* Мы ненадолго. *(В сторону.)* Нет, тут что-то кроется!

Генерал и Фердинанд уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Г е р т р у д а и П о л и н а.

П о л и н а *(запирает дверь на ключ)*. Известно ли вам, сударыня, что любовь чистая, любовь, которая таит в себе все земное блаженство, которая является отголоском блаженства небесного, известно ли вам, что такая любовь нам дороже и ценнее жизни?

Г е р т р у д а. Вы начитались «Новой Элоизы», моя милая. То, что вы говорите, хоть и напыщенно, но верно.

П о л и н а. Знайте, сударыня, что вы сейчас толкнули меня на самоубийство.

Г е р т р у д а. На которое вы с наслаждением толкнули бы меня, и, если бы вам удалось довести меня до самоубийства, вы радовались бы не меньше, чем радуюсь сейчас я.

П о л и н а. Отец говорит, что война между цивилизованными людьми подчинена определенным законам. Но война, которую вы, сударыня, ведете против меня,— это война дикарей.

Г е р т р у д а. Ответьте тем же, если можете. Но в том-то и дело, что вы ничего не можете. Вы выйдете за Годара. Это отличная партия; и, уверяю вас, вы будете с ним очень счастливы, он не лишен известных достоинств.

Полина. И вы думаете, что я отступлюсь и спокойно предоставлю вам быть женою Фердинанда?

Гертруда. После тех немногих слов, которыми мы с вами обменялись ночью, к чему нам лицемерить? Я полюбила Фердинанда, дорогая моя Полина, когда вам было всего восемь лет.

Полина. Но теперь вам больше тридцати! А я молода! К тому же он ненавидит вас, вы ему противны. Он сам говорил мне об этом, ему не нужна женщина, способная так подло изменять, как вы изменяете моему отцу.

Гертруда. В глазах Фердинанда оправданием мне — моя любовь.

Полина. Он разделяет мои чувства по отношению к вам: он вас презирает!

Гертруда. Вы так полагаете? Что ж, дорогая моя, это только укрепляет меня в моих намерениях. Даже если бы я не домогалась его из любви, Полина, то после твоих слов я не уступлю его из мести. Разве, когда он ехал сюда, он не знал, кто я такая?

Полина. Не сомневаюсь, что вы поймали его в ловушку. Ведь вы только что расставили ловушку, в которую мы с ним оба попались.

Гертруда. Послушайте, дорогая моя, одно-единственное слово сейчас разрешит наш спор. Разве вы сами сотни, тысячи раз не собирались в порыве великодушия принести ради Фердинанда любые жертвы?

Полина. Собиралась.

Гертруда. Например, бежать из отцовского дома, уехать из Франции, пожертвовать своею жизнью, честью, спасением души?

Полина. Я охотно пожертвовала бы ради него и собою, и небесами, и всем миром.

Гертруда. Так вот то, о чем вы только мечтали, я осуществила. И поэтому я не остановлюсь ни перед чем, даже перед смертью.

Полина. Итак, вы сами вынуждаете меня защищаться. *(В сторону.)* О, Фердинанд!

Гертруда тем временем подходит и садится на диван.

Любовь для нас дороже жизни, она сама это сказала. *(Гертруде.)* Сударыня, вы сами исправите все то зло, которое вы мне причинили; сами устраните все преграды

к моему браку с Фердинандом. Да, вы имеете безграничное влияние на отца, и вы докажете ему, как нелепо ненавидеть сына генерала Маркандаля.

Гертруда. Вот как!

Полина. Однако вы это сделаете, сударыня!

Гертруда. Какими же такими грозными средствами вы рассчитываете воздействовать на меня?

Полина. Вы ведь знаете: мы с вами ведем войну дикарей.

Гертруда. Скажите лучше: женщин. Это куда страшнее. Дикари причиняют страдания лишь телу, а мы раним стрелами сердце, самолюбие, гордость, душу; мы губим само счастье.

Полина. Именно так я и поступлю: я поражу вас в самое сердце. Поэтому, любезнейшая и глубокоуважаемая моя мачеха, не позднее завтрашнего дня вы уничтожите препятствия, разделяющие нас с Фердинандом; в противном случае отец узнает от меня все подробности вашего поведения не только до замужества, но и после.

Гертруда. Ах, так вот какое у вас оружие? Бедняжка! Да отец никогда не поверит вам.

Полина. Я знаю, как велика ваша власть над моим бедным отцом, но у меня имеются доказательства...

Гертруда. Доказательства! О, доказательства!

Полина. Я была в комнате Фердинанда (я ведь очень любопытна!) и нашла у него ваши письма, сударыня; и я выбрала такие, которые откроют глаза моему отцу, ибо докажут ему...

Гертруда. Что?

Полина. Все, все!

Гертруда. Но... несчастный ребенок! Это же воровство, это убийство. И в ваши годы...

Полина. А разве вы только что не убили мое счастье? Разве вы не заставили меня при отце, при Фердинанде отречься от моей любви, от счастья, от самой жизни?

Гертруда *(в сторону)*. О, это только хитрость, Она ничего не знает! *(Вслух.)* Это хитрость, я никогда ему не писала... Это ложь! Этого не может быть! Где эти письма?

Полина. У меня.

Гертруда. В твоей комнате?

Полина. Оттуда, где они спрятаны, вы их никогда не достанете.

Гертруда *(в сторону)*. Чудовищные замыслы один безумнее другого кружатся в моем больном мозгу. Рука сама ищет оружия. Вот в такие мгновения люди и становятся убийцами. Ах, так бы ее и растерзала! Но, боже мой, боже мой, не оставь меня, не лишай рассудка. Как быть?

Полина *(в сторону)*. О, благодарю тебя, Фердинанд! Теперь я вижу, как велика твоя любовь ко мне; я могу отомстить ей за то зло, которое она сейчас причинила нам... И она сама спасет нас!

Гертруда *(в сторону)*. Письма, вероятно, при ней. Как бы узнать наверняка? А-а! *(Подходит к Полине.)* Полина! Если бы письма были у тебя давно, ты знала бы о моей любви к Фердинанду. Значит, ты взяла их недавно?

Полина. Сегодня утром.

Гертруда. Ты их прочитала не все?

Полина. Не все, но достаточно, чтобы понять, что они вас губят.

Гертруда. Полина! Твоя жизнь только еще начинается. *(Стук в дверь.)* Фердинанд — первый мужчина, молодой, воспитанный, талантливый — а он действительно талантлив,— который встретился тебе; но ведь мужчин на свете много. Фердинанд жил почти под одним с нами кровом, ты видела его каждый день, и поэтому именно на него обратились первые порывы твоего сердца. Я понимаю тебя, это вполне естественно. На твоем месте я, несомненно, испытала бы то же самое. Но, крошка, ты не знаешь ни света, ни жизни. И если, подобно многим женщинам, ты ошибаешься,— а ошибаться так легко,— у тебя еще остается выбор; а моя молодость позади. Фердинанд для меня все, ибо мне уже за тридцать, и ради него я посягнула — страшно подумать! — на честь старика. Перед тобой открыты все пути, ты можешь полюбить еще кого-нибудь, и полюбить сильнее, нежели теперь... так часто бывает в жизни. Откажись от него — и ты найдешь во мне преданную рабу. Я буду тебе более чем матерью, более чем другом, я буду тебе предана всей душою. Смотри! *(Становится на колени и поднимает руки к корсажу Полины.)* Вот я у твоих ног, а ведь ты — моя соперница.

Разве может быть унижение сильнее? И если бы ты только знала, чего это стоит женщине! Сжалься, сжалься надо мною! *(Сильный стук в дверь. Пользуясь испугом Полины, Гертруда нащупывает на ее груди письма).* Верни мне жизнь... *(В сторону.)* Письма при ней!

Полина. Оставьте меня, сударыня! Ах, не звать же мне на помощь! *(Отталкивает Гертруду и отпирает дверь.)*

Гертруда *(в сторону).* Я не ошиблась; они при ней. И нельзя их оставлять у нее ни на час.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, генерал и Вернон.

Генерал. Заперлись вдвоем! Что за крик, Полина?

Вернон. На вас лица нет, дитя мое... Дайте-ка пощупаем пульс!

Генерал. Да и ты взволнована!

Гертруда. Мы просто шутили, хохотали. Не правда ли, Полина... крошка... ты смеялась?

Полина. Да, папочка. Мы с мамочкой очень весело провели время.

Вернон *(шепотом Полине).* Ложь, и к тому же весьма неуклюжая.

Генерал. Разве вы не слышали, как я стучался?

Полина. Слыхали, папочка, но мы не знали, что это ты.

Генерал *(Вернону).* Они объединились против меня. *(Вслух.)* О чем же у вас тут шла речь?

Гертруда. Ах, боже! Друг мой, вам все нужно знать. И поводы, и причины, и все сию же минуту. Пойду позвоню, чтобы подавали чай.

Генерал. Нет, все-таки...

Гертруда. Ах, что за тирания! Ну, мы заперлись для того, чтобы нас не застали врасплох; разве не ясно?

Вернон. Что и говорить, вполне ясно.

Гертруда *(шепотом).* Я хотела выведать у вашей дочери ее секреты, а они у нее есть, это не подлежит сомнению. А вы являетесь... ведь для вас же я хлопочу... ведь она не моя дочь... вы являетесь сюда, словно атакуете неприятеля, как раз в ту минуту, когда я вот-вот должна была узнать нечто очень важное.

Генерал. Графиня де Граншан! Со времени приезда Годара...

Гертруда. Ну вот, теперь начинается с Годаром...

Генерал. Не обращайте в шутку мои слова. Со вчерашнего дня у нас все идет вверх дном. И, черт побери, я желаю знать...

Гертруда. Ах, вот как! Таким тоном вы говорите впервые, сударь. Феликс, подайте чай... Двенадцать лет счастья — вам это приелось?

Генерал. Я никогда не был и не буду тираном. Час тому назад я пришел некстати во время вашего разговора с Фердинандом, сейчас я опять явился некстати, когда вы говорили с моей дочерью. Наконец, прошлою ночью...

Вернон. Ну, генерал, ссорьтесь с женой сколько вам будет угодно, но только не при всех.

Слышится голос Годара.

Вот и Годар. *(Шепотом генералу.)* Где же ваше обещание? Я, как врач, хорошо знаю женщин; с ними надо поступать вот как: не мешать им обманывать, но хорошенько наблюдать за ними... В противном случае — резкое слово вызовет слезы, а коль скоро сия гидравлическая система приходит в действие, она может утопить любого мужчину, будь он хоть трижды Геркулес.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Годар.

Годар. Сударыня, я уже являлся, чтобы засвидетельствовать вам свое почтение, но наткнулся на запертую дверь. Здравствуйте, генерал.

Генерал, не отрываясь от газеты, машет ему рукой.

А, вот и мой вчерашний противник! Собираетесь взять реванш, доктор?

Вернон. Нет, собираюсь чай пить.

Годар. Ах, вы придерживаетесь этого англо-русско-китайского обычая?

Полина. А вы предпочитаете кофей?

Гертруда. Маргарита, подайте кофей.

Годар. Нет, нет, позвольте мне тоже чаю; это вне-

сет разнообразие. Кроме того, вы завтракаете в полдень, и кофей с молоком только испортит мне аппетит. Да признаться сказать, англичане, русские и китайцы отчасти правы.

Вернон. Чай, сударь, превосходный напиток!

Годар. Когда он хорош.

Полина. У нас, сударь, караванный чай.

Гертруда. Доктор, вот газеты. *(Полине.)* Поди, деточка, займи господина де Римонвиля, а я заварю чай.

Годар. Быть может, для мадемуазель так же неинтересен разговор со мною, как и я сам?

Полина. Вы ошибаетесь, господин...

Генерал. Годар.

Полина. Если вы будете так любезны и откажетесь от меня, то тем самым приобретете в моих глазах все те редкостные качества, против которых не устояли барышни Будвиль, Кленвиль, Дервиль и прочие.

Годар. Смилуйтесь, мадемуазель. Ах, не издевайтесь же над отвергнутым поклонником, у которого, как ни верти, сорок тысяч годового дохода! Чем дольше я нахожусь здесь, тем больше я сожалею... Ах, что за счастливец господин Фердинанд де Шарни!

Полина. Счастливец? Чем это? Бедняжка! Уж не тем ли, что он служит приказчиком у моего отца?

Гертруда. Господин де Римонвиль!

Генерал. Годар!

Гертруда. Господин де Римонвиль!

Генерал. Годар, жена к вам обращается.

Гертруда. Вам побольше сахару?

Годар. В меру.

Гертруда. Сливок немного?

Годар. Наоборот, побольше, графиня. *(Полине.)* Так, значит, господин Фердинанд не тот, кого вы... кого вы избрали... В таком случае могу вас уверить, что он весьма по вкусу вашей мачехе.

Полина *(в сторону)*. Что за напасть эти провинциальные сплетники!

Годар *(в сторону)*. Прежде чем распрощаться, надо малость позабавиться и возместить издержки.

Гертруда. Господин де Римонвиль, не хотите ли чего-нибудь посущественнее? Вот, пожалуйста, сандвичи.

Годар. Благодарствуйте, графиня.

Гертруда *(Годару)*. Не отчаивайтесь, еще не все потеряно!

Годар. Ах, графиня, я немало размышлял над отказом мадемуазель.

Гертруда. А! *(Вернону.)* Вам, доктор, как всегда?

Вернон. Будьте добры, сударыня.

Годар *(Полине)*. «Бедняжка», говорите вы, мадемуазель? Да господин Фердинанд вовсе не так беден, как вы думаете. Он богаче меня.

Полина. Откуда это вам известно?

Годар. Я в этом совершенно уверен и сейчас вам все объясню. Господин Фердинанд, которого, по-вашему, вы отлично знаете, человек очень скрытный...

Полина *(в сторону)*. Боже! Уж не известна ли ему настоящая фамилия Фердинанда!

Гертруда *(в сторону)*. Подлить ей в чай несколько капель опиума! Она уснет, и тогда я спасена!

Годар. Вы и не подозреваете, кто навел меня на истинный след...

Полина. О сударь! Ради бога...

Годар. Прокурор! Я вспомнил, что однажды у Будвилей говорили, будто ваш управляющий...

Полина *(в сторону)*. Что за пытка!

Гертруда *(подавая Полине чашку)*. Возьми, Полина.

Вернон *(в сторону)*. Уж не мерещится ли мне? По-моему, она подлила что-то в чашку Полины!

Полина. Так что же там такое говорили?

Годар. А, теперь вы заинтересовались! Я был бы весьма польщен, если бы вы слушали с таким же вниманием, когда речь идет обо мне!

Полина. Какой странный привкус у чая. Вы не находите?

Годар. Вы нарочно заговорили о чае, чтобы скрыть, с каким интересом вы слушаете мой рассказ. Прием известный. Ну, так я могу вас удивить в высшей степени. Да будет вам известно, что господин Фердинанд не более, не менее, как...

Полина. Как?..

Годар. Как миллионер!

Полина. Вы смеетесь надо мной, господин Годар!

Годар. Даю вам честное слово, мадемуазель! Он владеет сокровищем... *(В сторону.)* Она от него без ума!

Полина *(в сторону)*. Как этот дурак напугал меня! *(Встает с чашкою в руках.)*

Вернон берет у нее чашку.

Вернон. Позвольте, дитя мое.

Генерал *(жене)*. Что с тобою, милый друг? Ты словно...

Вернон *(оставляет чашку Полины себе, а свою возвращает Гертруде; в сторону)*. Это лауданум. К счастью, доза невелика. Да, здесь готовится что-то страшное! *(Годару.)* Господин Годар! А вы, как я вижу, большой хитрец!

Годар вынимает платок и громко сморкается. Вернон смеется.

Годар. Ну, доктор, кто старое помянет...

Вернон. Послушайте-ка, можете вы увести графа на фабрику и задержать его там на часок-другой?

Годар. Если бы сынишку в подмогу.

Вернон. Он в школе, вернется только к обеду.

Годар. А зачем вам это?

Вернон. Я прошу вас! Вы же — джентльмен; это необходимо... Вы влюблены в Полину?

Годар. Вчера был влюблен, а сегодня... *(В сторону.)* Все равно дознаюсь, от меня не скроешься! *(Вернону.)* Будет исполнено! Я сейчас выйду на веранду, а потом вернусь и скажу генералу, что его просит Фердинанд, и будьте покойны... А, вот и сам Фердинанд! Отлично. *(Уходит на веранду.)*

Полина. Странно! Я словно цепенею. *(Прислоняется к спинке дивана и дремлет.)*

Вошедший Фердинанд беседует с Годаром.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Фердинанд

Фердинанд. Граф, я должен просить вас проследовать на склад и на фабрику, чтобы принять от меня отчет.

Генерал. Хорошо.

Полина *(в дремоте)*. Фердинанд!

Годар. Позвольте мне, граф, воспользоваться случаем и осмотреть вашу фабрику. Я ведь никогда еще там не был.

Генерал. Что ж, пойдемте, Годар!

Годар. Де Римонвиль.

Гертруда *(в сторону)*. Уходят. Мне помог случай.

Вернон *(в сторону)*. Не случай, а я!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Гертруда, Вернон, Полина; в глубине — Маргарита.

Гертруда. Доктор! Еще чашку чая?

Вернон. Спасибо. Я так увлекся выборами, что еще и первой не допил.

Гертруда *(указывая на Полину)*. Ах, бедняжка! Смотрите, спит.

Вернон. Как? Спит?

Гертруда. Что же тут удивительного? Представьте, доктор, она заснула около трех часов утра. У нас была тревожная ночь.

Вернон. Давайте, я помогу.

Гертруда. Нет, не стоит. Маргарита, помогите мне. Отведемте Полину к ней в комнату, там ей будет удобнее.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Вернон и Феликс.

Вернон. Феликс!

Феликс. Что прикажете?

Вернон. Есть тут какой-нибудь шкаф? Мне нужно спрятать одну вещь.

Феликс *(указывая на шкафчик)*. Вот, сударь.

Вернон. Хорошо! Слушай, Феликс: никому ни слова. *(В сторону.)* Как он удивился. *(Вслух.)* Я, видишь ли, хочу пошутить с генералом, а если ты скажешь — все пропадет.

Феликс. Буду нем, как рыба.

Вернон кладет в карман ключ от шкафчика.

Вернон. А теперь оставь меня тут с барыней; она сейчас придет. И устрой так, чтобы некоторое время сюда никто не входил.

Ф е л и к с *(уходя)*. Маргарита-то, видно, права: что-то тут неладно.

М а р г а р и т а *(входит)*. Ничего, обошлось! Барышня спит. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Вернон один.

В е р н о н. Из-за чего могли поссориться две женщины, жившие до сего времени в мире? О, любой врач, даже отнюдь не философ, не ошибется на сей счет! Бедняга генерал, всю жизнь он только и старался избежать общей участи! Но здесь мужчин, кроме Фердинанда и меня, нет. Я? Мало вероятно. А вот Фердинанд... пока что ничего заметно не было. Вот она! В атаку!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Вернон и Гертруда.

Г е р т р у д а. Наконец-то они у меня! Пойду к себе и сожгу их! *(Видит Вернона.)* Ах!

В е р н о н. Графиня, я всех отослал.

Г е р т р у д а. А зачем?

В е р н о н. Чтобы объясниться наедине.

Г е р т р у д а. Объясниться? По какому праву вы, будучи в нашем доме не более как приживальщиком, считаете возможным объясняться с графиней де Граншан?

В е р н о н. Я — приживальщик? Сударыня, у меня десять тысяч ренты, не считая пенсии; я имею генеральский чин, и все мое состояние завещано детям моего старинного друга, графа. Я — приживальщик! Впрочем, я говорю с вами не только в качестве друга, но и в качестве врача: вы подлили опиума в чашку Полины!

Г е р т р у д а. Я?

В е р н о н. Я видел собственными глазами, и чашка у меня.

Г е р т р у д а. Какая чашка? Я ее сама вымыла.

В е р н о н. Вы вымыли мою, которую я дал взамен Полининой. Я не читал газету, я наблюдал за вами.

Г е р т р у д а. Благородное занятие!

Вернон. Согласитесь, что занятие это в настоящую минуту для вас весьма полезно, ибо я могу пригодиться на тот случай, если от вашего пойла Полина серьезно заболеет.

Гертруда. Серьезно заболеет... Боже мой! Доктор, ведь я подлила только несколько капель.

Вернон. Ах, так, значит, вы подлили все-таки ей опиума в чай?

Гертруда. Доктор... вы подлец!

Вернон. Потому что добился от вас признания? В подобных случаях все женщины это говорят, я уже привык! Но это не все, и вам придется еще кое в чем признаться.

Гертруда *(в сторону)*. Шпион! Единственное спасение — сделать его соучастником. *(Вслух.)* Доктор, вы можете мне очень пригодиться, и поэтому не будем ссориться. Через несколько минут я откровенно отвечу вам на все вопросы. *(Уходит в свою комнату и запирается там.)*

Вернон. На ключ заперлась! Я попался, одурачен! Впрочем, не мог же я применить насилие. Что она там делает? Прячет пузырек с опиумом. Никогда не следует оказывать таких услуг, каких потребовал от меня мой старый друг, несчастный генерал. Теперь она меня совсем опутает. А, вот она!

Гертруда *(в сторону)*. Сожгла! Все следы уничтожены. Я спасена! *(Вслух.)* Доктор!

Вернон. Чем могу служить?

Гертруда. Моя падчерица, Полина, которую вы считаете наивной девушкой, ангелом чистоты, прибегнула к низким, даже преступным средствам и завладела тайной, разглашение которой может погубить честь и даже жизнь четырех человек.

Вернон. Целых четырех! *(В сторону.)* Ее, генерала... Ага! Ее сына, вероятно... и еще одного неизвестного.

Гертруда. Это тайна, о которой она вынуждена молчать, хотя бы это стоило ей жизни...

Вернон. Ничего не понимаю.

Гертруда. Словом, доказательства этой тайны теперь уничтожены. И вы, доктор, вы, близкий наш друг, вы будете таким же низким, таким же подлым, как она...

даже хуже, ведь вы мужчина и у вас нет оправдания в безрассудных женских страстях... вы будете чудовищем, если сделаете хотя бы еще один шаг по тому пути, на который вы стали...

Вернон. Ого, запугивание! Эх, графиня, с тех пор как существует человеческое общество, из семян, какие вы сейчас сеете, всходили одни лишь преступления.

Гертруда. Не забывайте: опасность грозит четырем человекам. *(В сторону.)* Он поддается! *(Вслух.)* А потому, памятуя об этой опасности, я требую, чтобы вы помогли мне сохранить мир в нашем доме и немедленно принесли средство, которое прекратит сон Полины. И вы, если понадобится, сами объясните этот сон генералу. Затем вы вернете мне чашку, не так ли? Вы мне ее вернете! И при каждом нашем совместном шаге я буду все объяснять вам.

Вернон. Графиня!

Гертруда. Идите же! Генерал может возвратиться с минуты на минуту.

Вернон *(в сторону)*. А все же ты у меня в руках. У меня есть против тебя оружие и... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Гертруда одна, облокотившись на шкафчик, где заперта чашка Полины.

Гертруда. Куда же он мог спрятать чашку?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната Полины.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Полина и Гертруда. Полина спит в кресле слева.

Гертруда *(осторожно входит)*. Спит. А доктор говорил, что она тотчас же проснется. Меня страшит этот сон. Вот та, которую он любит! И она вовсе не красивая. Нет, она хороша. Но ведь мужчины не понимают, что красота — это лишь обещание, а любовь — это...

Стук в дверь.

Кто-то идет!

Вернон *(за дверью)*. Можно войти, Полина?
Гертруда. Доктор!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Вернон.

Гертруда. Вы говорили, что она проснулась.
Вернон. Не волнуйтесь... *(Обращается к спящей.)* Полина!
Полина *(просыпаясь)*. Господин Вернон! Где я? А, у себя... Что со мною?
Вернон. Дитя мое, вы уснули за чаем. Мы с графиней испугались, уж не начинается ли у вас какая-нибудь болезнь; но нет, оказалось, это просто-напросто последствия бессонной ночи.
Гертруда. Как ты себя чувствуешь, Полина?
Полина. Я уснула? И графиня была здесь, пока я спала? *(Встает.)* Ах! *(Кладет руки себе на грудь.)* О, какая низость! *(Вернону.)* Доктор, неужели и вы участвовали в...
Гертруда. В чем? Что вы хотите сказать?
Вернон. Это я-то, дитя мое, участвовал в гадком деле? И по отношению к вам! Да ведь я люблю вас, как родную дочь! Что вы! Но скажите мне...
Полина. Нет, доктор, ничего.
Гертруда. Позвольте мне поговорить с нею.
Вернон *(в сторону)*. По каким причинам девушка, попавшая в такую западню, может так упорно молчать?
Гертруда. Ну что ж, Полина, не долго же вы владели доказательствами того смехотворного обвинения, которое собирались предъявить мне перед лицом вашего отца!
Полина. Я все понимаю: вы усыпили меня, чтобы обокрасть.
Гертруда. Мы просто с вами в равной степени любопытны, вот и все. Я сделала у вас в комнате то же самое, что вы сделали в комнате Фердинанда.
Полина. Вы торжествуете, сударыня, но скоро торжествовать буду я.
Гертруда. А, так война продолжается?
Полина. Война, сударыня? Скажите лучше — поединок. Одна из нас — лишняя.

Гертруда. Подумаешь — как трагично!

Вернон *(в сторону)*. Ни запальчивости, ни малейшего признака ссоры. А, блестящая мысль! Не сходить ли за Фердинандом? *(Направляется к двери.)*

Гертруда. Доктор!

Вернон. Что угодно?

Гертруда. Мне надо с вами поговорить. *(Шепотом.)* Я не отойду от вас, пока вы мне не вернете...

Вернон. Я ведь поставил условие...

Полина. Доктор!

Вернон. Что, дитя мое?

Полина. А вы знаете, что меня усыпили с умыслом?

Вернон. Да, вас усыпила мачеха, у меня есть тому доказательства. Но вы-то знаете, зачем она это сделала?

Полина. Ах, доктор, для того... чтобы...

Гертруда. Доктор!

Полина. После я скажу вам все.

Вернон. Так понемножку кое-что я и узнаю. Эх, бедняга генерал!

Гертруда. Доктор, я жду.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Полина одна, звонит.

Полина. Да, бежать вместе с ним — вот единственный выход. Если мы с мачехой продолжим наш поединок, несчастный отец будет обесчещен. Не лучше ли ослушаться его? К тому же я ему напишу... Раз я восторжествую над нею, так буду же великодушной. Пусть отец по-прежнему верит ей,— я объясню свой побег его ненавистью к Маркандалям и тем, что люблю Фердинанда.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Полина и Маргарита.

Маргарита. Барышня, вам лучше?

Полина. Да, голова прошла, но вот на душе... О, я в отчаянии! Маргарита, милая, кто может быть несчастнее девушки, когда у нее нет матери...

Маргарита. И особенно когда отец женится вторично на такой даме, как графиня. Пусть, барышня, я

женщина простая, а ведь я предана вам, как родная мать! Ведь я ваша кормилица! А когда я вижу, как злодейка мачеха ненавидит вас, я вас еще сильнее прежнего люблю.

Полина. Что ты, Маргарита... Тебе просто кажется, ты преувеличиваешь. Не так уж ты меня любишь.

Маргарита. А вот вы испытайте меня, барышня.

Полина. Посмотрим... могла бы ты ради меня уехать из Франции?

Маргарита. Да с вами — хоть в Индию.

Полина. И сейчас же?

Маргарита. Сейчас же! Пожитков-то у меня не бог весть сколько.

Полина. Ну так, Маргарита, сегодня же ночью мы с тобою тайком уедем отсюда.

Маргарита. Уедем? А зачем?

Полина. Зачем? Разве ты не знаешь, что графиня усыпила меня?

Маргарита. Знаю, барышня, и господин Вернон знает; Феликс говорил мне, что доктор запер на ключ чашку, из которой вы чай пили... А вот зачем — не пойму.

Полина. Если любишь меня — ни звука! И если ты мне предана, как говоришь, ступай к себе, уложи все свои вещи, но смотри: никто не должен догадаться, что ты собираешься в дорогу. Мы уедем после полуночи. Возьми к себе все мои драгоценности и все, что может мне понадобиться в долгом пути... Действуй половчее, потому что, если у мачехи появится хоть малейшее подозрение, я пропала!

Маргарита. Пропала! Но, барышня, что же это такое происходит? Подумайте только! Бежать из-под родительского крова!

Полина. Хочешь ты моей смерти?

Маргарита. Ой, что вы, барышня, все сделаю, как прикажете.

Полина. Маргарита, попроси господина Фердинанда принести мне проценты с моего капитала за год. Пусть придет немедленно.

Маргарита. Когда я шла сюда, он стоял у вас под окнами.

Полина *(в сторону)*. У меня под окнами! Он думал, что уже больше не увидит меня... Бедный Фердинанд!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Полина одна.

Полина. Оставить отчий дом... Я знаю батюшку — он долгое время будет разыскивать меня повсюду. Какими же сокровищами должна обладать любовь, чтобы вознаградить за такие жертвы. Ведь я жертвую ради Фердинанда всем: родиной, отцом, родительским кровом. Иначе эта подлая женщина окончательно погубит его! Но я же вернусь. Доктор и господин Рамель выпросят мне прощение. Как будто шаги Фердинанда! Да, это он!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Полина и Фердинанд.

Полина. Ах, друг мой единственный, мой Фердинанд!

Фердинанд. А я уже не рассчитывал снова увидеться с тобою. Маргарите известно все?

Полина. Ничего еще не известно, но сегодня ночью она узнает, что мы бежим вместе; мы будем свободны; ты увезешь с собою свою жену.

Фердинанд. О Полина, не обмани меня!

Полина. Я и без того намеревалась последовать за тобою, но эта мерзкая женщина ускорила мое решение... Так что тут не моя заслуга, Фердинанд... Речь идет о моей жизни.

Фердинанд. Как о твоей жизни? Но что же она сделала?

Полина. Она чуть не отравила меня; она меня усыпила, чтобы выкрасть свои письма, которые я носила при себе. И раз она решилась на такой поступок, лишь бы удержать тебя, представляю себе, на что она способна. Поэтому, дорогой, если мы хотим быть вместе, нам не остается иного средства, как только бежать. Итак, не будем прощаться. Нынешней ночью мы найдем себе приют. Где? Позаботься об этом сам.

Фердинанд. Можно лишиться рассудка от такого счастья!

Полина. Фердинанд, прими все меры предосторожности; спеши скорей в Лувье, к твоему другу прокурору,— ведь нам понадобятся лошади, паспорта. Только бы отец, подстрекаемый мачехой, не пустился в погоню.

Он убьет нас, потому что в своем письме я открыла ему роковую тайну и причину моего бегства.

Ф е р д и н а н д. Будь покойна. Эжен еще вчера все приготовил для моего отъезда. Вот деньги, которые причитались мне с твоего отца. *(Показывает бумажник.)* Напиши расписку. *(Высыпает золото на столик.)* Теперь мне осталось только сдать кассовый отчет, и я свободен. В три часа мы будем в Руане и поспеем в Гавр к отходу американского парохода, который отплывает в Соединенные Штаты. Эжен послал надежного человека, чтобы он взял мне каюту. Американские капитаны считают вполне естественным, что мужчина увозит с собою женщину. Так что мы не встретим никаких препятствий.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Т е ж е и Г е р т р у д а.

Г е р т р у д а. Если не считать меня.

П о л и н а. О, все кончено!

Г е р т р у д а. Итак, Фердинанд, вы собирались уехать, даже не сказавшись мне! Я слышала все.

Ф е р д и н а н д *(Полине)*. Мадемуазель, будьте добры написать расписку; она необходима мне для отчета, который я должен перед отъездом представить графу. *(Гертруде.)* Сударыня, удержать мадемуазель вам, может быть, и удастся, но я не желаю больше здесь оставаться, и я уеду.

Г е р т р у д а. Вы должны остаться, и вы останетесь, сударь.

Ф е р д и н а н д. Помимо моей воли?

Г е р т р у д а. То, что собиралась сделать Полина, сделаю я — и сделаю открыто. Я вызову сюда господина де Граншана, и вы увидите, что вам придется уехать отсюда, но уехать вместе с моим ребенком и со мною.

Входит Ф е л и к с.

Попросите сюда графа.

Ф е р д и н а н д *(Полине)*. Я понимаю, что она затеяла! Задержи ее здесь, а я догоню Феликса и не позволю ему вызвать графа. Эжен скажет тебе, что делать дальше. Когда я уеду, Гертруда не сможет причинить нам зло.

(Гертруде.) Прощайте, графиня. Вы покушались на жизнь Полины,— тем самым вы порвали последние узы, которые еще привязывали меня к вам.

Гертруда. Я уже привыкла к вашим обвинениям. А известно ли вам, что ваша Полина собиралась выдать графу меня и вас?

Фердинанд. Я люблю ее и буду любить всю жизнь. Я сумею защитить ее от вас, и я настолько уверен в Полине, что уезжаю в надежде соединиться с ней. Прощайте.

Полина. Фердинанд, дорогой мой!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гертруда и Полина.

Гертруда. Теперь, когда мы одни, хотите знать, зачем я приказала вызвать сюда вашего отца? Чтобы открыть ему имя и происхождение Фердинанда.

Полина. Опомнитесь, сударыня! Когда отец узнает, что сын генерала Маркандаля соблазнил его дочь, он поспешит вслед за Фердинандом в Гавр и...

Гертруда. Я предпочитаю видеть Фердинанда мертвым, чем знать, что он принадлежит другой, особенно когда ненавижу эту женщину так же, как люблю его. Видите, в нашем словесном поединке последнее слово осталось за мной.

Полина. О сударыня, я у ваших ног, как недавно вы были у моих. Убьем друг друга, если хотите, но спасем его. За его жизнь я предлагаю вам свою!

Гертруда. Так что ж, вы отказываетесь от своих намерений?

Полина. Да, сударыня.

Гертруда *(делает порывистый жест и роняет платок)*. Ты обманываешь меня. Ты говоришь это потому, что он любит тебя, потому, что этим своим признанием он меня оскорбил, и потому, что ты уверена, будто он никогда не вернется ко мне. Нет, Полина, мне нужен залог твоей искренности.

Полина *(в сторону)*. Платок! И ключ от секретера... Там заперт яд... О! *(Вслух.)* Залог искренности, говорите вы? Что ж, я готова... Чего вы требуете?

Гертруда. Возможно только одно доказательство: выйти замуж за Годара.

Полина. Хорошо.

Гертруда. И немедленно дай ему слово.

Полина. Сообщите ему об этом сами, сударыня, пригласите сюда моего отца и...

Гертруда. И...

Полина. Я дам ему слово, а это значит отдать свою жизнь.

Гертруда *(в сторону)*. Как решительно она это говорит, без слез. Тут какая-то задняя мысль! *(Полине.)* Итак, смирилась?

Полина. Да.

Гертруда *(в сторону)*. Посмотрим. *(Полине.)* Если ты говоришь правду...

Полина. Вы — сама лживость, и поэтому подозреваете во лжи всех окружающих. Ах, оставьте меня, сударыня, вы мне отвратительны.

Гертруда. Какая откровенность! Пойду скажу Фердинанду о вашем решении. *(Полина кивком выражает согласие.)* Но он не поверит мне. Может быть, вы сами напишете ему несколько слов?

Полина. Чтобы он не уезжал... *(Пишет.)* Возьмите.

Гертруда. «Я выхожу замуж за господина де Римонвиля. А поэтому не уезжайте. Полина». *(В сторону.)* Ничего не понимаю... Боюсь, нет ли тут какой ловушки. Пусть уезжает: о ее замужестве он узнает, когда будет уже далеко. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Полина одна.

Полина. Да, Фердинанд для меня утрачен... Я всегда так и думала: мир— либо рай, либо темница. А мне, девушке, мечталось только о рае. Ключ от секретера у меня; сначала я выну из секретера то, что покончит с этим ужасным положением, а потом ключ можно и отдать! Ну что ж, пойду!..

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Полина и Маргарита.

Маргарита. Я, барышня, свои вещи сложила. Теперь приготовлю все здесь.

Полина. Хорошо. *(В сторону.)* Пусть готовит. *(Вслух.)* Вот, Маргарита, возьми эти деньги и спрячь их у себя.

Маргарита. Вам, значит, во что бы то ни стало надо уехать?

Полина. Ах, милая Маргарита, кто знает, удастся ли еще мне это? Ну, займись своим делом... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Маргарита одна.

Маргарита. А я-то думала наоборот,— наша ведьма не хочет, чтоб барышня выходила замуж. Уж не влюбилась ли барышня в кого-нибудь и скрыла от меня? Отец ведь в ней души не чает. Он ее не неволит... Может, поговорить мне с барином? Ох нет, пожалуй, еще напортишь бедной девочке!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Маргарита и Полина.

Полина. Никто ничего не заметил. Маргарита, унеси сейчас же деньги, дай мне обдумать, как поступить.

Маргарита. На вашем месте, барышня, я во всем призналась бы барину.

Полина. Отцу? Несчастная, смотри, не выдай меня! Не будем рассеивать дымку, которая скрывает от него правду.

Маргарита. Дымка! Вот уж именно что дымка!

Полина. Поди, оставь меня.

Маргарита уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Полина, потом Вернон.

Полина *(держит в руках пакетик с мышьяком)*. Вот она, смерть. Вчера, когда разговор шел о жене Шам-

паня, доктор сказал, что этот страшный яд действует постепенно, в течение нескольких часов, почти полсуток, и что вначале человека еще можно спасти... Значит, если доктор останется у нас, он меня спасет. *(Стук в дверь.)* Кто там?

Вернон *(за дверью)*. Я.

Полина. Войдите, доктор. *(В сторону.)* Он пришел ко мне из любопытства, из любопытства же и уйдет отсюда.

Вернон. Дитя мое, значит, между вами и вашей мачехой идет борьба не на жизнь, а на смерть?

Полина. Пожалуй, именно на смерть.

Вернон. А, черт возьми! В таком случае я здесь не лишний. Скажите-ка... вы сильно поссорились с графиней?

Полина. О, не говорите мне больше об этой твари. Она изменяет моему отцу.

Вернон. Это я знаю.

Полина. Она его никогда не любила.

Вернон. И в этом я никогда не сомневался.

Полина. Она задалась целью погубить меня.

Вернон. Как? Она покушается на ваше сердце?

Полина. Вернее, на мою жизнь.

Вернон. Какое страшное подозрение! Полина, дитя мое, вы ведь мне очень дороги. Неужели вас нельзя спасти?

Полина. Меня спасти может только одно, а именно отказ моего отца от его убеждений. Признаюсь вам: я люблю Фердинанда.

Вернон. И это мне известно. Но что вам мешает выйти за него замуж?

Полина. Вы никому не скажете? Так вот: он сын генерала Маркандаля.

Вернон. О боже! И вы еще спрашиваете, не скажу ли я кому-нибудь? Да ваш отец убьет его уже за одно то, что прожил с ним целых три года под одною кровлей.

Полина. Теперь вы сами видите, что никакой надежды нет. *(Бессильно падает в кресло слева.)*

Вернон. Бедная девушка! Ну вот, обморок! *(Звонит и зовет.)* Маргарита! Маргарита!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же, Маргарита, Гертруда и генерал.

Маргарита *(вбегает)*. Что угодно, сударь?

Вернон. Вскипятите чайник воды и заварите померанцевых листьев.

Гертруда. Что с тобою, Полина?

Генерал. Дочка, дитя мое!

Гертруда. Ничего, пройдет! Нам, женщинам, это понятно. Когда судьба твоя решена...

Вернон *(генералу)*. Как решена? А что случилось?

Генерал. Она выходит за Годара. *(В сторону.)* Как видно, Полина отказалась от какого-то увлечения... По словам жены, она не хочет мне признаться оттого, что ее избранник нам не подходит, в чем сама Полина убедилась только вчера...

Вернон. И вы верите этому? Не торопитесь, генерал. Вечером мы с вами побеседуем на этот счет. *(В сторону.)* Придется поговорить с графиней!

Полина *(Гертруде)*. Доктору все известно.

Гертруда. А!

Гертруда наблюдает за доктором, который разговаривает с генералом. Полина тем временем кладет ей в карман платок и ключ.

Полина. Удалите его, потому что он готов все рассказать отцу, а надо спасти хотя бы Фердинанда.

Гертруда *(в сторону)*. Она права. *(Вслух.)* Доктор, мне сейчас сказали, что один из наших лучших рабочих, Франсуа, вчера заболел. Сегодня он не вышел на работу, хорошо было бы, если бы вы навестили его.

Генерал. Франсуа заболел? Да, съезди, пожалуйста, Вернон.

Вернон. Он живет, кажется, в Прэ-л'Эвек? *(В сторону.)* То есть в пяти лье отсюда.

Генерал. А насчет Полины можно не беспокоиться?

Вернон. Ничего страшного; просто нервный припадок.

Гертруда. Я ведь могу, доктор, без ущерба заменить вас здесь?

Вернон. Конечно, графиня. *(Генералу.)* Ручаюсь,

что Франсуа так же болен, как мы с вами. Просто моя проницательность неуместна, и поэтому мне дают поручение...

Генерал *(прерывая его)*. Да кто же, кто? Что ты хочешь сказать?

Вернон. Вы опять горячитесь? Спокойнее, мой друг, а не то вам придется горько раскаиваться.

Генерал. Раскаиваться?

Вернон. Займи-ка пока публику, я скоро вернусь.

Генерал. Но...

Гертруда *(Полине)*. Ну, как ты себя чувствуешь, крошка?

Генерал. Да ты только посмотри на них.

Вернон. Ну, женщина может и ласкаясь нанести подружке смертельный удар.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же, кроме Вернона; потом Маргарита.

Гертруда *(генералу, ошеломленному последними словами Вернона)*. Что с вами?

Генерал *(проходит мимо Гертруды, направляясь к Полине)*. Ничего! Ничего! Скажи мне, милая Полина, ты по доброй воле выходишь за Годара?

Полина. По доброй воле.

Гертруда *(в сторону)*. А!

Генерал. Он сейчас сюда придет.

Полина. Я жду его.

Генерал *(в сторону)*. Сколько горечи в этих словах!

Входит Маргарита с чашкой.

Гертруда. Рано еще, Маргарита. Листья не успели настояться. *(Пробует отвар.)* Я сама приготовлю.

Маргарита. Так ведь я не первый день ухаживаю за барышней.

Гертруда. Это что за тон?

Маргарита. Да... как же.. барыня...

Генерал. Помолчи, а то как бы мы с тобой, старуха, не поссорились.

Полина. Оставь, Маргарита, пусть графиня приготовит.

Гертруда и Маргарита уходят.

Генерал. Итак, значит, мы уже совсем не доверяем бедняге отцу, который так нас любит? Скажи мне, почему ты вчера решительно отказала Годару, а сегодня даешь согласие?

Полина. Просто девичья прихоть.

Генерал. Ты ни в кого не влюблена?

Полина. Вот потому-то, что я ни в кого не влюблена, я и выхожу за вашего Годара.

Входят Гертруда и Маргарита.

Генерал. Ах, вот как!

Гертруда. Осторожно, крошка... не обожгись, горячо.

Полина. Спасибо, мама!

Генерал. Мама! Тут недолго и рехнуться.

Полина. Маргарита, дай-ка сахарницу. *(Пользуясь тем, что Маргарита уходит, а Гертруда говорит с генералом, всыпает в чашку яд. Бумажку, в которую он был завернут, роняет на пол.)*

Гертруда *(генералу)*. Что с вами?

Генерал. Друг мой, я решительно не понимаю женщин. Совсем, как Годар.

Входит Маргарита.

Гертруда. Как все мужчины.

Полина. А-а!

Гертруда. Что с тобою, деточка?

Полина. Ничего, ничего...

Гертруда. Хочешь, я налью тебе еще чашку?

Полина. О нет, сударыня... достаточно и этой. Подождем доктора. *(Ставит чашку на столик.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же, Годар и Феликс.

Феликс. Господин Годар спрашивают, могут ли его принять?

Все обращают к Полине вопросительные взоры.

Полина. Разумеется.

Гертруда. Что же ты ему скажешь?

Полина. А вот увидите.

Годар *(входит)*. Ах, боже мой! Мадемуазель нездорова! А я-то ничего не знал и шел, чтобы...

Его приглашают сесть.

Мадемуазель, прежде всего разрешите поблагодарить вас за милость, которую мы мне оказываете, принимая меня в этом святилище невинности. Графиня и ваш батюшка только что сообщили мне весть, которая преисполнила бы меня радости вчера, но которая сегодня, признаться сказать, несколько меня удивляет.

Генерал. Что это значит, господин Годар?

Полина. Не сердитесь, папа. Господин де Римонвиль прав. Вы не знаете, что я ему вчера наговорила.

Годар. Вы слишком умны, мадемуазель, и, конечно, понимаете, сколь естественно желание человека порядочного, имеющего сорок тысяч дохода, не считая сбережений, узнать причины, по которым его предложение принимается, меж тем как сутки тому назад оно было отвергнуто... ибо вчера, как раз в это самое время... *(вынимает часы)* в половине шестого вы...

Генерал. Как? Вы, оказывается, вовсе и не влюблены, хотя уверяли... Вы затеваете ссору с прелестной девушкой в то самое время, как она...

Годар. Я не стал бы ссориться, если бы речь шла не о браке. Брак, генерал, в равной мере и сделка и следствие известных чувств.

Генерал. Простите меня, Годар. Я, как вам известно, несколько резок.

Полина *(Годару)*. Сударь... *(В сторону.)* О, какие муки!.. *(Вслух.)* Сударь, почему бедная девушка...

Годар. Бедная? Да что вы, мадемуазель, у вас четыреста тысяч приданого...

Полина. Почему слабая девушка...

Годар. Слабая?

Полина. Словом, почему девушка не должна присмотреться к человеку, который хочет стать ее повелителем и господином? Если вы меня любите, неужели вы накажете самого себя... накажете меня... за то, что я решилась произвести маленькое испытание?

Годар. В таком случае...

Генерал. О женщины, женщины!

Годар. Вы могли бы с тем же правом воскликнуть: «О девушки, девушки!»

Генерал. Совершенно верно. А моя дочь положительно умнее своего родителя!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Те же, Гертруда и Наполеон

Гертруда. Так как же, господин Годар?

Годар. Ах, сударыня! Ах, генерал! Я на вершине блаженства, моя мечта осуществилась. Мне, мне войти в такую семью, как ваша! Ах, графиня! Ах, генерал! Ах, мадемуазель! *(В сторону.)* Попытаемся проникнуть в эту тайну! Она не слишком-то влюблена в меня.

Наполеон *(входит)*. Папа, я получил в школе награду. Здравствуй, мама. А где Полина? Да ты больна! Бедненькая сестрица! А я теперь знаю, откуда берется правосудие.

Гертруда. Кто это тебе сказал? О, какой у него вид!

Наполеон. Учитель сказал! Он сказал, что правосудие от бога.

Годар. Сразу видно, что учитель твой не нормандец.

Полина *(шепотом Маргарите)*. О Маргарита, милая, пусть они уйдут!

Маргарита. Господа, барышне надо бы отдохнуть.

Генерал. Ну так мы пойдем, Полина. Ты выйдешь к обеду?

Полина. Если смогу. Батюшка, поцелуй меня.

Генерал *(целует ее)*. Прелесть моя! *(Наполеону.)* Пойдем, малыш.

Все уходят, за исключением Полины, Маргариты и Наполеона.

Наполеон *(Полине)*. А меня ты не поцелуешь? Что с тобою?

Полина. Ох, умираю!..

Наполеон. Зачем люди умирают? Полина, а как это умирают?

Полина. Как умирают? Вот так... *(Падает; ее поддерживает Маргарита.)*

Маргарита. Господи! Помогите!

Наполеон. Полина! Ой, я боюсь... *(Убегает.)* Мама! Мама!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Комната Полины.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Полина, Фердинанд и Вернон.

Полина лежит в постели. Фердинанд держит ее за руку; поза его выражает глубокое, всепоглощающее горе. Светает, на столе догорает лампа.

Вернон *(сидит у столика)*. На полях сражений, в лазаретах я видел сотни умирающих. Почему же смерть девушки под родительским кровом трогает меня больше, чем страдания тех героев? Быть может, потому, что на поле битвы смерть так и подстерегает нас? Ее даже ждешь, а здесь дело касается не одной жизни, здесь видишь целую семью в горе и гибель многих надежд... Вот дитя, девушка, которую я так любил, убита, отравлена... и кем же? Маргарита правильно разгадала тайную борьбу двух соперниц. Мне пришлось заявить властям о случившемся. Однако, бог мне свидетель, я все сделал, чтобы вырвать эту жизнь из когтей смерти...

Фердинанд поднимает голову и прислушивается к словам доктора.

Я даже принес яду, который мог бы служить противоядием первому; но тут нужна помощь светил науки. На такой риск трудно решиться одному.

Фердинанд *(встает и подходит к доктору)*. Доктор, когда явятся судейские, объясните им все. Они разрешат вам прибегнуть к этому средству — и бог услышит мою мольбу... Он сотворит чудо, он вернет ее мне...

Вернон. Пока яд еще не успел произвести столь глубоких разрушений, я решился бы и сам. Но теперь я окажусь просто отравителем. *(Кладет на стол пузыречек.)* Нет, это бесполезно, и старания мои были бы просто преступлением.

Фердинанд *(прикладывает к губам Полины зеркальце)*. Но еще не все потеряно, она дышит.

Вернон. Восхода солнца она уже не увидит.

Полина. Фердинанд!

Фердинанд. Она зовет меня.

Вернон. О, в двадцать два года организм стойко борется с разрушением. К тому же она сохранит ясность

сознания до последнего вздоха. Она еще может встать, говорить, невзирая на то, что страдания, вызванные ядом, неимоверны.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и генерал, сначала за дверью.

Генерал. Вернон.

Вернон *(Фердинанду)*. Генерал.

Фердинанд в бессилии опускается в кресло, стоящее в глубине слева и скрытое пологом кровати. Вернон поворачивается в сторону двери.

Что вам?

Генерал. Взглянуть на Полину.

Вернон. Послушайтесь меня, подождите! Ей гораздо хуже.

Генерал *(с силою открывает дверь)*. В таком случае я войду.

Вернон. Нет, генерал, послушайтесь меня.

Генерал. Нет, нет. Недвижима, похолодела... Ах, Вернон!

Вернон. Послушайте, генерал... *(В сторону.)* Надо удалить его отсюда... *(Вслух.)* У меня осталось очень мало надежды на то, что удастся ее спасти.

Генерал. Как так? Значит, ты обманывал меня?

Вернон. Друг мой, на ложе смерти надо смотреть мужественно, как некогда мы прямо смотрели на жерла заряженных пушек. Я ни за что не ручаюсь, а потому вам нужно пойти... *(В сторону.)* Ага! *(Вслух.)* Вам следует пойти за священником.

Генерал. Вернон, я хочу ее видеть, поцеловать.

Вернон. Только осторожнее.

Генерал *(поцеловав Полину)*. Она как лед.

Вернон. Это симптом болезни. Бегите за священником. Вы воспитали дочь в христианских правилах, и, если мне не удастся помочь ей, нехорошо будет оставить ее без напутствия церкви.

Генерал. Да, верно. Иду, иду. *(Подходит к постели.)*

Вернон *(указывает ему на дверь)*. Вот туда.

Генерал. Друг мой, я совсем потерял голову, я ничего уже не соображаю... Вернон, соверши чудо! Ты ведь стольких спас, неужели ты не спасешь этого ребенка?

Вернон. Пойдем, пойдем. *(В сторону.)* Провожу его, а то он может встретиться с полицией, тогда будет еще того хуже. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Полина и Фердинанд.

Полина. Фердинанд!

Фердинанд. О боже! А вдруг это последний ее вздох? Полина, ты — моя жизнь! Если Вернон не спасет тебя, я последую за тобою, и мы снова будем вместе.

Полина. Тогда я умру без сожаления.

Фердинанд. То, что могло спасти тебя, если бы доктор пришел раньше, освободит меня от жизни.

Полина. Нет, будь счастлив.

Фердинанд. Без тебя нет счастья!

Полина. Ты возвращаешь меня к жизни.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Вернон.

Фердинанд. Она говорит, она открыла глаза.

Вернон. Бедняжка! Она засыпает! Каково-то будет пробуждение?

Фердинанд садится на прежнее место и берет руку Полины.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Рамель, следователь, протоколист, врач, жандарм и Маргарита.

Маргарита. Господин Вернон, пришли судейские... Господин Фердинанд, уходите!

Фердинанд уходит через левую дверь.

Рамель *(жандарму)*. Наблюдайте за всеми выходами из дома и ждите наших распоряжений... Доктор, можем мы пробыть здесь некоторое время, не причиняя вреда больной?

Вернон. Она спит, сударь. Спит последним сном.

Маргарита. Вот чашка с остатками отвара, в ней мышьяк; я сразу заметила, когда хотела убрать чашку.

Врач (*осматривает и пробует содержимое чашки*). Несомненно, что сюда добавлено какое-то ядовитое вещество.

Следователь. Возьмите жидкость для анализа. (*Видит, что Маргарита поднимает с полу какую-то бумажку.*) Что это за бумажка?

Маргарита. Да так, ничего.

Рамель. В подобных случаях для следствия все важно. Господа, мы исследуем эту бумажку позднее. Нельзя ли удалить из дома господина де Граншана?

Вернон. Он пошел за священником, но скоро вернется.

Следователь (*врачу*). Осмотрите ее.

Врачи совещаются у постели больной.

Рамель (*следователю*). Когда генерал вернется, мы решим, как поступить в отношении его.

Маргарита плачет, стоя на коленях у постели. Врачи, следователь и Рамель сходятся на авансцене.

(*Врачу.*) Итак, доктор, по вашему мнению, болезнь мадемуазель де Граншан, которую мы видели третьего дня совершенно здоровою, даже веселой, является следствием преступления?

Врач. Симптомы отравления налицо.

Рамель. А остатков яда, содержащихся в чашке, достаточно для официального доказательства?

Врач. Вполне достаточно, господин прокурор.

Следователь (*Вернону*). Эта женщина утверждает, что вчера в четыре часа вы прописали мадемуазель де Граншан отвар из померанцевых листьев, чтобы успокоить ее нервное возбуждение после объяснений, которые она имела со своею мачехой. Женщина эта добавляет, что госпожа де Граншан, уславшая вас под незначительным предлогом за несколько лье, настояла на том, чтобы собственноручно приготовить и подать своей падчерице отвар. Это правда?

Вернон. Да, сударь.

Маргарита. А когда я хотела было настоять на своем и самой ухаживать за барышней, бедный наш барин меня разбранил.

Рамель (*Вернону*). Куда послала вас госпожа де Граншан?

Вернон. В этом загадочном деле, господа, все складывается самым роковым образом. Графине, по-видимому, действительно надо было меня удалить, ибо рабочий, к которому я отправился по ее требованию за три лье отсюда, оказался в кабаке. Я отчитал Шампаня за то, что он обманул госпожу де Граншан, однако Шампань ответил, что рабочий этот действительно не явился на работу, но что ему, Шампаню, ничего не было известно о его мнимой болезни.

Феликс. Господа, пришел священник.

Рамель. Мы можем перенести вещественные доказательства в гостиную и сами перейдем туда для составления протокола.

Вернон. Пожалуйста, господа, сюда.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гостиная.

Рамель, следователь, протоколист и Вернон.

Рамель. Итак, установлено нижеследующее. По словам Феликса и Маргариты, госпожа де Граншан вчера дала своей падчерице некоторую дозу опиума; а вы, господин Вернон, заметив это, взяли чашку мадемуазель и заперли ее?

Вернон. Все это верно, господа, но...

Рамель. Так как же вы, господин Вернон, будучи свидетелем подобного злоумышления, не остановили госпожу де Граншан на роковом пути?

Вернон. Поверьте, сударь, все, чего требовала осторожность, все, что подсказывал мне мой многолетний опыт, было испробовано.

Следователь. Ваше поведение, сударь, довольно странно, и вам придется дать объяснения. Правда, вчера вы, сохранив вещественное доказательство, тем самым выполнили свой долг. Но почему вы остановились на полпути?

Рамель. Позвольте, господин Кордье; доктор — искренний и честный человек. *(Отводит Вернона в сторону.)* Вы, вероятно, догадались о причинах, вызвавших это преступление?

Вернон. Причина одна: соперничество двух женщин, которые доведены до последней крайности беспощадной страстью... и поэтому я вынужден молчать.

Рамель. Мне все известно.

Вернон. Как, сударь?

Рамель. И подобно вам, доктор, я сделал все возможное, дабы предотвратить катастрофу: ведь Фердинанд должен был уехать отсюда этой ночью. Я некогда встречал мадемуазель Гертруду де Мейляк у моего товарища.

Вернон. О сударь, будьте милосердны, сжальтесь над старым ветераном, который стал жертвой своих иллюзий. Он лишится дочери и жены... не лишайте же его и чести.

Рамель. Я понимаю вас. Если графиня сама не даст показания, которые сделают все слишком ясным для следствия, я постараюсь убедить следователя... Правда, он очень проницателен, неподкупен, у него многолетний опыт... Так вот, я постараюсь внушить ему, что рукою госпожи де Граншан руководила лишь алчность. Помогите мне в этом.

Подходит следователь; Рамель делает знак Вернону и говорит суровым тоном.

Из каких побуждений могла госпожа де Граншан усыпить свою падчерицу? Вы как друг дома не можете этого не знать.

Вернон. Полина собиралась доверить мне свои секреты; госпожа де Граншан поняла, что я узнаю вещи, которые ей, мачехе, выгодно сохранять в тайне; поэтому-то она, несомненно, и услала меня лечить здорового рабочего, а вовсе не потому, что хотела оставить без врачебной помощи Полину; ведь отсюда до города не так уж далеко...

Следователь. Редкая предусмотрительность! *(Рамелю.)* Если мы найдем в секретере улики преступления, она не сможет оправдаться. Она не ждет нас и будет сражена, как громом!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Гертруда и Маргарита.

Гертруда. Церковное пение? Что случилось, почему здесь опять прокурор, следователь? Что тут такое?

(Подходит к двери в комнату Полины, затем в ужасе отступает перед Маргаритой.) Ах!

Маргарита. Тут молятся у постели вашей жертвы.

Гертруда. Полина! Полина! Умерла!

Следователь. И отравили ее вы, сударыня.

Гертруда. Я? Я? Я? Да что это, уж не во сне ли я? *(Рамелю.)* Ах, какое счастье, что вы тут, вы ведь все знаете. Неужели вы считаете меня способной на преступление? Как? Меня подозревают? Но как же я могла покуситься на ее жизнь, я, жена достойнейшего человека, мать... мать, которая не желает краснеть перед своим сыном. О, правосудие будет за меня! Маргарита, никого не выпускайте. Господа! Но что же произошло со вчерашнего вечера? Когда я рассталась с Полиной, она чувствовала лишь легкое недомогание.

Следователь. Сударыня, возьмите себя в руки! Вы стоите перед лицом правосудия вашей страны!

Гертруда. О, я вся холодею...

Следователь. Французское правосудие — лучшее правосудие в мире: оно никогда не расставляет ловушек, оно идет прямым путем, говорит, действует с открытым лицом, ибо оно черпает силу в самом своем призвании, каковое заключается в раскрытии истины. В настоящее время вы еще только привлекаетесь по делу и должны видеть во мне своего покровителя. Но говорите правду — какова бы она ни была. Остальное нас не касается...

Гертруда. Ах, сударь, отведите меня к Полине, и там я повторю то, о чем говорю здесь: я неповинна в ее смерти!

Следователь. Сударыня!

Гертруда. Ах, не надо длинных фраз, которыми вы опутываете людей. Я страдаю неимоверно. Я оплакиваю Полину, как родную дочь, и... прощаю ей все! Чего же вы хотите? Говорите, я отвечу на все ваши вопросы.

Рамель. Что вы ей прощаете?

Гертруда. Я...

Рамель *(шепотом)*. Осторожнее!

Гертруда. Да, вы правы. На каждом шагу — бездна!

Следователь *(протоколисту)*. Имена и фамилии вы занесете после, а пока запишите этот допрос для со-

ставления протокола. *(Гертруде.)* Правда ли, что вчера, около полудня, вы подлили в чай мадемуазель де Граншан опиума?

Гертруда. О доктор... вы!

Рамель. Не вините доктора, вы и так уже поставили его в достаточно неловкое положение. Отвечайте следователю!

Гертруда. Хорошо... Да, это правда!

Следователь *(показывает чашку)*. В эту чашку?

Гертруда. Да, сударь. Ну и что же?

Следователь. Госпожа де Граншан признает чашку и подтверждает, что влила в чай опиум. Для первой стадии следствия этого вполне достаточно.

Гертруда. Значит, вы обвиняете меня? В чем же?

Следователь. Сударыня, если вы не оправдаетесь в этом своем поступке, вам будет предъявлено обвинение в отравлении. Мы постараемся найти доказательства, которые подтвердят либо ваше преступление, либо вашу невиновность.

Гертруда. Где вы их отыщете?

Следователь. У вас. Вчера вы дали мадемуазель де Граншан отвар померанцевых листьев; вот эта чашка; в ней содержится яд — мышьяк.

Гертруда. Да что вы? Возможно ли это?

Следователь. Третьего дня вы заявили, что ключ от секретера, в котором вы храните этот яд, всегда находится при вас.

Гертруда. Он и сейчас у меня в кармане. О, благодарю вас, сударь. Сейчас эта пытка кончится.

Следователь. Значит, вы еще не воспользовались ядом?

Гертруда. Нет, вы увидите, что пакетик по-прежнему запечатан.

Рамель. Сударыня, мне бы очень хотелось этого.

Следователь. Сомневаюсь! Перед нами одна из тех дерзких преступниц, которые...

Гертруда. Моя спальня еще не убрана, позвольте мне...

Следователь. О нет, нет! Мы войдем туда все трое вместе.

Рамель. Речь идет о вашем оправдании.

Гертруда. Пожалуйста, входите, господа.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Вернон один.

Вернон. Бедный генерал! Стоит на коленях у постели Полины. Плачет, молится! Увы, только бог может ему вернуть дочь.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Вернон, Гертруда, Рамель, следователь, протоколист.

Гертруда. Я ничего не понимаю... я как в бреду... я...

Рамель. Графиня, вы погибли.

Гертруда. Да, сударь. Но кто погубил меня?

Следователь *(протоколисту)*. Запишите, что когда госпожа де Граншан собственноручно отперла секретер, стоящий в ее спальне, и сама предъявила пакетик, который третьего дня был не тронут и запечатан печатью господина Бордильона, то оказалось, что пакетик распечатан и из него взята доза, более чем достаточная, чтобы причинить смерть.

Гертруда. Причинить смерть? Я?

Следователь. Сударыня, я не случайно подобрал в вашем секретере этот обрывок. У мадемуазель де Граншан мы взяли другой клочок бумажки, который, будучи приложен к вашему, полностью с ним совпадает. Это доказывает, что, подойдя к секретеру и находясь в смятении чувств, как и все преступники в минуту преступления, вы воспользовались этим клочком и завернули в него дозу яда, которую собирались подсыпать в отвар.

Гертруда. Вы говорили, что вы мой покровитель. Так как же...

Следователь. Погодите, сударыня. При наличии таких подозрений я обязан постановление о вашем приводе заменить постановлением об аресте. *(Подписывает ордер.)* Теперь, сударыня, вы считаетесь арестованной.

Гертруда. Как вам будет угодно. Но ведь ваше призвание, как говорили вы, заключается в раскрытии истины. Так давайте же отыщем ее. Будем ее искать.

Следователь. Разумеется, сударыня.

Гертруда *(плача, Рамелю)*. Ах, господин Рамель, господин Рамель!

Рамель. Имеете ли вы сделать какое-либо заявление в свою защиту, которое заставило бы нас отказаться от столь жестокой меры?

Гертруда. Господа, я невиновна в отравлении, но все улики против меня. Умоляю вас: не терзайте меня, а помогите мне. Вероятно, кто-нибудь взял ключ... кто-нибудь входил в мою спальню... Понимаю! *(Рамелю.)* Полина любила его не меньше, чем я: она отравилась сама.

Рамель. Ради спасения вашей чести не говорите таких вещей, если у вас нет убедительных доказательств; в противном случае...

Следователь. Сударыня, правда ли, что вчера, зная, что доктор Вернон должен остаться у вас к обеду, вы услали его...

Гертруда. О, каждый ваш вопрос — удар кинжалом мне в сердце. И вы наносите их снова и снова...

Следователь. Вы послали доктора лечить рабочего, живущего в Прэ-л'Эвек?

Гертруда. Да.

Следователь. Этот рабочий был совершенно здоров и безмятежно сидел в трактире.

Гертруда. Шампань сказал мне, что он болен.

Следователь. Мы допрашивали Шампаня; он опровергает ваши слова. О болезни он ничего вам не говорил. Вы просто хотели устранить человека, который мог оказать врачебную помощь.

Гертруда *(в сторону)*. О Полина! Ведь она сама подговорила меня отослать Вернона. О Полина! Ты увлекаешь меня за собою в могилу, и я сойду в нее преступницей! О нет, нет! *(Рамелю.)* Сударь, у меня один только выход. *(Вернону.)* Полина еще жива?

Вернон *(указывает на входящего генерала)*. Вот вам ответ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и генерал.

Генерал *(Вернону)*. Она умирает, мой друг. Я не переживу этой утраты.

Вернон. Друг мой!

Генерал. Кажется, здесь посторонние? Что они делают? Спасите ее! А где же Гертруда?

Его усаживают в глубине сцены, слева.

Гертруда (*бросается к ногам генерала*). Друг мой! Несчастный отец! Мне хотелось бы, чтобы меня пристрелили сию же минуту, без суда. (*Встает.*) Нет, Полина окутала меня своим саваном, я чувствую на горле ее ледяные пальцы! О, я совсем уже было смирилась. Да, да, я собиралась схоронить в глубине сердца тайну этой страшной семейной драмы, хоть ее и следовало бы знать всем женщинам. Но я изнемогаю от борьбы с мертвой; она душит меня в своих объятиях, приобщает меня смерти. Так пусть же невиновность моя восторжествует, и я признаюсь во всем в ущерб своей чести. По крайней мере меня не будут считать подлой, презренной отравительницей. Я расскажу все.

Генерал (*встает с места и подходит к Гертруде*). А, значит, вы скажете следователю то, что так упорно скрывали от меня последние два дня? О, подлая и неблагодарная тварь! Льстивая обманщица! Вы отняли у меня дочь, что же вы собираетесь еще отнять?

Гертруда. Молчать ли? Говорить ли?

Рамель. Генерал, умоляю вас, удалитесь. Так предписывает закон.

Генерал. Закон! Вы представители закона человеческого, а я — закона божеского. Я больше, чем все вы вместе взятые; я обвинитель, я судья, я сам вынесу приговор и сам приведу его в исполнение. Говорите же, сударыня!

Гертруда (*на коленях перед генералом*). Простите меня... Да, я...

Рамель (*в сторону*). Несчастная!

Гертруда (*в сторону*). О нет, нет. Пусть лучше он никогда не узнает истины, я спасу его честь! (*Вслух.*) В глазах всего света я преступна, но вам, вам я до последнего вздоха буду твердить, что я невиновна, и настанет день, когда две могилы откроют вам истину, истину жестокую, и докажут вам, что и вы не безупречны, что, быть может, и вы из-за своей слепой ненависти тоже виновны.

Генерал. Я? Я? О, я схожу с ума! Вы осмеливае-

тесь еще обвинять меня... (*Видит входящую Полину.*) Боже мой!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Полина, опирающаяся на руку Фердинанда.

Полина. Мне все сказали. Эта женщина невиновна в том, в чем ее обвиняют. Духовник убедил меня, что не может надеяться на прощение на небесах тот, кто не простит остающихся на земле. Я взяла у графини ключ от ее секретера, сама взяла в ее спальне мышьяк, сама оторвала клочок бумаги и завернула в него яд,— потому что я решила умереть.

Гертруда. Полина! Возьми мою жизнь, возьми все самое мне дорогое! О доктор, спасите ее!

Следователь. Мадемуазель, правда ли это?

Полина. Правда ли? Умирающие не лгут.

Следователь. Мы так ничего и не выясним в этом деле.

Полина (*Гертруде*). Знаете ли, почему я решила извлечь вас из пропасти, в которой вы находитесь? Потому, что Фердинанд поднял меня из гроба своими словами. Ему так мерзко остаться в мире вместе с вами, что он следует за мною в могилу, и там мы будем покоиться вместе: нас обручит смерть.

Гертруда. Фердинанд? Боже, так вот какой ценой я спасена!

Генерал. Но, несчастное дитя, почему ты решила умереть? Неужели я не хороший отец, неужели я не был тебе всегда хорошим отцом? Мне говорят, будто я виновен...

Фердинанд. Да, генерал. И один лишь я могу разрешить вам эту загадку и объяснить, в чем вы виноваты.

Генерал. Вы, Фердинанд, можете объяснить?.. Но я ведь предлагал вам руку моей дочери, вы же любите ее — и вдруг...

Фердинанд. Я граф Фердинанд де Маркандаль, сын генерала Маркандаля. Понимаете?

Генерал. А, сын изменника! Ты и не мог принести в мой дом ничего иного, как только смерть и предательство. Защищайся!

Ф е р д и н а н д. Вы поднимаете руку на мертвеца? *(Падает.)*

Г е р т р у д а *(с воплем бросается к Фердинанду)*. О! *(Отступает перед генералом, который подходит к дочери; затем она вынимает пузырек, но тут же отбрасывает его.)* О нет, ради этого несчастного старца я осуждаю себя на жизнь.

Генерал становится на колени перед трупом дочери.

Доктор, что с ним? Уж не помешался ли он?

Г е н е р а л *(лепечет, не находя слов)*. Я... Я... Я...

Д о к т о р. Генерал, что с вами?

Г е н е р а л. Я... хочу помолиться за свою дочь.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПЬЕСЫ

Сравнительно с грандиозной «Человеческой комедией» драматургия занимает небольшое место в творческом наследии Бальзака, и тем не менее театр всегда привлекал к себе его внимание.

Первые опыты Бальзака в области драматургии относятся ко времени, когда он, еще юношей, пробовал свои силы в самых различных областях литературы. Известен целый ряд драматургических замыслов Бальзака. От подавляющего большинства задуманных им пьес сохранились лишь названия, планы и в лучшем случае отдельные сцены.

Здесь и комедия «Два философа» (1819), и комическая опера «Корсар» (1819), и мелодрама без названия «на английский сюжет», и трагедии на античные темы «Сулла» и «Альцеста», и трагедия «Кромвель» (законченная в 1820 году, впервые опубликованная в 1925-м), и мелодрамы «Негр» (1822) и «Корсиканец» (около 1823) и др.

Любопытно, что одну из своих юношеских пьес Бальзак называет «Сцена частной жизни», то есть дает ей название, которое впоследствии будет носить один из разделов «Человеческой комедии».

В письмах 30—40-х годов Бальзак много говорит о задуманных им народных трагедиях «Король нищих» и «Ричард Губчатое Сердце».

Реалистические тенденции в драматургии сказались у Бальзака прежде всего в пьесе «Школа супружества», которую он летом 1838 года предложил только что основанному в Париже театру «Ренессанс». Замысел этой пьесы относится к началу 1837 года. 12 февраля Бальзак пишет Ганской: «Я неистово работаю над пьесой, ибо в этом мое спасение. Средства к существованию должны давать мне в равной мере и проза и театр». Новая пьеса Бальзака, названная им «мещанской трагедией», представляла собою попытку создать произведение, в котором интерес сосредоточивался бы на правдивом изображении современной действительности.

«Теперь в театре возможно только правдивое, то самое, что я попытался ввести в роман»,— пишет Бальзак в 1838 году одному из знакомых театральных деятелей. В пьесе Бальзака вместо экзотической обстановки и таинственных персонажей романтических драм, вместо обычных в мелодраме черных злодеев и их непорочных жертв, вместо античных героев классических трагедий перед зрителем — современные люди, ничем не выделяющиеся из окружающей среды. Интерес пьесы сосредоточен на изображении общественных нравов и на переживаниях действующих лиц. Любовь героев пьесы Жерара и Адриенны находится в резком противоречии с социальной действительностью и буржуазной моралью и поэтому терпит крушение.

К сожалению, эта первая попытка Бальзака создать реалистическую драму осталась практически незавершенной. Пьеса была принята театром «Ренессанс», но с условием, что автор доработает ее. Бальзак этого условия не выполнил: он был настолько обременен другими работами, что не мог уделить пьесе достаточно времени и внимания.

Тем не менее эта «мещанская трагедия» остается первой попыткой создать во Франции пьесу в духе критического реализма.

Текст пьесы был опубликован лишь в 1907 году. Свет рампы «Школа супружества» увидела впервые в 1910 году в театре «Одеон» в постановке Антуана, который внес в пьесу значительные изменения. А. В. Луначарский поместил в журнале «Театр и искусство» (1911 год, № 47) подробную рецензию об этом спектакле.

Русский перевод «Школы супружества» впервые напечатан в XIX томе собрания сочинений Бальзака (Гослитиздат. М. 1946).

ВОТРЕН

Драма «Вотрен» написана в 1830 году. Бальзак очень надеялся на успех этой драмы, ибо по-прежнему полагал, что театр поможет ему выйти из крайне тяжелого материального положения. «Спасение мое — в театре. Одна удавшаяся пьеса приносит около ста тысяч франков. Две таких удачи освободят меня от всех долгов, а для двух удач нужен ум да усидчивость — и только»,— писал он Ганской в письме-дневнике от 17 сентября — 16 октября 1838 года.

«Вотрен» — единственная пьеса Бальзака, где выведен персонаж из «Человеческой комедии».

Как и в «Отце Горио», в пьесе Вотрен выступает в качестве доброжелателя и покровителя не искушенного в жизни юноши. Но если в романе он толкает Растиньяка на путь лицемерия, жестокости и цинизма, то в пьесе он всячески старается оградить своего питомца от грязи буржуазного общества и воспитать его благородным, честным и великодушным.

Пьеса посвящена разоблачению ложной, лицемерной аристократической морали. Автор наделяет Вотрена чертами, которые роднят его с героями романтических драм. Вотрен не лишен таинственности, он располагает большой властью, ибо у него в подчинении преступный мир, но эту власть он применяет для доброго дела: он всею душой предан своему воспитаннику — отвергнутому сыну гер-

цога де Монсореля—и делает все возможное, чтобы он был счастлив. Ради него Вотрен жертвует и собственным благополучием.

Делая уступку вкусам современного театрального зрителя, Бальзак внес в свою пьесу черты, приближающие его к модной в те годы романтической драме (контрастное противопоставление аристократической среды и воровской шайки, члены которой введены в дом герцога под видом слуг, таинственность, присущая Вотрену и отчасти Раулю; мелодраматическая встреча матери с сыном, утраченным двадцать лет тому назад).

Драма была поставлена в Париже весной 1840 года. Заглавную роль играл друг Бальзака, один из крупнейших актеров того времени, Фредерик Леметр. Пьеса была сочувственно встречена публикой, но на другой же день после премьеры дальнейшие представления ее были запрещены министром внутренних дел. Ходили слухи, будто запрещение вызвано тем, что Фредерик Леметр, играя роль беглого каторжника, вздумал сделать себе такую же прическу, какую носил король Луи-Филипп. Надо полагать, однако, что у правительства были более серьезные основания для запрещения пьесы: слишком уж смело и вызывающе звучало в ней изобличение лживой аристократической морали. Противопоставляя жестокому, эгоистическому герцогу Монсорелю человека из социальных низов, бывшего каторжника, Бальзак подрывал уважение к высшим слоям общества.

В России «Вотрен» никогда на сцене не ставился.

Стр. 3. *...после вторичного возвращения Бурбонов.*— Людовик XVIII вернулся в Париж после разгрома наполеоновской армии при Ватерлоо в июне 1815 года.

Стр. 7. *...когда отправлялась в Гент.*— Во время «Ста дней» Людовик XVIII и его приближенные жили в бельгийском городе Генте.

Стр. 12. *Десятого августа.*— В 1792 году в этот день Людовик XVI был низложен и заключен в тюрьму.

Стр. 20. *Жозеф Буонапарте* (1768—1844) — старший брат Наполеона, возведенный им на испанский престол в 1808 году и правивший до 1813 года, когда на престоле был восстановлен Фердинанд VII. Противники Наполеона умышленно произносили его фамилию на итальянский лад — Буонапарте, чтобы подчеркнуть, что он не француз, а итальянец.

Стр. 21. *...иностранцы здесь хозяева* — намек на то, что Людовик XVIII был возведен на престол Франции при поддержке иностранных армий.

Стр. 23. *Мексика... провозгласила свою независимость.*— Мексика, бывшая испанская колония, отделилась от Испании и провозгласила свою независимость в 1821 году.

Стр. 38. *Сентябрьские события.*— Имеются в виду репрессии против контрреволюционных дворян и духовенства, имевшие место в Париже в сентябре 1792 года.

Мортань — город в северо-западной части Франции.

Стр. 41. *«Общество десяти тысяч»* — воровская шайка, совершавшая преступления, приносившие выгоды не менее десяти тысяч (см. роман «Блеск и нищета куртизанок»).

Стр. 43. *Граф де Сент-Элен* — Пьер Куаньяр, известный под именем графа де Сент-Элен (1799—1831), авантюрист. Беглый каторжник, он пробрался в высшие круги общества, бывал при дворе Людовика XVIII. Куаньяр не порывал своих преступных связей и нередко играл роль наводчика. Разоблаченный одним из своих сообщников, Куаньяр был приговорен к пожизненной каторге.

Стр. 48. *Венский конгресс* — конгресс участников антинаполеоновской коалиции европейских держав, собравшийся после разгрома империи Наполеона I (происходил с сентября 1814 года по июнь 1815 года).

Стр. 53. *Флориан* Жан-Пьер (1755—1794) — французский баснописец, романист и драматург. *Кларисса* — добродетельная девушка, обольщенная Ловеласом; героиня сентиментально-нравоучительного романа английского писателя Ричардсона (1689—1761) «Кларисса, или История молодой леди».

Стр. 59. *Августин I.*— Полковник Августин Итурбиде в 1822 г. провозгласил себя мексиканским императором, но затем был свергнут республиканцами.

Стр. 60. *...удержать страну в повиновении Фердинанду VII* — то есть испанскому королю, при котором Мексика отделилась от Испании (см. прим. к стр. 20 и 23).

НАДЕЖДЫ КИНОЛЫ

В комедии «Надежды Кинолы», написанной в 1841 году, Бальзак возвращается к вопросу о взаимоотношениях человека, отмеченного гениальностью, и окружающей его среды. Тема эта всегда занимала Бальзака, как и многих его современников (например, Стендаля, а особенно романтиков — Гюго, Виньи, Мюссе и др.).

Героем своей новой пьесы Бальзак делает изобретателя Фонтанареса, построившего в XVI веке первый пароход.

Толчком для создания этой пьесы послужила появившаяся в 1837 году статья Араго о некоем испанском мореплавателе, который в XVI веке построил судно, двигавшееся при помощи пара. Рассказ этот подсказал Бальзаку мысль разработать волнующую его тему взаимоотношений гения и общества на историческом материале. К главной теме «Надежд Кинолы» Бальзак присоединил сложную романтическую интригу, которая могла придать ей большой интерес в глазах публики, воспитанной на романтических драмах Дюма, Виньи, Гюго и др.

Пьеса была встречена критикой крайне враждебно. Буржуазия не могла примириться с тем, что Бальзак столь решительно выступил в защиту талантливых людей, не принадлежащих к привилегированному обществу, и противопоставил ему представителей общественных низов — беглого каторжника Кинолу и его хозяина, гениального энтузиаста и бунтаря Фонтанареса.

Из письма к Ганской от 5 февраля 1842 года видно, что Бальзак собирался дать этой пьесе перед самой постановкой ее на сцене другое название—«Школа великих людей». Однако пьеса была поставлена в Париже в театре «Одеон» под первоначальным назва-

нием. Премьера состоялась весной 1842 года, но уже после первых спектаклей сборы стали падать. Пьеса прошла только девятнадцать раз.

Стр. 91. *Фамильяр* — младший чиновник инквизиции.

Стр. 92. *Алькальд* — судья, старшина общины.

Стр. 97. *Сид* — испанский рыцарь, прославившийся в борьбе с маврами (умер в 1099 году).

Стр. 98. *Санго де ми* — «испанское» ругательство, придуманное Бальзаком.

Армада — мощный испанский флот, направленный в 1588 году Филиппом II против англичан и почти полностью погибший во время бури.

Стр. 117. *Майорат* — недвижимое имущество, передаваемое нераздельно вместе с титулом старшему в роде.

Стр. 122. *Тартана* — род парусной лодки, распространенный в Италии и Испании.

Стр. 126. *Кардинал Гранвелла*, Антуан (1517—1586) — один из ближайших помощников Филиппа II. *Герцог Альба* (1508—1582) — крупнейший полководец при Карле V и Филиппе II.

Фуггеры — немецкий купеческий род, наживший несметные богатства.

...стать для него тем, чем Америго стал для Христофора Колумба, — то есть воспользоваться плодами открытия Фонтанареса.

Стр. 128. *Святая Эрмандад* — название братства, основанного в Испании в XIII веке для борьбы с разбоем и грабежами.

...падишах... подносит шнурок...—то есть приказывает удавиться.

Стр. 139. *...сплету... венецианское кружево* — то есть сплету интригу.

Стр. 150. *...в духе Калло...*— Жак Калло — известный французский художник и гравер (1592—1635).

Стр. 153. *«R плюс О»* — непереводимый каламбур: по-французски «эр» (air) значит «воздух», «о» (eau) — «вода».

Стр. 160. *Олья-подрида* — испанское кушанье, приготовляемое из разных сортов мяса и овощей.

Стр. 171. *Алькала* — город в Кастилии, славившийся в старину своим университетом.

Стр. 182. *...ад вымощен благими изобретениями.*—Кинола перефразирует известную поговорку: «Ад вымощен благими намерениями».

ПАМЕЛА ЖИРО

Пьеса «Памела Жиро» была впервые поставлена в Париже 26 сентября 1843 года в отсутствие Бальзака, который в то время гостил у Ганской в России. Текст, написанный Бальзаком, и по сие время не опубликован, а то, что было показано на сцене в 1843 году и печатается во всех собраниях сочинений Бальзака, является переделкой бальзаковского произведения, выполненной с согласия автора драматургами Жемом и Байяром, которые частично перепланировали пьесу и значительно ее сократили.

В пьесе противопоставлены, с одной стороны, искренняя лю-

бовь, бескорыстие, готовность пожертвовать собою ради любимого человека и алчность, тщеславие, погоня за богатым приданым, с другой стороны. Корыстные соображения в большей или меньшей степени руководят поступками всех выведенных в пьесе представителей буржуазии — родственников Жюля Руссо.

Некоторые черты роднят эту пьесу с популярной в те годы мелодрамой. Однако она выгодно отличается от большинства пьес этого жанра. В «Памеле Жиро» даны четкие социальные характеристики действующих лиц; отрицательные персонажи не просто «злые люди», а представители определенного социального слоя, их пороки — это пороки, присущие их классу. Гнетущая власть денег, показанная Бальзаком в «Человеческой комедии», является и здесь основою всей интриги.

Среди действующих лиц выделяется адвокат Дюпре, образ которого родствен тем честным, благородным, умным адвокатам, которых Бальзак изображает в «Человеческой комедии» (Дервиль, Дерош). Являясь заступником и спасителем невинно преследуемой девушки, Дюпре представляет собою персонаж, характерный для мелодрамы, однако и здесь сказывается преимущество «Памелы Жиро» перед типичными пьесами этого жанра: Дюпре не просто спаситель, появляющийся в критический момент в силу случайно сложившихся обстоятельств, а сознательный, умудренный долгим житейским опытом противник эгоистически-меркантильного общества своего времени.

В «Памеле Жиро» Бальзак сделал новую попытку создать чисто реалистическую пьесу, посвященную изображению современного общества, и в этом отношении она является звеном между «Школой супружества» и позднейшими реалистическими пьесами — «Дельцом» и «Мачехой».

Стр. 189. *Гретна Грин* — шотландская деревушка, расположенная на границе с Англией, прославилась тем, что там в продолжение целого столетия (с середины XVIII века) совершались тайные браки, без согласия родителей. По шотландским законам, такого согласия не требовалось.

Стр. 194. *...восстановить того...* — то есть сына Наполеона I.

Побег Лавалетта. — Граф Лавалетт (1769—1830), бонапартист, в период Реставрации был приговорен к смертной казни. Накануне казни (20 декабря 1815 года) жена пришла к нему в тюрьму и обменялась с ним платьем; переодетому Лавалетту удалось бежать.

Стр. 216. *«Остров любви»* — место народных гуляний в пригороде Парижа.

Стр. 218. *Вода с сахаром* употреблялась как успокоительное средство и была, по выражению Н. И. Греча, «универсальным французским лекарством в первой инстанции».

ДЕЛЕЦ

«Делец» был задуман еще в 1838 году. Тогда же в парижских газетах появились сведения о предстоящем чтении этой комедии в театре «Французской комедии». Однако закончена пьеса была лишь в 1844 году.

В письме к Ганской от 10 мая 1840 года Бальзак писал: «В Меркаде» (первоначальное название комедии «Делец».— *Ред.*) изображается битва человека с кредиторами и уловки, к которым он прибегает, чтобы ускользнуть от них. Это чистая комедия, и я надеюсь, что на сей раз добьюсь успеха и удовлетворю требованиям знатоков».

С большой сатирической остротой изображает автор окружение Меркаде: темных дельцов, биржевых зайцев, ростовщиков, аферистов — словом, всю накипь буржуазного общества.

«Делец» был впервые опубликован в газете «Ле Пэи» в августе — сентябре 1851 года, то есть через год после смерти писателя. В августе того же года пьеса была впервые поставлена на сцене театра «Жимназ», но в сильно переделанном виде: она была сведена к трем действиям, название ее было изменено на «Меркаде». Вариант этот, автором которого является Адольф Денери, был издан отдельной брошюрой в 1851 году; бальзаковский текст вышел в свет отдельной брошюрой в том же году под названием «Делец».

Стр. 244. *...англичане* — старинное народное прозвище жестоких кредиторов.

Стр. 245. *Робер Макэр* — герой пьесы Антье, Сент-Амана и Полианта «Адретская гостиница»; тип пройдохи, хвастуна, вора и убийцы.

Стр. 250. *«Хижина»* — зал для публичных балов в Париже и сад при нем.

Стр. 257. *...сменяют, как хартии...*— намек на частые смены политических режимов во Франции той эпохи.

Стр. 258. *Самюэль Бернар* — французский коммерсант, наживший большое состояние (1651—1739).

Стр. 262. *Буфф* — бытовое название театра Итальянской оперы в Париже.

Стр. 267. *...доведут... до улицы Клиши...*— то есть до долговой тюрьмы, находящейся на этой улице.

...как жил некогда Жан-Жак...— намек на философа Жан-Жака Руссо (1712—1778), женившегося на служанке Терезе Левассер.

Стр. 271. *Босская долина* — плодородная местность во Франции, к югу от Парижа.

Стр. 274. *Фронтэн и Сганарель* — персонажи старинной французской комедии: первый из них олицетворяет тип ловкого, дерзкого, остроумного лакея; второй в большинстве случаев является носителем мещанского здравого смысла.

Стр. 275. *...желать сделаться Лютером сердец...*— то есть притязать на роль преобразователя человеческого сердца.

Стр. 303. *Озерная школа* — течение в английской поэзии начала XIX века, возглавлявшееся реакционными романтиками Вордсвортом, Кольриджем и Соути.

Стр. 304. *Коммандитное товарищество* — торговая компания, в которой часть пайщиков только пользуется прибылью на вложенный капитал без права участия в ведении дела.

...арпан — старинная французская мера площади (около ½ га).

Стр. 313. *Солнце зашло.*— После захода солнца полиция не имела права входить в частный дом для ареста должника.

Стр. 320. *In vino varietas.*— Вместо известной латинской поговорки «In vino veritas» — «Истина в вине» — де ла Брив говорит: «In vino varietas» — «В вине разнообразие».

Стр. 322. *...наследник, шкатулка Гарпагона...*— намек на классические французские комедии: «Наследник» — комедия Реньяра; сцена со шкатулкой Гарпагона — в комедии Мольера «Скупой».

Стр. 323. *Государственные лотереи,* ставшие в XVIII веке обычным явлением, разоряли низшие слои населения.

Стр. 342. *...сравняются с Монскими...*— то есть с акциями Монских каменноугольных копей в Бельгии.

МАЧЕХА

Последняя пьеса Бальзака «Мачеха» была написана им весной 1848 года, по возвращении из России. Премьера состоялась в Париже, в «Историческом театре», 25 мая 1848 года, и, несмотря на то, что внимание парижан было приковано к происходившим в то время революционным событиям, пьеса выдержала 36 представлений. Сам Бальзак был доволен своим произведением. «Пьеса представляет собою нечто гораздо лучшее, чем я ожидал»,— писал он Ганской в мае 1848 года. Действительно, в этой драме Бальзаку удалось то, к чему он стремился еще в «Школе супружества»: он создал реалистическую пьесу, изображающую современную буржуазную семью, и раскрыл личную трагедию, за которой встает трагедия социальная [1].

Героиня драмы Гертруда — женщина, которая ради денег пошла на компромисс с совестью и пожертвовала своей любовью ради материального благополучия. Трагедия Гертруды не единичный случай, не только результат ее собственной ошибки,— это трагедия, типичная для женщины, живущей в буржуазном обществе.

О своем постоянном интересе к драматургии Бальзак говорит во многих письмах. В частности, в письме к Ганской от 12 марта 1848 года мы читаем: «Согласитесь, я был ясновидцем. Лучше было написать «Мачеху», а Вы заставляли меня писать романы... Вы отклоняли меня от работы над пьесами, а я хотел писать только пьесы».

Бальзак стремился создать реалистический театр, подобно тому как он создал реалистический роман. Его немногочисленные завершенные пьесы свидетельствуют о том, как упорно он стремился к намеченной цели.

Стр. 347. *Лувье* — город в Нормандии.

Стр. 352. *Луарская армия.*— После разгрома Наполеона при Ватерлоо в 1815 году остатки его армии были отведены за реку Луару и там расформированы.

Стр. 353. *Герцог Рейхштадтский* (1811—1832) — сын Наполеона I.

---

[1] Бальзак первоначально хотел дать пьесе название «Гертруда, мещанская трагедия»; любопытно, что тот же подзаголовок имеется и у «Школы супружества».

Стр. 359. *Египетский поход* Наполеона относится к 1798—1799 годам.

Стр. 362. *Вторичное путешествие* Бурбонов — то есть вторичное их бегство во время «Ста дней» (1815).

Мэтр Жак — действующее лицо комедии Мольера «Скупой». Жак является одновременно и поваром и кучером.

Стр. 364. *...почтительно вынудите его признать ваш брак.*— Имеется в виду французский закон, по которому совершеннолетним лицам дается право «почтительно потребовать» у своих родителей согласия на брак, то есть фактически не считаться с их запретом.

Стр. 365. *Институт Сен-Дени.*— Институт основан Наполеоном I. Первоначально в этот институт принимались девочки из семей наполеоновской знати и высшего офицерства.

Стр. 399. *«Новая Элоиза»* — роман Ж.-Ж. Руссо (1761).

Стр. 425. *...учитель твой не нормандец* — другими словами: «учитель твой не хитер»; среди французов нормандцы слывут хитрецами.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЬЕСЫ

Вотрен. *Перевод Е. Гунста* 3
Надежды Кинолы. *Перевод М. Лозинского* 91
Памела Жиро. *Перевод Е. Гунста* 183
Делец. *Перевод Е. Гунста* 243
Мачеха. *Перевод Е. Гунста* 347
Примечания 439

БАЛЬЗАК

Собрание сочинений
в 24 томах. Том XXII.

Редактор
И. А. Лилеева.

Оформление художника
А. А. Васина.

Технический редактор
А. Ефимова.

Подп. к печ. 1/XI 1960 г. Тираж 349 000 экз. Изд. № 2017. Зак. 2349.
Форм. бум. 84×108¹/₃₂. Бум. л. 7. Печ. л. 22,96. Уч.-изд. л. 23,62.
Цена 9 руб. С 1/I 1961 г. цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, улица «Правды», 24.